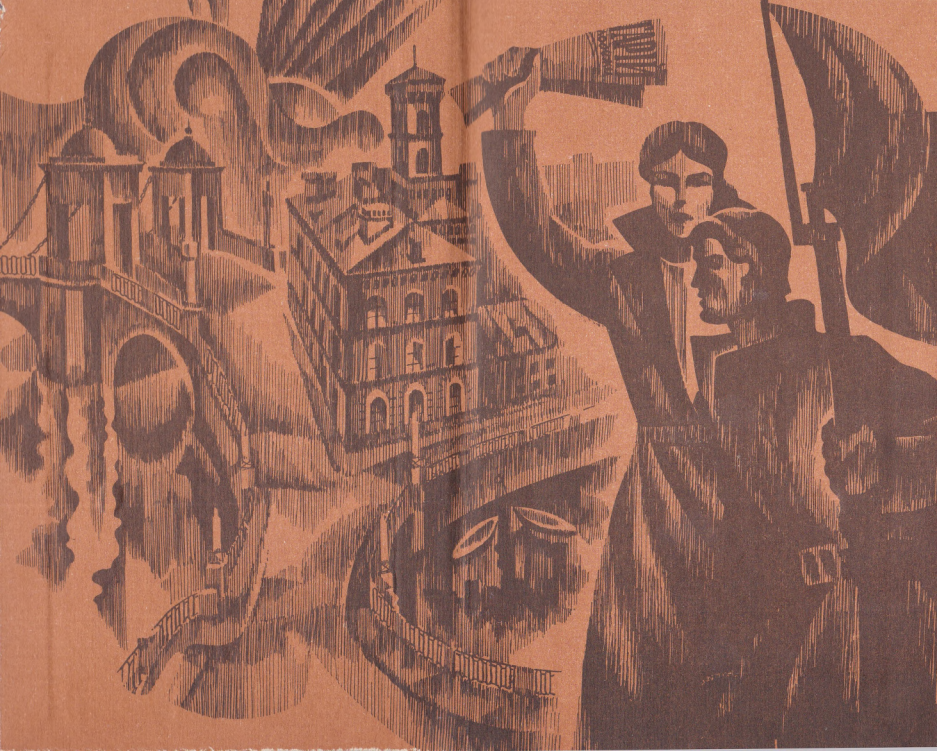

ПАВЕЛ
УСАНОВ

**ЗДРАВСТВУЙ,
ТОВАРИЩ
РАЙКОМ!**

ПАВЕЛ
УСАНОВ

**ЗДРАВСТВУЙ,
ТОВАРИЩ
РАЙКОМ!**

ЛЕНИЗДАГ · 1984

Рецензенты —

доктор исторических наук

В. А. ЗУБКОВ

и кандидат исторических наук

Д. И. ПОЛЯКОВА

Усанов П. И.

У74 Здравствуй, товарищ райком! — Л.: Лениздат, 1984. — 312 с., ил.

В 1978 году в Лениздат вышла книга воспоминаний ветерана партии и комсомола П. И. Усанова «Райком всегда открыт», получившая широкий отклик в читательских кругах и высокую оценку специалистов-историков. Учитывая многочисленные пожелания, автор продолжил работу над своими мемуарами, значительно расширив их тематику и хронологические рамки.

В новой книге П. И. Усанова воссоздаются славные и увлекательные страницы комсомольской истории, рассказывается об участии питерской молодежи в революции и гражданской войне, о борьбе за социалистические идеалы в годы нэпа.

У 1102020000—145
М171(03)—84 76—84

66.75(2)271

© Лениздат, 1984

Все дальше уходят в давность первые годы истории нашего государства. И с течением времени все большую ценность для молодых поколений советских людей приобретают свидетельства и воспоминания участников революционной борьбы. В этих воспоминаниях — крупницы нашей славной истории, в них бьется живой пульс трудных и прекрасных дел великой революционной эпохи.

В 1978 году вышла первая книга воспоминаний П. И. Усанова «Райком всегда открыт!», вызвавшая широкий отклик читателей и получившая высокую оценку специалистов-историков. Павел Иванович продолжил работу. И вот перед нами его новая книга. Она — не о самом авторе, хотя, как и любые мемуары, автобиографична. Это — заволнованный и волнующий публицистический рассказ о целом поколении юных борцов, чье политическое возмужание было ускорено февралем 1917 года и чье социальное творчество приобрело поистине революционный размах с победой Великого Октября.

Вскоре после свержения царского самодержавия, задолго до первого комсомольского съезда, в крупнейших городах России возникли первые социалистические организации рабочей молодежи. В их рядах особое место занимал Социалистический союз рабочей молодежи Петрограда. Этот союз образовался в августе 1917 года, спустя пятнадцать дней после принятия историческим VI съездом большевистской партии революции «О союзах молодежи», и был в то время самой крупной юношеской пролетарской организацией в стране.

Но не только в этом его значение. ССРМ Петрограда, работавший под непосредственным руководством видных деятелей большевистской партии, стал одним из инициаторов создания всероссийской юношеской коммунистической организации — комсомола.

В образовании ССРМ Петрограда, а ватем и комсомола видную роль сыграла Надежда Константиновна Крупская. Опираясь на молодых большевиков, она настойчиво и принципиально проводила в жизнь ленинскую линию отношения к юношескому революционному движению.

«Внимательно относился к революционному движению молодежи вообще,— писала позже Надежда Константиновна,— Владимир Ильич совершенно особое значение придавал революционному движению рабочей молодежи, у которой молодая горячность сливается с классовым инстинктом, которая, примыкая к борьбе рабочего класса, борется за свое собственное дело, растет и крепнет в этой борьбе».

Шли месяцы и годы, рос и креп молодежный союз, а вместе с ним в огне гражданской войны, в бурном кипении борьбы и работы росли и мужали комсомольцы революционного призыва. Павел Иванович Усанов — один из них.

Я знаю Павла Ивановича уже немало лет, но не перестаю удивляться его воистину юношеской энергии и неиссякаемому оптимизму. Наверное, именно о таких людях говорят: «Он всегда в строю».

В мае 1917 года четырнадцатилетний рабочий парнишка Павел Усанов на большом митинге увидел и впервые услышал Владимира Ильича Ленина, и эта встреча, этот день определили всю его жизнь. Он стал членом ССРМ Коломенского района Петрограда.

Счастливая и завидная выпала ему судьба. С первых же шагов на пути революционной борьбы он оказался в одном строю с молодыми большевиками, с такими известными вожаками молодежи, как Елизавета Пылаева, Вася Алексеев, Оскар Рыжик.

Павел был делегатом первой конференции ССРМ Петрограда в августе 1917 года, участвовал в Октябрьском вооруженном восстании, присутствовал на Первом Всероссийском комсомольском съезде, был делегатом Второго, Третьего, Восьмого съездов комсомола и шестой Всесоюзной конференции ВЛКСМ, выступал с трибуны Седьмого съезда.

Усанов возглавлял крупные районные комсомольские организации Петрограда, по мобилизации вместе с товарищами несколько раз уходил на фронты гражданской войны, много лет служил в Балтийском флоте и опять работал на партийной работе на Урале и в аппарате Центрального Комитета партии...

За плечами у Павла Ивановича Усанова большая и интересная жизнь. В этой книге он рассказывает лишь о коротком ее периоде — об одном десятилетии. Но какие это были годы! Незабываемые годы революционных свершений!

Чем дальше они уходят от нас, тем яснее видятся величие подвига первопроходцев Октября. И мы всегда помним, что в железных батальонах революционеров плечом к плечу с большевиками шли юные борцы. Они были верными помощниками, боевым резервом ленинской партии.

В шестнадцать лет вступил Павел Иванович Усанов в Коммунистическую партию и с тех пор на каждом своем посту был верным ее бойцом.

За заслуги в борьбе за установление Советской власти и активную общественную деятельность П. И. Усанов, в связи с восьмидесятилетием со дня рождения, награжден орденом Октябрьской Революции.

За плечами у Павла Ивановича шесть десятилетий трудовой биографии, но и теперь о нем не скажешь: ушел на заслуженный отдых. Член совета ветеранов партии при Ленинградском обкоме КПСС, председатель совета содействия ветеранов партии Ленинградскому филиалу Центрального музея В. И. Ленина, Усанов — человек очень занятой. Почти каждый день можно увидеть его в заводском цехе или клубе, в студенческой аудитории или в школьном классе, на комсомольском собрании или митинге...

Павел Иванович ведет большую работу по коммунистическому воспитанию трудящихся, и прежде всего молодежи. Эту же благородную цель — воспитание молодежи в духе коммунистической идейности, преданности делу партии коммунистов — ставил перед собой П. И. Усанов, работая над этой новой книгой о первых годах славной истории Ленинского комсомола.

В. П. Виноградов,
Герой Социалистического Труда,
член КПСС с 1915 года,
председатель совета ветеранов партии
при Ленинградском обкоме КПСС

ЮНОСТЬ В СТАРОЙ КОЛОМНЕ

НА ПРЯЖКЕ-РЕКЕ

Устье Фонтанки, Калинкин мост. Часто я приезжаю сюда. Выйдя из трамвая на площади Репина, направляюсь к проходной Адмиралтейского объединения или к дверям Кораблестроительного института. Там ждут меня встречи с комсомольцами — молодыми рабочими, инженерами, студентами. Но каждый приезд в Октябрьский район, на край города, продуваемый ветрами Балтики, для меня это еще и встреча с юностью.

...Старая питерская Коломна.

Мало кто помнит сегодня это название. Так уж получилось, что не оставило оно яркого следа в учебниках истории и, шестьдесят лет назад исчезнув с карты Петрограда, постепенно ушло из памяти горожан. Разумеется, многим известен пушкинский «Домик в Коломне». И всё. А жаль. Потому что у этого маленького островка ленинградской земли, ограниченного водами Фонтанки, Крюкова канала и Невы, по-настоящему большая и славная рабочая история.

Для меня же Коломна особенно дорога. Здесь в 1903 году я родился. Здесь в мае 1917 года впервые слушал Ленина. Здесь вступил в Социалистический союз рабочей молодежи. Отсюда в колонне резервного отряда Петербургского комитета ССРМ 25 октября уходил на штурм военной гостиницы «Астория».

Коломна, или, как она звалась официально, Коломенская часть, — самый старый промышленный, фабрично-заводской район Петербурга. Еще в петровские времена на низком невом берегу, у впадения реки в залив, была заложена Галерная верфь. Потом строились здесь многопущечные парусные корабли.

Более двухсот лет назад стал работать в Коломне механический и литейный завод обербергмейстера Чарльза Берда — самый первый частный механический завод столицы Российской империи.

Чего только не делали бердовские рабочие — и первые в России пароходы, поначалу еще с кирпичными трубами, и ангела с крестом для Александрийского столпа, и металлические конструкции, медную кровлю и весь гранди-

овный купол Исаакиевского собора, и сложный разводной механизм первого в Петербурге постоянного моста через Неву, и памятник Богдану Хмельницкому, что стоит в Киеве, и все металлические лафеты для древних кремлевских пушек.

Это, как говорится, заказы единичные, особые. А постоянно лили и ковали здесь якоря и корабельные цепи, ограды и решетки; делали котлы и турбины, машины и механизмы для строившихся рядом, на Адмиралтейской верфи, кораблей российского военного флота.

Пять поколений последников шотландца Чарлза Берда владели заводом и наживали огромные барыши. Недалом тогда в ходу была поговорка: «Дела идут, как у Берда на заводе, только труба пониже да дым поживе». Ну а бердовским рабочим было не до шуток — тяжелый труд, тяжелая жизнь.

Не стало им легче, когда Берды за огромные деньги в конце прошлого века продали свое предприятие акционерному обществу Франко-Русских заводов. Перед революцией тут трудилось уже более семи тысяч рабочих.

Раньше бердовского поднялся в старой Коломне судостроительный завод «Новое Адмиралтейство», где в числе других кораблей был построен и прославленный крейсер «Аврора». Пять тысяч рабочих каждый день стекались на Галерный островок. Там действовал казенный Адмиралтейский судостроительный завод. С его стапелей сошли и первые линейные корабли, и первые линейные крейсера русского флота...

Кондитерская фабрика Жоржа Бормана, кабельный завод Малкнеля, проволочно-гвоздильный Эллисона, спирто-водочный Бекмана, десятки типографий и картографий — не перечесть всех предприятий Коломны. Золотая река доходов — для хозяев. Гнет, потогонка и нищета — для рабочих.

Условия труда даже на казенных, то есть государственных, заводах были просто каторжные. А ведь тут кроме взрослых работало много подростков. Вот что писалось об этом в одной из нелегально распространявшихся листовок петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»:

«На казенных адмиралтейских заводах

Посмотрите на мальчиков: дети от 14—16, а работают теперь за взрослых. Вместо прежних 8-ми часов держат их теперь по 10, а на железоделательном заводе и по 12,

без отдыха и перерыва... Лишь бы поменьше заплатить да побольше выжать.

Выжимают из человека все его здоровье, а окажется при осмотре слабым — проваливай. На твое-де место найдется много голодных. И малышам — из-за нас же, товарищи, — приходится таким образом выбывать из строя.

В цинковочной, в этом подвале без света и воздуха, от купороса рабочие через 3—4 года получают чахотку, а этой отравой дышат 200 человек.

В трубопрокатной от фосфора проваливаются зубы. Да, можно сказать, живем мы на казенных адмиралтейских заводах как у Христа за пазухой.»

Такая жизнь, такая судьба ожидала и всех нас, мальчишек из рабочих семей старой Коломны.

Отец мой работал плотником на стапелях Адмиралтейского завода, и считалось, что ему повезло, — на казенных заводах морского ведомства платили немного больше, чем на прочих. Но мы едва сводили концы с концами. Семья была большая: старенькая бабушка, мама, три дочери, пятеро сыновей — мал мала меньше. Я среди сыновей был старшим.

Жили мы в тесной квартирке на набережной Пряжки, у Банного моста. Одиннадцать кроватей негде было поставить — спали по двое на одной... Почти все дома на Пряжке на одно лицо — серые дешевые дома для рабочих семей. В квартирах побогаче — инженеры и служащие из управлений соседних заводов. Никто не рискнул бы Коломенскую часть назвать фешенебельным районом. Однако далеко не во всем походила она, скажем, на Нарвскую или Невскую рабочую заставу. Коломна была куда старше этих районов, издавна плотно вошла в центральную часть города, слилась с ней.

От нас уходила в Спасскую часть Садовая — главная торговая улица Петрограда. Не меньше десятка огромных рынков размещалось вдоль нее.

Между Екатерининским каналом (теперешний капал Грибоедова) и Мойкой протянулась до Невского «благопристойная», преимущественно чиновничье-мещанская Казанская часть. Тут же квартировали актеры и прочие люди «свободной профессии».

Полосой между Мойкой и Невой раскинулся аристократический район дворцов, особняков и казенных ведомств — Адмиралтейская часть.

Я не случайно упомянул всех соседей, упиравшихся в нашу границу — Крюков канал. Всегда были тесно связа-

зы эти «части», а вскоре после Октябрьской революции слились они в один район — Второй городской. И вот тогда наша боевая пролетарская Коломна, потеряв свое название, стала ядром нового района.

Пряжка — наша речка-работяга. Сегодня, глядя на ее тихую, в зеленых берегах воду, трудно представить себе Пряжку, какой была она семьдесят с лишним лет назад. Вдоль берегов плотно стояли баржи и прочие суда. Между ними, посередине реки, теснясь, посвистывая, пробирались черные, закоптелые буксиры с вереницами тяжело груженных барж. Они везли камень и известь, песок и кирпич, уголь и дрова, железо и машины, бумагу и муку, лес круглый и лес пиленный. На пыльных набережных суетились крючники, громыхали платформы ломовиков, мешая одна другой. Ржали лошади. Извозчики ругались на чем свет стоит, пробираясь к причалам. Мелькали тюки, кули, ящики, бочки, бунты проволоки...

В узких просветах между баржами приткнулись к берегу черные, смоленые, и выкрашенные в разные цвета лодки. Держали эти суденышки не только для прогулочных и рыбацких целей. На лодках мы, мальчишки, летом шныряли по каналам, по Неве, Фонтанке и Мойке, вылавливая из воды доски, бревна, ящики, всякую деревянную рухлядь. Что полегче — затачиваешь, бывало, через борт, что потяжелее — берешь на буксир и волочишь к себе на Пряжку. Так изо дня в день, пока не заготовишь дров на всю зиму. И уж в семье смотрят на тебя как на работника, добытчика.

А работникам-то десять — двенадцать лет. Детство есть детство! Хочется игр, забав. И эти забавы у нас конечно же были. Мы до самозабвения играли в казаки-разбойники, в пятнашки, в рюхи, в лапту, носились друг за другом как угорелые по дворам и по улицам, по набережным и спускам каналов и рек. Намаевшись в беготне, чинно отправлялись в поход по церквям. Да, по церквям, а было их у нас в Коломне предостаточно — и православные, и лютеранские, и католические. В католическую мы приходили послушать органную музыку, в прочие же заглядывали ради «туманных картин», которые там показывали. Техника нехитрая — «волшебный фонарь», нечто похожее на современные диапроекторы. Картины религиозные, на библейские темы, а все равно любопытно, да к тому же и бесплатно.

Когда же заводилась в карманах мелочишка, бежали мы в кинематограф смотреть комедии Глузышкина и Макса Линдера. Кинематографов тогда, особенно в по-

следние годы перед революцией, было в несколько раз больше теперешнего. Но в большинстве это были крохотные зальчики на двадцать — тридцать человек. Зато названия они носили громкие: «Роял-Стар» («Королевская звезда») на Канонерской улице, «Нью-Стар» («Новая звезда») на Садовой улице — все в этом роде.

Летом же, в хорошую погоду, мы на наших лодках целой флотилией выгребали в Финский залив, направлялись к Белой, Золотой или Синефлажной мели — к местам постоянных встреч, рыбалок, игр.

Солнце печет, вода на мелководе прогревается хорошо, песок чистый — благодать и раздолье. Кроме наших, коломенских, здесь в летние дни собирались и гавапские ребята. К нашей ватаге присоединялись пареньки из-за Нарвской заставы. Со многими из будущих своих друзей познакомился я именно на невских мелях.

Бывало, наловим рыбешки, разведем костерок из сухих водорослей и щепок, заварим ушицу... И тут кто-нибудь из моих приятелей, желая похвастаться знакомством со «знаменитостью», толкает в бок нарвского парнишку — повичка наших островных забав — и говорит:

— Слышь ты, а Павлуха-то наш, Усанов, царицу видел. Вот как я тебя! И дочек царских, и царевича-наследника.

— Да ну?! А не брешь?

— Ей-ей не вру. Вот те крест!

— Павлуха, неужто и вправду видел царицу-то? Не на картинке, а вот так?..

— Угу. Видал... — Я знал, чего от меня ждут, но говорить не торопился. Да и не хотелось...

В ШКОЛЕ, В «РАЙКЕ» И ДОМА

— Усанов Павел... Остановитесь! — услышал я строгий голос классной наставницы, когда пачал собирать свою сумку с учебниками и тетрадями. — Пройдите к кабинету заведующей школы. Она вас вызовет.

— Слушаю вас, Ольга Александровна, — ответил я с дрожью в голосе. Предпраздничное настроение сразу смыло как холодным дождем. За что, думаю, выпало такое наказание? Ведь к заведующей вызывают только тогда, когда исключают из школы провинившегося...

Мои товарищи вместо того, чтобы, как обычно, особенно в субботу, с шумом вылететь из класса и наперегонки бежать в раздевалку, остановились, услышав слова учи-

тельницы, и с любопытством смотрели на меня — первого ученика в классе... «Что же такое он натворил? Жалко царня!»

Впервые, опустив голову, вышел я из класса, внутренне содрогаясь от ожидавших меня неприятностей... В школьном коридоре, напротив кабинета заведующей,сел на подоконник, чего бы никогда не решился сделать, если бы не был в таком состоянии. Сижу, думаю, что же скажу дома. А тут подходит к кабинету заведующей еще один ученик — из параллельного класса. Потолкался он, потолкался у дверей, подошел ко мне и спрашивает, чего это я, мол, тут сижу. Я ответил и узнал, что ему тоже велели ждать вызова заведующей.

Ну, вдвоем уже легче...

Заведующая, Мария Петровна, очень видная пожилая дама, с которой мне за три года учебы в начальном училище еще ни разу не приходилось разговаривать, скоро вышла. Она строго посмотрела на нас обоих и сказала то, чего мы оба не ожидали услышать и потому не сразу поняли:

— Завтра, в воскресенье, приходите в школу к десяти часам утра. Я буду вас ждать. Приходите чисто одетыми, непременно в белых рубашках, с чистыми ушами и руками, с носовыми платками. И в чистой обуви!

Сказала и отпустила нас. Мы не осмеливались ее расспрашивать. Так и пошли, теряясь в догадках — для чего все это? Раньше никогда учеников в воскресенье в школу не вызывали! Однако настроение поправилось. Наказывать нас вроде бы не собирались.

Дома ничего толком я объяснить не мог. Мать и старшие сестры с недоумением допрашивали меня, зачем это я понадобился в воскресенье в школе, да еще нарядный, как жених.

— Жених, жених... Павлуха — жених! — подхватили мои младшие братишки, и все четверо запрыгали, заплясали вокруг меня.

Отец пришел с работы веселый (по субботам всегда выдавали получку на заводе), но, узнав об этой новости, сразу помрачнел:

— Наверное, натворил ты, Пашка, чего-нибудь?

— Да к чему же тогда белая рубашка? — нашла, как защитить меня, мать.

— Оно верно, выпороть можно и в синей, — невесело пошутил отец.

Я боязливо поеживался, но тут разговор сам собой ушел от опасной темы, потому что мать вдруг вспомни-

ла — ни у меня, ни у моих братишек нет, да и никогда не было, белых ворхних рубашек. Носили мы, мальчишки, всегда немаркие синие или коричневые косоворотки...

Не мешкая, сразу была послана старшая сестра Лизавета купить белого материала на рубашку. Весь вечер мать и сестра Ольга кроили, шили и примеряли мне эту облову. Сам я до блеска надраил свои потрепанные ботинки. Вычистил штаны. Я носил короткие штаны, как и мои младшие братья, хотя мне было уже десять лет.

Я долго не мог заснуть, все думал о неведомом завтрашнем дне и ворочался. Брат Иван толкал меня в бок. Мы спали с ним на одной короткой, узкой кровати.

В воскресенье утром с помощью сестер вымыли мне голову в корыте, долго и больно ковыряли в ушах и в носу, отмывали никогда не сходявшие цыпки на руках...

И вот, намытый, начищенный, наряженный и накормленный, ухажу я в школу.

— Ну прямо настоящий жених! — пробубнила мне вдогонку бабушка. И я опять слышу дружный смех братишек и сестер, собравшихся на кухне проводить меня.

Придя в школу, мы с моим товарищем «по несчастью» первым делом предъявили Марии Петровне чистейшие посовые платки. Она осмотрела наши белые рубашки, заглянула в уши, проверила чистоту рук...

— Ну теперь пойдете. — А куда — опять не сказала.

По улице Глинка мы скоро вышли к Театральной площади.

Памятник М. И. Глинке стоял тогда спиной к Никольскому собору и лицом к Мариинскому театру и консерватории, между трамвайными путями. Трамваи объезжали его с обеих сторон. Я и думал, что мы идем на трамвайную остановку, но Мария Петровна пошла дальше — к театру. И вот... мы входим в подъезд Императорского Мариинского театра, поднимаемся высоко-высоко по лестнице, раздеваемся в тесном гардеробчике и проходим в галерею четвертого яруса...

И вот я впервые, да еще с такой высоты, вижу великолепный, раззолоченный, горящий тысячами огней зрительный зал Мариинского театра! Никогда не думал сюда попасть!

Правда, наши боковые места на галерке — просто узкие скамейки, обитые мягким плюшем и разделенные невысокими перегородочками. Но на каждом месте положена театральная афишка. Поглядев в нее, я наконец узнал, что мы будем присутствовать на утреннем спектакле для учащихся, который «благосклонно устраивает Государы-

ня Императрица в ознаменование 300-летия благополучного царствования Дома Романовых».

Мария Петровна выбрала место между нами и, поглядывая на наши вытянувшиеся от изумления лица, стала объяснять:

— Смотрите, внизу, в партере, сидят благородные девицы Смольного института, воспитанники Пажеского корпуса, Александровского лицея, Императорского училища правоведения... Видите, вон те — в блестящей форме...

Мы, свесившись через барьер, смотрели во все глаза. А Мария Петровна продолжала:

— В ложах первого яруса и бенуара — благородные девицы из институтов, принадлежащих ведомству императрицы Марии... Выше, в бельэтаже, в военной форме — питомцы кадетских корпусов и юнкера военных училищ. Еще выше, в третьем ярусе, гимназисты казенных классических гимназий и реальных училищ. Они тоже в своей форме... Ну и на самом верху лучшие места в середине четвертого яруса занимают учащиеся коммерческих училищ. Вон те — в мундирах с погончиками и с вензелями.

Мария Петровна, проведя этот поучительный обзор зала, минуты две молчала, как бы прислушиваясь к разрозненным звукам скрипок и труб, доносившимся из оркестровой ямы. Потом каким-то изменившимся голосом она, к нашему великому удивлению, сказала:

— Вас тоже не обошли! Хоть и на боковые места галерки, а все же посадили. Да и как вас посадить на хорошее место? Весь вид испортите. Формы-то на вас никакой нет. Отсюда, с райка, сцена, конечно, видна плоховато, зато хорошо видна царская ложа. Вот и смотрите на нее! — резко, не то с обидой на нас, не то на кого-то другого, закончила Мария Петровна.

И чего она обиделась? Впрочем, думать об этом нам было некогда. Как раз в это время в пышной царской ложе под двухглавым державным орлом, которую с наших мест действительно было очень хорошо видно, появились к стали рассаживаться в золоченные кресла императрица, пять ее дочерей и чуть впереди них, ближе к барьеру, наследник престола цесаревич Алексей...

Сидящие в партере, а за ними и все остальные встали с мест и, повернувшись к царской ложе, аплодисментами приветствовали императорскую фамилию. Больше всех усердствовали кадеты и юнкера. Расположившись в ложах бельэтажа, окружавших царскую, они как бы охраняли «августейшее семейство».

Свет в зале стал гаснуть. За дирижерским пультом появился главный капельмейстер Мариинского театра композитор Эдуард Францевич Направник (я, конечно, не знал его, но так было написано в афишке).

Оркестр заиграл увертюру.

Занавес пошел вверх. И спектакль начался. Это был балет на сюжет сказки Ершова «Конек-Горбунок».

Эту сказку я очень любил, много раз читал ее, запомнил и наизусть пересказывал своим младшим братьям и сестрам, да и отцу с матерью, и бабушке тоже, — они были неграмотные. Отец только и умел, что написать, вернее — нарисовать, свою фамилию.

Бабушка, бывало, даже всплакнет, когда я с выражением начинал читать:

...Жил мужик в своем селе,
У старинушки — три сына:
Старший — умный был детина,
Средний был — и так и сяк,
Младший — вовсе был дурак...

И вот теперь, как зачарованный глядя на сцену, я повторял про себя любимую сказку. Однако балет я видел впервые (да и вообще впервые был в театре) и многого бы не понял, если бы не пояснения Марии Петровны. Мы очень быстро к ней привыкли и шепотом задавали ей всякие вопросы, она так же тихонько отвечала.

В антракте мы вместе с Марией Петровной разбирали афишку. Мы-то ведь видели только фамилии балерин и танцовщиков, а о них самих ничего не знали. Вот Мария Петровна и пояснила нам, что в спектакле заняты знаменитые артисты и артистки — Анна Павлова, Матильда Кшесинская, Павел Гердт, Петр Бакланов, а также не очень еще знаменитые, но тоже хорошие — Сергей Пономарев-первый и Василий Стукалин.

Таким образом просвещенные, мы досматривали балет с особым удовольствием, предвкушая, как будем рассказывать обо всем, что с нами произошло, своим домашним.

После окончания спектакля Мария Петровна вывела нас из театра и спросила:

— Сами дорогу домой найдете?

— Найдем! Спасибо вам, Мария Петровна, большое спасибо.

Она улыбнулась, пожала плечами. А мы вприпрыжку помчались к себе домой.

Дома меня ожидали с нетерпением и тревогой. Не дождавшись к обеденному часу, за стол сели с опозданием...

Когда я ворвался в квартиру, все высыпали меня встречать. Наперебой стали расспрашивать. А я молчу, не отвечаю, будто занят раздеванием. Раздевшись, первым делом поставил на кухонный стол чудо-сундучок с золоченой надписью на крышке. Надпись прикрыл театральной афишкой.

Братишки и сестренки бросились к этой невиданной игрушке, но трогать не решаются — ждут, когда я сам.

А я важно похаживаю и помалкиваю.

Тут отец и говорит:

— Павлуха, чегой-то ты таким гусакom ходишь? Давай-ка говори толком: где это ты был? Что за диковину такую принес?

Мне уже и самому невтерпех, очень хочется похвастать. Беру я в руку маленькую, ослепительно белую, блестящую коробочку, сделанную в виде сундучка с закругленной, наглухо заклеенной крышкой, и торжественно читаю золоченую надпись: «Государыня Императрица и ее Августейшие дети жалуют учащегося в ознаменование 300-летия благополучного царствования Дома Романовых».

— А что там внутри-то? — кричат братишки и пытаются вырвать сундучок, который я держу в высоко поднятой руке.

— Да скажи нам наконец, где ты был! — требует отец.

— И кто же это тебе дал? — Мать берет у меня «сундучок» и взвешивает его на ладони. — Поболе чем полфунта будет!

На все вопросы я гордо отвечаю:

— Был я в Императорском Мариинском театре... Показывали нам балет «Конек-Горбунок»... Танцевали настоящие императорские артисты... А танцы! А музыка! А декорации! А это (про сундучок) роздали во время антракта всем учащимся — зрителям. Чего внутри там — не сказали, а открыть его не испортивши никак нельзя.

И пошел рассказывать-расписывать про красоту и великолепие зрительного зала и сцены театра, про золотые либри капелльдинеров, про ковры, устилающие ступени мраморных лестниц, про яму, где сидит и играет оркестр, а капелмейстер во фраке машет палочкой, про царскую ложку, в которой я отлично разглядел императрицу и ее

детей, и про все, про все... Не забыл рассказать и о том, как в антракте нас угощали — каждому дали по бутылке лимонада и сладкой булочке из буфета четвертого яруса. А что давали внизу благородным девицам, пажам и лицейцам, правоведам и гимназистам, кадетам, юнкерам и коммерсантам — этого я не знаю.

...На меня смотрели, как на сумасшедшего или вралю. Думаю, расскажи я, что побывал на Луне и видел там господ бога, впечатление не могло бы быть большим.

Первой спохватилась мать:

— Да что же это мы... Все расспрашиваем Павла... А он ведь не еврей!

Меня бросились кормить — и за пропущенный обед, и за ужин. Пока я уплетал за обе щеки, сестренки сбегали к недалеко живущим родственникам. Родственники нагрянули вместе с детьми. И все пошло-поехало сначала.

Я рассказывал и рассказывал до позднего вечера. Все ахали и охали. А дядя мой все приговаривал:

— Ох и мастер врать ты, Павлуха! Да нешто такое может быть! Иван, ты-то чего уши распустил? Брешет ведь, стервец! Чумазый соплик и тож туда — в Императорский театр...

Но доказательства — налицо! И сундучок, и театральная афишка.

Уже около полуночи, счастливый, важный и гордый, я отправился спать. Брат Иван прижался к самой стенке, боясь стеснить такую знаменитость. Засыпал я в ту ночь, как в раю.

А на следующий день рано утром я снова пошел в школу и как будто с небес спустился, из «райка», с моего вчерашнего «парадиза», на будничную питерскую землю...

До начала уроков своим ребятам в классе я ничего не рассказывал. В первую же перемену нашел моего напарника по вчерашнему торжеству и, отведя его в сторону, спросил:

— Никому в школе еще не говорил?

— Нет. Учительница велела — только после уроков.

— А сундучок открывал? Что там?

— Не знаю. Мы тоже не открывали...

Мальчишка нынешнего времени, который чуть ли не на другой день после получения очередной забавной игрушки, не говоря уже о какой-то коробке, расковыривает ее и заглядывает вовнутрь — любопытно же посмотреть, что там, как все устроено, — этот мальчишка наверняка не поймет моего долготерпения. Особенно если узна-

ет, что свой блестящий сундучок я не открывал три с половиной года.

Но ведь никаких других покупных или дареных игрушек ни у меня, ни у моих братьев сроду не было. К тому же получение сундучка было связано с самым ярким, праздничным событием моего детства — со спектаклем в Мариинском театре. Мне все казалось, что в сундучке тоже заключено какое-то чудо. И я, наверно, боялся разочароваться. Пока закрыт сундучок — надежда на чудо живет. Откроешь — а там...

А там, как выяснилось в конце 1916 года, были уже ссохшиеся конфеты. Впрочем, к тому времени только этого «чуда» я от сундучка и ждал, только с надеждой на него и отдирал крышку с золоченой надписью. Мы всей семьей несколько дней пили чай с конфетами-камушками, — ведь сахару на третий год войны в лавках уже не продавали, а черный рынок рабочей семье не по карману.

Думаю, теперь понятно, почему и я, и мой сотоварищ по «царским торжествам» оставили дареные сундучки нетронутыми.

Что же касается самих торжеств по случаю трехсотлетия дома Романовых, то посещением театра они для меня не закончились. В понедельник после уроков наша классная наставница Ольга Александровна рассказала нам о царской династии. Разумеется, ее рассказ был выдержан в духе официальных историографии и идеологии, утверждавших, что российское общество держится на трех столпах: на православии, самодержавии и народности.

Не только я, но и мои товарищи весьма и весьма туманно представляли себе суть этой формулы, особенно в третьей ее части. Поэтому, рассказывая после учительницы своим одноклассникам о праздничном воскресном событии, я, наверно, никак не способствовал укреплению лжетета к императорской фамилии. В моем мальчишеском сознании царица со своими детьми была просто частью виденного мной яркого зрелища, такой же, как, скажем, огромная сияющая люстра под потолком театрального зала.

Но вот что запомнилось: ребята, которые явно сочувствовали мне в субботу, когда меня неожиданно вызвали к заведующей, сегодня, слушая мой рассказ, смотрели как-то неприязненно, как будто я их в чем-то обманул или чем-то обидел. Эти настороженные, неприязненные взгляды одноклассников разом смыли с меня вчерашнюю посторженность. Я растерялся и даже забыл сказать о сундучке с золоченой надписью.

В школе нас воспитывали богобоязненными, верноподданными слугами престола, говорили, что милость божия неизбывна, что царь — отец народа, днём и ночью пекущийся о благе своих чад. Не осознавая того, мы инстинктивно чувствовали фальшь этих слов, так как в жизни не видели им подтверждения, да и произносились они как-то неискренне, заученно.

Мальчишки очень чутки к неправде и фальши, а она лезла буквально отовсюду. Скажем, такой вот пример. Через неделю, в следующее воскресенье, на Дворцовой площади состоялся парад учащихся. На большой балкон Зимнего дворца вышел император со всей своей семьёй. Их окружала блестящая свита.

Первыми и главными участниками парада были бойскауты. Их отряды состояли из учащихся привилегированных средних учебных заведений: классических гимназий, реальных училищ, коммерческих и других, где за высокую плату обучались дети знатных или состоятельных родителей. Бойскауты шли с барабанами, со знаменами. На них были стетсоновские широкополые шляпы, высокие ботинки, дорогая форма с яркими нашивками и знаками различия.

Чётко печатая шаг, маршировали тренированные бойскауты мимо дворца. День выдался солнечный, но весна ещё только наступала и было прохладно. Может быть, поэтому сразу после прохождения отрядов бойскаутов царь Николай и его семейство предпочли удалиться с балкона внутрь дворца. И когда пришла очередь маршировать нам, учащимся бесплатных городских начальных училищ, на балконе оставались лишь несколько человек в военной форме, видимо из свиты царя, а ни его самого, ни нашего «шефа», цесаревича Алексея, за зеркальными окнами дворца видно не было.

Почему называю я наследника престола нашим «шефом»? Потому что нас окрестили «лейб-гвардией цесаревича» и нарекли «потешным войском».

Потешные, как известно, были сотоварищами воинского учения юного Петра, его любимым детищем, потом они составили первые полки гвардии — Семёновский и Преображенский. Нам же отвели роль дворовых шутов на господском празднике.

Никакой формы на нас не было, никаких знамен нам не доверили, а только вручили маленькие деревянные ружья-болванки, которые мы несли по команде «на плечо». Прошли мы мимо Зимнего, даже не удостоившись «че-сти» лицезреть своего «августейшего шефа», сложили ру-

жья под Аркой Главного штаба, где получили их перед парадом, и отправились по домам.

На этом, как мне помнится, история «потешных» и закончилась. И опять в глазах своих товарищей я видел какую-то неосознанную обиду, как будто их опять в чем-то обманули, хотя парад для нас все же был развлечением. Думаю, что и родители наши к царским торжествам относились примерно так же.

Все вышеописанное происходило в марте 1913 года, а через полтора года началась страшная империалистическая война.

ПУАНКАРЕ-ВОЙНА!

Приближение войны чувствовали даже мы, подростки... На нашем Галерном островке, на Адмиралтейском заводе, день и ночь кипела работа. Срочно достраивались спущенные на воду дредноуты — новые в российском военно-морском флоте линейные корабли — «Гапгут» и «Полтава». Они были невиданных размеров, водоизмещением двадцать пять тысяч тонн, кругом одетые в мощную, толстую, чуть не в аршин, стальную броню. А напротив, на правом берегу Невы, на Балтийском заводе, также спешно достраивали еще два таких же дредноута — «Петропавловск» и «Севастополь»...

Огромный самоходный паром безостановочно сповал через Неву, перевозя материалы и грузы, даже целые составы железнодорожных товарных вагонов от причалов Петербургского морского порта то к Балтийскому заводу, то к нам, на Галерный островок...

Рядом с Галерным островком, на восточной стороне Сального буяна, на более крупном Матисовом острове, грохотал Франко-Русский завод, на котором впервые в России также спешно изготовлялись для дредноутов паровые турбины, мощностью каждая двадцать четыре тысячи киловатт. Одновременно здесь строились сотни паровых котлов Бельвиля, для тех же линкоров.

Завод этот, как я уже говорил, после Бердов принадлежал анонимному Франко-Русскому акционерному обществу и изготовлял мощные паровые турбины для русских линейных кораблей по заграничной лицензии Парсонса. Здесь, у Франко-Русского завода, мне и довелось увидеть прибывшую в Россию французскую делегацию во главе с президентом Раймондом Пуанкаре.

Пуанкаре приехал, вернее — приплыл, в Петербург в

сопровождении французских военных кораблей в конце весны 1914 года. Такой «вооруженный визит» вполне отвечал его целям — укрепить военный союз Франции и России.

Республиканская Франция и самодержавная Россия составляли главную силу Антанты, уже изготовившейся к схватке за передел мира со «средиными империями». И неважно, что гимном одного государства была революционная «Марсельеза», а другого — «Боже, царя храни»: перед общими империалистическими интересами эти «досадные» различия отступали на второй план. Франция в случае войны с Германией очень рассчитывала на огромную русскую армию, а Россия к этому времени основательно увязла в долгах своей республиканской союзнице. Французские займы и французский капитал в российской экономике — это та упряжка, в которой ходило царское правительство.

Однако ставленник французской буржуазии тревожился: как бы Николай II не переметнулся, как бы его родственные с «кузеном Вилли», с германским императором Вильгельмом II, связи не оказались прочнее золотой французской узды. Опасения Пуанкаре особенно усилились после встреч Николая и Вильгельма на их императорских яхтах в Выборгском заливе.

И вот Пуанкаре пустил в ход свои мощные козыри: новые крупные военные займы, поставки вооружений, наконец, лично прибыл в Петербург, вел переговоры, демонстративно посещал принадлежавшие французскому капиталу заводы, в том числе и Франко-Русский...

Визит этот был обставлен пышно, о нем много писали в газетах, да и в народе говорили немало. Писали о франко-русском союзе, понятно, в самых восторженных тонах, а вот говорили по-разному. Помню, один из отцовских приятелей, с сомнением покачивая головой, говорил:

— Французы, известно, народ веселый... Одно слово — шаромыжники! Только не пришлось бы нам из-за них влезть в войну с германцем. Тогда уж не до смеху будет... Германец, он народ серьезный и в драке больно злой.

Этот приятель отца спустя несколько месяцев погиб в Восточной Пруссии. Почти вся его рота в первом же бою полегла под шквальным огнем немецких пулеметов.

Конечно, не только дядю Петю, простого рабочего, еще до начала мировой бойни тревожили тяжелые предчувствия. Но надо сказать, что французских матросов, людей веселых и открытых, гостеприимные петербуржцы

принимали тепло, с российской удалью и размахом. Случайным свидетелем одной из таких встреч я и был.

Помнится, мы с ребятами возвращались домой после окончания занятий в школе. Подошли к Бердову мосту через Пряжку и здесь увидели огромную толпу народа, растянувшуюся далеко вдоль набережной. Множество городских во главе с самим приставом наводили в толпе порядок, оттесняли ее с проезжей части и от моста. Бердов мост и стоящее за ним здание заводу управления были украшены французскими и русскими трехцветными флагами. Еще не зная, в чем дело, мы постарались пролезть вперед и забрались на ступеньки подъездов и на подоконники первых этажей ближайших к мосту домов.

Через некоторое время вывернул с Галерной улицы и остановился на набережной Пряжки длинный кортеж открытых карет и ландо, запряженных великолепными лошадьми. В экипажах чинно восседали важные господа в цилиндрах, фуражках и треуголках, облаченные во фраки, в статские и военные мундиры, расшитые золотом.

Нам хорошо было видно, как все они вышли из карет и гуськом направились через Бердов мост к зданию управления Франко-Русского завода. Первым шествовал среднего роста господин в раззолоченном мундире с удлиненными, наподобие френчевых, фалдами, обшитыми блестящим галуном. Взойдя по ступенькам на мост, он повернулся лицом к толпе, снял высокую треуголку и поклонился. Стоявший рядом со мной студент сказал, что это и есть президент Французской республики Раймонд Пуанкаре.

Было тихо. Никаких приветствий из толпы не доносилось, только цокали копытами о булыжник нетерпеливые кони да хлопали на ветру трехцветные флаги. Не слышно было и грохота сотен клепальных молотков с Адмиралтейских верфей. Видно, там остановили работы...

Гости исчезли за дверями заводу управления, а по-прежнему безмолвная толпа начала уже расходиться. Но тут на набережную Пряжки вывалила многочисленная компания матросов: русских — в бескозырках и французов — в беретах с большими красными помпонами. Они шли обнявшись и распевали песни, сразу и на русском и на французском языках.

Матросы угощали друг друга спиртным прямо из бутылки, закуривали папиросы, пускались в пляс, вновь запевали, кричали, неведь что рассказывая друг другу непонятными словами, но больше жестами.

Городовые стояли недвижимо и не вмешивались даже

тогда, когда матросы слились с толпой народа и пошло шумное братание. Они только огораживали кортеж господских экипажей от натиска народного веселья и бурного излияния дружеских чувств. А вот дворники, видимо по приказу пристава, закрыли ворота и подъезды домов по набережной и Упраздненному переулку, никого из них не выпускали и даже неохотно впускали людей, здесь живущих.

Гуляние на набережной продолжалось часа два. Но вот со стороны Лопманской улицы, где находилось училище черных гардемарин, показалась колонна курсантов во главе с офицерами. Гардемарины вклинились в толпу, четко перестроились и плотной шеренгой отделили от народа и матросов подходы к Бердову мосту и вытянувшийся вдоль набережной кортеж экипажей.

Вскоре из здания заводоуправления вышли французские визитеры и сопровождающие их лица. В прежнем порядке они расселись по каретам и ландо. Теперь их приветствовали — гардемарины и матросы кричали: «Ура! Ура!»

Кортеж тронулся и повернул на Лопманскую. Вслед ему разом оглушительно загрохотали пневматические клепальные молотки на стапелях Галерного островка, где вместо спущенных на воду линейных кораблей были заложены новые, еще более крупные — водоизмещением тридцать шесть тысяч тонн — и лучше вооруженные — с шестнадцатидюймовой артиллерией — броненосные линейные крейсера «Наварин», «Измаил», «Бородино» и «Рымник»...

Грохот этого символического «салюта» провожал президента Франции, получившего вскоре кличку «Пуанкаре-война!». И в этом грохоте явственно слышались уже близкие канонады первой мировой...

...Большая и напряженная программа строительства военных кораблей, кроме всего прочего, означала еще и усиление эксплуатации рабочих. И нормы становились жестче, и рабочий день произвольно удлинялся, и на технику безопасности не стали вовсе обращать внимания, что вело к тяжелым увечьям рабочих и даже смертным случаям. И жить на скудные заработки, особенно с началом войны и ростом дороговизны, рабочим семьям было все трудней.

Я писал уже, что у рабочей Коломны большая и славная история. И самые яркие строки этой истории — борьба пролетариев с заводчиками и фабрикантами, с царским правительством за лучшую долю, за достойную жизнь, за

светлое будущее трудового народа. К сожалению, объем книги не позволяет рассказать, например, о том, как бастовали рабочие питерской Коломны в дни знаменитой Всероссийской политической стачки в октябре 1905 года, как не страшились они стычек с полицией, как не могли сломить их налеты казаков...

Сам я был лишь формальным очевидцем этих бурных событий, происходивших даже прямо перед окнами нашего дома. Тогда мне шел лишь третий год, но позже отец немало рассказывал мне о той стачке. Несколько лет назад в Центральном государственном историческом архиве СССР мне в руки попал интереснейший документ — сводка событий осени 1905 года, которая складывалась из ежедневных донесений управляющих и директоров предприятий штабу капиталистов — Обществу фабрикантов и заводчиков. Прочитав ее, я нашел полное подтверждение рассказам отца.

Хочу привести здесь сведения хотя бы только по двум дням стачки и только по одному заводу Коломны — Франко-Русскому.

«Пятница, 4-го ноября 1905 года (пятый день стачки. — П. У.).

Утром прибыло на завод 25 казаков при одном офицере.

В 9 часов утра у ворот завода начала собираться толпа рабочих. В контору завода явились делегаты от рабочих (из старост был лишь один Мальцов), которые очень настойчиво требовали открытия ворот и допущения устройства митинга, угрожая, в противном случае, кровопролитием.

Директор, основываясь на запрещении градоначальника, предложил делегатам обратиться с просьбой к приставу (который был тут же в конторе завода). Последний снесся с градоначальником по телефону и, находя, что с 26 казаками оказать сопротивление будет невозможно, разрешил рабочим собрание, которое и продолжалось до половины второго часа дня...

На сходке было разрешено отрядить кочегаров для отопления паровых труб (из боязни, что лопнут от морозов), но кочегары на работу не вышли.

В 4^{1/2} часа дня директор завода был вызван к Морскому министру, совместно с начальниками других казенных и частных, работающих на Морское министерство, заводов. Из частных присутствовали: директор Правления общества Путиловских заводов С. И. Смирнов, директор Невского судостроительного и механического завода

И. И. Гиппиус и Ф. Л. Радлов (директор Франко-Русского завода — П. У.).

Морской министр приказал господам директорам и начальникам заводов вывесить объявление рабочим, что если в понедельник 7-го ноября рабочие не станут на работу, то заводы должны быть закрыты и все мастерские рассчитаны.

Около полуночи телеграммой Морского министра это приказание было отменено.

Суббота, 5-го ноября 1905 года.

На состоявшейся сходке было решено продолжать бастовать, пока это будет найдено необходимым Советом Делегатов Рабочих (Петербургским Советом рабочих депутатов, руководившим стачкой в столице.— П. У.)...

По Мясной улице, рядом с заводом, разъезжали сильные наряды конных городовых.

И вот отклик «генеральной репетиций» 1905 года уже в годы нового революционного подъема: в 1912 году на том же Франко-Русском заводе 2200 рабочих бастовали 18 апреля, 1 мая, 30 октября, 15 и 16 ноября; в 1914-м — 13 января, 13, 19 и 27 марта, 12 и 24 апреля, 1, 19 и 21 мая, с 4 по 12 июля и 19 октября — число забастовщиков возросло до двух с половиной тысяч, а 9 и 24 января 1917 года их было уже четыре тысячи.

Эти забастовки, разумеется, не только на Франко-Русском, но и на других заводах и фабриках Коломны, я уже видел, что называется, своими глазами и хорошо их помню. Обратите внимание на сведения за 1914 год: они отражают повсеместную картину роста забастовочной борьбы, и это — выражение подлинного отношения пролетариата к спешным военным приготовлениям России в «сердечном согласии» с Францией, к хозяевам и капиталистам, русским и французам, которым и была выгодна война, к полицейскому режиму самодержавия.

В стремлении ослабить, подавить забастовочную борьбу рабочих власти прибегали и к открытым репрессиям, и к лживым посулам, и к попыткам разжечь шовинистические настроения, и к попыткам расколоть пролетариат мелкими подачками немногочисленному слою так называемой рабочей аристократии — мастерам, указателям, фабричным старостам и т. д. и т. п. Нельзя отказать в изобретательности и заводчикам. Приведу вот такой интересный пример.

В предвоенные годы и во время первой мировой войны, несмотря на крупную программу строительства военных кораблей и связанный с этим огромный объем работ

по клепке, Адмиралтейский судостроительный завод не нанимал постоянных рабочих — сверловщиков, клепальщиков и чеканщиков... Все эти работы выполнялись приезжими артелями, состоявшими главным образом из крестьян Костромской губернии. Когда наступало время клепки судов, администрация завода вызывала такую артель в Питер и сдавала им по договору, аккордно, весь объем сверловочных и клепальных работ. А это — десятки миллионов отверстий и заклепок на каждом судне, особенно много на корпусах линкоров и линейных крейсеров.

Артели приезжали не маленькие — по сто и даже больше человек. В артель, как правило, собирались крестьяне из одного села или деревни. В столицу они прибывали со своими кухарками, прачками, с десятком подростков — для работы на горнах. Эти ловкие мальчишки нагревали заклепки и по цепочке перекидывали их от горнов на палубе к работнику в трюме, который вставлял раскаленную заклепку в отверстие и прижимал головку специальной поддержкой для того, чтобы клепальщик снаружи мог лучше заклепать ее «в потай», плотно по раззенкованному отверстию...

Артельщики привозили свои инструменты, только пневматические молотки обеспечивал завод. Мальчишки имели свои уже испытанные щипцы-захваты, проверенные хитроумные «ловушки» для перебрасывания раскаленных заклепок...

Завод предоставлял такой артели «жилье» в просторном бывшем материальном складе. И на этом заботы заводской администрации об артельщиках заканчивались. Как работала артель, по сколько часов в день, были ли выходные дни, как питались, отдыхали, лечились в том числе и подростки, — дирекцию не интересовало.

По конечному результату, после приемки всех клепальных и чеканных работ, завод оплачивал их стоимость. И опять же никого не занимало, как распределялась и оплачивалась работа каждого артельщика, — это было делом старосты артели, обычно очень видного, бородатого старика, верховодившего во всем, вплоть до самых мелочей.

Каждый день, не считая часов, работали артельные сверловщики, клепальщики и чеканщики, мальчишки — пагревальщики заклепок, кухарки и прачки... Для капиталистов это была лучшая форма эксплуатации чужого труда. Дешево, без хлопот, и никаких тебе забастовок и стачек!

Мы встречались с мальчишками-артельщиками в редкие минуты их отдыха. Крепкие крестьянские пареньки (слабых в артель и не брали), к концу подряда они выглядели изможденными, руки у некоторых как-то судорожно дергались, как будто всё ловили раскаленные заклепки. Мы жалели их, но знали, что и нас скоро ждет немногим лучшая доля. Но вот мне повезло: с отличием окончив трехлетнюю начальную школу, я попал не на завод, а в так называемое городское высшее начальное училище. Я мог получить редкое для рабочего семилетнее образование. Теперешнему мальчишке трудно представить мою радость!

МОИ НАСТАВНИКИ

Начальные школы того времени помещались не в отдельных зданиях, а, как правило, в плохо приспособленных для учебных целей, чаще всего — в обычных квартирах жилых домов. В таких школах было три-четыре, а иногда и всего один класс. Исключение представляли только два больших учебных заведения, здания для которых были построены попечительством Петербургской городской думы в начале нашего века.

Первое из них стояло (и поныне стоит) на углу Садовой улицы и Вознесенского проспекта (теперь проспект Майорова). Это и было Спасское городское трехклассное начальное училище, куда я счастливо определился. Здесь насчитывалось двадцать четыре параллельных класса и около тысячи учеников. Сейчас в этом здании помещаются райком КПСС и исполком Октябрьского районного Совета народных депутатов.

Второе здание — для мужского и женского городского четырехклассного училища — было построено на бывшем Гагаринском бульваре, после засыпки каналов. Сейчас здесь находится Нахимовское училище, а напротив, у гранитной стенки Невы, пришвартован на вечную стоянку легендарный крейсер «Аврора».

Эти училища состояли в ведении городской думы, а не министерства просвещения, соответственно и здешние учителя не были государственными чиновниками, как в казенных гимназиях. Видмундиров они не носили, орденов не имели, в казенных квартирах не жили, жалованье получали весьма скромное, и приличная пенсия в старости их не ждала. Но большинство наших учителей хорошо знало свое дело. Некоторые же были истинными подвижниками народного просвещения и отдавали работе всю

Душу, все знания. А нива для их трудов была самая благодатная.

Можно смело сказать, что среди учеников нашей школы не было оболтусов и лентяев. Учились все очень прилежно и, несмотря на незаконченность курса образования, в результате получали глубокие и прочные знания. Причин тому две. Во-первых — огромная тяга ребят из рабочих семей к учению, к знаниям. Из-за острой нехватки мест только первые ученики начальных школ попадали в высшее начальное. И мы, видимо, осознавали, что лишь знания могут открыть перед нами дорогу к иной жизни, достойной трудящегося человека.

Мастеровые по рождению, мы не имели ни родительских капиталов, ни связей и протекций, столь ценимых в «официальном» обществе. Но мы отнюдь не стыдились своего происхождения. Своим трудом добившись возможности учиться, мы в учении получали огромное моральное удовлетворение, все более убеждаясь, что способностей и талантов у нас никак не меньше, чем у детей богатых и власть имущих.

Понимали все это и наши лучшие преподаватели. Они трудились самоотверженно, искренне стремились помочь нам, передать все свои знания. И это вторая причина наших успехов.

Учебный процесс был целиком в руках учителя. Не существовало никаких методологических учреждений, научно-исследовательских институтов по народному образованию. Учебников и пособий было значительно меньше, чем теперь. И на помощь родителей рассчитывать не приходилось, — большинство из них было неграмотно.

Школьные урочные часы — святое время! Как жадно вслушивались мы в слова учителя, ни на что не отвлекаясь, как радовались удачным ответам — и своим, и своих товарищей! И с какой неохотой покидали мы урок истории, природоведения или словесности, чтобы отправиться на обязательную ежедневную молитву.

Все вышесказанное относится к нашим лучшим, любимым учителям, которых мы и считали своими истинными наставниками. К рассказу о них я еще вернусь. Но они, наши любимые, не составляли большинства и не были в школе «главными».

Главной же фигурой в пятом городском высшем начальном училище был даже не его заведующий — грозный Павел Петрович Скосаревский, а протоиерей Покровского собора Дорофей Филофеевич Ярушевич — наш школьный законоучитель, то есть преподаватель «закона божьего».

Ярушевич, высокий, располневший, с гривой ухоженных волос и с холмою бородой, в шелковой фиолетовой ризе с золотым нагрудным крестом, надушенный так, что на версту несло, носил свое грузное тело не спеша и величественно, благостный голос его звучал негромко, но внушительно. Тщеславен был этот поп непомерно. Обычно принятых обращений «батюшка» или «преподобный отец» он не признавал. Он требовал величать его «ваше священство», когда был простым священником, и «ваше преосвященство», когда вышло ему производство в чин протоиерея столичного Покровского собора, хотя законного права на такое титулование не имел.

Ослушаться законоучителя никто из нас не смел, как я говорил, его побаивался даже сам заведующий училищем. Да и предмет Ярушевича — «закон божий» — был главным во всех школах и училищах. По нему была допустима только одна оценка — пятерка! При отметке ниже, во всяком случае в нашем бесплатном училище, неизбежно вставал вопрос об исключении «беспутного» ученика.

По шесть часов «закона божьего» в неделю! Плюс к тому чтение молитв и пение псалмов перед началом уроков и по их окончании ежедневно. В начальной школе мы изучали Ветхий и Новый заветы, в четырехклассном училище — все церковные службы, катехизис веры, пятикнижие и т. д. И над всем этим главенствовал «его преосвященство». Действовал он неспешно, в «благостном речении»...

Да, медленно подплывал он к ученику и тихо говорил: «Руки». Неисправный в «законе божьем» мальчишка безропотно клал на крышку парты свои руки ладонями вниз. Получал по ним удары деревянной линейкой столько раз, сколько это было угодно «благочестивому отцу законоучителю».

Жаловаться на «его преосвященство» было некому. Разве что господу богу? И самого Ярушевича, и предмет его мы ненавидели лютой ненавистью. Мы боялись своего «человеколюбивого» законоучителя даже больше, чем Иеронима Гавру.

Случай с Гаврой весьма любопытен. Нелюбимый учитель не отвратил учеников от своего предмета, тяга к нему была сильнее неприязни к преподавателю. Да, это был не фальшивый «закон божий»! Иероним Федорович Гавра великолепно «вколачивал» в нас основы математики, но был страшно груб. Да и внешность у него была страшная и грубая. Молодой, высокого роста, широкоплечий, с

массивной квадратной челюстью и глазами-лампочками под низкой рыжей шевелюрой, он обладал железным голосом и недюжинной силой.

Во время объяснения урока он вдруг замолкал, огромными шагами подходил к ученику, замеченному в малейшем невнимании, хватал его своей огромной лапшей за шиворот, поднимал над партой и, как котенка, пел по классу, ногой открывал дверь и со всего маху вышвыривал провинившегося в пустой коридор...

Мы так боялись Гавру, что даже не дали ему никакой клички, хотя других нелюбимых учителей между собой называли кого «берлинской шваброй» — это, конечно, «немку», кого — «тупоносыком», а кого — «загинается»...

Впрочем, хватит о нелюбимых. Среди них, честно говоря, тоже было немало хороших, как теперь говорят, предметников. Иных и пожалуй бы надо: нас они по-своему любили, да беда в том, что сами были несчастны. Это я об учителях-женщинах. Их было две на всю нашу мужскую школу: преподавательница немецкого языка и учительница французского — тихая, скромная Евгения Ивановна Андреева. Участь их была незавидной. Согласно какому-то дикому установлению женщины могли преподавать в городских бесплатных училищах, пока были незамужними. Как только они выходили замуж, их тотчас увольняли без права на пенсию. Либо служба, либо семейная жизнь. Многие, не имевшие для этой жизни иных средств, кроме учительского жалованья, выбирали службу. Симпатичная Евгения Ивановна так и осталась навсегда одинокой...

Теперь о тех, кого почитали мы своими наставниками. Это были замечательные люди, хотя и далеко не похожие друг на друга.

Классным наставником по должности был у нас учитель истории Михаил Кузьмич Пивоварчук, человек в годах, строгий воспитатель и требовательный преподаватель. Но мы никогда не обижались на него за строгость, ибо знали, что он справедлив.

Михаил Кузьмич был очень маленького роста — не выше нас, учеников. Он стеснялся этого, носил ботинки на высоких каблуках, не делал пролома в своей высокой каракулевой шапке, а наоборот — старался вытянуть ее как можно выше. Другой бы на его месте имел от учеников не одну обидную кличку, а Пивоварчук пользовался большим уважением, и никто не позволял себе над ним подтрунивать.

Михаил Кузьмич любил историю и передал эту лю-

больше пам. Но не в меньшей мере благодарен я ему и за другое. Именно он ввел в обычай «театральные воскресенья».

Скромное жалованье и большая семья не позволяли нашему классному паставнику снимать жилье в самом Петербурге, где квартиры были дороги. Он постоянно жил в тогдашней дачной местности — в Шувалове — и каждый день ездил на службу в город.

Приезжал он к нам и по воскресеньям, чтобы повести группу своих учеников в театр. Правда, случалось это далеко не в каждый выходной. Но тут уж вины Михаила Кузьмича не было, просто частые «театральные воскресенья» были нашим родителям не по карману: даже на утренние спектакли и на боковые места галерки пятого яруса, скажем, в Александринке билет стоил 20 копеек — по тем временам для рабочего человека деньги немалые.

И все же мы побывали с Михаилом Кузьмичом во многих театрах и посмотрели немало спектаклей. Помню, как поразили нас новаторские для тогдашней русской сцены постановки пьес Бьернстрема «Свыше нашей силы» и Ибсена «Привидения» в новом Передвижном общедоступном драматическом театре, который располагался на Бассейной улице (где теперь Большой театр кукол).

Премьеры Передвижного театра Гайдебуров и Скарская — родная сестра В. Ф. Комиссаржевской — играли великолепно. Но и режиссура спектаклей, и манера игры — строгая, лаконичная — были поначалу непривычны. Непривычно было и особое правило, установленное в этом театре: здесь не разрешалось аплодировать. Постоянные зрители уже привыкли, и спектакли проходили при полном безмолвии зала. Надо сказать, что при этом впечатление от увиденного на сцене только усиливалось. Наверно, таков и был расчет, когда запрещали аплодисменты, потому что Передвижной театр того времени, пользуясь современным определением, пожалуй, можно назвать психологическим.

В первые годы Советской власти Гайдебуров и Скарская возглавили новый Красный театр, созданный Петроградским губернским советом профсоюзов. Это был любимый театр питерских пролетариев.

...Несколько раз приводил нас Михаил Кузьмич Пивоварчук и в императорский Александринский театр. Сидели мы как раз на боковых местах галерки пятого яруса, но и здесь мы блаженствовали. Мы смотрели спектакли по пьесам Островского «Бедность не порок» и «Не все ко ту масленица». А играли в них такие замечательные ак-

теры, как Варламов, Лешков, Савина, Уралов и даже сам Давыдов — корифей тогдашней драматической сцены.

...Десять лет спустя мне посчастливилось в том же Александринском театре участвовать в торжественном чествовании народного артиста республики Давыдова по поводу пятидесятилетия его сценической деятельности.

В тот день уже тяжело больной Давыдов сидел на сцене в золоченом кресле в окружении своих соратников и учеников и принимал многочисленные поздравления. Настала и моя очередь. Я в то время служил в политуправлении КБФ. Я поздравил Владимира Николаевича от имени командиров, политработников, краснофлотцев — всего личного состава Краснознаменного Балтийского флота и вручил ему наши подарки. Давыдов поднялся с кресла, тепло поблагодарил за поздравления и подарки и пригласил меня с супругой на ужин, который состоялся в тот же вечер, вернее — ночью, после юбилейного спектакля, во Дворце работников искусств на Невском...

Я с истинным наслаждением смотрел этот юбилейный спектакль и очень жалел, что нет рядом со мной наставника школьных лет Михаила Кузьмича Пивоварчука.

Другим нашим любимым наставником был преподаватель природоведения Константин Петрович Минервин, автор популярного учебника, по которому мы и учили естествознание. Это был очень добрый и скромный человек, влюбленный в свою науку. Он кончил естественный факультет Петербургского университета. Но «чистой» наукой Константин Петрович заниматься не стал — он видел свое призвание в педагогической деятельности.

Несколько лет Константин Петрович успешно преподавал в одной из казенных гимназий. Человек прогрессивных взглядов, Минервин осенью революционного 1905 года активно участвовал в работе Учительского союза, выдвигавшего требования коренных демократических реформ системы народного образования. В начале 1906 года, с наступлением первой полосы реакции, Константин Иванович вместе с другими учителями был изгнан с казенной службы без права на пенсию. После этого он преподавал в новой, так называемой вольной частной школе С. А. Столбцова, где собрались многие уволенные из казенных учебных заведений преподаватели и учились исключенные оттуда же ученики.

Однако наступление реакции продолжалось, царское министерство просвещения все более ужесточало контроль за частными школами, «рассадниками вольнодумства», и Константину Петровичу спустя несколько лет

пришлось покинуть гимназию и реальное училище Столбцова. Вот тогда-то Минервин и оказался в бесплатном городском высшем начальном училище. «Его преосвященство» протоиерей Ярушевич тоже невзлюбил Константина Петровича, но популярному у учеников преподавателю и автору широко известного учебника природоведения как-то удалось удержаться.

Самые лучшие воспоминания оставил о себе Константин Петрович. Он не только вкладывал в наши головы крепкие знания, не только прививал нам любовь к биологии, но и учил уважать, оберегать и своими руками творить красоту природы, что для нас, коренных горожан, имело большое воспитательное значение. Под руководством Константина Петровича в каникулярное время мы занимались благоустройством и посадками в садах и парках Петрограда, о чем я еще расскажу в одной из следующих глав.

Ну а теперь еще об одном нашем любимом наставнике. О Василии Спиридоповиче Спиридонове, учителе словесности.

Василий Спиридонович был молод и энергичен. Высокого роста, худощавый, с длинными прямыми волосами, он внешне походил на Виссариона Белинского. Наш «Белинский» воспитал у многих своих учеников интерес и любовь к литературе. Это он приучил нас систематически и много читать. Более того, он же и предоставил нам такую возможность.

Помню, как-то после уроков Василий Спиридонович пригласил меня и моего товарища Ивана Сродникова к себе домой, обещая показать интересные книги. А привел он нас... в общедоступную библиотеку-читальню, организованную годом раньше Петербургской городской думой в одном из домов на тихой Средней Подъяческой улице, недалеко от Харлампова моста.

Библиотека занимала обыкновенную трехкомнатную квартиру. Две комнаты побольше были соединены в один «зал». Здесь, окруженный стульями, стоял большой стол и очень вместительный книжный шкаф. В третьей, маленькой комнате жил Василий Спиридонович со своей женой Верой Ивановной, очень милой молодой учительницей. Оказывается, Вера Ивановна и заведовала этой читальней. Она была и библиотекарем, и уборщицей, и истопницей, и гардеробщицей — все в одном лице.

Кроме названных помещений в квартире были кухня и небольшая передняя, где раздевались читатели. Читальня работала ежедневно, кроме воскресений, с четы-

рех часов дня до девяти вечера. На дом книги здесь не выдавали. Постоянных читателей было еще немного, в основном школьники и несколько взрослых, — о библиотеке мало кто знал. Вот этот уютный уголок и открыл нам Василий Спиридонович Спиридонов.

Как сейчас помню — стол освещен четырьмя большими керосиновыми лампами под зелеными абажурами. По обе стороны стола сидят и читают десятка полтора школьников. Тишина... Слышны только тиканье маятника да звон больших часов. Тихо переговаривается Вера Ивановна — тетя Вера — с юными читателями, выбирая им книги.

Я стал часами пропадать в этом раю. Дома, где одних детей восемь человек — от мала до велика, читать было трудно, неудобно... Мои частые и долгие отлучки из дома встревожили мать, она пожаловалась отцу, а тот приказал старшей сестре Лизавете пойти и посмотреть, что это за «шалман», куда Пашка шляется каждый вечер...

В результате «инспекции» сестра Лизавета сама записалась в эту читальню. Она сделала отцу и матери наилучший отчет, а тетя Вера ее просто очаровала. С тех пор никаких препятствий мне дома не чинили. И даже тогда, когда до четырех часов дня я не успевал сделать все уроки (правда, случалось такое очень редко), то забирал с собой тетрадки и учебники и в тиши читалки быстро все заканчивал. За шесть лет, до 1919 года, когда библиотека закрылась из-за отсутствия топлива и керосина для ламп, я перечитал здесь уйму книг.

Но Василий Спиридонович сделал для нас не только это. Сам он очень интересовался работой в Императорской книжной палате, но определиться туда на службу никак не мог.

Председателем Книжной палаты был профессор Венгеров, имевший государственный чин действительного статского советника (равный второму генеральскому военному чину). И все служившие здесь тоже были чиновниками, имели ордена, разные привилегии от казны и крепко держались за свои места. А у Спиридонова ни чинов, ни связей не было.

Единственное, чего удалось добиться Василию Спиридоновичу, и то с большим трудом, это право замещать чиновников Книжной палаты во время их летних отпусков. Поработав так одно лето, Василий Спиридонович и для нас, своих учеников, нашел дело в Книжной палате. Тамашные низшие служители ходили в отпуска тоже летом.

Вот разрешение замещать их и выхлопотал для нас Василий Спиридонович.

Императорская книжная палата по закону получала семь обязательных экземпляров каждой новой книги, каждого издания из всех типографий страны. В чем заключались наши обязанности? Ежедневно, кроме воскресений, в восемь часов утра к Книжной палате, располагавшейся на набережной реки Фонтанки, подкатывала закрытая почтовая карета, мы должны были быстро ее разгрузить и перенести пакеты с книгами в вестибюль. Здесь мы бережно распаковывали пачки, стремясь не только не повредить книги, но и сохранить упаковочный материал: бумагу, картон, холст, веревки, шпагат... Затем разносили книги по кабинетам второго этажа. Это было самым трудным делом, пока мы твердо не усвоили, какие книги в какой кабинет надо отнести.

Закончив разнос книг по кабинетам, мы уходили. Обычно вся работа занимала часа полтора.

Ровно в десять часов являлись на службу чиновники, они просматривали книги, записали их данные в государственный реестр и определяли, куда и кому надлежит отправить эти «обязательные» экземпляры.

В четыре часа рабочий день чиновников заканчивался. К этому времени вновь являлись мы, переносили книги вниз, в вестибюль, упаковывали их в ту же бумагу или картон, в котором их прислали, и завязывали пачки той же веревкой или шпагатом. Наклеивали на пачки печатные бланки с соответствующими адресами. Экземпляры каждого издания всегда посылались в Публичную библиотеку и в библиотеку Румянцевского музея в Москве, а также в библиотеку Государственной думы. Остальные адреса бывали разные.

В шесть часов вечера опять появлялась закрытая почтовая карета, в которую мы и грузили все пачки. Карета уезжала на Главный почтамт, а мы расходились по домам...

Работа нелегкая, не более четырех часов в день, но с досадным большим перерывом почти в шесть часов. Платили нам за эту работу в 1914 году три рубля в месяц, а летом 1915 и 1916 годов — уже по пять рублей. Мы были рады этому заработку. Радовались мы и тому, что наш любимый наставник Василий Спиридонович Спиридонов осенью 1916 года в конце концов был зачислен в штат чиновников Книжной палаты. Это случилось, как он сам говорил, не без учета наших стараний. После Октябрьской революции Василий Спиридонович продолжал работать в

Книжной палате и достиг высшей должности — председателя Книжной палаты Союза Советских Социалистических Республик!

Добавлю еще один эпизод, связанный с моей работой в Книжной палате. По субботам, после разгрузки почтовой кареты, меня не отпускали домой, как других ребят, а посылали на квартиру к председателю палаты профессору Венгерову. Он жил в большом respectable доме на Загородном проспекте и занимал вдвоем с сестрой Зинаидой, известной переводчицей иностранных книг, квартиру из семи или восьми просторных комнат. У Венгеровых служили камердинер, горничная, кухарка и старая бонпа, когда-то воспитывавшая маленькую Зинаиду.

Как председателю Императорской книжной палаты, профессору Венгерову бесплатно присылали домой очень много журналов и газет из разных городов России, а также из-за границы, в частности от зарубежных книжных палат. За неделю на большом овальном столе в гостиной накапливалась большая груда журналов, газет и даже книг. Прислуга почему-то не убирала уже ненужную профессору литературу. Для этого вызывали из палаты месье.

Я приходил с черного хода, и камердинер выдавал мне ключ от ящика для макулатуры, установленного на лестничной площадке от учреждений благотворительного общества императрицы Марии. Я перетаскивал из гостиной кипы газет, журналов и книг, аккуратно укладывал их в ящик, запирали его и возвращал ключ камердинеру. Работа, конечно, нетяжелая и недолгая. И все же было неприятно, что мне за нее не только ни разу не заплатили, но даже и спасибо-то не сказали. Видимо, оттого я каждый раз спешил как можно скорее закончить эту макулатурную повинность и присоединиться к своим приятелям.

Я уже немного рассказывал о том, как мы, мальчишки старой рабочей Коломны, развлекались в свободные часы и дни. А теперь скажу еще об одном нашем излюбленном занятии. Частенько посещали мы бесплатное «увеселительное заведение» — большую баржу Императорского общества трезвости. Летом она «обслуживала» Петербургский торговый порт, а зимой стояла на Фонтанке, у самого Калинкина моста. На барже были столовая, что-то вроде часовни и библиотека, где читались душевспасительные лекции и демонстрировались «туманные картины», — они-то нас сюда и привлекали.

Хорошо помню такой случай. Как-то раз, в конце шест-

надцатого года, проходил я мимо этой баржи со своим дядей, работавшим на Путиловском заводе, и предложил ему зайти посмотреть «картины». Но дядя, с самого утра пребывавший в хмуром настроении (на заводе ему грозило увольнение за участие в забастовке), к затее моей отпелся неодобрительно:

— Сыскались, тоже мне, императорские трезвенники. Особо царь у них, аника-вопи,— этот первый трезвенник. Не худо бы ему спяну шею свернуть...

Признаться, я порядочно струхнул. Ну как же, кругом народ — и вдруг про царя такое. Однако, спустя несколько дней, вновь собираясь с приятелями на баржу, я рассказал им услышанное от дяди. В своей компании страху не было. Завязался оживленный разговор. Выяснилось, что и другие ребята немало слышали о царе нехорошего от своих родственников. Помалкивал только самый старший из нас — мой сосед Колька, отец которого еще прошлым летом был уволен с завода за участие в забастовке. Когда мы шумной ватагой вышли на Екатерининский канал, он остановил нас и хмуро сказал:

— Вы бы не очень... Разорались на всю Ивановскую... За такие разговоры враз загремите в участок... А там и без вас политических хватает...

Мы приумолкли, потому что как раз проходили мимо второго полицейского участка Коломенской части. Вспомнилось, как, бывало, страдал нас, мальчишек, старший дворник Федор Филиппыч:

— Царь далеко, а пристав — вон он, у Калинкину мосту. Будете баловать — счас городского свистну. — И еще добавлял напоследок: — Эх, каторга по вас плачет...

Хотя года два уже прошло, как помер Филиппыч, слов его никто из нас не позабыл. Пристав фон Стааль был для нас самой важной в Коломне фигурой. Жил он здесь же, у самого Калинкина моста, в мрачном краснокирпичном Полицейском замке, всегда битком набитом городовыми. При участке была своя тюрьма, отгороженная от набережной Екатерининского канала стеной. Ходили слухи, что в тюрьме сидели не только уголовники, но и политические... Потом выяснилось, что так оно и было.

Молча прошли мы мимо замка, раздумав глядеть «картины», свернули к Лодманскому рынку. И тут Колька сказал:

— А царю и без вас, сопляков, шею свернут...

ПЕРЕВОРОТ

Дни шли один другого тревожнее — январские и февральские дни 1917 года.

Не берусь рассказывать, как произошла Февральская революция. Хочу лишь вспомнить, что видели, слышали, чувствовали в то время, как относились к происходившему вокруг нас мы, подростки из рабочих коломенских семей.

Февральская революция мало что изменила в нашей жизни. Но она дала первый толчок развитию политического сознания. До февраля мы были лишь очевидцами, а уже вскоре после него стали участниками захватывающих политических событий. В феврале я лишь тайком от матери бегал на улицу «поглядеть», а всего спустя восемь месяцев вместе со своими товарищами, членами Социалистического союза рабочей молодежи Петрограда, брал приступом логово контрреволюционного офицерства — гостиницу «Астория». Стремительное было время.

Надо сказать, что приметы надвигавшейся революции — пусть далеко не все и, возможно, не самые главные — уже задолго до февраля были видны и нам, подросткам. Вот некоторые из этих примет.

Навсегда остались в памяти многолюдие и теснота. Рабочих в Коломне, как и во всем Петрограде, во время войны стало намного больше, чем до четырнадцатого года. Расширялись военные заводы, на других открывались спарядные цехи. Даже на нашей шоколадной фабрике Жоржа Бормана был такой цех. Он занял весь первый этаж, и работало здесь столько же людей, сколько до войны на всей фабрике.

В Питер прибывали крестьяне, сюда стекались беженцы из занятых немцами западных губерний. По окраинам города росли барачные поселки. Теснее и теснее становилось у нас в домах. Все больше угловых и коридорных жильцов вселялось в наши и без того непросторные квартиры.

Разумеется, беженцы были особенно сильно настроены против войны. И эти настроения передавались другим рабочим, распространялись все шире и шире.

С крестьянами приходили в город их беды. В 1916—1917 годах в деревнях не хватало не только соли, спичек и керосина. Во многих губерниях уже в середине зимы кончился хлеб. Люди бежали в город, спасаясь от голода. Но и здесь, в Петрограде, многих из них ждала нищенская жизнь.

У нас работало несколько мастерских казенной комиссии по учету и призерению нищих (большинство на Английском проспекте и Торговой улице). К семнадцатому году они были переполнены так же, как были переполнены приюты для малолетних и забиты инвалидами богадельни.

Обездоленность этих людей была особенно очевидной в сравнении с сытым самодовольством обитателей стоявшего здесь же, на Английском проспекте, дворца принцев Лейхтенбергских или расположенного неподалеку, на Мойке, дворца генерал-адмирала российского флота великого князя Александра Михайловича.

Правительство объявило войну «второй Отечественной», народной, но одним, трудящимся, она несла нужду и горе, а другим, власть имущим, — новые богатства и благополучие.

В конце 1916-го и начале 1917 года обострился продовольственный кризис. Навсегда запомнились мне огромные очереди у хлебных магазинов. Они становились все длиннее и длиннее. Поначалу мы бегали занимать очередь рано утром, потом среди ночи, а еще через некоторое время — с вечера. Иначе невозможно было получить на семью скудный хлебный паек.

Люди, помеченные меловыми номерами на спинах, чернильными — на руках, стояли у магазинов всю ночь. Бывало, очереди превращались в митинги. И тут же появлялись агитаторы. Они терпеливо разъясняли людям, кто виноват в голоде. Случалось, очереди взрывались и громили булочные. Пока только булочные...

Все подозрительнее и придирчивее становились городовые. То и дело появлялись на улицах солдатские патрули и казачьи разъезды. Нередко дворники запирали ворота и не выпускали нас на улицу. В городе было беспокойно, бастовали рабочие, собирались демонстрации. Отец все чаще возвращался с завода хмурым. Мать плакала и причитала:

— Что же будет, Иван?.. Ведь так дальше жить нельзя...

Такими запомнились мне, тогда еще мальчишке, приметы надвигавшейся революции. Но я хотел бы привести здесь также отрывки из двух документов, о которых тогда ни я, ни приятели мои, конечно, ничего не знали. Между тем они, эти документы, каждый по-своему, передают накал предреволюционного времени.

Листок Петербургского комитета большевиков «К пролетариату Петербурга» появился в середине октября 1916

года. «С каждым днем,— говорилось в листке,— жизнь становится труднее... Война, кроме миллионов убитых... несет в себе и другие беды: продовольственный кризис и связанную с ним дороговизну. Страшный призрак «царь-голод»... вновь угрожающе надвигается на Европу... Довольно терпеть и молчать! Чтобы устранить дороговизну и спастись от надвигающегося голода, вы должны бороться против войны, против всей системы насилия и хищничества».

Вслед за этим призывом в городе с новой силой вспыхнули забастовки, стачки и выступления рабочих.

Второй документ — это одно из январских донесений охранки министру внутренних дел. «Матери семей,— гласит оно,— изнуренные бесконечным стоянием в хвостах у лавок, страдавшие при виде своих полуголодных и больных детей, пожалуй, сейчас гораздо ближе к революции, чем господа Милюковы, Родичевы и К^о, и, конечно, они гораздо опаснее, так как представляют собой тот склад горючего материала, для которого достаточно одной искры, чтобы вспыхнул пожар».

Этой искрой стал призыв Петербургского комитета партии большевиков к рабочим выступить 9 января, в двенадцатую годовщину Кровавого воскресенья, с демонстрациями под лозунгами «Долой войну!». С 9 января и до февральских дней все шире и ярче разгорался пожар революции.

В «Своде сведений о ходе беспорядков в городе Петрограде, возникших 23 февраля 1917 года», составленном департаментом полиции для царя, в частности, отмечалось:

«По второму участку Коломенской части, около 12 часов дня, преждевременно прекратившие работу рабочие Адмиралтейского завода (на Галерном острове) стали скопляться у выхода, но рассеивались полицейским нарядом.

Тогда, скопившись у Калинкина моста, толпа бросилась к проходившим трамваям с намерением перевернуть таковые, но также была рассеяна конным и пешим полицейским нарядом. В последнем случае были брошены в чинов полиции твердые предметы...»

Помню особенно тревожный день — 25 февраля. Накануне вечером приезжал дядя и рассказал, что Путиловский бастует, и директор, генерал-майор Дубницкий, объявил об увольнении всех рабочих. У нас тоже было неспокойно. По улицам шли рабочие с красными флагами, пели революционные песни, кричали: «Долой царя!», «До-

лой войну!», «Хлеба!». Всюду метались городовые. Они разгоняли толпы народа, стреляли — пока еще в воздух.

26 февраля, в воскресенье, с утра было вроде бы спокойнее, но к полудню улицы вновь наполнились людьми. Появились солдаты. Женщины окружили их плотной толпой, хватали за винтовки, что-то кричали. Городовые, еще утром истуканами стоявшие на углах улиц, куда-то исчезли.

Ворота двора были наглухо закрыты, и мать не выпускала нас на улицу. Откуда-то с другого конца Садовой (туда вместе с другими рабочими ушел и отец) доносились выстрелы. Весь вечер просидели мы, не зажигая огня.

На другой день я заспался. Разбудил меня отец.

— Собирайся, Павлуха, живо!.. Айда со мной!..

На берегу Пряжки он встретился со своими заводскими, о чем-то стал говорить с ними, потом махнул мне рукой — подожди, мол, здесь, я скоро, — и ушел к заводу. В это время из-за угла вынырнули мои приятели во главе с соседом Колькой.

— Бежим к участку! — закричал он. — Там фон Сталя убили и разогнали всех городских.

Когда мы прибежали к Полицейскому замку, там все уже кончилось. Только на Калининском мосту еще бушевала толпа народа. Вместе с рабочими и работницами здесь были и солдаты. Мы никак не могли разглядеть, что там происходит, увидели только, как через перила на битый лед Фонтанки упал человек. Он пытался выбраться из полыньи, но раздался винтовочный выстрел, и голова упавшего скрылась под водой. Толпа быстро двинулась вдоль Екатерининского канала. Мы схватили за рукав какого-то солдата:

— Что там такое?

— А все, парнишечки, в порядке. Городового кончили. Стрелял в нас из окна, сволочь. Потом переоделся, думал улизнуть. Но шалишь, брат! Теперь не пятый год. Теперь им крышка!..

Вместе со всеми мы пошли в другой конец района, к Литовскому замку — огромной царской тюрьме, стоявшей у пересечения Офицерской улицы (ныне улица Декабристов) с Крюковым каналом. На противоположной стороне Офицерской располагался первый полицейский участок Коломенской части.

В участке было уже пусто и тихо. Зияли выбитые окна, скрипела на одной петле вывернутая дверь, на мосто-

вой тлели какие-то бумаги. А дальше вся улица, до самого Марининского театра, была запружена народом.

Литовский замок горел. Пробриться ближе к нему не было никакой возможности. Тогда мы всей своей мальчишеской компанией побежали в обход по Алексеевской улице, Мойке и улице Глинки, чтобы выйти к замку со стороны Марининского театра. Кто-то сказал нам дорогой, что еще утром солдаты и рабочие взяли тюрьму штурмом и освободили заключенных, в числе которых было немало большевиков.

Замок горел. Приехали пожарные. Они размотали по направлению к Мойке шланги, но народ не позволил им тушить тюрьму. Тогда пожарные расположились вдоль замка по Тюремному переулку и стали всего лишь отсекалть огонь, не давая ему перекинуться на другие дома.

На угловую башню замка, на самый купол, к бронзовой статуе ангела с крестом лезли люди. Вот они накинули на ангела веревочную петлю, бросили конец вниз. Не меньше сотни людей, стоявших внизу, ухватились за веревку и принялись тянуть ее. Ангел закачался и с грохотом рухнул на мостовую. Расступившаяся было толпа вмиг бросилась к нему. Статую поволокли на мост и с криками яростно толкнули в воду, как будто это был сам ненавистный царь Николай II.

Через Театральную площадь мы побежали к полицейскому участку Казанской части. Он тоже горел. Из окон дома сыскной полиции летели какие-то папки, бумаги. Весь этот полицейский архив тут же, на мостовой, сваливали в кучи и поджигали. Ветер поднимал в небо черные хлопья.

Мимо провели арестованных. Это были переодетые родовые. От Садовой доносились сухие пулеметные очереди и винтовочные выстрелы. Отряды рабочих и солдат шли к Невскому.

С фасадов и крыш домов падали лепные двуглавые орлы и вдребезги разбивались о булыжник мостовых.

ВЕЛИКОЕ ГОРЕ — ВЕЛИКОЕ ТОРЖЕСТВО

Царя свергли! Всеобщее народное ликование. Уйма перемен... Демократические порядки... Временное правительство... Петроградский Совет... Будет Учредительное собрание... Возникают все новые политические партии и газеты... Магазины и лавки бойко торгуют. Церкви от-

крыты, но уже не возглашаются с амвонов «многая лета благочестивейшему императору всероссийскому». Заводы и фабрики не работают. Митинги, митинги, митинги...

А в петроградских больницах и покойничьих люди ищут родных и близких, пропавших без вести. Помня, как преследовались родственники жертв 9 января 1905 года, горожане спешат забрать тела погибших и похоронить их.

Большевистская «Правда» и некоторые другие газеты сообщили, что в дни революции в Петрограде со стороны народа погибли 1382 человека. Народ требовал провести общие торжественные похороны жертв революции как признание подвига погибших, как признание революции всеми партиями, всеми властями. Но дни проходили, а Временное правительство, явно пытавшееся завести революцию в спокойный тупик, тянуло. Проведение торжественных похорон становилось вопросом политическим, и рабочие боролись за его быстрее решение.

Сразу же после свержения царя на многолюдных митингах рабочие Адмиралтейского, Франко-Русского заводов и Гребного порта постановили:

«Приступить к работе только после похорон жертв революции.

Ввести явочным порядком восьмичасовой рабочий день.

Произвести смену администрации заводов».

7 марта эта резолюция была объявлена на заседании рабочей секции Петроградского Совета. На тех же условиях решили приступить к работе рабочие Ижорского, Сестрорецкого оружейного, Русско-Балтийского заводов, мастерских Северо-Западных железных дорог (теперешнее объединение ПТО имени С. М. Кирова) и многих других предприятий Петрограда.

На заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов было решено провести похороны жертв революции 10 марта на Дворцовой площади, где воздвигнуть монумент павшим борцам за свободу. Предусматривалось, что в похоронах должны участвовать все население Петрограда и столичный гарнизон в полном составе, со знаменами и оркестрами. Но, несмотря на это постановление, 10 марта похороны так и не состоялись. Двоевластие уже давало о себе знать даже в этом вопросе.

Временное правительство не согласилось ни с одним пунктом постановления Петроградского Совета, оно не желало, боялось массового народного шествия, да еще с участием солдат и матросов. Министры-капиталисты вся-

чески оттягивали общие похороны, надеясь, что скоро и хоронить-то будет некого.

Надо сказать, основание для таких надежд было. В первые дни после свержения царя спешно хоронили своих близких не только питерцы, опасавшиеся преследования властей, но и товарищи погибших, твердо верившие в окончательную победу революции. По разным причинам они не могли ждать затянувшегося решения об общих похоронах и самостоятельно организовывали торжественные погребения своих павших друзей.

Например, рабочие петроградского Трубочного завода (ныне объединение имени М. И. Калинина) похоронили на Смоленском кладбище, недалеко от завода, своих павших товарищей Ивана Дмитриева, убитого 25 февраля, Николая Машкова и Алексея Мельникова, убитых 28 февраля. На могиле поставили памятник, который стоит до сих пор. На камне выбиты такие слова:

Спите, товарищи, вам вечный покой,
Вы честно исполнили долг свой.
В борьбе за свободу вы погибли в бою,
Добывая народу свободу свою.
Вы жертвою пали от рук палачей,
Спите, товарищи, вам вечный покой.

Матросы Гвардейского флотского экипажа похоронили своего товарища Астахова в сквере собора Николы Морского, рядом с экипажем (ныне площадь Коммунаров). Останки погибшего в дни Февральской революции студента четвертого курса физико-математического факультета Петроградского университета Владимира Хлебцевича его товарищи отправили в город Сызрань, к родителям...

Таких погребений и траурных проводов в первой половине марта состоялось немало, но вопрос об организации общих торжественных похорон, несмотря на противодействие Временного правительства, с повестки дня не снимался. 21 марта этот вопрос обсуждался на заседании Петербургского комитета РСДРП (большевиков). Были приняты решительные меры. На другой день газеты опубликовали церемониал предстоящих похорон — они были назначены на четверг, 23 марта. Местом погребения было определено Марсово поле. К тому дню в моргах оставались тела 184 погибших.

...На похороны я пошел вместе с отцом в колонне Адмиралтейского судостроительного завода. К ней пристраивались рабочие и работницы Франко-Русского завода, «Нового Адмиралтейства», кабельного завода Малкне-

ля, фабрики Жоржа Бормана, механического завода Эллисона, Центральных муниципальных мастерских, картографии Ильина, типографий, швейных мастерских — всех предприятий нашей Коломны.

В тот день все заводы, фабрики, учреждения и магазины столицы были закрыты, хотя, насколько помню, никакого официального распоряжения на этот счет не отдавалось. Трамваи и конки тоже не ходили. Люди поодиночке и группами, пешком добирались к назначенным местам сбора районных колонн.

Утро выдалось хмурое и туманное. Шел снег. Он падал крупными хлопьями на мокрую черную землю и таял. На месте сбора нашего района, в «Плешивом садике» (теперешняя площадь Репина), на Лопцманской улице, а также вдоль Екатерининского канала (ныне канал Грибоедова), до самого Никольского собора, собрались тысячи рабочих со своими семьями. В полном составе, с оркестрами, подошли матросы Гвардейского флотского экипажа, 2-го Балтийского флотского экипажа, солдаты Кексгольмского лейб-гвардии полка.

Около девяти часов утра колонна построилась и двинулась через Калинин мост к Александровской больнице (ныне «В память 25 октября») на Фонтанке. Из больницы под траурные звуки оркестров были торжественно вынесены двадцать семь цинковых, обтянутых кумачом гробов. На крышках гробов с телами погибших солдат и матросов лежали фуражки и бескозырки. Весь путь до Марсова поля гробы несли на плечах часто менявшиеся рабочие, солдаты и матросы с черными повязками на рукавах. Колонна, заняв всю ширину Садовой, медленно проплывала в берегах тротуаров, заполненных народом.

Хмурое небо понемногу прояснилось. Снег прекратился. Из-за облаков пробилось солнце, и повеяло весной. Знамена, флаги, огромные полотнища с лозунгами и заводские хоругви над процессией вспыхнули красным заревом. Раздуваемые легким ветерком, заколыхались флаги на домах.

У пересечения Садовой и Невского проспекта размеренное движение нашей колонны застыло. Подошедшие раньше процессии других районов еще не прошли по Марсову полю, и нам пришлось более двух часов стоять на месте, дожидаясь своей очереди. Но никто не покинул рядов. Напротив, когда мы наконец тронулись дальше, огромные толпы людей, собравшихся на тротуарах, влились в нашу колонну. И вот ее первые ряды медленно вступили на Марсово поле со стороны Мойки.

Посередине широкого плаца чернел квадрат братской могилы, вырытой рабочими в одну ночь. С трех сторон возле нее возвышались отвалы земли, а со стороны Лебяжьей канавки — деревянный барьер. По углам могилы на высоких мачтах развевались огромные траурные флаги. Во всю длину Марсова поля, образовав широкий коридор, выстроились почетные караулы от воинских частей и флотских команд Петрограда.

Вот караулы замерли, отдавая воинские почести погибшим борцам революции. Беспрерывно звучит скорбный и торжественный похоронный марш. Склонились знамена и флаги над колонной. Гробы по одному передают солдатам, которые опускают их на длинных красных полотнищах в могилу и ставят в ряд. И каждый раз с Петропавловской крепости гремит пушечный выстрел. При этом никаких речей, никаких слов.

Пока наша колонна проходила по Марсову полю, один за другим ударили двадцать семь пушечных выстрелов.

Разглядев, что земляные отвалы у могилы заняты ребятами, я и мои приятели выбрались из колонны и присоединились к ним, чтобы лучше все видеть.

Весь день стройными рядами непрерывно текли вдоль могилы колонны. Шли рабочие и работницы, многие с детьми, шли солдаты, матросы, студенты, подростки. Люди несли знамена и красные полотнища с надписями: «Вечная память погибшим борцам за свободу!», «Пусть ваша смерть пробудит людей к новой жизни!», «Никому не отдадим свободу, завоеванную кровью народных героев!». Печальные, негодующие, клятвенные слова. В глубоком молчании, сосредоточенные и суровые, проходят заводские отряды рабочих с винтовками за плечами, с красными повязками на рукавах — это рождающаяся Красная гвардия, рабочие, первыми поднявшие знамя революции и вместе с солдатами и матросами сражавшиеся за ее победу.

Вслед за железными шеренгами красногвардейцев шли студенты Академии художеств. Они несли огромный стяг с изображением Прометея: легендарный гигант мощным напряжением воли и мускулов разорвал сковывавшие его цепи, одной рукой он задушил терзавшего его сердце орла, а другую гордо поднял вверх, к восходящему солнцу...

Похоронный марш сменяется «Марсельезой», «Интернационалом»...

Нет, это были не просто скорбные похороны. Это было и великое торжество победившего народа. На своих плес-

чах принес он на Марсово поле великое горе. Но он принес сюда и свою гордость, решимость к борьбе, надежду на светлое будущее.

А день уже угасал. Небо темнело. На Марсовом поле тогда не было никакого освещения. В колоннах и у могилы стали зажигаться факелы. Прибыл взвод военных прожектористов. Вспыхнули четыре мощных прожектора. С Петропавловской крепости к Марсову полю протянулись лучи других прожекторов. В их свете мы видели движущийся лес красных знамен и колеблющееся море голов.

Уже глубокой ночью последней на Марсово поле вошла колонна Московско-Заставского района. Пятьдесят раз ударила с Петропавловки пушка. Пятьдесят последних гробов опустили на дно братской могилы.

С Марсова поля уходили последние демонстранты. Как бы тонули удаляющиеся звуки похоронного марша. У открытой могилы остались лишь почетные караулы солдат и матросов.

Потрясенные, оглушенные всем увиденным, мы, ребята, покинули Марсово поле в числе последних. Домой я добрался часа в три ночи. День 23 марта 1917 года запомнился мне на всю жизнь.

Похороны погибших в дни Февральской революции в Петрограде были первой в истории России легальной массовой политической демонстрацией такого масштаба. Почти миллионное шествие в столице явило всей стране, всему миру мощь и сплоченность трудового народа, поднявшегося на борьбу, освободившегося от многовекового самодержавного ига, готового с оружием в руках отстаивать свое право на лучшее будущее.

На другой день мы, коломенские подростки, вновь отправились на Марсово поле. Там по-прежнему развевались на ветру расставленные вокруг могилы флаги и знамена, по-прежнему стояли воинские караулы. Рабочие заливали бетоном ряды гробов и промежутки между ними. Получалась монолитная плита. Затем она была засыпана землей. На насыпи реяли флаги. Так до 1920 года и выглядело Марсово поле, ставшее революционной святыней, местом проведения митингов.

В 1920 году над могилами по проекту архитектора Л. В. Руднева был поставлен строгий монумент в виде гранитных пирамид по всему периметру захоронений. Интересно отметить, что для сооружения надгробия были использованы тесаные гранитные глыбы из фундамента садовой ограды у Зимнего дворца, со стороны Адмиралтейства. Снятие этой ограды было тоже символическим

актом: недоступный прежде царский сад открывался для народа. И здесь же по ленинскому плану монументальной пропаганды воздвигли один из первых памятников — Александру Николаевичу Радищеву, страстному обличителю самодержавия и крепостничества, провозвестнику революционных идей в России.

1 мая 1920 года, в день первого Всероссийского субботника, тысячи петроградцев пришли на Марсово поле, которое называлось теперь площадью Жертв Революции. Участники субботника сдирали и вывозили с площади почти метровый слой щебня и песка, до каменной твердости утрамбованный копытами коней и солдатскими сапогами. «Петербургская Сахара» (так называли Марсово поле из-за пыльных бурь над ним) перестала существовать.

Вместо песка и щебня здесь была уложена толстым слоем плодородная земля. На Марсовом поле возникли газоны, зазеленели кусты сирени. Жители города проложили здесь дорожки и аллеи, посадили дубы, липы, множество цветов. Было устроено освещение Марсова поля.

Тысячи людей со всех краев нашей страны, со всех концов света приходят на Марсово поле, к могилам революционеров, к Вечному огню памяти. Часто прихожу сюда и я, и каждый раз в воображении моем вновь возникает тот далекий мартовский день 1917 года. С волнением читаю я благородные, высокие слова, выбитые на граните надгробья:

Не жертвы — герои
лежат под этой могилой
Не горе а зависть
рождает судьба ваша
в сердцах
всех благодарных потомков.

ВСТАНЬ В СТРОЙ БОЙЦОВ

МИТИНГ В МАНЕЖЕ

10 апреля семнадцатого года. Припекает солнышко. День нерабочий — заканчиваются пасхальные праздники, над городом плывет радостный колокольный благовест...

С соседскими ребятами я с утра подался через Фонтанку на Измайловский проспект. И вот толчемся мы на шумном пасхальном базаре, раскинувшемся вокруг огромного Троицкого собора. Народу тьма. Почти у всех на груди красные банты. Тут же, на паперти, какой-то предприимчивый бедолага-инвалид продает эти самые банты, лихо рассыпая частушки о том, «как скидывали Николашку».

В толпе множество солдат, и они тоже при бантах. Гвардейские полки давно на фронте, а тут, в питерских казармах, формируются их запасные батальоны, обучаются новобранцы. Солдаты снуют по базару, покупают, меняют, продают, торгуются, шутят, смеются. Как будто и нет той страшной войны. Как будто не им, этим парням, предстоит идти на фронт маршевыми ротами — на пополнение, взамен убитых...

Народ свергал царя, требуя мира. И что же изменилось? Временное правительство все твердит о защите отечества, о верности союзникам, о войне до победного конца. Эсеры и меньшевики-«оборонцы» поддерживают «временных». В Петроградском Совете их депутаты проголосовали за золотой «Заем свободы». Ясно — деньги пойдут на войну. Только большевики голосовали против займа.

Гудит соборная площадь. Особенно многолюдно у памятника «Славы». Его высокий обелиск искусно составлен из трофейных турецких пушек последней войны конца прошлого века. На тяжелом монолите постамента — высокая пирамида из пушечных стволов разного калибра. На вершине победоносно расправил крылья двуглавый бронзовый орел. Внизу установлены полукругом большие трофейные орудия.

Но сегодня никто не останавливается возле памятника. Не видно вечно шнырявшего здесь по праздникам проворного чернявого «мастера» с громоздким ящиком фотоаппарата на неуклюжей треноге. Похоже, клиент по-

шел не тот — не спешит запечатлеть свой образ на фоне памятника российской военной славы. Ничего не поделаешь — третий год идет война, и не видно ей конца.

Под ногами смачно хрустит подсолнечная лузга, ветер гонит пыль, обрывки бумаг, какие-то серепкие листовки. Люди переговариваются, собираются кучками у круглых тумб, разглядывают, читают, обсуждают афиши и листовки...

— Слышь, Василий... Чего там эсеры-то нонче прописали? Про мир-то есть чего? Про землю?

— А шут их поймет, твоих эсеров. Крутят все вокруг да около, как твой дядька вола за хвост.

— Ну, это ты брось. За эсерами — правда. Ихнее дело народное. Тут понимать надо.

— А тут и понимать нечего. Не выйдет тебе от твоих эсеров ни мира, ни земли — и баста. Снюхались они с буржуями.

— Да ить в буржую-то, ему к чему война? Вот царю было — да... А которые есть и господа тож против царя высказывались. Милюков, к примеру. Или этот — Гучков...

Высокий пожилой человек — по виду не то врач, не то из судейских, — постоянно поправляя на жирном носу пенсне, что-то с жаром доказывает окружившим его дамам и барышням. Из-за их спин долетают лишь отдельные слова:

— А я вас уверяю, голубушки... Аграрный вопрос... Ах боже ты мой, да ведь господа меньшевики... Церетели вполне, вполне заслуживает доверия...

Нас, рабочих парнишек, все интересует: и базар, и семечки, и частушки иввалида, а главное — вот эти разговоры.

Ни в каких партиях или союзах мы пока не состоим, а развелось их великое множество. И все вроде бы за демократию, за свободу, за народ. За кем же правда? Даже отцы наши не успели еще во всем разобраться. Ну ладно, скинули царя. Кадеты кричат о победе, о власти народа. А чья земля? А чьи заводы, фабрики? А граждане министры-капиталисты, князья да заводчики? С ними как? Они-то ведь тоже твердят, что радеют за народ — за мужика и рабочего.

Больше двадцати партий, десятки газет. «Маленькая газета», «Копейка» — дешевые, вроде бы народные, а по существу черносотенные листки. А сколько выходит сатирических и юмористических журналов. Тут тебе и «Пугач», и «Трепач», и «Чертова перечница», и даже «Кузь-

кина мать». Все о разном пишут, но в один голос чернят большевиков.

Чем это большевики им так насолили?

У себя на Путиловском, куда не так давно поступил я работать шпательщиком (по-теперешнему — стерженьщиком) в чугунолитейную мастерскую, тоже немало всякого слышать приходилось. А на днях, говорили рабочие, Ленин приехал. Встреча была у Финляндского вокзала. И как будто сказал Ленин на этой встрече, что революция не закончена, революция продолжается.

Кое-что о Ленине мы, ребята, слышали. Да и в газетах о нем читали. Правда, газеты упорно твердили о нем плохое. Чем-то он, Ленин, пришелся им не по нраву.

И вот тут, у Троицкого собора, вдруг слышим — кричит какой-то солдат:

— Захар! Собирай своих! Айда в манеж! Там Ленин приехал, говорить начал.

— Это который Ленин? — То ли я вправду недоумевает Захар, то ли не хочет толкаться по базару, собирая своих сослуживцев.

— Да ты давай шевелись! Это же тот главный большевик...

— Да?.. Ну тогда я сейчас... Я мигом...

Мы с приятелями, никого не дожидаясь, что называется, ноги в руки — и бегом через Измайловский.

Но войти в манеж уже невозможно. У входа густая толпа. Она плотно его закупорила. Часть солдат оторвалась от толпы и двинулась во двор. Мы увязались за ними. Во двор выходят окна манежа. Огромные, высокие, они открыты настежь. На подоконниках, спиной к нам, стоят солдаты, смотрят в зал, слушают. Нам удастся подняться к ним, протиснуться вперед.

Огромный манеж битком набит народом. Больше всего здесь, конечно, солдат. Кто-то говорит. Разглядеть трудно — далековато, да и глаза еще не привыкли к полумраку манежа. Прислушиваемся. Оратор говорит о войне. Говорит все громче, все настойчивей и убежденней:

— Чтобы вырваться из этой ужасной войны и заключить действительно демократический, не насильнический мир, есть только один путь: переход всей государственной власти в руки Советов рабочих и солдатских депутатов...

В ответ — громкие, нарастающие рукоплескания и крики: «Да здравствует власть Советов!» От трибуны сквозь аплодисменты пробивается какой-то другой шум. Глаза уже пообвыкли, и я стараюсь разглядеть, что там

происходит. Неожиданно над головами людей в зале поднимается какой-то человек. Солдаты и рабочие несут его на руках. Рукоплескания подобны шквалу.

— Да здравствуют Советы!.. Да здравствует Ленин!..

Так вот он какой, Ленин! Коренастый, широкоплечий человек с угловатым лицом. Улыбается, с кем-то переговаривается, пожимает протянутые вверх руки, приветствует всех, в том числе и нас, дальних, висящих на подоконниках.

Удивительное дело. Всего неделя прошла, как вернулся он в Россию из эмиграции. А вот, видишь ты, с какой теплотой относится к нему народ. Небось в первый раз увидели и услышали его эти люди, а сразу поняли, поддерживали, признали в нем вождя. Как жаль, что мы попали в манеж только к концу митинга! Долго в тот вечер упрекали мы друг друга в нерасторопности. Только напрасно. Кто ж мог знать, что рядом, в манеже, будет выступать большевистский вождь?

Два года спустя узнал я, что предвидеть это выступление Ленина было действительно нельзя.

В 1919 году я без отрыва от работы учился в тогда еще единственной Политической школе комсомола Петрограда. В числе преподавателей нашей школы была Прасковья Францевна Куделли, революционерка-подпольщица с конца прошлого столетия.

Так вот, однажды Прасковья Францевна рассказала нам интересные подробности о ленинском выступлении в Измайловском манеже. Это было одно из первых легальных выступлений Владимира Ильича перед широкими массами рабочих и солдат после возвращения его из эмиграции. На самом митинге Прасковья Францевна не было. Но она работала в ту пору секретарем редакции газеты «Правда», а Владимир Ильич только что стал главным редактором этой первой и важнейшей газеты большевиков. В редакцию «Правды» (дом № 32 на набережной Мойки) к нему с утра до вечера приходили товарищи по партии. В тот день кто-то из них в присутствии Куделли рассказал Владимиру Ильичу о том, что в Измайловском манеже идет митинг и что часть солдат под влиянием эсеров и меньшевиков настроена враждебно к большевикам и Ленину.

— Вот и прекрасно, я сейчас же к ним и поеду, — сказал Ленин, вставая.

Товарищи в редакции заволновались:

— Что вы делаете?.. Ведь вас там разорвут!..

— Не разорвут...

Удержать Владимира Ильича было невозможно, и он поехал в манеж. Разумеется, вслед за ним поспешили туда и те, кто пытался его остановить. Вернулся Ленин часа через два. Вернулся веселый, довольный поддержкой, которую ему оказали солдаты и рабочие.

И еще одна замечательная подробность. Возвратясь в редакцию, Владимир Ильич сел за свой стол и написал корреспонденцию об этом митинге. Через день, 12 апреля 1917 года, эта корреспонденция появилась в «Правде».

Как видно, немалое значение придавал Владимир Ильич этому митингу. Было ясно — одержана крупная победа, безоговорочная победа большевиков на многотысячном митинге солдат и рабочих.

«ТЕПЕРЬ ВЫ ВМЕСТЕ С НАМИ»

Прошел еще месяц, и мы, парнишки из старой Коломны, уже заранее заняли места на многотысячном митинге рабочих, матросов и солдат, который собрался 12 мая на Бетонной площадке Галерного островка. Здесь мы снова увидели Ленина и на этот раз полностью слышали всю его речь.

О том, что Ленин выступит у нас, было известно заранее. Афиши и объявления в большевистской «Правде» в течение нескольких дней оповещали читателей об этом митинге.

Митинг был платный. Билет стоил рубль — по тем временам деньги немалые, особенно для нас, подростков. Сбор предназначался на поддержку австро-венгерских рабочих, боровшихся против императорской власти. Только теперь, спустя много лет, в полной мере сознаешь, сколь велика была сила интернациональной солидарности русских пролетариев, сколь велико было их желание помочь своим братьям по классу.

На митинг собралось около двадцати тысяч рабочих и работниц ближайших фабрик и заводов, солдат соседних полков и матросов с кораблей, стоявших на ремонте у берегов Невы. Кстати, были здесь и матросы с «Авроры», которая ремонтировалась тогда на Франко-Русском заводе.

Огромный судостроительный плаз не вместил и половины пришедших на митинг людей, хотя они стояли буквально плечо к плечу. Ни стульев, ни скамеек, конечно, не было. Петербургскому комитету партии большевиков пришлось организовать еще в двух цехах завода парал-

лельные митинги. Каждый оратор (а тут были не только большевики, но и представители других партий), выступив на одном митинге, переходил на другой, на третий.

После Февральской революции здесь, на Бетонной площадке Галерного островка, митинговали регулярно — два раза в неделю. Мы слушали всякую агитацию: меньшевистскую и эсеровскую, кадетскую и анархистскую. Выступали на митингах и большевики. Но до 12 мая еще ни разу не принимались здесь большевистские резолюции. Сильным было влияние меньшевиков и эсеров, особенно эсеров.

В мою задачу не входит глубоко анализировать этот факт. Хотелось бы только подчеркнуть, что среди рабочих в 1917 году было много выходцев из крестьян. А солдаты в большинстве своем были тоже вчерашние крестьяне. Эсеры пользовались этим. Они никогда не забывали подчеркнуть свои «крестьянские корни». Производило впечатление и название партии. Как-никак социалисты-революционеры! А тут еще с царской каторги, из ссылки, из тюрем, крепостей и из эмиграции первыми в Питер прибыли вожди эсеров Борис Савинков, Вера Фигнер. Прибыли также Брешко-Брешковская («бабушка русской революции»), Новорусский, Лопатин, Панкратов. Это были по тем временам громкие имена. Имена людей, известных по шумным политическим процессам. Они стреляли, бросали бомбы в царских генералов, чиновников, покушались на самих Романовых. Многие рабочие и солдаты не очень-то разбирались в тонкостях политических программ и судили о революционности по внешним признакам — они и голосовали за эсеров.

И вот на Галерном островке собрался большой митинг, и на митинг приехал Ленин. Когда он поднялся на трибуну, ему дружно и долго аплодировали, но далеко не все. Многие выжидали: что-то скажет вождь большевиков? Разумеется, сравнивали его с ораторами других партий. Немало было на митинге и явных противников большевистской программы. Они поднимали шум, бросали реплики, выкрикивали провокационные вопросы, попросту старались сорвать речь Владимира Ильича.

Тогда еще совсем молодые рабочие ребята, мы поняли в выступлении Ленина далеко не все. Но мы воочию увидели, что симпатии пришедших на митинг все решительнее склоняются на сторону вождя большевиков. Быстрые и остроумные ответы Ленина на возгласы из зала сопровождались смехом, аплодисментами. Двигаясь по настилу

в центре гигантского зала, Ленин страстно убеждал собравшихся в правоте программы большевиков, призывал готовиться к социалистической революции, обличал сторонников продолжения империалистической войны. Ленин настойчиво разъяснял самые болезненные для всех вопросы: почему так мало изменила положение народа революция и почему продолжается война? Он говорил, что своеобразие текущего момента в России состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства.

Ильич останавливался у самого края помоста, чуть наклонялся вперед, как бы собираясь сойти на бетонный пол, резко выбрасывал правую руку, и энергичные, ясные, точные слова его, словно электрические разряды, прокатывались под сводами плаза:

— Никакой поддержки Временному правительству! Вся власть Советам!

И Ленин победил. Он победил потому, что говорил правду, неподдельную рабочую правду. Он не оставлял без ответа ни один вопрос. И люди понимали: большевики знают, чего они хотят, их дело правое.

Напрасно клеветал на большевиков эсер Авксентьев, напрасно витийствовал и напускал туману меньшевик Дан, напрасно именем революции заклинал рабочих и солдат не слушать большевиков народный социалист Пешехонов. Впервые здесь, в Коломне, на этой Бетонной площадке, собравшиеся на митинг рабочие и солдаты приняли большевистскую резолюцию. Меньшевики и эсеры с их соглашательскими лозунгами потерпели поражение и уже никогда больше не смогли восстановить своего влияния на наших рабочих.

Радостные, шумные, спускались мы с плаза по широкой лестнице. Между тем Лиза Пылаева, Вася Васильев, Оскар Рывкин и некоторые другие наши старшие товарищи, уже состоявшие в партии большевиков, стали по углам этой лестницы и начали выкрикивать:

— Рабочие подростки! Заводские мальчишки! Фабричные девочки! — Так называли в то время учеников на заводах и фабриках. — Отходите в сторону, сюда, к стеллажам! Сейчас мы проведем собрание — создадим свой молодежный союз!

Вскоре около трехсот юношей и девушек, только что слушавших речь Ленина, собрались этажом ниже, на

складе металла. Тут были ребята со многих заводов и фабрик старой Коломны. Провести это первое собрание помогли нам товарищ Павел и товарищ Андрей — так все мы в то время звали организаторов первого легального райкома партии большевиков Коломенского района Павла Михайловича Войтика и Андрея Андреевича Андреева, впоследствии члена Политбюро и секретаря Центрального Комитета нашей партии.

Собрание было недолгим, но бурным. Надо сказать, что мы к нему были уже подготовлены: и Вася, и Оскар, и Лиза еще раньше говорили с нами о союзе. А главное — только что выступил Владимир Ильич Ленин. Мы его слушали и, казалось, под конец во всем разобрались. Живее всего обсуждали мы слова Ленина о социалистической революции. Нет, этого дела никак нельзя было упустить. Каждый из нас горел желанием помочь старшим товарищам в борьбе против буржуазии, за власть трудящихся. Решение было единодушным: надо соединяться в союз, как большевики в партию. Почти все мы тут же, на первом собрании, записались в новую организацию. Она получила название Социалистического союза рабочей молодежи Коломенского района. Мы избрали свой исполнительный комитет, в который вошли Елизавета Пылаева, Василий Васильев, Оскар Рывкин, Михаил Потапов, Иван Ястржембский, Михаил Жельвис, Александр Дождев и Франц Самсонович.

В некоторых районах Петрограда молодежные союзы к тому времени уже были образованы. Однако не везде они с самого начала стали на большевистские позиции. Видимо, поэтому руководители большевиков Коломны для создания молодежного союза выбрали момент, когда точно определился перелом в настроении масс, вызванный выступлением Ленина перед рабочими и солдатами.

С того дня и пошли мы по пути организованной революционной борьбы. Мы, комсомольцы, будущие коммунисты, красногвардейцы, участники Октябрьского вооруженного восстания, бойцы Красной Армии, борцы против разрухи, голода, холода, эпидемий, против неграмотности, за культурную революцию, первые электрификаторы и индустриализаторы страны.

Союз наш был создан. А где нам собираться, где разместиться исполкому? Почти все дома были в частном владении, и хозяева конечно же ни в какую не хотели пускать к себе «большевистских мальчишек». И тут нам вновь помогли товарищи из Коломенского райкома пар-

тии, который размещался тогда на втором этаже бывшего Полицейского замка. Войтик и Андреев решили поселить нас рядом.

— Вы теперь вместе с нами, — сказал товарищ Павел — и должны быть всегда под рукой. Поднимитесь этажом выше и занимайте пустующую квартиру полицейского пристава фон Стааля.

Прямо скажем, вселение не было мирным. Квартирата не пустовала. Жила в ней служанка Стааля, деревенская девушка Папа. Ей было приказано присматривать за хозяйским добром.

Какой она дала нам отпор! Даже дверь не отворила и слышать не хотела ни об исполкоме, ни о молодежном союзе. Твердила одно: вот вернутся господа, родственники пристава, и ей, Папе, не поздоровится, а уж нам и подавно. И вообще она нас не жаловала. Она считала, что мы всего только сопляки и что господа есть господа. А потому в их квартиру, к их добру она нас, хоть умри, не пустит.

Потерпев поражение в своих попытках проникнуть в дом с парадного хода, мы зашли с тыла, через черный ход. Хитростью мы заставили Папу открыть дверь и вступили в долгие дипломатические переговоры.

И вот наконец из двух комнат вынесено все господское. Вынесено и спрятано в третьей комнате. Точно определены наши права, прямо скажем, птичьи. Даже в кухню мы входить не должны были, — там жила сама Папа. И все же теперь мы могли приступить к работе, правда, под пристальным Пашиным надзором.

Надо сказать, что Папа Селезнева вскоре с нами подружилась и вступила в СССРМ. Она начала помогать нам. В ее ведении были все хозяйственные дела. Куда бы позже ни переезжал наш райком, Папа всюду следовала за ним. В 1918 году мы размещались на улице Глинки, 4/14, в «Клубе старой и молодой гвардии», в 1919 году — на улице Глинки, 1, в нашем клубе «Юный Спартак», в 1920 году — на Морской (ныне улица Герцена), 57, во дворце, который принадлежал до революции князю Кудашеву, в 1921 году — на Мойке, 120, в Доме коммунистического воспитания молодежи.

Кстати, у меня нередко спрашивают: как объяснить эту кочевую жизнь? Неужто вам во дворце Кудашева было тесно? Да, вот так получалось. Пригревало солнце, становилось теплее — выбирались мы в просторные палаты, клубы разворачивали. А в морозы чем обогреть палаты? Каждое полено дров с трудом добывалось в холод-

ном и голодном Петрограде. Вот и искали мы новое место, где было теплей.

Таким же образом в годы гражданской войны «путешествовали» и многие другие райкомы и горкомы комсомола, пока не размещались по одному адресу с партийными комитетами. К примеру, Петербургский комитет ССРМ, а потом РКСМ с августа 1917 года до конца 1919-го последовательно сменял шесть адресов. Вот они: Фонтанка, 201 (бывший Полицейский замок); Чернышев переулок, 2, Народный комиссариат просвещения; Екатерининская (Малая Садовая), 2, Дворец Пролеткульта (бывший дом Благородного собрания); Кузнечный переулок, 20 (бывшая резиденция черносотенцев); набережная Красного Флота, 28 (бывший великокняжеский дворец); Красная улица, 23 (бывший частный особняк); и только в 1920 году ПК РКСМ разместился в Смольном. Так что наш райком не составлял исключения.

Но впервые он открылся в мае 1917 года в квартире полицейского пристава 2-го участка Коломенской части. И с тех пор райком менял адреса, но уже никогда не закрывался. Даже в самые критические моменты гражданской войны наш райком не прекращал работы. Бывало, что на фронт уходили все комсомольцы, способные держать винтовку, но в райкоме оставались девушки. Они организовывали работу в тылу, готовили новое пополнение наших рядов. Райком был всегда открыт, и союз наш рос и креп. Только за один год, с лета 1919-го до лета 1920-го, наша районная комсомольская организация, несмотря на все мобилизации, увеличилась в двадцать раз! Подробнее об этом речь впереди.

В ПОИСКАХ ДОКЛАДЧИКА

В один из последних майских дней 1917 года пришли мы на собрание своего только что созданного Социалистического союза рабочей молодежи Коломенского района. Ребята хотели, чтобы с докладом на этом собрании выступил Ленин, но в райкоме партии нам сказали:

— Ничего не получится. Товарищ Ленин очень занят. Он выступает на больших рабочих и солдатских митингах.

А через некоторое время мы узнали, что к нам как докладчик приезжает жена Ленина.

В большой комнате райкома собралось много молодежи. Были здесь также отцы, матери, старшие братья и се-

стры некоторых наших ребят. Всех встречал и рассаживал дежуривший в тот день член исполкома Миша Жельвис. «Штатных» работников у нас тогда не было, и очередной дежурный обладал всей полнотой власти.

Незадолго до начала собрания в комнату вошла скромно одетая женщина средних лет.

— Здесь помещается Социалистический союз молодежи Коломны? — спросила она.

— Да, здесь.

— Я — Крупская. Приехала к вам на собрание.

Не догадываясь, что это и есть жена товарища Ленина (мы были уверены, что она носит такую же фамилию), Миша Жельвис сказал:

— Хорошо, садитесь вот тут, у стенки, и подождите. Скоро начнем.

Ребята и девчата то входили в комнату, то выходили из нее. Они шумно спорили, порой затевали возню. На жепщину, спокойно сидевшую у стены, никто не обращал внимания. Она читала какую-то книгу и с интересом поглядывала на нас.

Наконец все собрались. Надо начинать. Тут дежурный забеспокоился: где же наш докладчик? Миша велел нам посмотреть на улице, а сам спустился на второй этаж, в райком партии, где был телефон. Из райкома позвонили в Петербургский комитет большевиков. На вопрос о докладчике кто-то из комитета ответил, что жена товарища Ленина давно выехала.

Миша выскочил к нам на улицу. Мы забеспокоились: в чем дело? В то время на улицах на большевиков нередко нападали. Через несколько минут в райкоме собрали группу надежных ребят.

— Разбиться на пятерки! — командовал Миша. — Поедете на трамвае и пойдете пешком по Садовой. Смотрите в оба, не случилось ли где чего.

Мы уже повернулись было бежать, когда подпрыгала женщина, читавшая книгу.

— Если вы обо мне... Так ведь я уже пришла...

— Нет, мы ждем жену товарища Ленина, — сказал Миша Жельвис. — Она выступать должна на нашем собрании.

— Вот я и должна выступать...

— Да? — Миша даже покраснел от растерянности. — Вы уж извините. Мы-то ведь не знали, — вконец сконфузился наш ответственный дежурный.

Надежда Константиновна рассмеялась. Вслед за ней и мы. Знакомство состоялось. Все расселись. Собрание на-

чалось. Оно длилось часа полтора. Надежда Константиновна рассказывала нам о партии большевиков, о ее славной истории, говорила о социалистической революции и о том, как должна к ней готовиться пролетарская молодежь. Тогда впервые услышали мы, что главное для нас — учиться, чтобы знать, как бороться за новую, светлую жизнь. И еще Надежда Константиновна советовала нам укреплять свой союз, агитировать за вступление в него других рабочих ребят и девушек.

Мы задали нашему докладчику кучу вопросов. Выступая, ребята и девушки говорили о своем положении на фабриках и заводах, о своих нуждах и мечтах.

В конце собрания наш секретарь Оскар Рывкин спросил у Крупской, не сможет ли она приезжать к нам хотя бы два раза в месяц, чтобы учить нас большевизму. Надежда Константиновна задумалась, оглядела всех нас, серьезных, тесно прижавшихся друг к другу и не спускавших с нее глаз.

— Это будет нелегко сделать, постараюсь выкроить время, — сказала она. Потом, помолчав немного, улыбнулась и уже уверенно закончила: — Обещаю, что буду вести у вас кружок.

Как ветром сдуло всю нашу серьезность. Мы вскочили с мест, захлопали в ладоши, загрохотали стульями и скамейками, тесно окружили Крупскую. Ребята благодарили ее за доклад, за обещание вести кружок, просили передать товарищу Ленину, чтобы он твердо рассчитывал на наш союз, задавали все новые и новые вопросы...

Мы проводили Надежду Константиновну до трамвая, шедшего ко дворцу Кшесинской, потом вернулись в райком и еще долго не расходились — делились впечатлениями, обсуждали, как будем дальше работать.

Неизвестно, сколько продолжался бы этот разговор, но тут в него вмешался наш председатель Вася Васильев.

— Хватит митинговать! Давайте браться за дело. Сейчас идем в райком партии, заберем листовки и будем распространять их на улицах. Это задание товарища Павла.

Дружной гурьбой вышли мы из своего райкома.

С того дня вплоть до отъезда Советского правительства в Москву два раза в месяц приезжала к нам по воскресеньям Надежда Константиновна вести занятия политического кружка.

ПОД КРАСНЫЕ ЗНАМЕНА РЕВОЛЮЦИИ

С ПАРТИЕЙ БОЛЬШЕВИКОВ

Шел второй месяц, как существовал и действовал наш союз. Ребята постарше к тому времени были расписаны по отрядам Красной гвардии на заводах, вели агитацию за большевиков и их программу, выполняли поручения райкома партии. Нам, четырнадцати-пятнадцатилетним мальчишкам и девочкам, тоже дела хватало. Мы прибегали после работы в свой райком, забирали афиши, листовки, газеты, расклеивали их на тумбах и на стенках, раздавали прохожим. Ходили на заводы, фабрики, в типографии на митинги и собрания — агитировали своих сверстников вступать в наш союз. Самое же главное — мы учились, посещали все занятия кружка Надежды Константиновны Крупской. Кроме того, мы слушали лекции и доклады о революции и революционерах, о Временном правительстве и его политике, о войне и мире, об аграрном вопросе, о восьмичасовом рабочем дне, об избирательном праве... В общем, обо всем, чем жила тогда бурлящая революцией страна.

Надо сказать, что разобраться во всех этих проблемах и вопросах было ох как нелегко не только нам, подросткам, но подчас и нашим старшим товарищам. Это сейчас, через шестьдесят лет, все кажется ясным и понятным. Сейчас, когда правда или неправота людей, придерживавшихся определенных взглядов и принципов, подтверждается опытом и историей. А тогда еще все только начиналось. Начиналось трудно, начиналось в борьбе.

К слову сказать, ныне некоторые публицисты, говоря о 1917 годе, преподносят подчас читателям цепь непрерывных и легких побед партии большевиков в борьбе за влияние на молодежь. Но не только свидетельства очевидцев и участников событий того времени опровергают такую никчемную версию, но и документы. Прежде всего материалы второй Петроградской партконференции и VI съезда партии большевиков.

Взять хотя бы вопрос о самом существовании, о методах организации, о целях и задачах союзов молодежи. На этот счет каждая из бесчисленных тогда партий имела свои установки. Не было полного согласия по этим вопро-

сам даже у большевиков. Но как бы там ни было, каждая партия стремилась завоевать широкую поддержку молодежи. Причем некоторые партии, заранее сознавая малую привлекательность для молодых пролетариев своих лозунгов, старались по возможности отвлечь их от революционной борьбы.

Правда, нашего Коломенского ССРМ все эти страсти вокруг вопроса о месте молодежи в революции касались тогда в меньшей мере, нежели других организаций города. На то было много причин. Но главным, определяющим следует признать то чрезвычайно важное обстоятельство, что с первого дня своего существования наш союз, возглавляемый молодыми большевиками, шел за партией большевиков.

Читателя, в общих чертах знакомого с историей, а точнее, с предысторией образования комсомола, может удивить мое утверждение о некоторой изолированности Коломенского ССРМ от молодежного движения в Петрограде семнадцатого года. Известно, что в то время (конец весны и начало лета) уже существовала общегородская юношеская организация «Труд и свет», где верховодили эсеровско-меньшевистские соглашатели.

Так вот, Коломенский ССРМ в «Труд и свет» не входил даже формально. Во Всерайонном совете — руководящем органе «Труда и света» — наших представителей не было. В финансовой ведомости поступления средств от районных организаций мы не числились. Однако это объяснялось не политической изолированностью, а, скорее, активной оппозицией соглашателям.

И все же, чтобы моим читателям, сегодняшним комсомольцам, понятнее была развернувшаяся летом 1917 года борьба за создание подлинно революционного юношеского союза, надо вернуться к истокам «Труда и света». Дело в том, что возникновение «Труда и света» было хотя и временной, но все же победой соглашателей. Недолго продержался этот союз, но лишь «похоронив» его, петроградская молодежь смогла создать организацию революционную.

Повторяю, само название партии эсеров (ну как же — «социалисты-революционеры!»), ее лозунг «В борьбе обрешь ты право свое!», речи ее седовласых пожей с огромным каторжным стажем, в политическом багаже которых было немало громких террористических актов, порой действовали на молодежь магически. Да и отношение меньшевиков-оборонцев к войне на первых порах не могло не пайти сочувствия: слишком близко соприкасалось

опо с понятием патриотизма. И хотя война шла только в интересах буржуазии, стоявшей у власти, далеко не каждому тогда было это очевидно. Немалым влиянием среди молодежи пользовались и анархисты, отрицавшие всякую государственность и проповедовавшие «безграничную свободу индивида».

Несмотря на свою «революционность», эсеры и меньшевики стремились успокоить рабочую молодежь и в первую очередь оторвать ее от большевиков, а значит, и от лозунгов социалистической революции. Соглашатели доказывали, что основные демократические цели революции уже достигнуты или вот-вот будут достигнуты и что молодежи пора пользоваться ее плодами, а не фрондировать. Удобно было под сурдинку клеветать на большевиков, призывавших к развитию революции.

Соглашатели учли условия, сложившиеся в молодежном рабочем движении к концу весны 1917 года, когда в большинстве районов Петрограда уже образовались юношеские союзы. Внутри них не только правым, но и так называемым «социалистам» бороться за молодежь было трудно. Районные союзы и организации, созданные на заводах и фабриках, к тому времени в большинстве шли за ленинской партией.

Но были три обстоятельства, которые меньшевики и эсеры, а отчасти и анархисты решили использовать в своих целях. Во-первых, юношеские рабочие союзы стремились объединиться в общегородскую организацию. Во-вторых, союзы эти были еще очень малочисленны, а члены их слабовато политически подкованы. В-третьих, молодежь тянулась к знаниям, к культуре. Очень важно, что это влечение было особенно сильным у рабочих, прежде лишенных широкого доступа к образованию.

Учитывая эти обстоятельства, соглашатели и выбрали свою тактику: содействовать созданию общегородской юношеской организации и протащить в ее руководство своих людей; разбавить ряды наиболее политически зрелой молодежи пополнением из числа «неорганизованных»; увлечь всю эту массу «непартийными» культурными лозунгами.

Поначалу все шло, как задумали соглашатели. Неукротимо ораторствовавшие меньшевик Г. Дряглов и анархист П. Бурмистров сумели стать влиятельными фигурами в формировавшемся Всерайонном совете будущего союза. Правда, очень скоро их оттеснил на вторые роли еще более ловкий, вкрадчивый и велеречивый «непартийный

социалист» Петр Шевцов, бывший репортер суворинской «Новой маленькой газеты».

Мастер говорить высокопарные и туманные речи, Петр Шевцов без конца твердил о братстве и равенстве, о поисках идеалов в культуре и об «особом» пути молодежи. Его сторонники протащили Шевцова во Всерайонный совет. В конце апреля он уже выступал как докладчик на общегородском собрании представителей рабочей молодежи. Проходило оно в столовой завода «Русский Рено».

Шевцов и его сторонники сумели навязать представителям рабочей молодежи «непартийную» по форме и соглашательскую по сути программу. Разумеется, докладчик пропагандировал культурническую программу. Еще до собрания он со своей компанией сумел завоевать доверие некоторых политически недостаточно зрелых активистов, умело спекулируя на стремлении юношей и девушек к организационной самостоятельности своего союза. На собрании же соглашатели воспользовались отсутствием представителей Петербургского комитета РСДРП(б) и делегатов ряда районов, стоявших на твердых большевистских позициях. Так и родился соглашательский «Труд и свет». Программа его призывала рабочую молодежь, «объединившись, взять в руки светоч науки, а в сердце поселить лишь желание любви, и добра, и красоты жизни». Шевцов стал председателем союза, а Дрязгов и Бурмистров его заместителями.

Однако уже в составе самого избранного Всерайонного совета «Труда и света» были силы, которые вместе с молодыми большевиками и их молодежными организациями, с самого начала настроенными оппозиционно, сумели через три месяца «похоронить» эсеро-меньшевистское детище. Во Всерайонный совет вошли пять большевиков. Семь членов совета представляли эсеров, меньшевиков и анархистов. Остальные были беспартийными. Они часто колебались, но тянулись к большевикам. Многие из них в конце концов сделали правильный выбор. Помогли им прозреть не только разъяснения и терпеливая агитация большевиков, не только «параллельные действия» по созданию революционного союза молодежи, но и «промашки» самих вожakov «Труда и света» и их покровителей.

В числе таких покровителей оказался нефтяной «король» Нобель. По сердцу пришлась ему программа «Труда и света», и он отвалил ему немалые деньги. Этот факт стал известен, и передовая часть молодежи правильно его оценила. Уж Нобель-то совсем не был похож на социали-

ста. Ясно, что он скорее удавился бы, чем дал хоть грош на настоящее революционное дело. Кстати, в Петрограде хорошо знали, что не нефтью единой жили четверо братьев-капиталистов Нобелей. Среди некоторых других предприятий им принадлежал завод на Выборгской стороне (теперешний «Русский дизель»). Выходило, что не случайно именно на Выборгской обосновался «Труд и свет».

Или вот «промашка» самих переусердствовавших руководителей «Труда и света». Решили они выразить свои верноподданические чувства Временному правительству и затеяли шествие молодежи к Таврическому дворцу, где заседал Совет рабочих и солдатских депутатов. Демонстрация должна была, по мысли ее организаторов, стать смотром сил «Труда и света». Но сил совершенно определенных. И чтобы у власть имущих и их ставленников не оставалось на этот счет никаких сомнений, руководство Всерайонного совета потребовало от районных союзов выйти на демонстрацию под синими знаменами («цвет беспартийности») и, естественно, с лозунгами поддержки Временного правительства, уже тогда непопулярными у большинства рабочей молодежи. Но неосторожная затея эта для Шевцова и компании обернулась полным провалом. Колонна рабочей молодежи пошла к Таврическому, но с красными знаменами и большевистскими лозунгами.

Разумеется, это было не случайно. Фиаско проправительственной демонстрации отражало и отношение рабочей молодежи к министрам-капиталистам, и растущее понимание истинной роли эсеров и меньшевиков, и парадоксальное положение, сложившееся в самом молодежном движении. Молодежные союзы большинства районов состояли из революционно настроенных, хотя и недостаточно подготовленных в политическом отношении юношей и девушек. А во Всерайонном совете пока верховодила кучка соглашателей, всячески подпевавшая буржуазии. Противоречие это, конечно же, не могло сохраняться долго. И вскоре при помощи Петербургского комитета и райкомов партии большевиков положение стало меняться.

Члены Всерайонного совета «Труда и света» Вася Алексеев, Петр Смородин и Иван Канкин, а потом и присоединившиеся к ним представители районных организаций решительно разоблачали Шевцова и его приспешников. Молодые большевики вели борьбу внутри «Труда и света» и переносили центр ее на собрания и митинги в районных союзах, где победу обеспечивало сильное влияние ленинской партии. Между тем молодежные союзы Нарвско-Петергофского и Невского районов, лишь фор-

мально входившие в «Труд и свет», и Коломенского, во все в него не входившего, начали работу по созданию новой общегородской революционной юношеской организации.

Немалую помощь молодым большевикам оказывали Надежда Константиновна Крупская и другие руководители партий. Огромное значение для роста революционного сознания молодежи имели, как я уже говорил, выступления Владимира Ильича Ленина на заводах и фабриках. Как писала впоследствии Крупская, большевики, пользуясь своим влиянием на молодежь, уже в начале лета могли добиться изгнания Шевцова и его сторонников из «Труда и света». Но они избрали другой путь — путь разблачения всякого рода шевцовых, используя эту работу для воспитания классовой бдительности молодых пролетариев. Вместе с тем эта тактика предотвращала уход из союза вместе с убежденными шевцовцами части колеблющейся рабочей молодежи.

Я отчетливо помню, что в своей пропагандистской работе среди молодежи большевики, в отличие от их противников, стремились к ясности и доходчивости и никогда не позволяли себе строить иллюзии, приукрашивать положение. Они сосредоточивали усилия на главных вопросах и проблемах момента. Одним из таких вопросов была борьба молодежи за свои политические права.

В ту пору приближались выборы в районные и Центральную городскую думы. Вслед за тем, хотя Временное правительство и оттягивало этот момент, должны были состояться выборы в Учредительное собрание. Но с участием молодежи в выборах дело было неясным. Временное правительство и откровенно правые партии предлагали допускать к ним лиц не моложе двадцати одного года. Меньшевики и эсеры, стремясь сохранить «левизну», стояли за двадцатилетний возрастной ценз. И только большевики, следуя своим принципиальным установкам защиты прав молодежи, требовали допускать к участию в выборах юношей и девушек с восемнадцати лет.

У себя, в Коломенском союзе, на собраниях и занятиях политкружка мы не раз горячо обсуждали вопрос о возрастном цензе. И каждый раз резолюции были категорическими: даешь избирательное право с восемнадцати лет! За этим правом мы видели как бы признание своей зрелости и гражданской полноценности. А главное — наши ребята рвались участвовать в политической избирательной борьбе, стремясь отдать свои голоса за большевиков.

Мне шел пятнадцатый год, но в ту пору мальчишки быстро мужали. Во всяком случае, участвуя в спорах об избирательном праве, я и мысли не допускал, что меня самого этот вопрос по сути дела никак не затрагивает. Шла непримиримая борьба, и мы все отдавались ей с огромным энтузиазмом.

Мало принять резолюцию. А как ее выполнять? Тут всегда было много различных мнений. Надо сказать, что никаких официальных прав у нашего союза не было. Мы действовали на свой страх и риск, и нас не удерживали никакие соображения субординации.

Так, однажды после очередного собрания всегда горячая и решительная Лиза Пылаева взяла группу ребят, делегатов нашего союза, и с ними отправилась в Александринский театр. В те дни Керенский проводил там широкопредставительное Демократическое совещание. И вот с трибуны этого совещания, по мысли наших делегатов, Лиза и должна была произнести речь в защиту политических прав молодежи. Позже я расскажу, как развивался и чем закончился этот «инцидент на Демократическом совещании».

Были и другие попытки реализовать решения нашего союза. В начале июня в большевистской «Правде» появилась статья, призывавшая восемнадцатилетних юношей и девушек объединяться для борьбы за право участвовать в выборах. Подписана статья была так: «О. Скар». Но мы то прекрасно знали, что написал ее секретарь нашего Коломенского ССРМ Оскар Рывкин.

Спустя несколько дней там же, в «Правде», появилось обращение к молодежи. Интересующимся вопросом о политических правах предлагалось 22 июня собраться на Херсонской улице, в клубе рабочих и солдат «Объединение». Клуб этот размещался в доме, который при царе занимала рота полиции.

Конечно же я пришел туда. В тесном помещении клуба собралось около ста человек. Председательствовала Лиза Пылаева. Она же выступала с докладом «О текущем моменте». А секретарствовал на собрании анархист Зернов. Несмотря на жару, он, как и многие его однопартийцы, был облачен в черную накидку и не снимал черной широкополой шляпы.

Перед лицом опасности рабочая молодежь, как и старшие наши товарищи, стремилась собрать свои силы. Вот почему на собрании в клубе «Объединение» Лиза Пылаева призывала молодежь сплотиться для организованной борьбы за власть Советов вместе со всеми пролетариями.

Вот почему это собрание, созванное, казалось бы, по частному, хотя и важному поводу, не ограничивалось принятием резолюции с требованием избирательного права для юношей и девушек начиная с восемнадцати лет. Тут же было принято решение — в противовес «Труду и свету» создать межрайонный социалистический союз рабочей молодежи. Во временное руководство его, в состав оргбюро, вошли Елизавета Пылаева, Оскар Рывкин, а также молодой большевик с Петроградского оружейного завода Эдуард Леске.

А через несколько дней после собрания на Херсонской я вместе с другими ребятами по поручению Лизы расклеивал на тумбах афиши такого содержания: «Социалистический союз рабочей молодежи в субботу 1-го июля 1917 г. в 6 час. вечера в цирке «Модерн», Петроградская сторона, Троицкая площадь, устраивает митинг молодежи. Выступят известные ораторы, хор певчих и оркестр духовой музыки».

Тогда в Петрограде было два цирка. Один из них, существующий и доныне, называли по фамилии хозяина — цирком Чинизелли. А на Троицкой площади, напротив мечети (на том месте, где теперь студенческое общежитие ЛИИЖТа), стоял другой — «Модерн», деревянный, со скрипучими лестницами и небольшим манежем. Как цирк он тогда не работал. После Февральской революции в этом здании почти каждый день проводились митинги, собрания, лекции.

Вот в этот «Модерн» и пришел я с нашими ребятами вечером 1 июля. Молодежи на первый общегородской митинг собралось очень много. В «Модерн» пришли не только члены уже действовавших районных союзов, но и не состоявшие в них юноши и девушки.

Пылаева, Рывкин и Леске рассказали собравшимся о решении создать Межрайонный социалистический союз рабочей молодежи, который объединит ее в борьбе за социалистическую революцию. С восторгом встретили мы выступления старых большевиков Безработного (Д. З. Мануйльский), Рахьи и Слуцкого. Потом началась запись в Межрайонный союз. Тем, кто состоял в районных союзах, записываться не надо было. Однако некоторые из них все же записались и тут — «для верности». Так, мол, надежнее.

В тот же день открылась вторая Петроградская конференция большевиков. Еще 7 июня в «Правде» мы читали статью Крупской «Как организоваться рабочей молодежи?». А на конференции Надежда Константиновна вы-

ступила с докладом о работе с молодежью, предложила проект программы и устава ССРМ.

«Организации молодежи, — говорилось в резолюции конференции большевиков Петрограда, — должны быть массовыми пролетарскими организациями, социалистическими по духу.

...Партия должна со всем вниманием отнестись к возникающим самостоятельным организациям молодежи, оказывать им всяческое содействие и посылать туда своих членов, чтобы установить тесный контакт между движением взрослых рабочих и движением молодежи».

Но через день июльские события достигли своего апогея. Члены Социалистического союза вместе с революционными рабочими и солдатами Петрограда вышли на улицы. И на мирную демонстрацию обрушился свинцовый пулеметный шквал.

СЛЕДУЯ ЛЕНИНСКОЙ ЛИНИИ

Расстрел июльской демонстрации рабочих, солдат и матросов поставил точку на мирном развитии революции. Маска демократов упала с лица Временного правительства, эсеров и меньшевиков. Двоевластие копчилось. Юнкера разгромили редакцию «Правды». Правительство приказало арестовать Ленина. Многие руководители большевиков были брошены в тюрьмы. Но никакие репрессии уже не могли остановить нарастающую революционную волну.

26 июля полулегально собрался исторический VI съезд большевистской партии. Он принял курс на вооруженное восстание. И этот же съезд, наметивший пути социалистической революции, сыграл главную роль в создании Социалистического союза рабочей молодежи в Петрограде, а затем и в других местах России.

Вопрос об организации молодежи обсуждался на специальной подсекции съезда, где с докладом выступала Надежда Константиновна Крупская. Ему же было посвящено и специальное, тринадцатое по счету, пленарное заседание съезда, происходившее 2 августа 1917 года. Здесь по докладу Михаила Харитонов (военный комиссар нашего Коломенского района, единственный при Временном правительстве комиссар-большевик) развернулись бурные прения.

Выступали многие деятели большевистской партии: Подбельский, Слуцкая, Самойлова и другие. И вот среди

этим именем ветеранов партии вдруг появляется новое имя — Василий Алексеев. В протоколе съезда об этом записано так: «Слово вне очереди предоставляется представителю Союза социалистической молодежи тов. Алексееву».

Представителем Союза социалистической молодежи Вася Алексеев по существу-то не был. К тому времени не образовался еще в Петрограде такой-единый общегородской союз. Так почему же Васе Алексееву вне очереди предоставляется слово? Почему его называют представителем Союза социалистической молодежи Петрограда? И наконец, почему Алексеев выступал на этом пленарном заседании дважды?

Чтобы сегодня понять это, нужно вспомнить существо дискуссии, развернувшейся на VI съезде при обсуждении вопроса о целесообразности и формах создания Союза социалистической молодежи. На этот счет у делегатов были различные мнения. Некоторые предлагали никаких союзов не создавать, а вести работу с молодежью через школы, через учителей. Им возражали: большинство рабочих молодежи оторвано от школ, да и где для социалистического воспитания взять учителей — социалистов, большевиков. Было предложение создать молодежный союз как секцию при партии, не имеющую организационной самостоятельности. Но при этом получилась бы не массовая, а замкнутая юношеская организация. Были на съезде также попытки опереться на опыт организации молодежных союзов при западноевропейских социал-демократических партиях.

Однако и Крупская, и Харитонов, и некоторые другие большевики, следуя ленинской линии, стояли за руководимые партией, но организационно самостоятельные союзы молодежи. Владимир Ильич считал, что в таких союзах облегчается развитие инициативы юношей и девушек, учитываются возрастные особенности, приобретаются навыки общественной деятельности. Он подчеркивал, что «без полной самостоятельности молодежь не сможет ни выработать из себя хороших социалистов, ни подготовиться к тому, чтобы вести социализм вперед».

В утверждении этой линии большую роль сыграл наш товарищ, молодой большевик Вася Алексеев. Не прислушаться к его мнению делегаты съезда не могли. Он был депутатом Петроградского Совета, председателем заводского комитета завода «Анчар», одним из самых боевых активистов молодежного рабочего движения.

Алексеев неоднократно выступал на секции съезда и

дважды на пленарном заседании. Говоря от имени Невского, Нарвского и Коломенского районных союзов рабочей молодежи, он настойчиво, аргументированно, а принципиально защищал идею создания Социалистического союза рабочей молодежи, организационно самостоятельного, но тесно связанного с большевистской партией. Он так убежденно отстаивал эту идею, что в глазах делегатов съезда превратился в авторитетного представителя Социалистического союза рабочей молодежи Петрограда. А союза еще предстояло создать.

Узнать из газет о дискуссии, которая велась на съезде большевиков, мы не могли. Не было известно даже, где проходят заседания съезда. Но к нам, в исполком Коломенского ССРМ, почти каждый день забегал Вася Алексеев. Сказать по правде, он тут у нас и жил, точнее — досиживал, (отсюда было рукой подать до его завода). Так что мы получали информацию о съезде, как говорится, из первых рук. Только вот ни разу не проговорился Васи, где заседает съезд.

Помнится, Алексеев рассказывал нам, что и после окончания прений, во время принятия резолюции, полного единства делегаты съезда не добились. Проект резолюции «О союзах молодежи» зачитывался дважды. Предлагались другие проекты. Наконец в принятую за основу резолюцию вносились немаловажные поправки. Они тоже горячо обсуждались. После того как решение было окончательно принято, один из делегатов потребовал записать в протокол его особое мнение. Он считал принятое съездом постановление по вопросу об организации молодежи глубоко ошибочным...

Так непросто писались первые строки истории комсомола. Но тут надо видеть главное. В дни, когда партия большевиков со всей решительностью ставила вопрос о социалистической революции, она определила в ней место своего помощника — пролетарской молодежи.

«...Съезд считает содействие (созданию) классовых социалистических организаций рабочей молодежи одной из неотложных задач момента и вменяет партийным организациям в обязанность уделить работе этой возможный максимум внимания» — это решение съезда большевиков мы впервые прочли через пятнадцать дней после окончания его работы — в день рождения Социалистического союза рабочей молодежи Петрограда.

Но еще до этого случилось вот что. На 5 августа Шевцов и его сторонники назначили «юбилейное» заседание Всерайонного совета «Труда и света». Союзу исполнилось

три месяца, и соглашатели спешили отметить эту дату и дать ему второе дыхание — еще раз громогласно провозгласить свои туманные цели. Эта попытка Шевцова и компании не удалась. Большевики испортили им все торжество.

На заседании Всерайонного совета (на третий день после принятия VI съездом большевиков резолюции «О союзах молодежи») выступил Вася Алексеев. Разоблачив действия исполкома «Труда и света», Вася прямо назвал его руководителей соглашателями и приспешниками буржуазии, стремящимися отвлечь молодежь от революционной борьбы. Поддержали Васю и другие большевики. Тогда он от имени Нарвско-Петергофского, Невского, Петроградского, Коломенского и Василеостровского союзов рабочих молодежи объявил Всерайонный совет «Труда и света» распущенным и призвал молодежь вступать в Петроградский ССРМ. Все делегаты покинули заседание. Остались лишь пятеро во главе с Шевцовым и Дрязговым.

Хочу подчеркнуть, что лето 1917 года было чрезвычайно трудным временем для партии большевиков. В этих условиях в ее борьбе за влияние на молодежь, за организацию молодежи важную роль сыграли инициатива и упорство молодых членов партии — таких, как Лиза Пылаева, Оскар Рывкин, Вася Алексеев...

ЕСТЬ ПЕТРОГРАДСКИЙ ССРМ!

Все было готово для проведения первой общегородской конференции организаций рабочей молодежи Петрограда. Собрания районных союзов одобрили роспуск «Труда и света», высказались за вступление в ССРМ, избрали своих делегатов. Большевистская газета «Рабочий путь» несколько раз печатала на своих страницах объявления о созыве конференции.

18 августа к восьми часам вечера в деревянный одноэтажный дом с мезонином, стоявший на том месте, где ныне находится Дворец культуры имени Горького, стали собираться делегаты рабочей молодежи, в числе которых посчастливилось быть и мне.

Теперь мы уже знали, что именно здесь проходили последние заседания VI съезда партии большевиков и что здесь было принято постановление «О союзах молодежи». Перед Февральской революцией в этом доме помещалась начальная школа для детей. Маленькая комнатка учи-

тельницы в мезонине, уставленный скамейками «классный зал», смежная с ним комната — вот и все помещения дома.

Входя со двора, делегаты сразу попадали в комнату, где шла регистрация участников конференции. Открывалась она в напряженной обстановке. В столице через два дня, в воскресенье, должны были состояться выборы в Центральную городскую думу Петрограда. Теснимая и преследуемая партия большевиков все же выступала на выборах со своим списком кандидатов.

Многие из делегатов нашей конференции активно участвовали в предвыборной кампании. Например, Вася Алексеев как председатель заводского комитета проводил в тот день предвыборный митинг рабочих завода «Анчар». Многие другие наиболее активные молодые большевики дежурили на специальных пунктах, открывшихся на заводах и фабриках в связи с выборами, вели там агитацию за свою партию. Кое-кто из них к началу конференции опаздывал. Это обстоятельство не прошло мимо внимания меньшевиков и эсеров. Несмотря на поражение «Труда и света», они заранее готовились дать бой и забрать руководство конференцией в свои руки, а если не выйдет, то попросту сорвать ее работу.

Состав союза еще не вполне определился. На конференцию созывались делегаты всех районных и заводских организаций молодежи. Среди них оказались и эсеры, и меньшевики, и анархисты. К тому же точные формы представительства заранее не устанавливались. Все это побитым, но неуспокоившимся сторонникам Шевцова было на руку. Меньшевик Дрязгов сразу же попытался устроить обструкцию. Но делегаты конференции не дали Дрязгову разгуляться. Было обнаружено, что он привел с собой угодных ему людей. Правда, выяснилось это не сразу. Не было ни единой формы мандатов, ни строгой регистрации. И все же в конце концов стало очевидным, что от Выборгского района на конференцию было более тридцати делегатов, тогда как от других районов — по восемь — двенадцать человек.

Петр Смородин и Иван Канкин, представлявшие союзы Петроградского и Невского районов, тотчас потребовали проверки мандатов и правомочности делегатов-выборжан. Дрязгов кричал, что у них на Выборгской стороне большая организация и что поэтому группа их делегатов так велика. Но Смородин уже вытащил из кучи бумажный список-мандат от «Труда и света», ловко подслушанный Дрязговым для регистрации.

— Нет, брат, шалишь! — наступал на Дрязгова Смо-
родин, потрясая мандатом «Труда и света». — Не выйдет
у тебя этот фокус. Ты нам мертвых душ не суй. Ка-
кой еще «Труд и свет»? Нет такого. Был, да весь вы-
шел!..

После горячих споров мандат «Труда и света» был ан-
нулирован. Дрязгов и его приспешники, лишённые права
голоса, притихли. Они явно не рассчитывали получить та-
кой отпор и не учли еще одного очень важного обстоя-
тельства. На всех скамейках в зале заседания лежали но-
мера газеты «Рабочий», в которой именно в тот день было
напечатано постановление VI съезда большевиков «О со-
юзах молодежи». Делегаты читали этот важный документ
и тут же горячо его обсуждали. Всем было видно рази-
тельное отличие большевистской резолюции от эсаре-
меньшевистских установок. В каждом слове ее чувствува-
лось уважение и доверие пролетарской партии к будуще-
му Социалистическому союзу рабочей молодежи. Это бы-
ла огромная поддержка наших начинаний.

Однако препирательства с дрязговцами, проверка до-
помочий, составление окончательных списков делегатов
затянулись 18 августа допоздна. Конференция в тот день,
по существу, работы не начинала. Оргбюро объявило, что
мы вновь собираемся завтра, но уже пораньше — в семь
часов вечера.

Готовясь к работе над этой книгой, я потратил три го-
да, собирая достоверные сведения о делегатах конферен-
ции. Мне удалось найти некоторые биографические дан-
ные о девятиста семи из них. Но это далеко не все деле-
гаты. — их было более ста семидесяти. К сожалению, о
представителях некоторых организаций нет вообще ника-
ких сведений. Известны фамилии посланцев Выборгского
района, но что это за люди, на каких заводах они работа-
ли — неизвестно.

19 августа конференция началась вовремя. Открыла
ее от имени оргбюро Лиза Пылаева. От имени ЦК и
Петербургского комитета РСДРП(б) делегатов привет-
ствовал хорошо нам знакомый товарищ Безработный
(Д. З. Мануильский). Первым выступил член ЦК
А. И. Слуцкий. Он говорил о текущем моменте, о зада-
чах революции, о том, за что и как должна бороться ра-
бочая молодежь. Выступал и Михаил Харитонов, которо-
го Временное правительство незадолго до этого все же
сняло с поста комиссара Коломенской части под предло-
гом, что он якобы допустил занятие анархистами дворца
принцев Лейхтенбергских. Комиссар-большевик в рабо-

чем районе был неутрачен Временному правительству.

Докладов на конференции не было. Любой мог записаться и выступить. Одни рассказывали о заводских делах, другие — о работе своего союза, третьи — о тяжелом положении подростков-учеников в мелких частных мастерских. Горячо и убежденно выступали молодые большевики Вася Алексеев, Оскар Рывкин, Петр Смородин, Михаил Глебов, Леопольд Левинсон, Вася Васильев и другие. Вылезали к трибуне и брали слово (причем кое-кто по нескольку раз) ораторы от других партий: анархисты Михаил Кузнецов и Павел Бурмистров, эсер Михаил Цейков, меньшевик Григорий Дрязгов. На речи этих ораторов зал часто откликался топотом и криками «Долой!».

Конференция провозгласила создание Петроградского Социалистического союза рабочей молодежи и приняла свою первую политическую резолюцию явно большевистского направления. Суть и задачи союза определялись в ней так:

«Социалистический Союз Рабочей Молодежи есть классовая организация пролетарского юношества, имеющая своей главной целью развитие классового самосознания подрастающего поколения рабочего класса, поднятие его культурного развития как необходимое условие подготовки к сознательной и решительной борьбе за освобождение всех угнетенных и эксплуатируемых от ига капитала — борьбе за социализм.

Ставя себе эту задачу как основную, Социалистический Союз Рабочей Молодежи будет добиваться улучшения экономического и политического положения рабочей молодежи: сокращения рабочего времени, увеличения заработной платы, ограждения молодых рабочих и работниц от хозяйского произвола...

В сознании особенности переживаемой нами эпохи, эпохи перехода от пропаганды идей социализма к непосредственной борьбе за осуществление этих идей, — эпохи, возлагающей особенно ответственные задачи на молодое поколение рабочего класса, — в сознании всего этого, Первая Конференция Союзов Рабочей Молодежи с верой в грядущее будущее приступает к своей работе...»

Под аплодисменты делегатов конференция приняла горячее приветствие находившемуся тогда в подполье вождю большевиков Владимиру Ильичу Ленину и его соратникам:

«От имени 13 000 избравших нас молодых пролетариев шлем вам, нашим идейным учителям, свой товарищеский привет.

Пусть реакция торжествует,— ее торжество не надолго.

Вы, товарищи, сумели разбить могучие стены тюрем, построенные царским самодержавием,— мы же сумеем вторично разбить те же стены воскресших тюрем, в которые вы брошены...

Пусть не думают правящие партии, что, вырвав вас из нашей среды, они вырвали из наших сердец те идеалы, за которые вы учили нас бороться.

Наши молодые силы готовы не только продолжить, но и окончить ваше идейное дело и на развалинах свергнутого вами самодержавия воздвигнуть новую Россию, Россию пролетарскую».

Конференция выразила свою пролетарскую интернациональную солидарность с борющимся рабочим классом других стран и послала приветствие Карлу Либкнехту.

По примеру VI съезда большевистской партии, опасаясь разгона, мы избрали Петербургский комитет Социалистического союза рабочей молодежи не в конце своих заседаний, а в середине их. Большинство мест в комитете было отдано молодым большевикам. Председателем Петербургского комитета был избран Эдуард Леске, молодой большевик с Петроградского оружейного завода, его заместителем — известный всей рабочей молодежи Вася Алексеев, а секретарем — Оскар Рывкин из картографического заведения Ильина, будущий председатель (порванный секретарь) Центрального комитета Российского коммунистического союза молодежи.

Конференция вынесла очень важное решение о выпуске своего печатного органа — журнала революционной рабочей молодежи Петрограда. Нам очень хотелось иметь свой журнал. Но ни средств, ни возможностей для его издания тогда не было, и осуществить нашу мечту удалось лишь после Великой Октябрьской социалистической революции.

Мы приняли резолюцию о присоединении к Интернационалу молодежи. В ней было сказано, что наш союз стремится «к объединению пролетарской молодежи всей России в один могучий юношеский Социалистический Союз, пойдет рука об руку с организованным пролетариатом всей России в первых его рядах и, смело поднимая красное знамя борьбы, объявляет себя отрядом Интернационала рабочей молодежи».

Конференция утвердила программу и устав созданного ею Социалистического союза рабочей молодежи.

Такой запомнилась эта первая конференция ССРМ

Петрограда мне, одному из ее делегатов. Но для полноты картины я хочу привести здесь также воспоминания «постороннего наблюдателя». Сохранились очень интересные строки, написанные под свежим впечатлением от конференции семнадцатилетней гимназисткой Евгенией Герр и опубликованные во втором номере журнала «Юный пролетарий» в 1918 году.

«...Я только что приехала из Риги, вернее бежала, и совершенно случайно, по первому объявлению, попала на конференцию,— рассказывала она.— Все казалось мне здесь каким-то странным. Я недоверчиво прислушивалась ко всему, приютившись в стороне и выглядывая из-за листа мнимо-читаемой газеты.

Наконец открылось заседание конференции. Я была поражена... Как эти юнцы, полудети-полуварослые, умели с такой ясностью говорить о своих интересах?.. Сколько страстности и огня в словах!..

...Вот почему выступления питерской рабочей молодежи на ее 1-й общегородской конференции столь поразили меня.

Рижская инертная учащаяся молодежь оказывалась ничем и опускалась все ниже в моих глазах перед этой организованной, деятельной и ярко революционной рабочей молодежью.

...Я ушла к ним и стала работать вместе с ними.
Евг. Герр».

Впоследствии я очень хорошо узнал Женю Герр. Она стала сотрудником журнала «Юный пролетарий», работала в комсомоле, была делегатом его Первого Всероссийского съезда. Но тогда, после конференции, попытка Жени вступить в ССРМ кончилась неудачей. Лиза Пылаева категорически отказала ей, неизвестной гимназистке и, как мы тогда понимали, «буржуазному элементу». Лишь рекомендация одного из знавших Женю старых большевиков помогла ей стать членом нашего союза.

Такое же воздействие, как и на Женю, оказала первая конференция ССРМ на широкие массы молодежи. Она сплотила и увлекла их своими большевистскими решениями, революционным энтузиазмом и юношеской неукротимостью.

Враги злобствовали и всячески стремились принизить значение новой победы партии большевиков. Рабочая молодежь ответила на вражеские происки повсеместным ростом организаций Социалистического союза рабочей молодежи Петрограда.

РАБОЧИЙ ПАРЕНЬ ВАСЯ АЛЕКСЕЕВ

Деревня стояла у самого Путиловского завода, но была она старше, чем он: завод еще не существовал, а Емельяновка уже обосновалась здесь.

Петербург разрастался, на окраинах возникали все новые заводы и фабрики. Город упорно наступал, и одна за другой исчезали с лица земли деревни Нарвской заставы: Волянкина, Правое Тентелево и Левое Тентелево, Автово и Ямская... Но Емельяновка устояла. Уже давно от других деревень лишь названия остались, а Емельяновка все держалась. Держалась вплоть до нашего времени, до 1965 года, когда был снесен последний дом деревни и отошла под строительство новых корпусов Кировского завода последняя пядь ее земли.

В конце прошлого века жили здесь люди, которых называли крестьянами, хотя работали они на заводах. В то время пришел сюда на заработки из дальней деревни Заболотье, Псковской губернии, Петр Алексеевич Алексеев.

Поначалу косил он на пригородных сенокосах, потом мыл шерсть на войлочном заводе Вахрушева. Несколько позже поступил чернорабочим в кузницу на Путиловский, да так здесь и остался. Почти сорок лет проработал Петр Алексеевич кузнецом, а под старость сменил профессию и стал сверловщиком.

В Емельяновке в молодые годы Петр Алексеевич справил свадьбу. Жена его, Анися Захаровна, была здешняя, деревенская, но считала себя питерской. В 1896 году родился у них сын, называли его Васей.

Минуло двадцать пять лет. Однажды в Емельяновку пришли три нежданных парня. Из чьей-то избы на улицу были вынесены стол и скамейка, парни накрыли стол принесенным с собой куском красного ситца. Потом один из них — высокий, худой, в кожаной куртке, левый пустой рукав заправлен в карман — подошел к пожарному сараю и зазвонил в колокол.

Из сорока домов вышли емеляновцы. Под руки привели они к месту сбора Анисю Захаровну, маленькую, в ту пору уже пожилую женщину, и усадили ее рядом с мужем, Петром Алексеевичем, на скамейку у стола.

Однорукий стащил с головы кепку и открыл митинг. Он предоставил слово своему товарищу, самому молодому из троих.

Тихо, с удивлением слушали емеляновцы горячую, сбивчивую речь юноши. Наверное, не сразу поняли они, что говорит он об их односельчанине — о старшем сыне

Анисья Захаровны и Петра Алексеевича. В ребячество вроде бы ничем не выделялся среди своих погодков Василий, в позапрошлом году умерший от тифа. Многих тогда скопил сыпняк...

— Наш товарищ Вася Алексеев, — говорил между тем оратор, — еще в двенадцатом году, пятнадцатилетним парнем, вступил в большевистскую партию. С тех пор вся жизнь его была борьба. Борьба с проклятым царизмом, за новую светлую жизнь для рабочих людей. Борьба за революцию, за социализм. Вася был одним из организаторов Социалистического союза рабочих молодежи Петрограда, председателем Петербургского комитета ССРМ, членом первой редколлегии журнала «Юный пролетарий», делегатом VI съезда партии. Герой гражданской войны Вася Алексеев безвременно погиб...

Теперь емельяновцы не смотрели на оратора, они не сводили глаз с родителей Васи.

Петр Алексеевич сидел прямо, опустив глаза, изредка поглаживая поседевшую бороду. Анисья Захаровна уголком полущалка незаметно вытирала набегавшие слезы. Она думала, наверно: отчего так дорог для всех ее Вася? Почему ласково называли его сыном рабочие пушечной мастерской Путиловского завода? Почему теперь этот незнакомый парень говорит о Васе такие хорошие слова?

Что знала о сыне Анисья Захаровна? Поначалу — все, а потом — очень мало. Все было ясно, когда он мальчишкой бегал по пыльной улочке Емельяновки, когда в школу пошел. Но с годами все дальше, в сторону уходила жизнь сына. Поступив на завод, Вася здесь, в деревне, появлялся уже не часто. Видно, занят был, не мог...

«В кого же он выдался такой, Василий? — думала Анисья Захаровна. — Другие емельяновские парнишки, начав зарабатывать, то одно прикупят, то другое. Пиджакишко там, косоворотку, картуз, сапоги хромовые со скрипом, гармонь заведут. А Вася — голь-голью, все книжки да книжки в дом таскал. Грамотный не шибко — всего три года довелось ему поучиться. Надобно было на заработки идти. На тридцать два отцовских рубля восьмертов тяжело прокормить. А на завод можно было поступить хоть из колыбели. Война...»

Вспоминала Анисья Захаровна, как началась она, та проклятая война. Мужики на фронт ушли, многие погибли. Вот мальчишек и брали на завод всех без разбору. Какой ни есть малолетний, а жми на все жилы — никакого закона, никакого заступничества. Жми полный рабочий день, да еще и на сверхурочные оставляют. Парниш-

ки-то как убитые после смены па кровати да на лавки ва-
лились. И все же, как ни говори, подмога — лишний
рубль в дом. Но Вася, почитай, все деньги на книжки из-
водил. И читал оп их за полночь, и спал па них, они ему
всего дороже были. Бывало, отец заворчит, а Вася ему:
«Ладно, ладно. Ты, батя, не сердчай. Не все же нам в пи-
щоте да в темноте жить. Учиться надо. Без учения жизнь
не переделаешь».

Никогда не забудет Анилья Захаровна, как пришел
его первый раз арестовывать. «Ты, мам, на книжки сядь
и заплачь», — сказал ей тихонько Вася. Ну, она книжки-
то юбками до самого полу и закрыла, а уж слезами зали-
валась и без его наказа. Городовые не тронули ее, хотя
все в доме вверх дном перевернули. Васю увели, конечно.
Хотела Анилья Захаровна книжки его сразу от греха по-
жечь, да Алексееч удержал. «Не надо, — говорит, — вид-
но, судьба у Василия такая. А книжки-то его, должно
быть, справедливые. Надо бы их приберечь...»

Когда освободили Васю, одну только почку и побыл он
дома без помехи. Товарищи собрались к нему, и погово-
рили они до утра. А на другую ночь опять полиция при-
шла, но Васи и след простыл. По три дня иной раз заса-
ды возле дома сидели — всё ждали Васю. Ждали-
лись, да не дождались. Анилья Захаровна совсем уж не
чаяла увидеть старшего сына. Только теперь, после его
смерти, узнали наконец мать и отец, все узнали о его
трудной жизни и борьбе.

Оказывается, шестнадцати лет он уже агитировал за
большевиков среди путиловских рабочих, собрал кружок
своих сверстников в пушечной мастерской, участвовал в
забастовках, стачках. Во время войны перешел на неле-
гальное положение, потерял право па работу. Трижды его
арестовывали.

Только 27 февраля 1917 года последние полицейские
покинули Емельяновку. Вася в тот день пришел в Таври-
ческий дворец на первое заседание Петроградского Сове-
та как делегат от «Анчара», где был он председателем
заводского рабочего комитета...

И вот теперь за его заслуги перед революцией, перед
рабочим классом, перед большевистской партией и Ком-
мунистическим союзом молодежи эти трое предлагают пе-
реименовать деревню Емельяновку, где Вася родился и
вырос, и называть ее отныне Алексеевкой.

— Кто за Алексеевку? — говорит одиорукий предсе-
датель.

Все емельяновцы поднимают руки...

Об удивительной судьбе рабочего парня Васи Алексеева теперь написаны книги. Но я узнал о нем не из книг. Он был моим товарищем по борьбе, у которого я многое перенимал и многому учился.

Не помню точно, когда впервые появился Вася у нас в исполкоме Коломенского ССРМ. Это было где-то в начале июня 1917 года. Приходил Алексеев по делам в райком партии и заглянул к нам. Заглянул да так с тех пор и стал у нас своим человеком.

Ничем особым не выделялся он среди рабочих парней. Невысокий, тщедушный, Вася приходил к нам в своем издавшем виды пальтишке с потертым бархатным воротником и в великоватой для него кепке. Чуть теплело — и он надевал потрепанный пиджачок, карманы которого всегда оттопыривались, набитые газетами и брошюрами. Никакой другой одежды я на Васе не видел, хотя и знал его больше трех лет.

Стал он для нас не только своим человеком, но и во многом учителем. Вася был удивительно внимателен к людям. Спокойный, неторопливый, он постоянно кого-то слушал, кому-то терпеливо растолковывал сложный вопрос, кого-то убеждал, ободрял, поддерживал. Часто по этой причине Вася опаздывал на собрания, встречи, лекции. Опаздывал и оправдывался: надо было помочь, товарищ не разобрался, требовалось объяснить, убедить.

Он много знал и потому умел и объяснить, и убедить. Некоторые из вожakov первых союзов рабочей молодежи чувствовали это превосходство Васи. Ивану Скоринко, например, казалось, будто Алексеев подавляет его своими знаниями. Думаю, что это было не так. Нам Вася только помогал, причем всегда рад был услышать от своего собеседника дельную мысль, толковое предложение, всегда рад был поддержать хорошее начинание.

Разумеется, мы удивлялись, откуда у Васи столько знаний. А он не раз повторял, что университеты свои прошел в пушечной мастерской Путиловского завода. Впрочем, Алексеев умел использовать для учебы каждый час, каждую минуту. Если он не разговаривал, то читал. Читал дома и на конке. Читал, ожидая открытия собрания и во время перерыва. Это было его единственное занятие для себя. Для себя, но в конечном счете и для всех нас.

Вася много выступал — чаще всего перед рабочей молодежью. И тут его было не узнать. Куда девался неторопливый, задумчивый Вася? Говорил он с подъемом, с

жаром, причем так увлекался, что начинал заикаться, — обычно это было не очень заметно. Я никогда не видел конспектов или планов его выступлений. Но речь Васи всегда была логична, убедительна. После выступления он подробно отвечал на вопросы.

Вася Алексеев был, пожалуй, первым публицистом из среды революционной рабочей молодежи. Еще до революции в журнале «Вопросы страхования», а потом и в газете «Вперед» печатались его стихи. Он мечтал о молодежном журнале. Когда эта мечта сбылась и начал выходить журнал «Юный пролетарий», больше половины материалов для первых его номеров написал сам редактор — Вася Алексеев.

Организаторская работа была, что называется, его стихией. Он умел доводить любое дело до конца, работал настойчиво и напряженно. Диву даешься, как при своем слабом здоровье мог он столько делать, причем после основной работы, дававшей ему средства существования. А между тем он был в ту пору членом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, председателем Петербургского комитета ССРМ, членом райкома партии большевиков Нарвско-Петергофского района, редактором «Юного пролетария», агитатором и пропагандистом. Ко всему тому 18 декабря Вася Алексеев становится членом первого революционного суда Нарвского района.

Это было совершенно новое для него, как и для выдвинувшей его партии большевиков, трудное дело. Народный суд был призван защищать революционные устои молодой Республики Советов, бороться с контрреволюцией, карать спекулянтов и саботажников. Все это делалось впервые и в особых условиях. Судебные кодексы РСФСР появились позже. А пока суд принимал решения, руководствуясь революционной совестью. «Закон — моя революционная совесть», — спокойно и твердо отвечал крючкотворствовавшим судебным деятелям Вася Алексеев. Он, участник штурма Зимнего, защищал свою революцию. И он защищал ее не только в народном суде, но и в боях с интервентами и белогвардейцами.

С отрядом Красной гвардии Нарвского района уходил Вася к Пскову, где надо было дать отпор угрожавшим красному Питеру кайзеровским войскам. Спустя год с небольшим Алексеев (тогда он заведовал агитационным отделом Нарвско-Петергофского райкома партии) в составе команды бронепоезда № 44 отправляется под Ямбург сражаться с белогвардейцами Юденича. Когда белые ворвались в Гатчину, последним покинул город Вася Алексеев.

По 3 ноября он вместе с Красной Армией вернулся в Гатчину и стал председателем ревкома.

Вскоре Вася Алексеев заболел сыпным тифом. Здоровье его, подорванное годами напряженной работы и голодом, и без того было слабым — Вася не вынес тяжелой болезни и 29 декабря 1919 года скончался в своей промуженной петроградской квартирке.

Умер Вася, Василий Петрович Алексеев, человек безгранично преданный революции, безупречно честный и кристально чистый. Он во всем служил примером для нас, его товарищей.

Вспоминается, как он был тверд и решителен в любом деле, оставаясь при этом деликатным и доброжелательным. Я никогда не слышал от него грубого слова; злой насмешки. Он не терпел бытовавших среди рабочих парней кличек и прозвищ. А ведь что греха таить, кое-кто чуть ли не «революционным шиком» считал в ту пору отпустить соленое словцо, бесцеремонно одернуть младших в горячем споре. Не раз я слышал, как Вася вместе с нашими девушками строго отчитывал грубиянов. Особенно доставалось эсеру Мишке Цепкову, анархистам Мишке Кузнецову, Пашке Бурмистрову, Митьке Зернову, а подчас и нашему товарищу Петьке Смородину, которого Паша Селезнева называла «чернословником».

— Будешь браниться — я опять Васе скажу, — говорила она, бывало. — Попадет тебе от него. Не революционер ты, а серый ломовик!..

Паша, как и многие наши девушки, мечтала соединить свою судьбу с Васей Алексеевым. Но тот казался неприступным. А летом 1919 года, к нашему великому удивлению, Вася женился на совсем молоденькой служащей Нарвского компрода Марии Курочко. Их счастье было недолгим. Через полгода он умер. На другой день после смерти Васи Мария застрелилась из его револьвера. В морозный и метельный день, 1 января 1920 года, мы похоронили их рядом на Красненьком кладбище. Позже на могиле Васи был поставлен памятник.

Уже после гражданской войны собрались мы, три райкомовских секретаря (по-тогдашнему — организаторы) — Александр Шибяев, Михаил Удалов и я. Собрались и пошли в родную Васину деревню, чтобы переименовать ее в Алексеевку. Переименовать-то мы ее переименовали, но сделали это лишь на словах — никаких бумаг не составили. Вот и получилось, что деревню люди стали называть Алексеевкой, а в документах значилась она по-прежнему как Емельяновка.

Только в 1934 году доведено было это дело до конца. Снова втроем приехали мы в родные Васиньы места, чтобы участвовать в торжественной установке табличек и домовых фопарей с новым наименованием деревни. Первым был установлен фопарь на доме № 5, где родился и вырос Вася. Отец его, Петр Алексеевич, еще пашел в себе силы с помощью сыновей Николая и Александра подняться по лестнице и повесить на стену фопарь с номером.

Многое изменилось к тому времени в Алексеевке. Умножилась семья Анисьи Захаровны и Петра Алексеевича. Подрастало новое поколение Алексеевых — двенадцать внучат. Самого младшего из них звали Васей.

Прошли еще десятилетия. Время разметало семью Алексеевых, почти никого из них не осталось в Ленинграде.

Разросся наш город. Не стало деревни Алексеевки. Но Вася Алексеев не забыт.

В тихой глубине Сада имени 9 Января стоит ему памятник, перенесенный сюда с шумной площади у Нарвских ворот, где он был установлен еще в 1928 году.

Когда исполнилось семьдесят лет со дня рождения Алексеева, в его родном цехе (бывшей пушечной мастерской) на Кировском заводе была установлена мемориальная доска. Судостроители завода имени А. А. Жданова (тоже бывшие путиловцы) построили и спустили на воду корабль-лесовоз «Вася Алексеев». Взамен исчезнувшей деревни Алексеевки трудящиеся Ленинграда неподалеку построили целую улицу имени Вася Алексеева. Здесь в высоких, светлых и красивых домах живут рабочие Кировского завода — наследники и продолжатели революционных боевых и трудовых традиций путиловцев. Продолжатели дела, которому отдал всю свою короткую, но яркую жизнь товарищ нашей юности Вася Алексеев.

ФОНТАНКА, 201

В течение нескольких дней после создания Петроградского Социалистического союза рабочей молодежи его Петербургский комитет еще не успел как следует взяться за работу. Кстати сказать, назывался он, по примеру городского комитета большевиков, именно Петербургским, а не Петроградским комитетом, как часто пишут теперь. Но сил он это название несколько лет, будучи уже комитетом РКСМ.

Сложилась обстановка, в которой Петербургский комитет просто не смог сразу начать систематическую работу.

Буржуазия поставила своей целью задушить надвигающуюся социалистическую революцию. Ставка делалась на железную военную диктатуру. Кандидатом в диктаторы был намечен верховный главнокомандующий генерал Корнилов.

Организованная большевиками, вопреки сопротивлению тогда еще эсеро-меньшевистского большинства Московского Совета, грандиозная четырехсоттысячная стачка московских рабочих помешала реакции 12 августа, в день открытия Государственного совещания, совершить переворот в пользу военной диктатуры. Но это была лишь отсрочка мятежа.

27 августа Корнилов разослал во все концы страны телеграмму:

«...Вынужденный выступить открыто, я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство под давлением большевистского большинства Советов действует в полном согласии с планами германского генерального штаба и, одновременно, с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережье, убивает армию и потрясает страну внутри.

Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей Родины. Все, у кого бьется в груди русское сердце, все, кто верит в бога, — в храмы, молитесь господу богу об явлении величайшего чуда, спасения родимой земли».

Но вот, по на молитвы полагался генерал — клеветник и лицемер. Не на немцев двинул он войска. Он бросил их во главе с третьим конным корпусом, в авангарде с «дикой дивизией» на столицу собственной столь «горячо любимой» им страны, на Петроград — пролетарское сердце России, главный оплот большевиков.

Керенский и эсеро-меньшевистские соглашатели, боясь возможного взрыва масс, восстания армии и крестьян, пошли на нонятную. Своих недавних коллег они объявили мятежниками, а себя провозгласили «защитниками революции».

Однако подлинными защитниками революции были большевики, мобилизовавшие против корниловцев все силы рабочих, революционных солдат и матросов. В этот же строй встала и рабочая молодежь. Петербургский комитет ССРМ объявил союз мобилизованным. Молодежь Питера новой волной пошла в Красную гвардию. При райкомах создавались специальные резервные отряды из подростков.

Заговор контрреволюции был сорван. Петроградский ССРМ с честью выдержал свой первый боевой экзамен. Можно было браться за другие дела, разворачивать работу союза, крепить его ряды.

Через три недели после первой общегородской конференции в газете «Рабочий труд» появилось объявление:

«В среду, 20 сентября, ровно в 8 часов вечера заседание Петербургского комитета Социалистического союза рабочей молодежи.

Петергофское шоссе № 2. Просьба не опаздывать».

Первые заседания Петербургского комитета временно созывались в том же неудобном зале, где работала первая конференция. Постоянного места для Петербургского комитета долго не могли подыскать. Домовладельцы по-прежнему отказывались сдавать помещения большевикам и сочувствующим им организациям. Многие райкомы партии ютились в помещениях разгромленных полицейских участков, хозяин которых — свергнутый русский царь — уже не мог этому воспротивиться.

Наконец Эдуард Леске договорился с Оскаром Рывкиным и Васей Васильевым, что Петербургский комитет вселится в одну из комнат нашего исполкома ССРМ. Так мы стали соседями.

30 сентября 1917 года «Рабочий путь» поместил объявление, гласившее, что Петербургский комитет Социалистического союза рабочей молодежи просит за всеми справками обращаться по адресу: Фонтанка, 201. Назна-

чались ежедневные дожурства с шести до восьми вечера, в воскресенье — с одиннадцати утра до часу дня.

Поселившись у нас, «пековцы» приняли нашу систему дожурств. Работа у соседей закипела. Они завели гектограф, начали печатать воззвания к членам союза и несоюзной рабочей молодежи, посылать агитаторов на митинги и собрания. Наш районный исполком и помещавшиеся напротив бывшего Полицейского замка комитеты ССРМ Адмиралтейского и Франко-Русского заводов в случае необходимости оказывали помощь городскому комитету.

Надо сказать, что к тому времени Коломенский союз представлял собой уже довольно многочисленную и крепкую организацию. На многих заводах и фабриках были созданы деятельные молодежные коллективы, появились десятки толковых активистов.

Работа шла дружно. Да иначе и быть не могло. Заместителем председателя Петербургского комитета Эдуарда Леске был Вася Алексеев, наш давний друг; Лиза Пылаева была одновременно в составе городского комитета и Коломенского исполкома союза; Оскар Рывкин на первых порах совмещал «должности» секретаря Петербургского комитета и секретаря нашего исполкома. В конце октября он передал мне свое секретарство в Коломенском ССРМ, но навсегда остался для нас своим парнем. Так все у нас переплелось.

Каждый день в наш дом приходили рабочие парни и девушки. Приходили со своими проблемами, замыслами, со своими бедами. Тесная связь с заводами и фабриками, знание настроений и нужд рабочей молодежи позволяли Петербургскому комитету (часто его называли просто ПК) правильно решать неотложные вопросы. А делать это в условиях, когда предприятия принадлежали капиталистам, было чрезвычайно трудно.

Главную задачу, которую ставил перед собой ПК с самого начала своей деятельности, можно сформулировать кратко: готовить рабочую молодежь к социалистической революции. Но это была, так сказать, определенная большевистской партией стратегическая линия. А тактические приемы применялись разнообразные.

Нужно было, преодолевая противодействие хозяев-капиталистов, создавать ячейки ССРМ на тех предприятиях, где их еще не было, вовлекать в союз новых членов. Нужно было, учитывая опыт, полученный в дни корниловского мятежа, вести военное обучение молодых рабочих. Надо было находить способы бороться против заси-

лия капитала, против безудержной эксплуатации молодежи на фабриках и заводах.

Для решения важнейших вопросов, для координации действий районных организаций ПК практиковал тогда проведение делегатских общегородских собраний. Вот газетное объявление об одном из таких собраний:

«Петербургский комитет Социалистического союза рабочих молодежи извещает товарищей, что в воскресенье, 8-го октября с. г., в 11 часов утра назначается Общее Петербургское делегатское собрание представителей от всех заводов и фабрик, в помещении бывшего Коломенского участка (Фонтанка, 201).

П о р я д о к д н я

1. Доклад Исполнительной комиссии Петербургского комитета (защита детского и юношеского труда).

2. Доклады с мест.

3. Текущие дела.

Ввиду важности вопросов просим не опаздывать».

Готовясь к этому собранию, мы неделю ходили по заводам и фабрикам, изучали положение дел на местах. На многие предприятия проникали тайно, с превеликими ухищрениями, дабы о том не прознали хозяева и управляющие. В конце концов был сделан вывод: чтобы изменить тяжелое положение детей и подростков на предприятиях, нужно быстрее создавать и укреплять там коллективы ССРМ, требовать представительства молодежи в фабзавкомках, которые решали все вопросы с хозяевами и администрацией. Так делегатское собрание и постановило. И мы начали эту работу.

И еще одним делом, может быть самым главным, занимались ПК и райкомы союза. Дело, о котором еще в мае говорила нам Надежда Константиновна Крупская. Имеется в виду организация политической и культурной учебы молодых рабочих.

Уже тогда, в предоктябрьскую пору, при ПК действовала специальная комиссия, занимавшаяся решением этих вопросов. Открывались первые вечерние школы грамотности и первые клубы, разные кружки и курсы. Проводилось множество экскурсий. Но самой массовой формой политического и культурного воспитания молодежи были лекции, беседы, собрания и митинги.

Вот несколько типичных объявлений, публиковавшихся на страницах большевистских газет того времени:

«Социалистический союз рабочей молодежи.

В четверг, 17 августа, в 7 час. вечера в столовой Путиловского завода состоится лекция Б. Рейнштейна «Положение рабочего класса в Америке».

За вход 60 копеек. Для солдат вход бесплатный.

Билеты при входе».

«В субботу, 19 августа, в 7 час. вечера в цирке «Модерн» состоится лекция тов. Володарского «Судьбы русских поколений».

За вход 50 копеек. Для членов Социалистического союза рабочей молодежи и солдат вход бесплатный».

«ССРМ Нарвско-Петергофского района созывает во вторник, 12 сентября, в 5 с половиною час. вечера общее собрание членов Союза с докладом по текущему моменту тов. Безработного в помещении Путиловской столовой — Петергофское шоссе, № 67.

Вход по членским билетам».

«ССРМ Рождественского района (Херсонская, 2) извещает:

27 сентября в 7 с половиною час. вечера состоится доклад т. Харитонов на тему «Рабочая молодежь и милитаризм».

3 октября в 7 с половиною час. вечера состоится доклад т. Залевского «Национальный вопрос и текущий момент».

Правление ССРМ заседает по вторникам в 8 час. вечера.

Просят всех членов Союза, записавшихся на лекциях в цирке «Модерн», явиться за членскими карточками».

«ССРМ Коломенского района извещает, что в пятницу, 29 сентября, в помещении столовой конфетно-шоколадной фабрики Жоржа Бормана в 7 час. вечера Социалистический союз молодежи организует лекцию т. Луначарского на тему «Рабочая молодежь и пролетарская культура».

Приглашаем всю рабочую молодежь по адресу: Английский просп., д. 16, фабрика Жоржа Бормана».

«ССРМ Рождественского района (Херсонская, 2) извещает:

2 октября в 7 час. вечера состоится общее собрание членов.

1. Доклад правления и довыборы.
2. Доклад ревизионной комиссии.
3. Доклады делегатов и ПК ССРМ.
4. Текущий момент и права молодежи (реферат).
5. Текущие дела.

Простят явиться всех.

Члены Союза могут получить удостоверения для бесплатного чтения книг в библиотеке клуба „Объединение”.

«В среду, 4 октября, в 8 час. вечера, Садовая, 61, кварт. 15, Союз социалистической молодежи Коломенского района устраивает доклад об организации молодежи.

Товарищey торгово-промышленных служащих приглашают на этот доклад.

Желательно присутствие товарищey других профессий».

Даже в день великого пролетарского штурма и низвержения власти капитала, 25 октября 1917 года, в большевистской газете «Рабочий путь» было опубликовано одно из таких сообщений:

«Петербургский комитет Социалистического союза рабочих молодежи постановил созвать в воскресенье, 29 октября, в 10 час. утра на Фонтанке, 201, совещание культурно-просветительских комиссий при районных организациях.

Комиссии приглашаются в полном составе. Где таких комиссий нет, правление района делегирует трех представителей.

Если по юношеским заводским коллективам имеются культпросветкомиссии, они также высылают трех представителей».

29 октября пришло к нам столько делегатов районных союзов рабочей молодежи, что их не могли вместить обе наши большие комнаты.

А над высокой башней бывшего Полицейского замка, над домом нашей юности, развевался красный флаг победившей Великой Октябрьской социалистической революции.

СТАТЬЯ ЗА ПОДПИСЬЮ «Н. К.»

Для нас, членов ССРМ Коломенского района, важной «школой политики» был кружок Надежды Константиновны Крупской.

Даже после июльских событий, в тревожной обстановке травли и преследования большевиков, Надежда Константиновна, верная своему слову, не прекратила занятий. Каждое второе воскресенье приезжала она к нам в исполком.

Конечно, мы берегли и всячески охраняли Крупскую. Занятия решено было начинать раньше, с одиннадцати часов утра, чтобы Надежда Константиновна могла добраться к нам, пока воскресная публика и с нею всякая шухера еще не высыпала на улицы.

Мы каждый раз встречали Крупскую. Маршруты ее поездок менялись, но чаще всего она приезжала к нам на конке, ходившей по Екатерингофскому проспекту (ныне проспект Римского-Корсакова) от Сенной площади к Калининскому мосту. Так было удобнее, да и безопаснее. На конке в это время пассажиров обычно было немного. А с Петроградской стороны Надежда Константиновна ехала на трамвае. И вот на Сенной (место пересадки) ее и поджидали наши ребята.

Некоторые наши дежурные, делая вид, будто они знакомы с Надеждой Константиновной, входили вслед за ней в вагон. Остальные забирались на империал — второй этаж конки, иначе говоря, на крышу вагона, огороженную легкими перильцами. Здесь и плату за проезд брали более умеренную, а главное — все было видно, на все четыре стороны.

Так, в сопровождении своих учеников, Надежда Константиновна и подъезжала к «плешивому садику». Здесь был конец маршрута. Пока конновожатый отцеплял крюк и переводил лошадей к другому концу конки, готовясь к обратному пути, дежурные успевали слезть с империала и присмотреться к прохожим.

Тут, у старого обелиска — верстового столба елизаветинских времен, ожидали Крупскую другие наши ребята. Они доставали платки, «утирали пот», и только тогда Надежда Константиновна выходила из вагона и, сопровождаемая шедшими поодаль кружковцами, входила в наш дом.

Вспоминаю последнее перед Октябрьским вооруженным восстанием занятие кружка. Мы, как всегда, собрались в исполкоме задолго до приезда Крупской. И тут ве-

ожиданно стало известно, что Петербургский комитет ССРМ назначил на этот день и час в помещении, где мы должны были заниматься, очередное общегородское собрание делегатов рабочей молодежи заводов и фабрик, причем делегаты уже собрались. Мы не были против этого собрания. Наши делегаты тоже в нем участвовали. Но бесцеремонность «пекистов», не посчитавшихся с нашим кружком, нас возмутила.

— Мы по-товарищески пустили к себе этот ПК. Приютили его, дали ему комнату, и вот, пожалуйста, он захватывает наш зал! — галдели девчата.

Председатель ПК Эдуард Леске, всегда очень спокойный и не по годам солидный, смущенно оправдывался. Потом пришел председатель нашего районного комитета Вася Васильев и стал успокаивать кружковцев. Предупредить Надежду Константиновну об отмене занятий мы уже не успели бы. Да никто и не хотел отменять их. Решено было на время обменяться помещениями с ПК. Вася подчеркнул: «Только на этот раз. И больше чтобы так не случилось». «Пековцы» обещали впредь всегда согласовывать с нами свои дела.

Собрались мы в небольшой комнате городского комитета. В ожидании Крупской Оскар Рывкин стал читать нам статью «О задачах революции», напечатанную в газете «Рабочий путь». Статья, по общему мнению, была очень кстати: заканчивая прошлые занятия, Надежда Константиновна сказала, что в следующий раз мы будем говорить о задачах социалистической революции.

— В каком номере статья? Кто ее написал? — посыпались вопросы, как только Рывкин закончил читать.

— Стоит подпись «Н. К.». Видимо, это означает: «Надежда Крупская», — сказал Оскар.

— Нет, это означает: «Надежда Константиновна», — сразу вступила в спор Ольга Аптропцева.

— Тебя, Ольга, хлебом не корми — дай поспорить. Ну какая разница-то? Ты нам лучше по существу скажи: разобралась в статье?

И Ольга стала говорить «по существу». Мы припались обсуждать статью, уверенные в том, что написала ее Крупская. Статьи Надежды Константиновны о молодежи часто печатались в большевистской газете. И выходило нередко так, что содержание ее очередного выступления в печати соответствовало теме занятий кружка. Так было, например, со статьями «Неотложная задача рабочих — охрана труда детей и подростков» и «Борьба за рабочую молодежь». Читая работу Крупской «Как организовать

рабочей молодежи?», мы как бы вновь услышали ее доклад на недавнем занятии кружка и как бы вновь приняли участие в разговоре о нашей жизни, в горячих спорах о будущем своей страны.

Выступая после всего этого на фабриках и заводах, мы невольно подражали нашей учительнице. На собраниях и митингах кружковцы разъясняли фабричным и заводским подросткам «текущий момент», агитировали их вступать в наш союз.

Никто из нас не сомневался, что статья в «Рабочем пути», содержание которой удачно совпало с темой предстоявших занятий, тоже принадлежит перу Надежды Константиновны.

Когда приехала Крупская, наш очередной дежурный Иван Дубинкин прежде всего извинился перед ней за то, что мы не смогли предупредить о переносе занятий в более тесное помещение, и доложил ей об отсутствии части слушателей, занятых на делегатском собрании ПК ССРМ. Выслушав его, Крупская поинтересовалась, кто из нас присутствовал на общегородском собрании ССРМ, обсуждавшем вопрос о защите детского и юношеского труда. На собрании были Лиза Пылаева, Оскар Рывкин, Вася Васильев и я. Надежда Константиновна прижалась расспрашивать нас о ходе собрания, о принятых им решениях и о том, что мы успели сделать для выполнения этих решений.

— Вы должны учиться работать,— сказала Надежда Константиновна в заключение разговора.— Воспитывайте у себя умение доводить любое дело до конца. У нас еще многие молодежные союзы и их активисты грешат пристрастием к громким резолюциям и лозунгам. Спору нет, хорошая и ясная резолюция, правильный и вовремя выдвинутый лозунг очень нужны. Это важный момент политической работы. Но учтите — это лишь первый мобилизующий массы момент. Если вы хотите, чтобы дело было выполнено, не ограничивайтесь выдвижением лозунга, надо научиться организаторской работе. Надо представить себе, как, за счет чего, какими шагами можно прийти к поставленной цели. Кому из членов союза и что нужно поручить для проведения резолюции. А потом надо добиваться, чтобы порученное было обязательно сделано.

Вас еще немного,— продолжала Надежда Константиновна,— и поэтому в любом деле у каждого члена союза должно быть свое занятие. И каждый член союза должен его знать и дисциплинированно выполнять. Сознательная

дисциплина — это половина успеха в любом деле. — Крупская окинула взглядом нас, делегатов недавнего общегородского собрания. — Вот я вижу тут Лизу и Оскара — членов ПК. В соседней комнате городской комитет проводит большое собрание, а они здесь. Как же это получается?

Лиза Пылаева стала ссылаться на какую-то договоренность с Эдуардом Леске, а находчивый Рывкин нашел другой выход:

— Понимаете, Надежда Константиновна, сегодня очень важное занятие кружка, да к тому же еще эта ваша статья в газете. Вот мы и решили все как следует узнать, чтобы потом передать остальным членам ПК.

— Какая моя статья? — удивилась Крупская.

Тут уж заговорили другие ребята:

— Да вот эта. В двух номерах «Рабочего пути» — за девятое и десятое октября.

— Называется «О задачах революции».

— Совсем как тема нашего сегодняшнего занятия.

— И подписано: «Н. К.».

Миша Потапов подал Крупской газеты. Надежда Константиновна глянула в них, в одну и другую, и лицо ее как-то сразу посветлело, глаза оживились. Мягкая, радостная улыбка появилась на губах.

— Нет, товарищи, это не моя статья.

— Кто же ее тогда написал?

— Статью написал один из старейших деятелей нашей большевистской партии. Сейчас он находится в подполье и вынужден подписывать свои статьи инициалами друзей, — ответила Крупская.

— И кто же он? — допытывалась Ольга Антропова.

— Сейчас я не могу вам этого сказать. Как-нибудь позже... А потом, разве дело в фамилии? Поговорим о самой статье. Верна ли она, по-вашему? Все ли вы в ней поняли? — Теперь уже Крупская спрашивала нас. — Давайте и займемся ею. Тем более что это тема нашего занятия. Какие у вас появились вопросы?

Первым заговорил Дубинкин. Ваня был человеком дошным. В спорах он всегда требовал: «Ты меня лозунгами не дави. Ты мне на фактах, на фактах покажи суть дела».

— Объясните нам, пожалуйста, — сказал он, — как большевики предполагают взять государственную власть и чем мы, члены молодежного союза, можем им в этом помочь.

Два часа длилась в тот раз наша беседа о власти Сове-

тов, о войне и мире, о борьбе с голодом и разрухой, об отпоре контрреволюции и о многом другом — заветном, ради чего стоило жить и работать. И разве кто-нибудь из нас мог думать, что до будущего, в которое мы тогда заглянули, было, как говорится, рукой подать?

Мы прощались с Надеждой Константиновной, когда к нам присоединились делегаты только что закончившегося общегородского собрания. В разговоре была снова затронута статья «О задачах революции». Оскару Рывкину пришлось объявить ребятам, что Крупская опаздывает в Петербургский комитет партии, и пообещать им, что он и Пылаева завтра же расскажут в ПК обо всем, что услышали от Надежды Константиновны.

Мы были так возбуждены, что забыли заранее послать кого-нибудь на разведку и всей толпой вслед за Крупской вышли на набережную Фонтанки. Военный патруль «черных гардемарин» — юнкеров морского училища, вынырнувший из-за угла, быстро двинулся к нам.

— Кто такие? Зачем собрались? Расходитесь по одному! Иначе арестуем! — командовали гардемарины, подозрительно разглядывая нас, и особенно Крупскую.

— Да что вы, господа гардемарины? Мы провожаем нашу любимую учительницу воскресной школы. Она уезжает. А сами мы сейчас разойдемся, — примирительно сказал, подходя к патрулю, Михаил Глебов. — Расходитесь, ребята, расходитесь! — обернулся он к нам. — А то еще господа гардемарины подумают что-нибудь нехорошее.

Пока находчивый Глебов отвлекал патруль, Лиза Пылаева подхватила Надежду Константиновну под руку, и в окружении ребят они поспешили за угол замка, к стоявшей там конке. Вскоре вагон тронулся и покатился по Екатерингофскому проспекту. А Глебов все еще что-то говорил патрульным и поторапливал ребят расходиться. Довольные такой покорностью и послушанием, гардемарины тронулись к своему училищу на Лопманской.

— Подумаешь, любимая учительница! Хороши ученики — им пора уже жениться, балбесам, а они, видишь ли, науки постигают! — язвительно бросил кто-то из них напоследок.

Мы помалкивали, а у самих чесались кулаки. Ваня Дубинкин, прошляпавший патруль, теперь шептал соседям:

— Эх, наклепать бы этим франтам-гардемаринам! Так, чтобы они своими свистками подавились и навек за-

ткнулись. Буржуйские сыночки! Ну погодите, придет еще наш черед...

Теперь мы знали, что близится последний решительный бой. Достанется и юнкерам, и их хозяевам. Но члены союза, которым еще не исполнилось шестнадцати лет, не скрывали своего недовольства. На занятиях кружка мы поняли, что в отряды Красной гвардии нас так и не примут. Значит, и в вооруженном восстании нам участвовать не доведется. Обидно. Что же нам теперь делать?

ИНЦИДЕНТ В АЛЕКСАНДРИНКЕ

Весь тот воскресный вечер я никак не мог успокоиться. Что делать? Как попасть в Красную гвардию? Ни ростом, ни силой не обделила меня природа, но вот беда — все в исполкоме знали, что мне нет еще и пятнадцати. Тут уж не припишешь себе лишних полтора года. Все мои товарищи и друзья были в родной Коломне. И вот здесь-то меня не принимали в Красную гвардию!

Должен сказать, надежды я не терял. Существовала одна «зацепочка». Дело в том, что в дни корниловского мятежа у нас в ССРМ сформировали специальный красногвардейский юношеский отряд. «Дикая дивизия» в ту пору приближалась к Петрограду. Отряд ССРМ предназначен был стать резервным и формировался в спешке. И вот в суматохе мне с помощью Лизы Пылаевой удалось записаться в отряд. Правда, с Корниловым справились и без нас, но отряд формально вроде бы не распускался.

Спросить кого-нибудь, считается ли теперь наш отряд отрядом Красной гвардии и не забудут ли о нем в случае вооруженного восстания, я, честно говоря, побаивался. Спросишь — и вспомнят опять о твоём малолетстве. Между тем многие наши ребята — те, что были постарше, — уже ушли в заводские отряды Красной гвардии. Однако мы, оставшиеся, продолжали заниматься военной подготовкой. Вели ее два прикрепленных к нам инструктора. В общем, положение было двойственное.

На другой день вечером отправился я в Дровяной переулок к Лизе Пылаевой. До Февральской революции и некоторое время после нее Лиза работала портнихой в модном магазине-мастерской фирмы «Мадам Лapidусзон». Для своих портных, закройщиц и служащих хозяйка снимала у нас в Коломне, в доходном доме в Дровяном переулке, большую квартиру с окнами на задний двор-колодец. Вскоре после революции мадам, поспешно закрыв

заведение, исчезла. «В Европу укатила», — говорили о ней в городе. Потерявшие работу портнихи разъехались кто куда. И вот теперь Лиза занимала хоть и крохотную, но отдельную комнатку.

Мне повезло — я застал Пылаеву дома. Она раскладывала по папкам какие-то брошюры, газеты, листки.

— Завтра в Петербургском комитете совещание представителей районов и заводов. Надо подготовить к нему некоторые документы и бумаги, — сказала мне Лиза.

— Что же ты это дома делаешь? — удивился я.

— Тут иной раз надежнее. ПК на виду, а сюда никто не сунется. После июля я, по правде сказать, все время опасаясь налета юнкеров.

Лиза Пылаева в то время работала в Петербургском комитете партии большевиков. А ее энергичная деятельность в союзе молодежи была, видимо, партийным поручением.

Июльские события, о которых упомянула Лиза в разговоре со мной, застали ее во дворце Кшесинской, где помещался большевистский Петербургский комитет. Ей и некоторым другим товарищам пришлось в тот раз, серьезно рискуя, выносить из дворца документы комитета, в том числе и портфель Якова Михайловича Свердлова с очень важными бумагами. Лиза действовала ловко и смело. Если теперь она и опасалась, то конечно же не за себя, а за сохранность партийных документов.

— Послушай, Лиза, я к тебе по важному делу. Ты мне должна непременно помочь, — решительно начал я.

— Да уж вижу, что по важному. Больно сам-то ты важный сегодня, словно тетерев на току, — мягко, по-пологодски растягивая «о», сказала Лиза.

Оторвавшись от своих бумаг, она еще раз оглядела меня, вытянувшегося во весь рост у печки, и весело рассмеялась. Ну вот! Я для пущей солидности надел отцовский пиджак и картуз с высокой тульей, а она смеется.

— Ничего, не конфузся. — Лиза снова сделалась серьезной. — Говори, что за дело такое нетерпеливое. Мы могли бы увидеться и в исполкоме.

— Я хотел наедине с тобой поговорить, чтобы никто не знал...

— Ага, секрет. Ну вот что, сейчас пойдем вместе на Фонтанку, по дороге все и обговорим. Ты, Павел, человек проверенный, надежный, но все же сойди с моего шкафа.

Она взяла меня за рукав, отвела от печки и, видя мое удивление, развеселилась опять. Не переставая смеяться, Лиза кочергой сдвинула каменную плиту, лежавшую на

полу у печной дверцы. На этой плите я только что стоял. Потом она поместила в открывшейся пустоте свои панки, подвинув плиту на место, бросила на нее веник и коротергу.

— Смотри, никому об этом ни звука. Ну а теперь пошли.

Лиза заперла двери, и мы отправились на Фонтанку. По дороге я рассказал ей о своих тревогах, прося помочь вступить в Красную гвардию. Спутница моя задумалась.

— Ты, Павел, не грусти. Таких, как ты, ребят в союзе набирается немало. Придет время — обязательно что-нибудь придумаем, — успокоила меня Лиза. — А пока изучайте получше военное дело. Сегодня стрелять будешь? Вот я и посмотрю, на что ты годен.

В огромных глухих подвалах Полицейского замка у нас было устроено стрельбище. Когда мы с Лизой спустились по крутой каменной лестнице вниз, многие наши ребята уже отстрелялись и разглядывали снятые со стенки мишени. Вслед за нами пришли Потапов, Жельвис и еще несколько человек. Наш инструктор, бывший солдат Кишенец, уволенный из армии по ранению, велел нам взять винтовки и выдал по три патрона. Лиза управлялась с винтовкой ловко, как заправский гвардеец. Мы легли на огневом рубеже.

— Заряжай!

Лязгнули затворы, досылая патроны в казенники.

— Приготовиться!.. Огонь!..

Под сводами подвала гулко загрохотали выстрелы. Все выпущенные мною пули удачно попали в цель, а одна продырявила мишень в самом ее центре. Лиза выбила на очко больше.

— Ну что ж, очень подходяще стреляешь, — приободрила она меня. — А теперь пойдем в исполком. Есть задание...

Лиза Пылаева была старше многих из нас, членов Социалистического союза рабочей молодежи. Только Вася Алексеев, Оскар Рывкин, Миша Жельвис, Ваня Ястржембский, Саша Дождев, Франц Самсонович и еще некоторые парни были ее ровесниками.

Стройная, румяная, с большими улыбчивыми серыми глазами, Лиза была красива природной северной красотой. Она не поддавалась поветриям моды. Многие девушки тогда стриглись коротко, по-мальчишески, а Лиза заплетала свои пышные темно-русые волосы в две длинные, в руку толщиной, косы. Такой я впервые и увидел ее вскоре после Февральской революции.

В то время в Полицейском замке на втором этаже находился райком партии большевиков, а внизу был устроен книжный магазин — первый и единственный книжный магазин в старой Коломне. В нем продавали не только политическую литературу, журналы и газеты, но и произведения классиков, которые выпускали тоненькими книжечками прогрессивные издательства. Стоили эти книжечки копейки, и мы, подростки, стали все чаще приходить в магазин.

А магазином этим по поручению райкома партии большевиков ведала Елизавета Пылаева. Она же была здесь единственным продавцом. Поначалу мы стеснялись ее «взрослости», но вскоре ее постоянная доброжелательность и явный интерес к нам рассеяли нашу робость. Елизавета Николаевна стала для нас просто Лизой.

Она охотно помогала нам в выборе книжек, исподволь приобщая покупателей-подростков к политической литературе. Придешь, бывало, в магазин, а она обязательно спросит, прочитали ли мы то, что купили в прошлый раз, во всем ли разобрались, терпеливо растолкует непонятное.

Знала Лиза много. Она училась в гимназии сначала в Петербурге, а потом, после смерти отца, в своем родном Грязевце на Вологодчине. Когда ее старшего брата Георгия, большевика-подпольщика, за антивоенную агитацию сослали в Сибирь, Лизе пришлось оставить гимназию. Вот тогда-то, в 1915 году, и возвратилась она в Петроград на заработки.

Брат ее, Георгий Николаевич, осенью 1916 года бежал из ссылки. После Февральской революции он порекомендовал своему товарищу по партии Андрею Андреевичу Андрееву привлечь Лизу к партийной работе. Лиза стала заведовать книжным магазином Коломенского райкома. В марте она вступила в большевистскую партию.

Целый год после этого, вплоть до отъезда в феврале 1918 года на Западный фронт, Лиза Пылаева была в числе самых признанных, самых активных вожakov рабочей молодежи Петрограда. Работала она в Коломенском райкоме, в редакциях «Правды» и «Солдатской правды», а несколько позднее — в Петербургском комитете большевиков. Всюду Лиза постоянно общалась с членами союзов молодежи. И мы между собой звали ее не иначе, как «наша Лиза».

Настойчивая, смелая, энергичная, она сделала очень многое для сплочения разрозненных групп и организаций рабочей молодежи в общегородской союз, вставший на

твердые большевистские позиции. Ей помогали, ее направляли Надежда Константиновна Крупская и Мария Ильинична Ульянова. Лиза всегда была полна увлекательных замыслов. Она умела бороться и побеждать.

В главе «С партией большевиков» я уже упоминал об инициативе Лизы, задумавшей с делегацией нашего ССРМ отправиться на Демократическое совещание и протестовать там против политики Временного правительства. Расскажу об этом подробнее.

После подавления корниловского мятежа все ощущение чувствовалось приближение подготавливаемого большевистской партией вооруженного восстания пролетариата. Все настойчивей звучал лозунг «Вся власть Советам!». Перепуганные лидеры соглашателей решили поставить на пути революции, на пути большевиков плотину «общедемократического съезда», который-де один может организовать власть, способную мирно подвести страну к созыву Учредительного собрания.

14 сентября эсеро-меньшевистский ЦИК Советов собрал это Всероссийское Демократическое совещание с целью обмануть трудовой народ видимостью демократии и реформ, поддержать падающий авторитет Временного правительства Керейского, да и свой тоже, постараться частичными заменами в составе правительства смыть с него клеймо корниловского пособника.

Эсеро-меньшевистские политики ловкими манипуляциями с представительством, прямым подлогом добились нужного им состава делегатов совещания. Достаточно сказать, что из тысячи пятисот делегатов лишь двести тридцать (пятнадцать процентов) представляли Советы — самые массовые организации рабочих, солдат и крестьян. Почти столько же мест имели далеко не демократические земства. Весь многомиллионный серошпильный фронт получил лишь восемьдесят три голоса.

Потеряв большинство в Петроградском и Московском Советах, теряя его в крупных промышленных городах, меньшевики и эсеры стремились любыми средствами удержаться у власти, предотвратить социалистическую революцию.

Большевики решили принять участие в совещании только для того, чтобы разоблачить его контрреволюционную сущность. Ленин из подполья призывал выступать против совещания на заводах и фабриках, в казармах и на кораблях. Союз молодежи тоже принял участие в этой борьбе...

В воскресенье, 17 сентября, Лиза Пылаева собрала

сгруппированную по ее инициативе молодежную делегацию на Демократическое совещание. В нее вошли Петр Смородин, Вася Алексеев, Михаил Глебов. Взяла Лиза и меня, скорее всего из-за моего высокого роста.

Демократическое совещание заседало в Александрийке (ныне Театр имени А. С. Пушкина). На трамвае мы доехали до Невского. Но тут выяснилось, что подходы к театру со стороны Невского и Театральной улицы перекрыты охраной. Решено было идти от Садовой по тихому Замятину переулку. Охраняли его не казаки, а юнкера.

Приняв чинный вид, мы подошли к патрулю. Солидный, в приличном костюме, Михаил Глебов представил нас как вполне благонамеренную делегацию учеников бывшего Императорского технического училища имени цесаревича Алексея, явившихся-де засвидетельствовать верность Временному правительству. Патруль нас пропустил. Таким же манером проникли мы и в фойе театра. Ну а дальше нам уже хода не дали.

В фойе кучками стояли делегации, приглашенные приветствовать «от имени народа» Демократическое совещание. Мы, проникшие сюда с противоположной целью, живо присоединились к ним. Среди делегаций шли толки, когда же их начнут вызывать в зал для приветствий. Нам, разумеется, на вызов надеяться не приходилось. Скорее, наоборот, нас могли попросту выставить. Охранники, стоявшие у дверей в зал, уже бросали на нас подозрительные взгляды.

Но тут был объявлен перерыв заседания. Делегаты устремились из зала по коридору в фойе, через него — в буфет. Открылись выходившие прямо в фойе широкие двери царской ложи, и из нее стали один за другим появляться министры Временного правительства. Фойе заполнялось, нас стали теснить. И вот тут Лиза Пылаева, опершись на плечи Михаила Глебова, стремительно поднялась на кресло, как на трибуну, и начала громко, горячо говорить:

— От имени тысяч и тысяч молодых пролетариев я не приветствую, а отвергаю и бойкотирую ваше так называемое Демократическое совещание. Как хитрую уловку мелкобуржуазных соглашателей. Как еще одну попытку обмануть рабочий класс, заставить его смириться с Корниловым, Керенским и прочими лакеями буржуазии...

От неожиданности в фойе все остановились и, прислушиваясь, повернули головы к Лизе. Ее звонкий голос привлекал из коридора и буфета все новых и новых людей. Слышались только тихие вопросы:

— Что это? Кто это говорит?..

— Разве вы, господа меньшевики и эсеры, не видите, — продолжала между тем Лиза, — что массы все больше и больше отходят от вас? Так прекратите же цепляться за корпировца Керенского, уйдите с дороги пролетарской революции. Иначе она вас сметет вместе с вашими хозяевами — помещиками и буржуями. Потому что подавляющая масса солдат, матросов и крестьян пошла на союз с пролетариатом, приняла лозунги большевиков. И мы, члены Социалистического союза рабочей молодежи, требуем: «Долой Временное правительство предателей!», «Долой соглашателей — эсеров и меньшевиков!».

Тут как прорвало — началось смятение. Раздались топот, свист, крики:

— Большевистская провокация! Безобразие!..

— Кто допустил? Кто позволил?..

— Убрать эту смутьянку!.. Немедленно убрать!..

Мы вчетвером, взявшись за руки, окружили кресло, на котором стояла Лиза, и с трудом отбивались от наседавшей на нас толпы. А она навалилась с такой силой, что вместе с креслом оттолкнула нашу группу к выходу из фойе в буфетную комнату.

— Большевики и пролетариат ведут массы за собой, — продолжала Лиза. — Они непременно возьмут власть в свои руки. Так знайте же вы, граждане и господа...

Здесь речь Лизы прервалась. Мы изнемогли под градом толчков и ударов. Между тем сквозь толпу пробирались к нам люди в офицерских кителях. Однако их упредил неведомо откуда появившийся высокий, в блестящей ливрее, капельдинер театра. Разжав наше кольцо, он схватил Лизу за руку, стащил с кресла и, приговаривая: «Пойдемте, барышня, пойдемте, не упрямитесь!» — потянул за собой через буфет и кухню к выходу. Стараясь сдерживать толпу, отошли и мы.

На кухне мы захлопнули за собой дверь, подперли ее какими-то ящиками и мимо переполошившихся официантов и судомоек бросились бежать по узким коридорам и лестницам. Вид у нас был растерянный. Выскочив на площадь, мы подхватили Лизу и скрылись в Замятинском переулке. На нашу удачу, патруль, не ожидавший появления людей с этой стороны, зазевался, и наша группа беспрепятственно вышла на Садовую. Мы сели в трамвай и поехали назад, в родную Коломну.

По дороге ребята успокаивали разволновавшуюся Лизу, вспоминали капельдинера, спасшего нас от неминуемой беды. Подсчитывая ссадины и ссадины, оторванные

шуговидцы и лопнувшие швы, мы все же испытывали чувство удовлетворения. Задуманное было сделано.

Через день или два в листке, выходившем, кажется, под названием «Газета-копейка», появилась заметка «Инцидент в Александрийке». Репортер рассказывал, как «экзальтированная большевичка обругала делегатов Всероссийского Демократического совещания». Заметка заканчивалась словами: «Дебоширка была удалена из театра». Нас эта трепотня бульварной газетепки вовсе не задела.

Товарищ Павел, вызвав нас, строго-настрого велел в другой раз предпринимать подобные «акции» только с ведома райкома.

— А вообще-то, — сказал он в заключение, — вы молодцы. Действовали, сообразуясь с обстановкой, правильно и решительно. Тебе, Лиза, особое спасибо. О твоей речи многие узнали, и это способствует разоблачению Временного правительства и соглашателей. Только надо все же думать и о безопасности. Учтите это. Не подоспей капелъдинер, вам бы пришлось плохо. Ведь никто из наших о том, что вы затеяли, не знал.

Кстати, с капелъдинером, спасшим нас от расправы, мы не раз встречались в послеоктябрьское время, устраивая спектакли для рабочей молодежи. В то время он был уже комендантом Александрийского театра и председателем местного комитета профсоюза. Жаль, что фамилии его я точно не помню — то ли Соков, то ли Сомов...

21 сентября большевики ушли из президиума Демократического совещания и по совету Ленина сосредоточили все силы на подготовке вооруженного восстания. Лиза Пылаева стала руководить этим делом в нашем Социалистическом союзе рабочей молодежи Петрограда.

РЕЗЕРВНЫЙ ОТРЯД — НА ШТУРМ!

В последние дни перед Октябрьским вооруженным восстанием я почти безотлучно находился в бывшем Полицейском замке, в бывшей приставской квартире. Теперь и вовсе трудно было разобрать, где Коломенский исполком, а где ПК. Почти все руководители Петербургского комитета разошлись по фабрикам и заводам, по своим районам, вступили в отряды Красной гвардии.

Из наших остались в замке только секретарь ПК Оскар Рывкин, член ПК и нашего исполкома Иван Ястржембский, мой друг Михаил Потапов и я. К этому времени Оскар уже передал мне «дела и должность» секретаря Коломенского исполкома. Председатель наш, Вася Васильев, и остальные члены исполкома отбыли к местам сбора в отряды Красной гвардии.

Шла напряженная подготовка к восстанию. Формировался объединенный Совет Второго городского района в составе Коломенской, Казанской, Адмиралтейской и Спасской частей. У нас, на Фонтанке, 201, помещался районный центр восстания: штаб Красной гвардии, райком партии большевиков и правление союза металлистов.

Непосредственно при штабе оставался лишь небольшой резерв красногвардейцев. Численно большими силами располагали мы. В Петербургском комитете ССРМ собралось больше сотни членов союза — рабочих подростков, по малости лет или слабому здоровью не принятых в отряды Красной гвардии. В основном это были ребята из нашего Коломенского и прилегающей к нему части Нарвского района. Некоторые из них, как и я, еще в дни корниловского паступления записались в юпошеский отряд ССРМ. И вот теперь, состоя на поручениях при районном штабе Красной гвардии и Петербургском комитете ССРМ, мы с нетерпением ждали своего часа.

Утром 24 октября, возвратясь из райкома партии, Оскар объявил, что принято решение сформировать у нас запасной (позже он назывался резервным) отряд Петербургского комитета ССРМ. Ну вот и сбылась наша мечта! Помнится, кое-кто из штаба Красной гвардии добродушно подшучивал над нами: мол, это, ребята, для вас что-то

вроде утешительного заезда на ипподроме. Однако мы твердо решили выиграть свой «заезд».

Оскар, принявший на себя командование отрядом, построил нас во дворе бывшей тюрьмы и разбил на два отделения. Командиром первого отделения, в строю которого я стоял правофланговым, назначили нашего военного инструктора Кишенца, командиром второго отделения — недавно вышедшего из госпиталя солдата.

Оружие мы получили в районном штабе Красной гвардии. Правда, безотказных русских трехлинейек со штыками выдали нам немного. В основном у нас были японские винтовки «арисаки» и длиннощепе, тяжелые трофейные австро-венгерские винтовки, доставленные с кораблей, ремонтировавшихся на Фрапко-Русском и Адмиралтейском заводах. Как бы там ни было, получив в руки оружие и патроны к нему, мы почувствовали себя уверенно.

— С этой минуты мы поступаем в распоряжение районного штаба Красной гвардии, — объявил Рывкин. — Все переходим на казарменное положение и ждем сигнала к выступлению.

Ох уж этот сигнал! Мы были охвачены нетерпением. Иногда начинало казаться, что «заезд» будет и правда только утешительным.

Наступило 25 октября. Восстание взорвало напряженную тишину хмурого осеннего утра. В штабе Красной гвардии, где почти безотлучно находился Оскар, раздавались звонки. Один за другим прибывали посыльные и связные. Они докладывали о ходе операций, получали приказания и вновь мчались к своим отрядам.

Вот уже стало известно, что заняты великокняжеский дворец на Мойке и управление артиллерийскими заводами на Галерной...

Поступает сообщение: юнкера выбиты с телеграфа, взят почтамт...

Доклаживают кексгольмцы, заводские отряды Красной гвардии, флотские экипажи...

Занято военное министерство на Исаакиевской, Главный штаб на Дворцовой. Матросы вот-вот ворвутся в Мариинский дворец, где заседает детище Демократического совещания — Предпарламент...

События опережают одно другое. Сообщения о них доходят до штаба Красной гвардии наперебой. Об одних — немедленно, о других — с запозданием. Район действия наших отрядов огромен. Телефоны местами отключены...

Но восстание разворачивается все шире. Революция одерживает одну победу за другой!

А наш юношеский отряд все еще находится в резерве.

На месте не усидеть. Булыжник тюремного двора, кажется, уже до блеска натерт подошвами наших сапог и ботинок. Сотни раз проверены винтовки, подтянуты патронташи. Ребята выбегают по очереди из глухого двора на улицу. Мы прислушиваемся. Стрельба все дальше отодвигается от нас к центру города.

Но вот из дверей штаба выбегает Рывкин, командует:

— Отряд, стройся!..

Мы построились. Оскар в нескольких словах пояснил поставленную перед нами задачу:

— Товарищи красногвардейцы, отряду Александра с Адмиралтейского завода, штурмующему офицерское логово — гостиницу «Астория», нужна помощь. Нам приказано выступать...

Гостиница «Астория», принадлежавшая ранее немцам, в начале войны была конфискована царским правительством и заселена генералами и высшими офицерами. Здесь жили не имевшие квартир в городе чины Главного штаба, штаба Петроградского военного округа и военного министерства. Здесь же размещалось гнездо реакционной организации «Офицерская лига». Заведовал гостиницей генерал. Она хорошо охранялась специально подобранными бывшими фронтовиками, георгиевскими кавалерами.

Как только восставшие заняли военное министерство, Главный штаб и штаб округа, избежавшие ареста офицеры стали стягиваться в «Асторию», намереваясь оборонять ее до конца.

Занять «Асторию» было поручено одному из красногвардейских отрядов Адмиралтейского завода. Командовал этим немногочисленным отрядом товарищ Александров.

Красногвардейцы Александра, в основном молодые рабочие, попытались взять гостиницу в лоб и наткнулись на яростный отпор охраны.

Тогда адмиралтейцы блокировали здание гостиницы. Они перекрыли входы и выходы из «Астории» на Морскую (ныне улица Герцена) и на Вознесенский проспект (теперь проспект Майорова). Но к засевшим в «Астории» офицерам через дворы и по крышам соседних домов — страхового общества «Россия» и гостиницы «Англетер» — пробирались подкрепления.

В таких условиях о решительном штурме отряду Александра и думать не приходилось. И вот нам приказали изолировать гостиницу, перекрыть все лазейки, ко-

торые вели в нее, и попытаться найти обходные пути внутрь огромного дома. Второе отделение направилось к дому страхового общества «Россия» и заняло его, закупорив подходы к «Астории». Нашему же первому отделению было поручено блокировать «Асторию» со стороны гостиницы «Англетер».

Здание этой гостиницы невелико, в нем всего три этажа. Мы быстро обошли номера и коридоры, осмотрели лестницы, кладовки, ресторан, кухню и подсобные помещения, выставили посты у всех дверей, забаррикадировали и взяли под охрану ворота с улицы Гоголя во двор гостиницы, который одновременно был и двором «Астории».

Все ли лазейки перекрыли мы? Что делать дальше? Как подобраться к офицерам, засевшим в «Астории»? Казалось, дело зашло в тупик. Но тут всех нас выручил быстрый, находчивый и наблюдательный Миша Потапов. Он взял с собой Ястржембского, Дубинкина и отправился, как он сказал, «на переговоры к рабочему классу». Они быстро нашли общий язык с кочегарами, истопниками, водопроводчиками, монтерами, слесарями, дворниками, кухонными рабочими и прислугой блокированных нами гостиниц. Силы наши удвоились.

Мы с Кишенцом и еще пятерыми крепкими ребятами из числа наших бойцов задерживали офицеров, пытавшихся проникнуть в ворота с улицы Гоголя, причем самых упорных арестовывали, разоружали и брали под стражу. Между тем Миша Потапов и его помощники закрыли все выходы на чердаки, отключили, где было можно, электричество, остановили в «Астории» лифты, перекрыли водопровод. Наши ребята установили вооруженные посты возле окон верхнего этажа и слуховых окон, откуда просматривались крыши и дворы соседних домов. Теперь уже не один человек из тех, кто хотел бы помочь гарнизону гостиницы, не мог попасть в «Асторию» извне. Ни один человек не мог из нее выйти.

Но вам-то самим надо было каким-то способом войти в «Асторию». Кочегары сообщили нам, что внутренние проходы из котельной в гостиницу не охраняются, а только заперты. В котельную же можно было проникнуть со двора, подняв тяжелые крышки плаковых ям. Мы немедленно передали эти важные сведения Александрову.

Отряд адмиралтейцев к тому времени получил подкрепление — группу матросов из отряда, взявшего Мариинский дворец. И вот ударная группа красногвардейцев (человек двадцать — тридцать), пользуясь темнотой, пе-

ребежала двор и вслед за кочегарами исчезла в шлаковых люках.

— Ну, сейчас начнется! — сказал Кишенец, вглядываясь от ворот в темпоту противоположной стороны двора. — Вот что, Павлуха, тронх оставляем здесь. С остальными ребятами веди офицеров. До выяснения запри их в каком-нибудь чулане. Да приставь к дверям человека. Забирай из гостиницы половину парней и спускайся с ними сюда, ко мне. Остальным накажи, чтобы в оба глядели. Теперь офицерыю подмоги ждать недосуг. Теперь они сами начнут сматываться. А нам самое время изготавиться.

Быстро выполнив все, что мне было велено, я собрал ребят, и мы опрометью выскочили во двор. Кишенец ожидал нас у шлаковых люков, а из «Астории» уже доносились крики, треск, стрельба. Это, как позже выяснилось, бойцы ударной группы с тыла ворвались на первый этаж, завязали перестрелку, сбили охрану у главного входа со стороны Вознесенского проспекта и распахнули двери перед адмиралтейцами и матросами.

Мы вслед за Кишенцом спустились в люки, затем собрались в темноте котельной и, задевая винтовками за какие-то трубы, стали по одному выскакивать в вестибюль гостиницы. Здесь в дыму матросы и красногвардейцы, грохоча каблуками и стреляя, поднимались по лестнице. Мы бросились вслед за ними.

Гремели выстрелы, хлопали двери, звенело разбитое стекло. В темноте трудно было что-либо разобрать. Но неожиданно дали свет, и мы увидели офицеров, стоявших у стеш. Мундиры их были расстегнуты, руки подняты вверх. Красногвардейцы обыскиали задержанных. Где-то в верхних этажах «Астории» еще слышались отзвуки боя.

Мы стали по порядку обыскивать все номера, заглядывать в шкафы, коридоры и закоулки. Арестованных офицеров отводили вниз, в вестибюль. Не обошлось и без конфуза. Наши ребята вытащили из какого-то закутка и доставили вниз трех генеральского вида пожилых мужчин. Они были облачены в мундиры, вдоль и поперек расшитые золотыми галунами.

— Вот, прятались. Оружия при них нет. Сопротивления не оказывали, по молчат. Горлые, видно, — докладывал один из молодых бойцов Александрову.

Да, с «гепералами» вышла промашка. Оказались они швейцарами. Впрочем, не только мы, ребята, попали в такое положение. Адмиралтейцы арестовали в номерах нескольких полотеров, приняв их за переодетых офицеров.

Кто бы мог подумать, что кому-то в голову придет в такое время натирать полы! А полотеры как ни в чем не бывало работали. Красногвардейцы и решили, что это не иначе, как для маскировки.

Все задержанные были собраны в огромном вестибюле первого этажа. Не знаю, по каким признакам, но человек сто наши командиры признали необходимым оставить под арестом. Перед остальными Александров произнес речь. Он говорил им о пролетариате, о революции, о том, что вся власть перейдет теперь в руки Советов. В заключение Александров потребовал, чтобы они дали обещание не выступать против Советской власти. Попурные офицеры и георгиевские кавалеры сначала мялись, переглядывались, а потом один за другим стали выкрикивать:

— Да, да! Даем слово!..

— Признаем Советскую власть...

Их отпустили, а арестованных повели в Петропавловскую крепость.

Отряд Александрова и матросы построились на площади и по Морской тронулись к Зимнему. Нам было приказано оставаться в «Астории» и еще раз тщательно обыскать все ее огромное здание. Велено было также арестовывать офицеров, которые будут приходить в гостиницу. Мы выставили караулы, заперли все паружные двери, расставили на этажах посты, включили лифты и — что греха таить — на лифтах с удовольствием покатались. Обыск гостиницы ничего не дал. Офицеров в ней больше не было.

Когда мы уже собрались было менять караулы и располагаться на отдых, неожиданно грохнул пушечный выстрел. Стекла в оконных рамах задребезжали, с улицы забарабанил в окно стоявший на посту Иван Ястржембский. Все, кто был в вестибюле, выбежали на площадь.

— От Николаевского шарахнули, — сказал Ваня. — Вы бы вылезли на крышу, посмотрели, что там такое.

Все ребята нашего первого отделения, свободные от караула, втиснулись в лифты и поднялись наверх. Из чердаке мы пробрались к слуховым окнам, выходящим на Исаакиевскую площадь. За Николаевским мостом видны были сигнальные огни большого корабля. С мачты семафорил узкий луч прожектора.

— Да это небось «Аврора»! — сказал Миша Потапов, яростно толкая меня в бок локтем. — Она еще вчера стояла у причальной стенки нашего завода. А сегодня, говорят, отчалила.

Но у Николаевского все было спокойно. Глазок семафора часто мигал в тишине. Зато с другой стороны, из-за высокого гребня крыши «Астории», все сильнее наплывал шум. Мы перебрались к окнам противоположной стороны.

На Дворцовой сновали прожекторные лучи. Пулеметы поролли воздух. Винтовочные выстрелы сливались с криками людей. Небо гудело и мерцало.

— Наши Зимний берут! — закричал Потапов.

Под утро в «Асторию» прибыл посыльный штаба Красной гвардии. Нас подняли по тревоге. Мы быстро построились.

— Товарищи, нам приказано выступить на защиту революционного порядка. У Эрмитажа темные элементы организовали винный погром, — объявил Оскар Рывкин.

К тому времени я уже знал, что такое винный погром. В февральские дни у нас в Коломне одни штурмовали Литовский замок, а другие под шумок громили склады спирто-водочного завода Бекмана. Страшное дело — винный погром. Участвуют в нем самые темные люди, а потом их, пьяных, использует в своих целях враг.

Оставив небольшой караул в «Астории», мы по Морской двинулись к Дворцовой площади. В тишине раннего утра гулко отдавались наши шаги. В окнах домов на богатой чиновной Морской не было ни огонька. Только изредка где-нибудь приподнимался уголок портьеры. Светлый луч, скользя по стали наших штыков, винт погасал.

Из-под арки Главного штаба, мимо лежавших грудями патронных цинков и деревянных ящиков, мимо непонятно кем разбросанной там и сям одежды вышли мы на пустынную Дворцовую площадь. На булыжнике были видны следы кострищ. За Александровской колонной, у Зимнего, громоздились развороченные штабеля саженьных дров. Не сбавляя шага, внимательно разглядывали мы площадь.

На Миллионной, у Эрмитажа, бурлила толпа. Люди бежали куда-то, распахивая по карманам бутылки. Иные песли их на руках, как дрова. В орущей толпе среди всякого сброда суетились дворники, извозчики, мясники — их можно было узнать по одежде. Немало собралось здесь и солдат. Как потом выяснилось, это были солдаты запасного батальона лейб-гвардии Преображенского полка. При царе первый батальон преображенцев всегда нес охрану Зимней дворца. Жили они тут же, в казармах, у Зимней канавки.

Толпа бушевала. Решетки эрмитажного подвала со стороны канавки были вывернуты. Люди лезли в окна, орала, волокли груды бутылок, тут же пили. Мы развернулись в цепь, взяли винтовки наперевес и, обогнув угол Эрмитажа, стали оттеснять толпу к мосту через Зимнюю канавку. Солдаты тотчас ретировались. С остальными было трудней.

Какой-то хмельной приказчик, размахивая передо мной кулаками, орал, что теперь свобода и что я «правов не имею не пущать народ до царского подвала». Он орал и все норовил проскочить у меня под рукой. Пришлось основательно двинуть его прикладом. Он сразу успокоился и скрылся в толпе.

На помощь нам прибыли отряд рабочих-красногвардейцев с пулеметом и пожарная команда. Мы быстро оттеснили толпу за Зимнюю канавку. Вытащив из подвала пьяных, валившихся прямо на грудях бутылок, красногвардейцы сунули в окно дуло пулемета и открыли огонь по винным стеллажам. Пожарные размотали шланги и начали перекачивать в подвал воду из Зимней канавки. Качали до тех пор, пока розовая вода не полилась из окон на мостовую.

Толпа на противоположном берегу постепенно успокоилась и стала расходиться. Между тем к нам подошли три пожилых человека, давно уже стоявших на другой стороне Миллионной.

— Молодые люди, кто у вас здесь старший?

Мы показали на Рывкина.

— Как же так подучается? — сказал один из тех троих. — Царское вино вы бережете, а ценности, собранные в этом музее, бросаете на произвол судьбы.

— Во-первых, вино мы не бережем. Мы бережем от вина революцию, — запальчиво ответил им явно обиженный Оскар. — А во-вторых, кто вы такие?

— Мы эрмитажные сторожа.

— Вот, значит, вы и должны сторожить собранное там добро.

— Да, но нас очень мало. А время сейчас неспокойное.

Мы тогда имели весьма туманное представление о ценностях Эрмитажа и были разгорячены только что закончившейся стычкой с пьяными громилami. Препирательство со сторожами грозило затянуться. Но тут на Миллионной послышался гул мотора. К нам подкатил автомобиль. Мы загляделись на него — это был диковинный «роллс-ройс». Загляделись и не сразу заметили, кто к нам

приехал. А приехали на бывшей царской «колеснице», поступившей теперь в распоряжение штаба революции, Надежда Константиновна Крупская и Анатолий Васильевич Луначарский.

Мы плотной толпой окружили их. Надежда Константиновна поздравила нас с победой революции и стала расспрашивать, чем занимались мы в эти дни. Ребята наперебой рассказывали о захвате «Астории», о стычке на Зимней канавке, дошли и до истории со сторожами.

Тут Анатолий Васильевич насторожился и попросил, чтобы мы показали ему сторожей. Он о чем-то расспросил их, а потом стал объяснять нам чрезвычайную важность сохранения неэвакуированных сокровищ Эрмитажа, ставших теперь народным достоянием. Вместе с Рывкиным и сторожами Луначарский ушел звонить по телефону в штаб Красной гвардии, а Надежда Константиновна продолжала беседовать с нами. Она рассказывала нам о событиях в Смольном, отвечала на бесчисленные вопросы бойцов отряда.

Луначарский и Рывкин вскоре вернулись.

— Товарищи члены союза, — как-то особенно торжественно сказал Рывкин. — Мы получили новый революционный приказ. Наш отряд до прибытия замены оставляется на охране народных сокровищ Эрмитажа. — Последние слова Оскар произнес особенно значительно. Видимо, Луначарскому удалось убедить его в чрезвычайной важности этого задания.

Надежда Константиновна и Анатолий Васильевич стали прощаться. Заняв свое место на высоком сиденье машины, Крупская сказала нам:

— А вы правильно, товарищи, усвоили тогда задачи революции. Я очень рада за вас. Сейчас могу сказать, да вы, наверно, и сами догадались, что ту статью написал Владимир Ильич Ленин, теперь назначенный Председателем Совета Народных Комиссаров — правительства Советской Республики. А ваш давний знакомый, Анатолий Васильевич Луначарский, стал наркомом просвещения. Но он обещает, что и впредь будет читать вам лекции по литературе и искусству. Правду я говорю, Анатолий Васильевич? — Луначарский, улыбаясь, закивал головой. — Ну а я прошу вас не забыть, что в следующее воскресенье, как всегда, состоится заседание нашего кружка. Вам надо еще очень много учиться, чтобы стать настоящими революционерами и построить социализм.

Автомобиль тронулся к Марсову полю. Мы сначала бежали за ним, размахивая руками и что-то крича. Меня,

как, наверно, и всех моих товарищей, переполняли невыразимый восторг, гордость, радость, надежда на то, что впереди нас ждет что-то необычайно интересное, яркое, счастливое...

«ТОВАРИЩИ, ВСЕ ЗА ЦЕРО!»

В спорах, разговорах, мечтаниях незаметно прошла холодная октябрьская ночь. Утром, смененные красногвардейцами на караулах у Эрмитажа, усталые и голодные, вернулись мы к себе в Коломну. Надо было успокоить родителей, уже третьи сутки на имевших от нас никаких известий, поесть и хоть немного поспать. Рывкин, распустив бойцов по домам, велел на завтра вновь собраться в Петербургском комитете ССРМ.

К сроку сбора все были на месте. И тут мы узнали, что вновь переходим на казарменное положение.

Бежавший в Гатчину «спаситель республики» Керенский двинул на Петроград казачьи части генерала Краснова. В городе подняли мятеж юнкера.

Но на сей раз наш отряд так и остался в резерве. Красногвардейцы, революционные солдаты и матросы быстро справились с мятежниками-юнкерами и красповцами. Через неделю мы сдали винтовки и разошлись по домам. В прежнем составе нам уже никогда больше не приходилось выступать. Дни открытого штурма прошли. Наступила пора сложной и разнообразной борьбы за создание и укрепление Советской власти, борьбы с тысячами ее хитрых и коварных врагов.

В стороне от нее не остались и мы, члены Социалистического союза рабочей молодежи Петрограда. Выполняя поручения наших старших товарищей — большевиков, мы охотно брались за любое дело. Несли охрану заводов и фабрик. Помогали красногвардейцам, комиссарам Военно-революционного комитета, а потом и чекистам выявлять, ликвидировать подпольные контрреволюционные организации. Вели борьбу против чиновников-саботажников, расхитителей продовольствия, погромщиков, хулиганов, мародеров.

Сегодня мы со старшими товарищами национализировали Русско-Азиатский банк. Завтра устраивали облаву на спекулянтов. Послезавтра реквизировали теплые вещи и сапоги для солдат фронта. А еще через несколько дней шли арестовывать «шоколадного короля» Жоржа Бормана.

И в то же время мы продолжали работать, хотя многие заводы и фабрики закрывались.

И в то же время мы продолжали учиться. Регулярно шли занятия нашего кружка. Открывались клубы, школы грамотности. Виднейшие большевики находили время читать для нас лекции.

И в то же время мы крепили наш Социалистический союз рабочей молодежи. Важной вехой в этой работе стало начало издания первого в России журнала революционной молодежи «Юный пролетарий». Влияние его уже с первых номеров вышло далеко за пределы Петрограда.

Еще первая Петроградская конференция ССРМ в августе 1917 года приняла решение издавать свой печатный орган. Но тогда для этого не нашлось ни средств, ни возможностей. А потребность в таком печатном органе была огромна.

Как только молодежи стало известно о создании Петроградского ССРМ, к нам, на Фонтанку, 201, стали приходить пачки писем из многих городов и сел страны. Писем было так много, что отвечать на них Петербургский комитет привлекал и нас, своих соседей, активистов Коломенского ССРМ.

Чаще всего нас просили прислать устав и программу союза, революционную литературу, плакаты, рассказать, как работает наша молодежь, как борется она за свои права. Просили ответить на тысячи вопросов. Писали не только нам, но и в Петербургский комитет большевистской партии, и даже в ее Центральный Комитет.

«11 ноября 1917 г.

Уважаемые товарищи, очень извиняюсь, что так долго не отвечала относительно Союза Молодежи, но дело в том, что я никак не могла повидать товарища, который работает среди социалистической молодежи.

Не могу вас порадовать ничем хорошим в смысле литературы для молодежи, так как отдельной литературы нет.

Но организации растут и множатся, центром их является Петроградский Союз, объединяющий всего до 13 тысяч человек.

Они же в ближайшем будущем выпускают 2-недельный журнал.

Со всеми справками просим адресоваться по следующему адресу:

Фонтанка, д. 201. Социалистический Союз рабочей молодежи Петрограда.

С товарищеским приветом

Секретарь ЦК РСДРП (большевиков)

Е. Стасова.

Как видите, Стасова в своем ответе тоже упоминает о молодежном журнале. На журнал этот возлагались большие надежды.

Еще до начала его издания Петербургский комитет ССРМ разослал во все районные союзы такое воззвание:

«Рабочая молодежь, слушай!

15 ноября 1917 года Петербургский комитет ССРМ выпускает первый номер юношеского журнала. Вся молодежь призывается активно участвовать в нем своими корреспонденциями, статьями и т. д.

Товарищи, пишите обо всем, что делается на ваших предприятиях, в ваших союзах и организациях, не стесняйтесь, так как редакция исправит все ваши ошибки.

Товарищи, все за перо!

Наш журнал должен отражать наше стремление отстаивать свои интересы. Он — наша трибуна и оружие нашей борьбы.

Да здравствует свобода слова!

Да здравствует юношеская печать!

Председатель Президиума ПК ССРМ *Леске.*

Товарищ председателя *Алексеев.*

По районам и заводам начался сбор материалов и денег в «железный фонд» издания журнала. Но денег удалось собрать немного. И тогда нам помог Петроградский союз металлистов — выделил пять тысяч рублей из своих средств.

Вася Алексеев, самый горячий энтузиаст выпуска журнала, основал редакцию. Он отгородил столом угол в комнате ПК, здесь дневал и ночевал, с головой зарылся в бумаги — писал свои статьи, обрабатывал присланные материалы, устраивал бесконечные совещания и летучки членов редколлегии, в которую входили, кроме него, Эдуард Леске и Михаил Глебов. Вася бегал в типографию, заключал какой-то договор, вносил авансы, часами простаивал у наборных касс и печатных машин.

Наконец 11 ноября 1917 года (раньше, чем намечалось) вышел в свет первый номер «Юного пролетария». В

тот день в ПК шло собрание делегатов от фабрик и заводов. И вот распахнулась дверь, и торжествующий Вася Алексеев внес пачку свежих, пахнущих типографской краской журнальных книжек. Делегаты моментально схватили их, начали качать Алексеева, Глебова, Леске, а потом, забыв на время о собрании, принялись рассматривать, читать и обсуждать журнал.

Первый номер «Юного пролетария» (так же, как и два следующих) вышел без большевистского лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». В наш союз тогда еще входило немало эсеров, меньшевиков, анархистов. Каждая из этих групп хотела видеть на лицевой странице журнала лозунг своей партии. Поэтому на первых порах, чтобы избежать раздоров и раскола, большевистский лозунг над названием журнала не ставился. Но он присутствовал во многих материалах журнала. Журнал был бесспорно большевистским.

Такая тактика принесла только пользу. Раздоров и раскола действительно удалось избежать, а подавляющее большинство членов ССРМ, до того стоявших на эсеро-меньшевистских и анархических позициях, со временем твердо приняло сторону большевиков. Многие из этих ребят стали членами большевистской партии.

Достижение крепкого единства Социалистического союза рабочей молодежи в то трудное время было для нас, пожалуй, самой важной задачей. Нельзя забывать, что наряду с нашим союзом действовало тогда немало молодежных организаций откровенно мелкобуржуазного, соглашательского характера. Предстояла долгая и нелегкая борьба за этих молодых рабочих, служащих, студентов. Предстояла борьба за создание Всероссийского революционного юношеского союза. И Петербургский комитет ССРМ, и журнал «Юный пролетарий» уже в первые послеоктябрьские месяцы настойчиво шли к этой цели.

1 декабря у нас, в бывшем Полицейском замке, проходила вторая общегородская конференция ССРМ Петрограда. Собралось на нее около двухсот человек. Они до предела заполнили нашу «большую залу». Делегаты с юношеским пылом приветствовали свершившуюся социалистическую революцию и первые декреты Советской власти.

Главное внимание на конференции было уделено экономическому положению рабочей молодежи в новых условиях жизни, труда и учебы. Вася Алексеев сделал доклад о советских рабочих законах и об организации коллективов молодежи на фабриках и заводах.

Делегаты приняли большую программу культурно-просветительной работы и избрали комитет. Председателем ПК стал Вася Алексеев, секретарем — Оскар Рывкин. Я на этой конференции впервые был избран членом ПК.

Каждый делегат как самый ценный подарок получил книжку «Юного пролетария». Конференция горячо поддержала выход первого номера своего журнала и поручила его редколлегии и Петербургскому комитету наладить контакты с союзами молодежи в других городах для создания всероссийской организации.

В связи с этим решением второй Петроградской конференции ССРМ уместно вспомнить слова Владимира Ильича, сказанные им по аналогичному поводу на заседании Петербургского комитета РСДРП(б) еще 30 мая 1917 года:

«Петербург, как отдельная местность, не существует. Петербург — географический, политический, революционный центр всей России. За жизнью Петербурга следит вся Россия. Всякий шаг Петербурга является руководящим примером для всей России. Исходя из этого положения, жизнь ПК нельзя сделать местной жизнью...

Опыт с постановкой своего отдельного органа быстро убедит ПК в невозможности замкнуться в местную жизнь».

Теперь, когда начал издаваться «Юный пролетарий», писем и запросов с мест стало поступать к нам в ПК еще больше. Журнал рассылался в Москву, Одессу, Новгород, Екатеринбург, Ростов-на-Дону, в десятки городов и во многие села.

С мест к нам приезжали представители молодежных союзов и организаций. Приезжали в одиночку и целыми делегациями. Их радушно принимали, с ними по-товарищески разговаривали, им давали советы, а иной раз одадживали наши газетные клише. Их снабжали литературой.

Можно понять, почему Петербургский комитет ССРМ вскоре стал именовать себя Центральным исполнительным комитетом Социалистического союза рабочей молодежи. Так обращались к нам во многих письмах. Именно это наименование утвердилось в «Юном пролетарии».

Этот полузабытый пыле штрих очень важен.

Следуя ленинским указаниям, Петербургский комитет ССРМ не замыкался в рамки местной жизни. Он вместе с журналом «Юный пролетарий» вышел на всероссийскую арену и выдвинул идею созыва первого съезда союзов молодежи в масштабах всей страны.

НОВЫЙ ГОД — ПО-НОВОМУ

Часто нынешние комсомольцы говорят мне: «Вы рассказываете, как создавались первые организации рабочей молодежи, как боролись они за революцию, сражались за Советскую власть. Мы понимаем — время было трудное. Но все-таки, как вы в ту пору отдыхали, как отмечали праздники? Было ли все это?»

Конечно, все это было. Но наши праздники во многом не походили на нынешние. Вполне естественно, что в них находили отражение черты того времени, наши заботы, радости и ожидания...

Приближался 1918 год. Раньше празднование Нового года носило религиозный характер. Поэтому молодое Советское правительство даже не включило день 1 января в число обязательных праздников. Разрешалось по воле большинства работающих на фабрике или заводе перенести праздник Нового года на другие дни. Тем более что Новый год в России отмечался до сих пор по старому стилю, то есть на тринадцать дней позднее, чем в Европе и остальном «христианском мире».

Самый первый Новый год при Советской власти многие организации решили все-таки отметить.

Наш Петербургский комитет ССРМ задумал устроить 1 января товарищеский вечер. До сих пор еще ни разу не собирались вместе все члены союза. А потому и вечер был задуман не только для празднования Нового года, но и для спайки, для смотра культурно-просветительной работы наших организаций. Ну а «текущий момент»? Без «текущего момента» ни одно мероприятие не проходило.

Для столь большого празднования требовалось обширное помещение. Руководители ПК остановили свой выбор на зале бывшего Михайловского юнкерского артиллерийского училища у Литейного моста на Выборгской стороне. После победы Октября и подавления юнкерского мятежа неарестованные юнкера разбежались и попрятались. Новая советская администрация охотно предоставляла пустующий зал училища рабочим организациям.

Во втором номере «Юный пролетарий» сообщил о предстоящем праздновании: «В программе музыка, пение и чтение, игры, живые картины». Билет стоил два рубля (дневной заработок молодого рабочего). Каждый член союза имел возможность по своему билету провести на вечер еще одного человека.

Перед праздником шла усиленная подготовка к нему.

Мрачный Полицейский замок, наверное, никогда раньше не видел такой суматохи. Двери беспрестанно хлопала. Ребята и девушки приходили и уходили. Комнаты были завалены бумагой, плакатами, кумачом. Даже с кухни неслись трубные звуки, взволнованные монологи, пение и перестук каблуков.

Вечером 1 января 1918 года в Михайловское училище стали собираться рабочие — подростки, юноши и девушки. Шли сюда оркестранты с трубами и барабанами, актеры-любители с нехитрой бутафорией. Среди собравшихся можно было узнать членов ПК с покрасневшими от бессонницы глазами. По случаю праздника все, как могли, привираядились.

В огромном зале было тесно от радости и ликования. Забылись и голод, и холод, и безработица. Многие активисты ССРМ еще не знали друг друга и тут впервые познакомились. Открывая вечер, выступили вожаки нашего союза — живой, увлекающийся Михаил Глебов и степенный, рассудительный Оскар Рывкин.

Рывкин появился на вечере в военной форме. По существу, секретарь Петербургского комитета ССРМ пришел проститься с нами. Он первым из руководителей союза уходил добровольцем на гражданскую войну — предстояло подавление калединского мятежа. Регулярной Красной Армии тогда еще не было, и Оскар вступил в первый Социалистический полк, сформированный из красногвардейцев-добровольцев.

В тот же день в Михайловском манеже состоялся огромный митинг по случаю проводов полка. На митинге произнес речь В. И. Ленин. Выступая у нас на вечере, Рывкин рассказал о речи Владимира Ильича, о развернувшейся тогда борьбе против контрреволюционеров и прочих врагов Советской власти.

Ночью Социалистический полк должен был грузиться в эшелон, и мы радостно приветствовали нашего товарища Оскара Рывкина, уходившего на фронт, желали ему крепко бить контру.

Вслед за ним выступила Лиза Пылаева, а потом на помост под гром аплодисментов поднялся народный комиссар просвещения Анатолий Васильевич Луначарский.

— Я приветствую вас, революционную молодежь Петрограда, от имени рабоче-крестьянского правительства — Совета Народных Комиссаров, — сказал Анатолий Васильевич и долго молчал, ожидая, пока успокоится ликующий зал.

Луначарский улыбался, но ему, наверное, было нелегко выступать перед нами. Трудно представить себе более эмоциональную аудиторию. Каждое новое сообщение о работе Советского правительства вызывало в зале буквально взрыв восторга.

Народный комиссар рассказывал нам о только что состоявшихся решениях Совнаркома.

С 1 января во всех школах прекращалось преподавание «закона божьего», все законоучители увольнялись.

Создавалось Государственное книжное издательство, целью которого было выпускать по дешевой цене для народа произведения классиков литературы.

Все детские приюты и заведения для несовершеннолетних, находившиеся ранее под «опекой» церкви и богачей, Советское правительство брало в свое ведение.

Вступало в силу новое правописание русского языка, а через месяц (с 1 февраля) — и новый календарь.

О многом рассказал нам Луначарский. Мы с радостью видели, что молодое Советское правительство быстро и решительно осуществляет свою программу, при этом постоянно помня об интересах молодежи.

То, на что буржуазные партии и соглашатели никак не шли, большевики, взяв власть в свои руки, решительно проводили в жизнь.

Вслед за декретами о мире и о земле были приняты декреты о рабочем контроле над производством, об отделении церкви от государства и школы от церкви. Молодежь получила все политические права, на предприятиях устанавливался восьмичасовой рабочий день для взрослых и шестичасовой — для подростков. Подготавливалась реформа народного образования.

Все эти великие преобразования проходили быстро и гласно. Кстати, Луначарский подчеркнул, что он конечно же с огромной радостью и по доброй воле выступает перед нами, но вместе с тем выполняет решение правительства. Оказывается, ему поручено было раз в неделю выступать перед трудящимися с информацией о деятельности Совнаркома.

А вечер продолжался. После выступления ораторов начался большой концерт. Профессиональные актеры в нем не участвовали. Концерт давали любители. Азартно читали свои стихи о борьбе рабочего класса, о молодежи, революции и социализме наши поэты Вася Алексеев, Дмитрий Мазнин, Николай Фомин и Николай Андреев. Новые стихи Кириллова и Садофьева декламировали Ольга Антропцева, Иван Смирнов, а также секретарь союза

молодежи Выборгской стороны Александр Каюров (Низовой).

Наши коломенские «актеры» Александр Дождев, Франц Самсонович и Миша Потапов сыграли небольшую сценку по рассказу Бессалько «Детство Кузьки». Особенно запомнились мне певцы — Григорьев из Московского района, Вера Каждан с Выборгской стороны и Болдырев с Невской заставы. Дуэтом пели наши коломенские — Иван Смирнов и Костя Терлецкий.

Надо сказать, что каждый активист считал своим долгом принять участие в концерте. Мы, коломенские, развернулись вовсю. Но нас стал «забивать» Нарвский район с его духовым оркестром. В противовес ему мы вывели свой хор под руководством нашего председателя Васи Васильева.

После концерта, когда шла подготовка к танцам под духовой оркестр, Эдуард Леске, Михаил Глебов и Вася Алексеев внесли в зал пачки номеров «Юного пролетария». Редколлегия здесь, на вечере, сама продавала недавно вышедший второй номер журнала. Впрочем, это было делом недолгим — журнал буквально расхватали.

Потом нас ожидало праздничное угощение: хлеб, повидло и горячий чай с леденцами-монпансье. На это и ушли деньги, собранные за билеты.

Закончился вечер тревожно. Приехала Конкордия Николаевна Самойлова и сообщила, что после выступления Владимира Ильича Ленина в Михайловском манеже на него было совершено покушение.

Автомобиль Ленина обстреляли на площади у цирка Чинизелли при въезде на Симеоновский мост. Владимир Ильич и Мария Ильинична Ульянова остались невредимыми. Ранен был ехавший с ними вождь швейцарских социалистов Фридрих Платтен.

Гневно встретили мы это известие. Оно вернуло нас с праздничного вечера к жестокой реальности революционной борьбы.

ШИНЕЛИ ДЛЯ СОЛДАТ РЕВОЛЮЦИИ

ГДЕ ИСКАТЬ МАРКУШЕВИЧА?

Шел январь 1918 года. В очередное воскресенье, как обычно, начались занятия, которые вела Надежда Константиновна Крупская. Настроение у кружковцев было неважное. Для союза нашего наступали тяжелые времена.

Один за другим закрывались заводы. Их трубы не дымили, — не хватало угля, большая часть которого до войны подвозилась в столицу из-за границы морем. Порт замер. Железные дороги работали с перебоями. Тоненький ручеек продовольствия, поступавшего в красный Питер из хлебных губерний, мелел с каждым днем. Продовольственные отряды рабочих кулачье встречало выстрелами из обрзов.

В Прибалтике стояли немецкие воинские соединения. В стране поднимала голову контрреволюция. Враги стремились задуть молодую Советскую власть. Заводчики и фабриканты тысячами увольняли рабочих и работниц, и в первую очередь подростков и молодежь, причем вроде бы на законном основании.

Дело в том, что в изданный вскоре после революции Народным комиссариатом труда первый декрет о восьмичасовом рабочем дне вошли требования о запрещении труда малолетних. Конечно же это было сделано из добрых намерений. Подписавший декрет товарищ народного комиссара труда Юрий Ларин был убежденным революционером, но человеком горячим и увлекающимся. И вот, стремясь в кратчайший срок освободить рабочих-подростков от эксплуатации, он не учел реальной обстановки, хитрости и коварства капиталистов.

Одним словом, заводчики и фабриканты, всячески саботировавшие декреты Советской власти, требование о запрещении труда малолетних стали рьяно выполнять. Рабочие-подростки оказывались за проходной первыми. Свирепая безработица выбивала фундамент из-под нашего союза. Тысячи его членов покидали город, другие обивали пороги своих райкомов, прося о помощи. Но чем мы могли помочь им, сами в большинстве безработные?

Придя на занятия и выслушав наши ссования,

Надежда Константиновна признала, что положение действительно чрезвычайно тяжелое. Советская власть еще только встает на ноги, она не может сейчас бросить все силы на экономический фронт, потому что не решен главный вопрос — вопрос о мире. Крупская рассказывала нам о попытках германцев сорвать и без того тяжелые мирные переговоры, о сопротивлении «левых коммунистов», ратующих за продолжение войны с Германией, вплоть до победы мировой революции, разъясняла авантюризм и безответственность таких действий. Надежда Константиновна сказала нам, что конечно же наше государство не будет в бездействии ожидать мира и прекращения по существу уже начавшейся гражданской войны, что Советское правительство принимает решительные меры и для укрепления нашей военной силы, и для борьбы с разрухой и кризисом в промышленности. Надежда Константиновна призывала нас быть бдительными, давать посильный отпор махинациям хозяев заводов, фабрик и мастерских. Просто, по-товарищески советовалась она с нами о мерах помощи безработным подросткам и предотвращения развала организаций нашего союза.

И вот во время этой беседы в комнату вбежала в окружении подруг плачущая Дуся Емельянова, наша активистка.

Работала Дуся на швейной фабрике Маркушевича, расположенной на отдаленном от нас Забалканском проспекте (теперь Московский проспект.) Впрочем, надо объяснить, что в то время даже в административном делении города еще не было точных границ. Старые мелкие «части» постепенно объединялись во все более крупные районы. У нас, как я уже говорил, начиная с октября создавался Второй городской район. Сперва в него вошли Коломенская, Казанская и Адмиралтейская части, позже к ним присоединилась Спасская. Спустя два года, когда население Петрограда в несколько раз сократилось, Второй городской район слился с Первым городским, и вместе они образовали огромный, но все же малолюдный Центральный городской район.

Что же касается «границ» молодежных союзов (а потом и комсомольских организаций), то они были еще более подвижны и изменчивы. В 1917 году, когда начали создаваться организации ССРМ, никаких строгих производственных или территориальных принципов не существовало. Структура союзов зависела от многих причин, начиная от месторасположения исполкома и кончая местом жительства вожаков. И многие наши ребята вступа-

ли в союз тоже по месту жительства. Я, например, работал на Путиловском заводе, а Ольга Антропова на «Пекаре» (теперешний «Красный пекарь» на 11-й Красноармейской улице), но были мы членами одного союза, потому что жили в Коломне.

У нашего Коломенского исполкома положение было особое. Располагались мы на самой границе с большим Нарвским районом и до января 1918 года соседствовали с Петербургским комитетом ССРМ и редакцией «Юного пролетария». В ПК и редакцию часто приходили ребята с заводов и фабрик с просьбами организовать у них коллективы союза. Члены ПК, как правило, тут же шли к ним проводить собрания и, если предприятия эти были недалеко, прихватывали с собой кого-нибудь из нас, коломенцев. И в этих случаях, и тем более в случаях, когда мы сами, будучи членами ПК, организовывали на соседних предприятиях молодежные коллективы, мы, конечно, включали их в свой союз, нимало не считаясь с «суверенитетом» других союзов. Впрочем, и те, другие, в сходных обстоятельствах поступали так же.

Со временем многие союзные коллективы предприятий левобережья Фонтанки вошли в Коломенский ССРМ, в их числе и коллектив фабрики Маркушевича.

Какая же беда привела в тот раз в райком плачущую Дусю Емельянову? Занятия наши прервались. Все мы столпился вокруг Дуси и ее подруг. А она, вытирая кулаком слезы и шмыгая носом, торопливо говорила, обращаясь к Надежде Константиновне:

— Беда, не знаем, что и делать. Вчера на фабрику не явился хозяин, не пришли все его распорядители. Работницы заволновались. Очередную получку в субботу нам не выплатили. Обычно в воскресенье никто, кроме закройщиков, не работает. А сегодня пришли почти все. Пришли с надеждой получить не выплаченные вчера деньги. Но фабрикант, вся администрация и кассир опять не явились. Не знаем, как быть...

Мы все заволновались, загудели.

— А тут еще закройщики подлили масла в огонь, — продолжала между тем Дуся. — Говорят, что на складах осталось материалов для раскроя всего на два дня. А раньше-то всегда был недельный запас. Куда могли деваться материалы? С утра сегодня посылали за Маркушевичем. Прислуга ответила, что хозяев дома нет. Сейчас работницы отправили своих делегатов в профсоюз работников иглы. А вот мы прибежали к вам, Надежда Константиновна. Что же делать-то? И так голодно, а тут еще

денег не дали. Почти у всех наших баб мужья безработные. Помрут детишки с голодухи. Не воровать же идти!..

Надо сказать, что мы уже как-то притерпелись к закрытию заводов и фабрик. Было ясно, что их хозяева — наши враги. Но чтобы так, по-воровски, бросить на произвол судьбы фабрику, утащить с собой все деньги, запрятать или продать кому-то полученные от военного ведомства материалы да еще увести с собой весь технический персонал, об этом мы слышали впервые. Было над чем задуматься.

Ольга Антропцева, как всегда, решительно предложила:

— Поймать Маркушевича и расстрелять его, как контру.

Тут я должен рассказать более подробно об этом фабриканте.

Около тысячи человек работало у купца второй гильдии Маркушевича на самой фабрике, да еще несколько сотен многодетных солдаток брали раскрой и шили у себя на дому белье, армейские гимнастерки и штаны. Дуся Емельянова и ее подруга Крутикова еще прошлой осенью не раз жаловались на своего хозяина. Выяснилось, что он платит несовершеннолетним работницам за одну и ту же работу меньше, чем взрослым, да еще заставляет их по вечерам таскать бесплатно тюки с готовым обмундированием из цеха на склад и поднимать на верхние этажи тяжеленные рулоны шинельного сукна. Обуздать фабриканта было некому. Ни царское, ни Временное правительства не издавали законов, защищавших труд рабочей молодежи и ограждавших подростков от жестокой эксплуатации хозяев. Надо было действовать самим.

Как-то раз в сентябре после очередных жалоб Дуси на фабрику собрались идти Лиза Пылаева и Ольга Антропцева.

— Надо взять с собой хотя бы одного мужчину для надежности, — предложила Ольга.

— За мужчину сойдет Павка Усанов. Вон он какой вымахал, — решила Лиза.

Попасть на фабрику Маркушевича было непросто. Однако мы стали помогать группе парней, разгружавших вагоны, и вместе с ними прошли к фабричным складам. Здесь, у складов, и собралась в конце рабочего дня молодежь.

Лиза Пылаева произнесла на этом импровизированном собрании речь. Она призывала собравшихся вступать в Социалистический союз рабочей молодежи и всем вме-

сте защищать свои интересы. Решение было единодушное. — вступать. Видимо, Дуся и раньше беседовала на эту тему с фабричными парнями и девушками.

— Надо позвать хозяина. Предъявим ему наши требования прямо сейчас! — сразу, что называется, взяли быка за рога новые члены ССРМ.

Звать Маркушевича не пришлось. Ему уже доложили о проникших на фабрику большевистских агитаторах, и он сам спешил к складам. Подойдя поближе, хозяин спокойно выслушал требования, которые, волнуясь и сбиваясь, высказали Дуся Емельянова и некоторые другие активисты. Причем высказали от имени коллектива ССРМ. Услышав слово «коллектив», владелец фабрики кисло поморщился. Вот, мол, еще хвороба! Но возражать он не стал. Лиза Пылаева горячо и настойчиво поддержала требования молодежи от имени Петербургского комитета.

Еще не старый, упитанный купчик Маркушевич наигранно, умильно посматривал на молодых ораторов, поглаживая рукой аккуратно подстриженную бороду. Когда он, забравшись на ящик, стал отвечать на вопросы, то прежде всего выразил удивление и возмущение тем, что к нему обращаются как к эксплуататору.

— Все вы на фабрике знаете, что я революционер! — сказал Маркушевич. — Знаете, что я пострадал при царизме за интересы рабочего класса. Что меня посадили на месяц в царскую тюрьму. — Маркушевич повысил голос до крика. — Вот документ. — Он вынул из бокового кармана и показал всем какую-то бумагу. — Сам петербургский градоначальник князь Оболенский подписал постановление о заключении меня, Евгения Ивановича Маркушевича, в тюрьму за то, что я стоял за интересы рабочих!

Позже мы узнали, что такой трюк Маркушевич неоднократно выкидывал перед рабочими, причем это всякий раз производило впечатление. Когда он исчез, выяснилось, что документ, которым фабрикант пытался подтвердить свою революционность, представлял собою извещение о штрафе в размере ста рублей. Этот штраф градоначальник наложил на Маркушевича в 1915 году за нарушение правил открытия и регистрации фабрично-заводских предприятий. В извещении содержалось предупреждение об аресте сроком на один месяц в случае неуплаты штрафа. Конечно, Маркушевич поспешил уплатить штраф, но после Февральской революции, поняв, что к чему, стал изображать себя жертвой царизма, мучеником импархического строя.

Продолжал Маркушевич фарисействовать и на этом собрании.

— Я и фабрику-то устроил в интересах рабочих. К тому же хочется одеть в теплое обмундирование наших доблестных солдатиков. А вы предъявляете мне какие-то требования. И без того содержать фабрику для меня одно мучение. Другие-то хозяева уже закрывают свои заведения. А я о вас забочусь!

Хозяин категорически отказался принять хотя бы одно из требований молодежи. Установить равную оплату за одинаковый труд, по его словам, было бы несправедливо.

— Я не хочу обижать пожилых, многодетных рабочих и работниц. Я уверен, что они сами ни за что не согласятся получать одинаково с молокососами,— закончил в благородном гневe Маркушевич под шум и крики возмущенной молодежи.

На том и закончилось наше собрание, но на фабрике начал действовать коллектив Социалистического союза рабочей молодежи.

— Бельмо на глазу! — чертыхался Маркушевич по этому поводу.

Союз досаждал ему, да еще как! Вскоре стало известно, что хозяин вынужден был удовлетворить одно из требований коллектива ССРМ — стал оплачивать сверхурочную работу по погрузке обмундирования и разгрузке материалов.

Дальше этого купчина не пошел. Он имел постоянную поддержку эсеров и меньшевиков, свивших гнездо в фабрике.

После Октябрьского вооруженного восстания рабочие не сразу стали полными хозяевами на фабрике. Однако рабочий глаз теперь более ворко следил за тем, как ведет себя фабрикант. Было ясно, что Маркушевич занялся подозрительными махинациями. Шинельное сукно и другие материалы, получаемые от военного ведомства без оплаты их стоимости, на фабрику стали поступать в меньшем количестве. Молодежь, выгружавшая материалы, это замечала.

Вскоре было установлено, что хозяин продолжает аккуратно получать в военном ведомстве денежные авансы под выполняемую на фабрике работу. Однако расчет с рабочими стал задерживаться, опаздывать.

Все это вспомнилось нам после рассказа Дуси Емельяновой.

Да, что-то Маркушевич замышлял. Но что?

А Надежда Константиновна уже приняла решение. Она сейчас же поедет на фабрику Маркушевича, к рабочим. Поедет вместе с Пылаевой и Крутиковой.

Оскар Рывкину, Дусе Емельяновой и нескольким другим товарищам Крупская поручила разыскать и доставить на фабрику хозяина и его доверенных лиц. Затем, после разбора на месте, беседы с рабочими, опроса хозяина или его доверенных, Надежда Константиновна намеревалась поехать в Смольный, в Совет Народных Комиссаров, чтобы решить судьбу фабрики и ее рабочего коллектива.

Группа Оскара (я был в ее составе) направилась искать хозяина фабрики. Маркушевич жил в доме № 3 на 12-й Роте Измайловского полка (теперь 12-я Красноармейская). Служанка повторила нам то же, что сказала утром делегации рабочих:

— Хозяева уехали, куда — не знаю... Надолго ли? Видно, надолго...

Мы обошли всю богатую квартиру Маркушевича, но никого в ней не обнаружили. Ольга Антропова сбегала на свой завод «Пекарь» (до него было недалеко) и привела двух рабочих-красногвардейцев с винтовками. Разобравшись, в чем дело, красногвардейцы вызвали представителя районного штаба Красной гвардии, чтобы описать и опечатать имущество Маркушевича в обеспечение суммы денег, украденных им из зарплаты рабочих.

Ольга Антропова и Александр Дождев остались для описи имущества, а мы с Оскаром Рывкиным и Дусей Емельяновой, узнав у горничной адреса приближенных Маркушевича, отправились на их поиски. Мы нашли и доставили на фабрику, как он ни упирался, только бухгалтера, исполнявшего также обязанности юрисконсульта. Привели мы его прямо в цех, в котором собрались все работницы и рабочие. На вопросы Надежды Константиновны бухгалтер, дрожа и почему-то все время озираясь, отвечал:

— Поверьте, я ничего не знаю... Хозяин мне ничего не говорил и со мной не советовался... Думаю, что он уехал с семьей к себе в Орел... Там у него собственный дом и швейная мастерская... Впрочем, это лишь предположение... Определенно я ничего сказать не могу...

И все же, окруженный яростно подступающими к нему, кричащими работницами, он сказал нечто очень существенное: несколько дней назад хозяин выплатил всему руководящему персоналу фабрики жалованье за четыре месяца вперед и посоветовал на время исчезнуть из

Петрограда. «Через четыре месяца от этой собачьей власти и следа не останется», — напутствовал приближенных Маркушевич.

Бухгалтер с готовностью пояснил, что искать кассира бесполезно, так как денег все равно нет ни у него, ни в сейфе фабрики, ни на текущем счете в банке. По последней ассигновке военного ведомства фабрикант сам получил деньги и, вероятно, с ними и уехал.

Положение складывалось вроде бы безнадежное: денег нет, материалов нет, специалистов нет. Работницы готовы были растерзать бухгалтера. Надежда Константиновна постаралась их успокоить.

— Примем все меры, — сказала она, — чтобы фабрика не оставалась бесхозной, а немедленно перешла в ведение Советской власти. В первую очередь добьемся выплаты полочки рабочим из средств Советского государства. Здесь, на фабрике, с вами останется секретарь вашего профсоюза работников иглы товарищ Силина. А я сейчас же еду в Смольный. Советская власть — рабочая власть. Она стоит на страже ваших интересов. Призываю вас, товарищи работницы и рабочие, сохранить фабрику и ее имущество. Установите рабочий контроль, установите порядок. Пусть несут охрану самые надежные товарищи...

В понедельник рабочим фабрики была выплачена зарплата из средств Советского правительства.

ПЕРВАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ

Надежда Константиновна впоследствии рассказывала нам, своим кружковцам, как трудно было найти деньги взамен украденных фабрикантом Маркушевичем. Помог изыскать средства Владимир Ильич Ленин. Он придавал очень серьезное значение событиям на фабрике Маркушевича.

— Помочь работницам и рабочим фабрики мы должны немедленно, — сказал Владимир Ильич, выслушав рассказ Надежды Константиновны. — И главное состоит в том, чтобы сохранить для будущей Красной Армии, для обороны рабоче-крестьянского государства эту единственную крупную военно-обмундировочную фабрику в Петрограде.

Вместе с Крупской он присел к столу и собственноручно, с полным знанием юридических норм, составил декрет о конфискации фабрики Маркушевича и всего его имущества.

На другой же день, 23 января 1918 года, «Газета Рабочего и Крестьянского правительства» опубликовала текст этого важного документа. Привожу его здесь полностью.

«Декрет

о переходе в собственность Российской Республики
фабрики Маркушевича в Петрограде

Ввиду того что владелец фабрики военного обмундирования Маркушевич (Петроград, Забалканский просп., д. 75) скрылся бесследно, равно как и его доверенные, и тем оставил фабрику и рабочих на произвол судьбы, Совет Народных Комиссаров постановил конфисковать все имущество фабрики, в чем бы это имущество ни состояло, и объявить его собственностью Российской Республики.

Весь служебный и технический персонал обязан оставаться на местах и исполнять свои обязанности.

За самовольное оставление занимаемой должности или саботаж виновные будут преданы революционному суду.

Порядок управления делами и условия передачи фабрики и ее имущества во временное ведение местного Совета рабочих и солдатских депутатов, фабричного комитета, профессионального союза или другого подобного учреждения будут определены особыми постановлениями народного комиссара торговли и промышленности».

Как только был опубликован декрет о конфискации, на фабрику пришли представители народного комиссариата, профсоюза и районного Совета. Надежда Константиновна прочитала этот важный документ, подписанный В. И. Лениным, работницам и рабочим и объявила, что их предприятие становится государственной фабрикой. И молодые и пожилые люди, участвовавшие в этом собрании, от души радовались, что наконец избавились от хозяйского произвола. Они просили Крупскую передать товарищу Ленину их благодарность и заверить его, что в переживаемый тяжелый момент оправдают доверие Советской власти.

Прошло всего несколько недель после национализации, и швейникам Первой государственной фабрики военного обмундирования пришлось держать трудный экзамен. День и ночь, не жалея сил, шили они шинели, гимнастерки, брюки и белье для бойцов Красной Армии, сражавшихся с наступавшими кайзеровскими частями.

На одном из последних занятий нашего кружка перед отъездом Советского правительства, а вместе с ним и

Надежды Константиновны в Москву мы задали Крупской несколько вопросов, касающихся национализации промышленных предприятий. Нас интересовало, почему один из немногих декретов Совпаркома о национализации, подписанных лично Владимиром Ильичем Лениным, относился к петроградской швейной фабрике? Разве могла фабрика Маркушевича по своему значению равняться с такими гигантами, как Путиловский или Невский машиностроительный завод, как петроградская электростанция, которые были национализированы в то же время?

Да, оказывается, могла равняться! Время было суровое. Усиленно формировались части молодой Красной Армии. А их надо было одеть.

Не допустить закрытия единственной работающей в столице фабрики военного обмундирования — это был важный вопрос. По инициативе В. И. Ленина вслед за первой были в короткий срок созданы и пущены в ход многие другие государственные швейные фабрики. Полуремесленную швейную промышленность с ее работой на дому Советская власть решительно и быстро переводила на индустриальные рельсы.

Несколько цифр. За один только год (с 18 ноября 1918-го по 21 декабря 1919-го) советская швейная промышленность изготовила свыше двух с половиной миллионов комплектов красноармейского обмундирования, свыше семи миллионов комплектов белья для бойцов. Эти данные полностью опровергают враждебные вымыслы, будто Красная Армия воевала исключительно за счет старых запасов.

И все же мощностей государственных швейных фабрик не хватало в период гражданской войны. В. И. Ленину неоднократно приходилось возвращаться к этой проблеме. 11 декабря 1918 года Совет Обороны Республики под председательством В. И. Ленина постановил повысить производительность швейных фабрик, занятых изготовлением обмундирования и белья для Красной Армии. Для оперативного и технического руководства теперь уже целой отраслью 16 апреля 1919 года был создан «Центрошвей», входивший в состав Высшего Совета Народного Хозяйства Республики.

Гражданская война достигала своего апогея. Увеличивались мощь и численность Красной Армии. Умножались ее победы. Но вместе с тем повышались ее потребности в обмундировании. Фабрики уже не могли удовлетворить эти потребности, да и сукна не хватало. За подписью В. И. Ленина 20 октября 1920 года вышел декрет «О при-

нудительном сборе шинелей у населения». А через десять дней был опубликован декрет Совета Народных Комиссаров, также подписанный Владимиром Ильичем Лениным, гласивший: «Ввиду острой потребности в белье для Красной Армии и трудности пошивки такового средствами государственных швейных мастерских, объявляется трудовая повинность всех гражданок Республики от 16 до 45 лет для обязательной пошивки белья на нужды Армии».

Не случайно вспомнил я обо всех этих декретах и чрезвычайных мерах. Хочу еще раз подчеркнуть: битва за революцию, за Советскую власть, за сегодняшний наш день велась не только на фронтах гражданской войны. С первых же дней, с первых месяцев существования Республики Советов развернулась она и в тылу. Хотя красный Питер той поры вряд ли можно было назвать тылом.

В этой битве на трудовом фронте, как и на фронтах гражданской войны, вместе с большевиками принимали участие члены первых союзов молодежи, комсомольцы и комсомолки.

Мне и моим товарищам довелось создавать комсомольские коллективы и на Первой и на Второй государственных швейных фабриках. А в августе 1919 года с помощью комсомола Петрограда в нашем районе открылась Центральная государственная швейная фабрика.

Сколько было с ней хлопот! Несмотря на неприятности дипломатического порядка, под фабрику было занято пустовавшее на углу Мойки и Гороховой здание универсального магазина голландских капиталистов Эсдерса и Схефальса. Теперь это оснащенное новейшим оборудованием головное производство орденоносного швейного объединения имени Володарского. А в том далеком 1919 году не один месяц собирали комсомольцы и комсомолки по всему городу эпингеровские швейные машины и другое оборудование.

Нелегко было сколотить ядро будущего трудового коллектива. С других швейных предприятий перевела сюда сто пятьдесят опытных портных. В их числе была и знакомая уже читателям Дуся Емельянова. А комсомольский коллектив Центральной возглавила Аня Вершинина (до этого она работала на Второй государственной и была там в свои неполные восемнадцать лет одновременно организатором партийного и комсомольского коллективов).

Вскоре на новом швейном предприятии работали уже тысячи молодых портных. Ныне такой цифрой никого не удивишь. А для той поры это был очень большой трудовой коллектив. Красная Армия стала получать с Цент-

ральной фабрики сотни тысяч комплектов обмундирования. Тысячи девушек Петрограда приобрели профессии, вырвались из ярма безработицы.

В начале этой главы я рассказывал, как в январе 1918 года обсуждали мы с Крупской тяжелое положение рабочих-подростков, которых хозяева тысячами увольняли с фабрик и заводов, причем вроде бы на законных основаниях.

Не могу не привести здесь отрывок из статьи «Буква закона», опубликованной Надеждой Константиновной 5 февраля 1918 года в «Правде».

«Приходит молодежь из Социалистического союза молодежи,— писала Крупская,— и жалуется, что организация рабочей молодежи распадается, что рабочая молодежь теперь не на фабриках, а сидит по трактирам, что среди нее, рассеянной, разъединенной, нельзя больше вести агитации, что молодежь опускается, не ходит на лекции, что лучшие элементы — бывшая «краса» Социалистического союза уходит к анархистам...

Это все последствия того, что рабочую молодежь рассчитывают с заводов в первую очередь.

Запрещение труда подростков не реакционно будет лишь тогда, когда государство в состоянии будет обеспечить каждому подростку кров и пищу — не как подаяние, а как право, и когда для подростков будет достаточное количество школ, когда будет организован общественный производительный труд подростков, а пока, упраздняя фабрично-заводской труд подростков, вы обрекаете их на голод, безработицу, на худшую эксплуатацию».

Правительство молодой Советской Республики не скрывало своих ошибок, стремилось их выявить и исправить. Вскоре после опубликования статьи Надежды Константиновны Крупской Совнарком отменил ряд положений декрета о восьмичасовом рабочем дне. Действия заводчиков и фабрикантов, увольнявших подростков со своих предприятий, стали незаконными.

Конечно, это решение правительства не могло сразу уничтожить безработицу среди молодых рабочих. Но оно открыло перед молодежью путь борьбы. Мы добивались, чтобы за подростками на предприятиях бронировались рабочие места. Мы ратовали за создание профессионально-технических школ, за развитие заводского и фабричного ученичества, за улучшение условий труда и жизни молодежи.

РОССИЙСКИЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ

ОНА БЫЛА ДУШОЙ ОТРЯДА

Неподалеку от Кохтла-Ярве, у железной дороги Таллин — Ленинград, в двух километрах от центральной усадьбы совхоза «Синямаэ», лежит огромный, в человеческий рост, валун. К валуну прикреплена мемориальная доска, на которой по-эстонски и по-русски написано: «Здесь 3 марта 1918 года в боях с немецкими оккупантами погибла смертью героя петроградская комсомолка Ольга Антропцева».

Этот памятник русской девушке, активистке Социалистического союза рабочей молодежи Петрограда, поставили эстонские рабочие совхоза «Синямаэ», члены их семей, коммунисты, комсомольцы, пионеры...

Ольга Антропцева. Я уже не раз упоминал о ней в предыдущих главах, а теперь хочу рассказать подробнее. Это была удивительная девушка, простодушная, искренняя, энергичная и решительная, немного потешная в своем вечном стремлении всюду успеть.

Подростком поступила Ольга на завод «Пекарь» в Петрограде. Шла мировая империалистическая война, приносящая простым людям много горя. Но хозяева «Пекаря» смотрели на нее иначе. Народ бедствовал, а они, как и другие предприниматели, знай наполняли свои и без того тугие кошельки. Используя нехватку продовольствия в Петрограде, владельцы «Пекаря» все повышали и повышали цены на хлеб. Прибыли акционеров росли. Рабочие бастовали, требовали повысить заработную плату, выступали за прекращение империалистической войны.

Одной из зачинщиц забастовки на «Пекаре» осенью 1916 года была молодая работница Антропцева. С того времени и до последнего мгновения жизни ее принадлежала революции. Ольга была рядовым бойцом Социалистического союза рабочей молодежи, как тысячи ее товарищей и подруг. В октябре 1917 года она записалась в отряд Красной гвардии профсоюза пищевиков. По приказу Военно-революционного комитета отряд взял под контроль Таврический дворец, а в решающие часы восстания участвовал в штурме Зимнего.

Советская власть утвердилась в стране, но враги всех

мастей рыли для нее могилу. 18 февраля 1918 года германские войска, сорвав перемирие, повели наступление на Псков. Они угрожали Ревелю и всей Эстляндии, нацеливались на Петроград.

«Социалистическое отечество в опасности!» — обращалась в те дни к трудящимся партия большевиков.

«Шайка немецких бандитов-белогвардейцев приближается к Красному Петербургу, — говорилось в воззвании Петербургского комитета ССРМ к молодежи. — Она несет с собой все ужасы капиталистического порядка и во имя восстановления этого порядка, в союзе с русской буржуазией, она кровью рабочих зальет улицы революционного Петербурга...

Революционная молодежь не может допустить гибели власти рабочих и крестьян... На смертный бой с буржуазией зовем мы вас всех, молодые пролетарии Петербурга.

Все на борьбу! К открытой борьбе с властью капитала и ее приспешниками! Под красные знамена революции!

Да здравствует революционный рабочий класс и его социалистическая армия!»

Во всех районах столицы открылись пункты мобилизации. Один из них разместился по соседству с заводом «Пекарь». В числе первых на пункт явилась Ольга Антропцева и решительно потребовала записать ее в Красную Армию добровольцем.

Отряд завода «Пекарь» называли 41-м партизанским отрядом Красной Армии. Надо сказать, что в пору его формирования единственным оружием красноармейцев был их боевой дух. Задачу экипировки командир отряда Модест Григорьев поручил Ольге Антропцевой. Она взяла с собой своих товарищей по союзу молодежи и отправилась в соседние казармы бывшего лейб-гвардии Измайловского полка.

Надо сказать, что мало кто верил в успех предприятия, затеянного Антропцевой. Бывшие царские гвардейцы неприязненно встретили делегатов Красной Армии. Они не желали воевать, собирались разъезжаться по домам и уже делили между собой полковое имущество.

И все же Ольге удалось добиться своего. После нескольких митингов, на которых она выступала, после многих призывов, споров, увещеваний измайловцы пошли на уступки. Ольга Антропцева получила для своего отряда оружие, боеприпасы, зимнее обмундирование, сапоги, снаряжение, походную кухню, обозное хозяйство.

Через день 41-й партизанский отряд уже вступил в бой с кайзеровскими войсками у станции Корф, теперь

носящей название Аувере. Перед партизанами стояла задача прикрыть советские и эстонские подразделения Красной Армии, отступавшие к Нарве под ударами регулярных войск кайзера. Вцепившись в железнодорожную насыпь, отряд Григорьева отражал одну за другой яростные атаки немцев.

Свистели пули, рвались снаряды. С винтовкой в руке быстро перебежала Ольга Антропцева по цепи, снабжая бойцов патронами, передавая приказы. В какой-то момент противнику удалось вклиниться в боевые позиции отряда, разрезать его надвое. Чтобы восстановить связь между разрозненными группами партизан, кому-то надо было пересечь ровную поляну, насквозь простреливаемую вражескими пулеметами. Ольга вызвалась выполнить эту задачу. По девушке, перебегавшей равнину, немцы открыли ураганный огонь. Но Оля бежала и бежала. У противоположного края поляны связанную ударила разрывная пуля. Она упала и осталась лежать на снегу...

Гибель Ольги Антропцевой подняла бойцов. Они с двух сторон пошли в контратаку, соединились и еще несколько часов сдерживали врага, дав возможность нашим главным силам занять новые позиции обороны.

Спустя несколько дней, в марте 1918 года, центральный орган большевистской партии газета «Правда» поместила большую статью «Памяти Ольги Антропцевой».

«Ольга Антропцева — одна из тех возвышенных натур, — говорилось в статье, — которые первые откликнулись на призыв Советского правительства и стали в ряды бойцов против германских банд, вероломно вторгнувшихся для удушения революции».

41-й партизанский отряд, организованный рабочими фабрики «Пекарь», не может забыть молодую, стройную девушку-работницу, деятельно работавшую по организации отряда. Всюду она попевала, везде ее видели... Без тов. Антропцевой трудно себе представить 41-й отряд. Веселая, жизнерадостная, она — душа всего».

Статью написал боец 41-го партизанского отряда, член большевистской партии с 1913 года Ромуальд Адамович Муклевич, ставший по окончании гражданской войны начальником Военно-Морских Сил Советской Республики.

ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ

В нашем юношеском союзе плечом к плечу работали молодые люди разных национальностей.

Задачи того времени требовали особой формы органи-

зации национальной молодежи. И вот в ССРМ возникли латышская, эстонская, финская, польская и литовская секции. Перед ними стояла цель участвовать в работе Петроградского ССРМ и способствовать созданию национальных пролетарских молодежных организаций в России и у себя на родине.

К осени 1918 года национальные секции настолько окрепли, что стали действовать не только в масштабах всего города, но и при некоторых районных организациях.

Во Втором городском районе работали на правах комсомольских коллективов четыре национальные секции. Самую крупную из них, латышскую, возглавлял член нашего райкома, молодой большевик Эдгарт Грантиньш. Он был у нас известен как Эдя Грантин. Это был боевой молодежный вожак и отличный парень. Много сделал он для сплочения латышской молодежи. Эдя, казалось, был неутомим. Он работал до последних дней своей жизни. А умер Грантиньш совсем молодым от туберкулеза.

Его именем мы называли одну из первых вечерних общеобразовательных школ рабочей молодежи. Эта школа была открыта в конце двадцатых годов при Доме коммунистической молодежи, в здании бывшего подворья Троице-Сергиевской лавры на набережной Фонтанки.

Многочисленной была финская секция союза. В ней состояли главным образом сыновья и дочери бойцов финской Красной армии, вынужденных покинуть свою страну, когда она оказалась под сапогом генерала Маннергейма. Председательствовал в этой секции, по нашим тогдашним понятиям, немолодой, двадцати четырех — двадцати пяти лет, рабочий Франко-Русского завода Костя Линдхольм. Впоследствии, вплоть до 1925 года, Костя возглавлял и финскую секцию, и весь отдел национальных групп при Петроградском губкоме РКСМ.

Поначалу была многочисленной и польская секция. Она имела даже свой Дом просвещения «Промень». Но в 1920 году, когда почти все мужчины ушли на фронт воевать против белополяков, секция ослабела. Спустя некоторое время оставшиеся в ней девушки работали уже в других комсомольских коллективах. Еще раньше покинул секцию ее председатель, один из лучших наших активистов Иван Ястржембский. Осенью 1919 года, когда проводилась одна из очередных комсомольских мобилизаций, он стал красноармейцем и до конца гражданской войны сражался с оружием в руках за Советскую власть.

Ястржембский был моим близким товарищем. Мы вместе в мае 1917 года вступили в Коломенский ССРМ

и с тех пор, вплоть до отъезда Вани из Петрограда, почти никогда не расставались. Высокий, выше любого из нас, очень худощавый, сутулый, с суровым (мы называли его «зверским») выражением узкого, вытянутого лица, Иван Ястржембский был удивительнейшим человеком. Внешность обманчива. Некоторая угрюмость Вани объяснялась, быть может, тем, что его, как и Гравтиньша, извурял туберкулез. Но Ястржембскому были свойственны необычайная доброта, покладистость, трудолюбие. Работал он наборщиком в типографии Ключегена и Глича.

Когда закончилась гражданская война, Ивана демобилизовали из Красной Армии, но в Петроград он не вернулся. Он поселился в Орловской губернии. С тех пор мы встречались с ним лишь на ежегодных комсомольских съездах. Он стал секретарем Орловского губкома РКСМ, затем, как тогда это было принято, его перебросили в Пензенскую, а некоторое время спустя в Тамбовскую губернию. Впоследствии Иван обосновался в Москве — его избрали секретарем Центрального Комитета ВЛКСМ. Этой работе он отдавал все свои силы, но болезнь прогрессировала. Иван Ястржембский умер 13 декабря 1927 года.

Похоронили мы первого председателя польской секции нашего райкома комсомола, секретаря ЦК ВЛКСМ Ивана Ястржембского в Москве на Новодевичьем кладбище...

Но я должен возвратиться к началу 1918 года. Уже тогда сильной была наша эстонская секция. Сплачивал ее и долго руководил ею Эдуард Леске. Тот самый Леске, который был первым председателем Петербургского комитета ССРМ. Впоследствии его сменил организатор комсомольского коллектива линкора «Гангут» военмор Янсон.

Петроградская эстонская секция РКСМ оказывала большую помощь юношеским организациям, возникавшим в самой Эстонии. 17 февраля 1918 года в Ревеле собрался первый Всеэстонский съезд социал-демократических молодежных организаций. Но это революционное объединение эстонской молодежи легально действовало всего неделю. Кайзеровские войска, несмотря на отчаянное сопротивление красноармейцев и эстонских краспогвардейцев, оккупировали Эстляндию.

После этого связи Петроградского ССРМ с молодыми социал-демократами Эстонии прервались. В 1918 году наш журнал «Юный пролетарий» из номера в номер помещал такие обращения:

«Петроградский комитет ССРМ просит всех знающих о положении организаций рабочей молодежи в оккупированных местностях сообщить эти сведения по адресу: Екатерининская улица, д. 2 (Пролеткульт, 6-й этаж). Социалистический союз рабочей молодежи».

В том же «Юном пролетарии» публиковались тревожные и призывные статьи «О солидарности», написанные Эдуардом Леске.

Эстонские рабочие не смирились с оккупацией своей родины. Они продолжали борьбу. Огромную помощь в изгнании интервентов и восстановлении Эстляндской трудовой коммуны оказали им в конце 1918-го и начале 1919 года окрепшая Красная Армия и советские комсомольцы.

В Эстонии хорошо знают о боевых делах 49-го полка Красной Армии, командовал которым Ян Фабрициус. А комиссаром этого полка был наш, питерский вожак рабочей молодежи Петр Смородин. Он не только смело воевал за Советскую власть в Эстонии, но и помог создать в Тарту организацию Коммунистического союза молодежи.

В это же время в Петрограде коммунисты и комсомольцы открыли университет Эстляндской трудовой коммуны, эстонский домпросвет, эстонский клуб и несколько эстонских общежитий.

В городе на Неве печатались первые номера газеты эстонской компартии «Коммунист». Только за первые пять месяцев 1919 года, несмотря на нехватку бумаги, у нас было выпущено более трехсот семидесяти тысяч книг и брошюр на эстонском языке. Во время гражданской войны и после нее в Петрограде на эстонском языке выходили в свет произведения В. И. Ленина, журнал «Ээсти Кооль», газета «Тээлине»...

В Петрограде же формировался первый Коммунистический полк эстонских стрелков.

Во всей этой революционной работе самое деятельное участие принимали члены эстонских секций Петроградской организации РКСМ. Многие из них впоследствии вели долгую и тяжелую подпольную борьбу с буржуазной диктатурой в самой Эстонии.

Такой же путь борьбы за социалистическую революцию и Советскую власть выбирали и другие члены национальных секций союза молодежи Петрограда, друзья нашей юности, комсомольцы-интернационалисты.

КОМИССАР С АДМИРАЛТЕЙСКОГО

Весна 1918 года была тяжелым временем для Петроградского ССРМ.

Еще зимой безработица и массовый отъезд молодежи из Петрограда начали буквально разрушать наш союз. Он численно уменьшался. Распадались ячейки на остановившихся, прекративших работу заводах и фабриках. Ослабевали районные исполкомы, падала дисциплина. Перестал выходить наш «Юный пролетарий».

На молодую Советскую Республику со всех сторон наваливались интервенты и белогвардейцы. Тысячи питерских активистов союза вступили в Красную Армию. Уже в 1918 году они сражались на Западном, Северном, Восточном и Южном фронтах. Когда к Гдову уходил отряд Социалистического союза рабочей молодежи, нам казалось, что в Петрограде не остается больше членов союза. Но нет! Райкомы продолжали работать. В ССРМ вступало новое пополнение. Вскоре вернулись в город многие бойцы отряда, не принятые по возрасту в Красную Армию.

И все же на третью конференцию ССРМ Петрограда в апреле 1918 года собралось не более сорока делегатов. Каждый из них представлял пятьдесят членов союза. Численность его сократилась к тому времени в шесть с лишним раз, и почти ежедневно мы прощались с друзьями, покидавшими Петроград. А уходили они не только в Красную Армию.

В начале мая мы провожали председателя ССРМ нашего Второго городского района Васю Васильева. Он жалел, что уходит не в Красную Армию, а уезжает с подотрядом в Сибирь, заготавливать хлеб для Петрограда. Уж больно мирным казалось ему это дело.

Прощание было недолгим. Мы выслушали наказы и советы Васи. Он пожал нам руки, закинул за спину тощий вещмешок, поправил на поясе кобуру, одернул гимнастерку, последний раз окинул нас взглядом и ушел делать свое «мирное» дело.

Из Сибири Васильев прислал несколько писем. Он и в письмах давал нам деловые советы. О своей работе Вася рассказывал мало. Но ни одной «мирной» строки в этих коротких весточках не было. А вскоре письма перестали приходить. В Сибири подняли мятеж белочехи, двинулась в наступление снаряженная буржуазией Востока и Запада армия Колчака.

Мы долго ничего не знали о судьбе Васи Васильева и

всего нашего продовольственного отряда. Только в конце весны 1919 года стало кое-что известно о наших ребятах.

Отряд был в Томске. Когда город заняли колчаковцы, питерские рабочие ушли в подполье и сразу же начали готовить вооруженное восстание. Возглавил томское большевистское подполье командир нашего продотряда латыш Карл Ильмер, член партии с 1905 года. Вася Васильев был одним из надежнейших его помощников.

Вот-вот должно было вспыхнуть рабочее восстание. Но в последний момент подпольщиков выдал пробравшийся в организацию провокатор, агент колчаковской контрразведки. Случилось это 4 марта 1919 года. После жесточайших пыток в колчаковских застенках руководителей организации Карла Ильмера и Яна Бредиса беляки расстреляли. Через несколько дней, 19 марта, по приказу Колчака были расстреляны еще двадцать подпольщиков, в их числе Вася Васильев (в Сибири его называли «комиссаром с Адмиралтейского») и его старший брат Константин.

Не стало нашего друга Васи Васильева.

Правда, друзьями мы с ним были с недавних пор. В детстве коломенские мальчишки считали его не своего поля ягодой. Отец Васи был квалифицированным рабочим — плазовым разметчиком на Адмиралтейском заводе. Работал он на плазе старшим указателем (нечто среднее между теперешним бригадиром и мастером). И на заводе, и в доме на Пряжке все называли Васильева с почтением по имени и отчеству — Александром Васильевичем.

Семья Васильевых была по тем временам небольшая: три сына, родители и дочь. Жили они безбедно. Первый признак достатка — не было у них лодки. Почти каждая рабочая семья в Коломне имела лодку, а Васильевым она была не нужна. И сыновьям Александра Васильевича, в отличие от нас, не надо было ловить плававшие по рекам и каналам бесхозные бревна: Васильев-отец в состоянии был покупать дрова на складе. Складские ломовики привозили их прямо на двор и уже готовые, наколотые поленья — швырок — складывали Васильевым в сарай.

Мы промышляли, чтобы зимой было чем обогреться, а Васька беззаботно гулял. Это была первая причина нашей к нему неприязни. Но была также и вторая, на наш взгляд куда более важная. Мы все учились в трехклассной начальной школе. Лишь немногие, окончив ее, могли попасть в четырехклассное городское, или, как его называли, высшее начальное училище. А Вася Васильев благодаря положению и хлопотам своего отца был зачислен в

техническую школу при Адмиралтейском заводе. В этой школе морского ведомства учили семь лет, и преподавали здесь в основном инженеры казенных судостроительных заводов, среди которых был, кстати сказать, Петр Федорович Папкович, будущий академик и советский адмирал.

Предметом нашей парнишечьей зависти была, помнится, Васина нарядная форма. Нам форма не полагалась. В высшем начальном училище выдавали только ремень с медной бляхой, на которой значилось: «В. Н. У.» За эти бляхи, сверкавшие на ситцевых рубашках, дразнили нас «внуками».

Вася же в технической школе бесплатно получал китель, брюки, башмаки, шинель и фуражку с кантом. На фуражке поблескивал значок, на котором были изображены молоток, разводной ключ и буквы «Т. У.». Это давало нам повод дразнить технарей «тузами». Нередко мы затевали с ними драку.

Из разговоров взрослых нам было известно, что Вася быстрее нас поступит на завод и получит там лучшую работу. Так и вышло. Едва он окончил училище, как его приняла на Адмиралтейский завод и определили на плазовую разметку. Таким образом, работал Вася под началом отца. Надо было видеть, с какой гордостью отправлялся наш сверстник на завод. Отправлялся в своей нарядной форме, чистенький, благополучный.

— Ну прямо инженер, да и только! — похваливали его наши родители. А мы уже почти ненавидели Васю, казавшегося нам заносчивым и самодовольным. Частенько видели мы, как разгуливает он поодаль от нас по набережной и по «плешивому садику», что на Калининной площади. Почти каждый день Вася ходил через мост на Фонтанку встречать своего старшего брата Константина, который был лет на десять старше и работал на приборном и машиностроительном заводе шведской фирмы «В. И. Однер». Константин Васильев, был, видимо, очень хорошим специалистом, и фирма им дорожила. Потому-то и не взяли его на войну, а всего лишь зачислили в ратники второго разряда. Впрочем, завод работал на армию. Вместо печатных машин, арифмометров и станков он стал выпускать прицелы и дальнометы для корабельной и полевой артиллерии, механические части аэропланов, оборудование для патронных заводов.

Каждодневные встречи братьев нас тоже почему-то раздражали. Подумаешь — ходят под руку, как господа! Одним словом, Васю мы никак не могли считать своим

человеком. К тому же на заводе он числился в самых благонадежных.

Но вот грянула революция. 24 февраля 1917 года 128 рабочих завода фирмы «В. И. Однер» объявили забастовку, вышли на улицу, начали разоружать переодетых полицейских. Возглавил же этот отряд, к нашему всеобщему удивлению, старший из Васильевых. Вот когда наконец выяснилось, что он большевик-подпольщик. В те бурные дни Константин Александрович стал организатором партийной ячейки на заводе.

Скоро разъяснилось все и с Васей.

Мать и отец очень боялись за Константина и велели Васе встречать его, причем в форменной одежде — для отвода глаз городских. К тому же Васе приходилось выполнять вечерами и в выходные дни кое-какие поручения брата. А чтобы не попасть на подозрение городских, он никогда не поддерживал наших «политических» разговоров. Теперь Вася всю свою конспирацию отбросил. Он снял изрядно поношенную форму, стал участвовать во всех наших делах и спорах. И тут мы увидели, как много он знает и как хорошо разбирается в революционных событиях. В шестнадцать лет вступил Вася в большевистскую партию, стал одним из организаторов нашего Коломенского ССРМ. На первом же собрании союза он был избран его председателем. Ко всему тому он был организатором ячейки ССРМ на Адмиралтейском заводе.

Участники Октябрьского вооруженного восстания Василий и Константин Васильевы неустанно вели разноstopонную партийную работу в Петрограде, вплоть до своего отъезда с продотрядом в Сибирь.

В МАСШТАБАХ ВСЕЙ СТРАНЫ

В конце мая с фронта в Петроград возвратились Оскар Рывкин и Михаил Глебов. Они сразу взялись за восстановление и налаживание работы ССРМ.

Вместе с оставшимися в городе активистами союза Рывкин и Глебов подготовили и 10 июня провели четвертую общегородскую конференцию ССРМ. Мне, как члену ПК, довелось участвовать во всей этой работе.

Оскар нас непрестанно торопил. Скорее, как можно скорее провести конференцию! Встряхнуть ребят, показать всем, что Петроградский ССРМ не развалился! Да, он понес большие потери, но существует, действует и готов к предстоящей борьбе. Значит, надо двигать дело

далее. Надо укреплять союз и осуществлять давнишнее предложение Петроградского ССРМ о созыве Всероссийского съезда организаций рабочих и крестьянской молодежи.

И мы спешили. Четвертая конференция была немногочисленной, но прошла она хорошо. Крепла надежда на возрождение союза в полной силе. Оскар стал председателем и секретарем ПК, а Михаил Глебов его заместителем.

После конференции мы провели перерегистрацию членов ССРМ. Выяснилось, что с апреля союз стал численно несколько больше. С помощью Н. К. Крупской нам удалось выхлопотать получение небольших денежных субсидий на нужды союза от Комиссариата народного просвещения. Укрепилась наша связь с Петербургским комитетом партии. Оскар стал постоянным представителем ССРМ на совещаниях ответственных организаторов райкомов партии при ПК РКП(б). Наладились контакты союза с Петроградским Советом рабочих и красноармейских депутатов. ПК ССРМ начал издавать еженедельную газету под названием «Юный пролетарий». Вскоре эта газета вновь превратилась в журнал.

Организация наша постепенно крепла, пополнялась. Можно было приступать к главному делу, за которое так ратовали Рывкин, Глебов и с ними все мы. Вскоре ПК ССРМ установил связь с московской организацией молодежи «III Интернационал». 3 августа 1918 года на Московской губернской конференции «III Интернационала» Михаил Глебов от имени Петроградского ССРМ выступил с предложением о созыве Всероссийского съезда и о его подготовке.

Предложение это было принято. В бюро по созыву Всероссийского съезда союзов рабочих и крестьянской молодежи первоначально вошли петроградцы Оскар Рывкин и Михаил Глебов и москвичи Николай Пеньков и Ефим Цейтлин.

В начале августа Глебов совсем переехал в Москву, Рывкин же, помнится, ездил туда дважды, а потом возвращался в Петроград, где у нас тоже была уйма дел.

Михаил Глебов часто писал нам. Из его писем и рассказов Оскара мы знали об огромной помощи, которую оказывала оргбюро Надежда Константиновна Крупская. В то время она была заместителем наркома просвещения. Рядом с ее кабинетом в доме Наркомпроса на Крымской площади была отведена комната для работы оргбюро. Надежда Константиновна распорядилась изыскать необходимые для подготовки Первого Всероссийского съезда

организаций рабочей и крестьянской молодежи денежные средства. Уже в начале сентября в газетах появилось воззвание оргбюро. Я приведу здесь лишь небольшую цитату из этого интересного документа:

«Мы не пошли с теми, кто проповедовал смирение и соглашательство. Мы — борцы... Нам не страшны бури... Для нас нет средних путей, а один-единственный курс — на социализм...

Есть у нас, товарищи, одно дорогое для нас дело — строительство новой жизни, жизни свободы и вольного труда. В нас все возможности будущего, в нас валог силы наших завоеваний, и мы должны принять участие в этом деле...»

А вот другой документ оргбюро, опубликованный в то же время, я приведу полностью:

«К союзам молодежи России

Бюро по созыву Всероссийского съезда союзов рабочей и крестьянской молодежи извещает, что съезд состоится в октябре.

Все союзы, не зарегистрированные, должны зарегистрироваться в Бюро.

Норма представительства на съезд:

на 100 — один; меньше 50-ти объединяются для посылки делегата.

Каждая организация посылает не более двух делегатов.

Порядок дня съезда

1. Текущий момент.
2. Доклады с мест.
3. Цели и задачи Союза.
4. Устав.
5. Культ.-просвет. работа».

Насколько важным было это скромное извещение, свидетельствует тот факт, что его напечатали даже анархистские газеты. Не склонные поддерживать большевиков, анархисты просто не могли обойти молчанием созыв съезда молодежных союзов. Надо только добавить, что в действительности повестка заседаний съезда была намного шире, чем объявленная в предварительном извещении.

Итак, оргбюро деятельно готовило съезд. Мы в Петрограде тоже не сидели сложа руки. 29 сентября мы провели пятую (и последнюю) общегородскую конференцию ССРМ.

Проходила она в небольшом зале под самой крышей, на шестом этаже бывшего дома Благородного собрания. Ныне это Дом радио на Малой Садовой.

От «благородных», то есть дворян, в то время в огромном здании, естественно, и духу не осталось. Сразу после Октябрьской революции особым декретом Совнаркома этот дом был передан рабочему классу для создания в нем Дворца пролетарской культуры. В соответствии с этим и Малая Садовая была переименована тогда в улицу Пролеткульта.

В одной из предыдущих глав я уже говорил, что Петербургский комитет ССРМ несколько раз переезжал с места на место. После Полицейского замка мы помещались в здании Народного комиссариата просвещения на Чернышевой площади (ныне — Главное архитектурно-планировочное управление Ленгорисполкома на площади Ломоносова). Оказались мы там не случайно — нам выделили две большие комнаты на третьем этаже рядом с кабинетом Надежды Константиновны Крупской. Она по-прежнему нас опекала, вникала во все наши нужды и заботы. Но когда в марте 1918 года Советское правительство, а вместе с ним и Надежда Константиновна переехали в Москву, мы тоже покинули старое место и переехали во Дворец Пролеткульта. Расположились мы как раз на шестом этаже, в двух маленьких комнатах. Тут разместились и Петербургский комитет ССРМ, и редакция его органа — журнала «Юный пролетарий».

Вот рядом с нашими «апартаментами» и находился зальчик, где 29 сентября собрались делегаты пятой Петроградской конференции ССРМ. Невзрачный низкий зальчик без единого окна был приспособлен под кинематограф. Напротив двери на стене висел небольшой полотняный экран, а слева от двери на подставке стоял маленький «Кок» — передвижной киноаппарат с ручным приводом. Помещение, одним словом, неказистое. Но это никак не мешало собравшимся в нем делегатам обсуждать вопросы большой важности. На конференции решались не только наши местные молодежные дела. Делегаты обсудили специальный доклад о подготовке и проведении Первого Всероссийского съезда, а также проекты программы и устава Союза молодежи всей страны. Предложенные Оскаром проекты были приняты. Участники конференции проголосовали за переименование ССРМ в Коммунистический союз молодежи.

Вот как была определена основная задача КСМ в принятом на пятой конференции проекте программы: «Ша-

рокая деятельная пропаганда среди масс рабочей и крестьянской молодежи России идей коммунизма». В разделе проекта программы «Отношение к другим организациям» говорилось: «В политической части у Союза полное единение с Российской Коммунистической партией».

По сути дела, на конференции была предпринята попытка сформулировать политическую платформу будущего комсомола. Сделать это было крайне необходимо, потому что на Первый Всероссийский съезд собирались со всей страны делегаты не только союзов рабочей и крестьянской молодежи, стоящих на большевистских позициях, но и юношеских организаций меньшевистского, эсеровского, анархистского и всякого иного толка. Предстояла борьба за идеологические позиции нового союза, как это было в ту пору, когда созывалась первая Петроградская конференция ССРМ.

В этой ситуации конечно же очень важно было еще до открытия съезда иметь большевистский проект программы, принятой авторитетным молодежным союзом, каким, несомненно, являлся Петроградский ССРМ. Предложив название нового союза, выдвинув проекты его программы и устава, петроградцы через месяц, 20 октября 1918 года, подготовили и созвали первую конференцию союзов рабочей и крестьянской молодежи Северной области. На эту конференцию съехались делегаты Новгородской, Псковской, Вологодской и Череповецкой губерний. Они тоже обсудили «доклады с мест», обменялись опытом работы. Но опять-таки самым главным было рассмотрение наименований союза, проектов его программы и устава.

Так накануне съезда собирались силы молодых большевиков.

А в это время в Москве Михаил Глебов с головой ушел в работу по подготовке к съезду. Оргбюро уже получило много ответов от провинциальных союзов на разосланные им анкетные листы. Михаил вместе с Колей Пеньковым и Ефимом Цейтлиным готовил основной доклад — по программе Союза, с которым ему предстояло выступить на съезде. Время от времени он выезжал в дальние организации, чтобы проверить, как там идет подготовка к этому важному событию.

— Ну вот, у Миши сейчас один глаз на нас, а другой на Арзамас! — смеялись наши ребята, получив очередное письмо Глебова, на сей раз из Арзамаса.

За несколько дней до начала съезда мы получили последнее письмо Глебова из Москвы: «Все в порядке! Жду!» Одновременно пришло официальное извещение о

дне открытия съезда и о его повестке. Съезд собирался 29 октября.

Но 29 октября Михаила Глебова в Москве мы уже не застали.

ПЕРВЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ

На Первый Всероссийский съезд союзов рабочей и крестьянской молодежи из Петрограда поехали разрозненно восемнадцать делегатов. Среди них были и неизвестные нам люди и хорошо известные вожаки Социалистического союза рабочей молодежи — такие, как Оскар Рывкин, Михаил Глерон, Владимир Петропавловский, Сергей Маситин, Михаил Слосман, Андрей Толмазов.

Михаил Глебов тоже был нашим делегатом. Но за два дня до открытия съезда он, получив предписание Центрального Комитета партии, ушел в Красную Армию. Михаил даже не успел написать друзьям. Он срочно уехал на юг, где сложилась тяжелая военная обстановка. Комсомольский вожак стал начальником политотдела войск Красной Армии Левобережной Украины.

Ведя ответственную политическую работу в Красной Армии, Глебов никогда не забывал о комсомоле, внимательно следил за работой и жизнью молодежи. Помнится, в 1922 году, в начале напа, в трудное для комсомола время, когда численно сократился наш союз и когда предпринимались попытки вслческих ревизий его истории, Глебов выступил по этому поводу в журнале «Юный пролетарий» с большой статьей. Михаил писал в ней о неточностях и ошибках, имевших место в статье Ефима Цейтлина «Как созывался 1-й Всероссийский съезд РКСМ», опубликованной в сборнике «Коммунистическое движение молодежи в России».

А тогда, в день открытия съезда, как уже было сказано, в Москве мы Михаила Глебова не застали. Почему я говорю — «мы»? Сам-то я делегатом съезда не был. Да, это так, но одно счастливое обстоятельство позволило мне тоже приехать в Москву.

Дело в том, что Петербургский комитет выпустил к съезду специальный номер «Юного пролетария». В нем были опубликованы материалы пятой конференции Петроградского ССРМ, в том числе предложение о наименовании всероссийского союза, проекты его программы и устава. Во многие губернии мы заранее отослали книжки журнала. Но Рывкин решил, что этого мало, что нужно привезти журнал на съезд. Везти так везти — тысячу эк-

земляков, не меньше! А это четыре огромные, тяжеленные пачки!

Типография выдавала тираж не сразу. Получилась задержка. Рывкин (а он был редактором «Юного пролетария») и член редколлегии Евгения Герр отправлялись на съезд последними. Вдвоем они не в силах были доставить журнал в Москву. Тогда Оскар, памятуя, что он как бы занял мое делегатское место, предложил мне ехать вместе с ним. Нечего и говорить, что я не раздумывал ни минуты. Втроем — Рывкин, Герр и я — мы и доставили в Москву пачки «Юного пролетария». Еще в поезде решили, что распространять его буду я. У Оскара, как члена оргбюро, было много других забот. Жене поручалось установить связи со всеми делегациями и собрать материал для следующего номера журнала, и потом она как делегат съезда должна была присутствовать на всех его заседаниях.

Когда мы приехали в Москву, Рывкин помог мне вытащить пачки «Юного пролетария» из вагона на перрон и сразу объявил, что сам он направляется в оргбюро, а мне следует не мешкая доставить журналы в Политехническое общество. Конечно, Женя Герр в этом деле не могла быть мне помощницей. Прикидывая, как бы выполнить поручение, я чуть не упустил Оскара, уже шагавшего к выходу из вокзала. Но я нагнал его и попросил прислать из оргбюро их автомобиль за мной и грузом.

— Какой автомобиль? — прервал меня Рывкин. — Ты что, смеешься? Давай на трамвае! Тоже мне, придумал... Оргбюро... Автомобиль... Да если бы он был такой... — и, считая дальнейшие объяснения излишними, зашагал прочь.

Я обескураженный вернулся к растерянной Жене и к сваленным на перроне пачкам журнала. Прямо скажу, со злостью вцепился я в веревку, обвязывавшую одну из пачек, собрался тащить ее к трамвайной остановке, велел Жене приглядеть за остальными. Но тут кто-то дернул меня за рукав куртки и спросил:

— Не подскажете, как добраться отсюда к Политехническому обществу?

Обернувшись, я увидел молодого высокого блондина в солдатской шинели и фуражке. Я все еще злился и, видимо, поэтому не очень-то вежливо ответил вопросом на вопрос:

— А вам-то зачем туда?

— Да вот, на съезд молодежи... — проговорил он с мягким акцентом.

Тут я обрадовался неожиданному попутчику и стал объяснять ему, как добраться до места, хотя сам был в Москве впервые и о дороге знал только со слов Оскара.

— Не надо говорить, пойдемте вместе, раз вам туда же.— Блондин продолжал пазывать меня на «вы», хотя мне не так давно исполнилось пятнадцать, а он был лет на пять старше.— И давайте познакомимся... Я — Тойво Антикайнен.

— А я — Павлуха Усанов. Привез из Питера па съезд молодежи вот эти журналы, да не знаю, как дотащу...

— Дотащим! — Тойво без лишних слов поднял две пачки.— Показывайте, куда идти.

И наружность Тойво Антикайнена, и его готовность помочь незнакомому человеку пришлись мне очень по душе. Пока мы несли пачки журналов к остановке трамвая на Каланчевской площади, пока ехали до Мясницкой и дальше опять тащили связки в руках, Тойво успел кое-что о себе рассказать. Он финн, родился в бедной семье, в 1917 году стал членом ЦК Социал-демократического союза рабочей молодежи Финляндии, а вот сейчас как представитель созданного в августе 1918 года Финляндского Союза коммунистической молодежи приехал делегатом на Первый Всероссийский съезд союзов рабочей и крестьянской молодежи.

Здесь я должен сделать несколько отступлений от своего рассказа. Читатель, видимо, догадался, что на перроне Петроградского вокзала в Москве я случайно повстречался с тем самым Тойво Антикайнепом, имя которого спустя два года стало широко известным. Это он командовал отрядом Красной Армии, отразившим нападение финских белогвардейцев на Советскую Карелию. За тот подвиг Тойво был награжден орденом Красного Знамени. Подвиг у Кимас-озера был не единственным в жизни этого революционера-интернационалиста, впоследствии ставшего членом Политбюро ЦК Компартии Финляндии. И жизнь его, и мужественная борьба были примером для моего поколения.

Но вот что странно: работая над этой книгой, я просматривал изданные стенограмму и протоколы Первого съезда комсомола и вместо фамилии Антикайнен встретил другую — Аутикайнен. Не знаю, как «окрещен» Тойво в подлинниках этих документов, но, возможно, и там он носит чужую фамилию.

Другое замечание. В списке делегатов Первого съезда РКСМ, составленном Центральным архивом ВЛКСМ, не значится Аркадий Селезнев, в то время ученик вось-

мого класса пятой петроградской классической гимназии. Он был избран делегатом Первого съезда и присутствовал на нем — это я знаю точно. Аркадий и потом долгое время был активным работником нашей городской комсомольской организации, уже в 1919 году он вступил в партию, впоследствии избирался делегатом еще одного комсомольского съезда — Десятого. Много лет работал архитектором, умер в 1962 году.

Конечно, «протокольное дело» в то далекое время поставлено было слабо. Скажем, в упомянутом списке значатся делегатами от Петрограда Андреева, Андреев, Барковский, Максимов и еще несколько товарищей, ни имен, ни отчеств, ни даже инициалов не указано. Последнее обстоятельство меня не удивляет: сам будучи секретарем райкома и отвечая за делопроизводство, я, признаться, на первых порах тоже не обращал внимания на «формальные мелочи». Как в жизни, так и в деловых бумагах была принята упрощенная форма именования: товарищ такой-то — и все тут. «Такой-то» — это в лучшем случае фамилия, а то и только имя. Мы, надо сказать, никогда не думали, что «попадем в историю», думали о деле, о дне текущем и дне грядущем. Поэтому, повторяю, отсутствие инициалов при фамилиях названных товарищей меня не удивляет.

Удивляет другое: товарищей с такими фамилиями в составе комсомольского актива Петрограда ни в 1918—1919 годах, ни в три последующих года мне встречать не доводилось. Никогда не знали их и другие ветераны, с которыми я обсуждал этот непонятный вопрос. В чем тут дело — сказать затрудняюсь. Хотя, возможно, названные товарищи были делегированы на съезд не Петроградским ССРМ, а какими-то другими молодежными организациями, о которых ниже я упомяну. Во всяком случае, я хочу обратить внимание историков комсомола на все эти странные обстоятельства, для чего и сделал это отступление.

Ну а теперь я возвращусь к прерванным воспоминаниям о последних днях октября 1918 года.

С самого утра 29 октября я расположился со своими пачками в углу фойе громадного зала на втором этаже Политехнического общества.

Место было удобное: у всех на виду, рядом с газетными и книжными киосками Контрагентства при ВЦИК, Союза юных эсперантистов и Московского союза молодежи «III Интернационал». Распространение «Юного пролетария» шло быстро. Меня чуть было не смяли. Наш журнал хорошо знали в стране, и ребята радовались во-

возобновлению его выпуска. Некоторые из них привезли с собой разосланные нами ранее книжки «Юного пролетария», но они были зачитаны чуть ли не до дыр.

Все делегаты стремились приобрести журналы. Однако я получил от Оскара наказ — в первый день давать только по одной книжке в руки, чтобы хватило всем делегатам. Так я и делал, несмотря на крики, требования и даже угрозы «расправиться со скупердяем».

Пачки журналов таяли, и вскоре все приготовленные мною на этот день пятьсот экземпляров оказались в руках делегатов. Разве запомнишь, кому ты дал журнал, а кому нет? Надо сказать, я был отчасти доволен таким оборотом дела. Я радовался за наш «Юный пролетарий» и радовался, что смогу теперь присутствовать на заседаниях съезда. Впрочем, до них было еще далеко. Назначенное на двенадцать часов дня открытие съезда откладывалось на неопределенное время. Прибыло уже около ста пятидесяти делегатов, но оргбюро находило, что этого мало.

У стола оргбюро шла регистрация прибывающих. Здесь проверялись их полномочия, просматривались мандаты, удостоверения. Некоторые из них вызывали сомнения. По этому поводу начинались долгие споры, разбирательства. Прибывшим на съезд раздавали талоны на обед и ужин. Но обед еще не был готов. Пока суд да дело, в столовой выдавали лишь жиденький чай и к нему черные сухари. Ребята были голодны и радовались даже этому угощению.

Часам к двум прибыла группа делегатов из Кинешмы и других недалеких городов. Прибыла, видимо, прямо с вокзала. Ребята ввалились в фойе с мешками, кулками и рогожами. Потом стали появляться делегаты, приехавшие из более отдаленных мест. И у каждого в котомке был свой запас. Слышали, что в Москве голодно. На своих харчах — оно надежней.

Питерцы и москвичи, собравшиеся тут с самого утра и уже порядком охрипшие от разговоров и споров, попытались повлечь в них вновь прибывших. Но тем было некогда — они спешили оформиться, стать на учет. Тогда питерцы и москвичи собрались у стоявшего в фойе рояля. Одна из делегатов, с виду гимназистка, взяла несколько аккордов. Ребята запели «Интернационал». Вокруг поющих собиралось все больше молодежи. Вслед за «Интернационалом» прозвучали «Варшавянка», «Смело, товарищи, в ногу»... Но у пианистки замерзли пальцы. На дворе копец октября, а в доме не топлено. К тому же у певцов

от голода животы подводит. Хор разладился. Снова начались разговоры.

Около пяти часов вечера собралось до двухсот делегатов — все больше рабочая молодежь. Ребята были неважно одеты: кто в стареньком пальтишке, кто в тужурке, кто в шинели. На головах кепчонки, картузы, треухи, на ногах разбитые ботинки и сапоги. Крестьянские паренки, непривычные к многолюдью, в растерянности терли паркет подшитыми валенками и лаптями, суетились, не знали, куда деться со своим багажом. Мелькали форменки шумливых гимназистов и гимназисток.

Представительство, несмотря на предварительное оповещение, оказалось неодинаковым. От некоторых малочисленных организаций приехали целые делегации, а от больших союзов — единицы. Например, четверо товарищей из Иваново-Вознесенска представляли тысячную массу. Питерцы и москвичи, делегированные самыми крупными союзами, тоже оказались вроде бы «в меньшей пропорции».

В фойе и в самом зале делегаты собирались кучками по областям: Центральной, Северной, Южной, Восточной... Шло шумное обсуждение кандидатов в президиум. Многие делегаты были в столовой. До шести часов вечера продолжался запоздалый обед. Хотя казалось, там и есть-то было почти нечего: чечевичная каша и кусок хлеба.

Постепенно все собрались в большой зале, стали рассаживаться. У кафедры суетились члены оргбюро Рыбкин, Цейтлин и Пеньков. Только около семи часов вечера 29 октября Ефим Цейтлин от имени оргбюро объявил Первый Всероссийский съезд союзов рабочих и крестьянской молодежи открытым. Прежде всего он предложил почтить память павших товарищей. Делегаты поднялись, сняли шапки, притихли...

Без прений был избран президиум. От петроградской делегации в него вошли Оскар Рыбкин и Женья Герр.

Почетными председателями съезда под аплодисменты и радостные крики зала делегаты избрали Владимира Ильича Ленина, Карла Либкнехта и Фридриха Адлера. Тут же решено было послать к Владимиру Ильичу делегацию в составе президиума съезда.

После утверждения порядка дня и регламента начались выступления делегатов, приветствовавших съезд. Зал всех встречал горячо, но особый успех имело выступление руководителя уральской делегации Хазана. Говорил он громко и страстно, размахивая руками и стуча по кафедре кулаком. Эта речь Хазана была посвящена геро-

изму рабочей молодежи, сражающейся на фронтах гражданской войны.

На другой день на съезде по поручению ЦК РКП(б) с докладом «Текущий момент» выступил Е. М. Ярославский. Потом началось его обсуждение... Утром 31 октября с докладом по программе будущего комсомола выступил делегат Московского союза молодежи «III Интернационал» Лазарь Шацкий. После развернулись дебаты...

Конечно, для полноты картины следовало бы рассказать о том, как дебаты проходили. Ведь, по сути дела, это — самое важное. Но я не умею «вспоминать» того, чему не был сам очевидцем. Напоминаю, я не являлся делегатом съезда, в дни его работы помимо распространения «Юного пролетария» выполнял и другие поручения Оскара, поэтому присутствовал не на всех заседаниях.

О развернувшихся на съезде прениях любознательный читатель может узнать из опубликованных документов, из воспоминаний некоторых делегатов, из книг, посвященных этому вопросу. Я же кратко скажу здесь лишь о том, что, на мой взгляд, было главным.

На съезде нашлись не только сторонники, но и противники подготовленных оргбюро проектов программы и устава РКСМ, а также определения союза как коммунистического.

Оскар Рывкин убежденно и страстно отстаивал эти предложения, саму сущность Союза молодежи как организации коммунистической. Он говорил:

— Дело не в названиях, дело в том, что мы хотим носить не только в сердце, но открыто название коммунистов.

Рывкин сделал два доклада: о положении в Петроградской организации и об уставе нового союза. Оскар сумел сплотить большую группу делегатов, представлявших крепкие молодежные союзы. Теперь они выступали единым фронтом.

В результате долгих прений съезд утвердил название новой организации: Российский Коммунистический Союз Молодежи. В основу принятых им программы и устава легли проекты, подготовленные оргбюро. Съезд избрал Центральный Комитет РКСМ. Оскар Рывкин стал заместителем председателя, а вскоре — председателем ЦК.

Домой мы возвращались окрыленными. Вместе с нами ехал и Оскар. В Питере он сразу же собрал ПК. На этом заседании было принято постановление в ближайшее время созвать шестую конференцию Петроградского

РКСМ (счет конференций мы сохранили от ССРМ). Оскар должен был возвращаться в Москву, и он предложил до конференции оставить меня исполнять его обязанности секретаря ПК. Члены ПК согласились с этим, и я с головой ушел в работу.

Конференция состоялась в конце декабря 1918 года. По количеству делегатов она была сравнительно немногочисленной. Но на ней уже появилось много новых активистов, что позволяло надеяться на быстрый рост и укрепление союза. С этой целью решено было, в частности, открыть районные клубы.

Один из первых комсомольских клубов открылся в нашем Втором городском районе в начале 1919 года. Мы дали ему название «Юный Спартак». Хотелось бы сказать о нем несколько слов, чтобы у сегодняшнего молодого читателя сложилось более четкое представление о том, каким был комсомольский клуб в суровом, голодном и холодном 1919 году.

Под клуб мы заняли большую (одиннадцать комнат) квартиру стеклозаводчика Балабанова на третьем этаже в доме № 1 по улице Глинки. В трех комнатах этой квартиры разместился наш райком.

Кстати сказать, именно после шестой конференции бывшие исполкомы союзов стали официально называться райкомами. Моя «должность» именовалась теперь тоже по-новому: не председатель исполкома, а организатор района, или ответорг. Кроме ответоргов (первых секретарей) у нас по-прежнему оставались секретари, ведавшие «канцелярской частью». Появилась новая должность — организатор клуба. Сначала ребята вели эту работу на общественных началах, а потом Комиссариат просвещения выделил средства и на содержание клубов, и на оплату труда организаторов.

Тут же попутно замечу, что хотя я и пишу: «комсомольский клуб», «комсомольская организация», однако слова такие — «комсомол» и применительно к нему «организация» — ни в 1918-м, ни в 1919 году мы в обиходе не употребляли. РКСМ и его местные организации назывались союзами, комсомольцы — членами союза, а первичные ячейки на предприятиях, в учреждениях и школах — коллективами. Неологизм «комсомол» и все от него производные распространились, как мне помнится, только в 1920—1921 годах. И «пошел» он, думается, «сверху» — от Цемаола. Так часто выглядела подпись ЦК РКСМ на приходивших к нам документах.

Возвращаюсь к «Юному Спартаку».

Итак, в трех комнатах квартиры стеклозаводчика размещался райком, а рядом, в чулане, под замком хранилось наше оружие. Нельзя забывать, что каждый районный союз представлял собой в ту пору караульно-сторожевой отряд. Все вместе отряды объединялись (правда, формально) в Петроградский комсомольский полк.

Все остальные комнаты были отданы клубу. В них царствовала самодеятельность. Литературный кружок издавал свой рукописный журнал «Юное творчество». Руководила им писательница и актриса Александринского театра Лидия Чарская (Иванова). Кружок пластики вел балетмейстер Марининского театра Бакланов. Были у нас кружки — драматический, музыкальный и художественный (рисование и лепка). Был кружок, в котором ребята оформляли плакаты и лозунги, подготавливали декоративное праздничное оформление для митингов и демонстраций.

Наши самодеятельные артисты регулярно устраивали представления. Выступали они обычно в большом зале Совета рабочих депутатов Второго городского района. Это было в трех минутах ходьбы от нашего клуба, в Тюремном переулке (ныне переулок Матвеева), в здании бывшего Реформатского училища.

Летом 1919 года «Юному Spartaku» было отдано еще и здание пустовавшего в то время Интимного театра на Крюковом канале (теперь там помещается Ленинградская студия документальных фильмов). Но продержались мы в этом здании недолго. Пришла зима, и холод выжил нас из него.

В наших концертах вместе с ребятами принимали участие профессиональные поэты и актеры, например Блок, Ермоленко-Южина, Тартаков, Монахов.

Летом в парке на бывшей даче Дурново Петербургский комитет РКСМ почти каждое воскресенье проводил конкурсы клубов всего города, устраивал массовые зрелища. Иногда драмкружки объединялись и разыгрывали спектакли на лестнице Фондовой биржи. Зрителей на Стрелке Васильевского острова было больше чем достаточно. И вот на фоне колонн Биржи разворачивались могучие по размаху действия «Степан Разин» либо «Парижская коммуна».

Нашему и другим комсомольским клубам помогал не только Комиссариат просвещения, но и районные комитеты партии. Петрокоммуна добавляла нам к скудному пайку немного хлеба и повидла. Вечером Паша Селезнева делала маленькие бутерброды и выдавала их всем участ-

никам самодеятельности и руководителям кружков. На ночь она заваривала кашу из дробленой пшеницы, которую нам присылал райком партии. Кашу варили для тех же кружковцев, выступавших, однако, в иной роли. Прямо из клуба уходили они в ночное патрулирование района. И вот при смене патрульных Папа отогревала их кипятком и кормила кашей.

Одним словом, клуб стал для нас родным домом. Вокруг него собиралась и объединялась молодежь. Жизнь в «Юном Спартаке» была ключом. И возможно, отчасти этим объясняется, что уже к середине 1920 года наша районная комсомольская организация, несмотря на все трудности, на все мобилизации, стала самой многочисленной в Петрограде. Она объединила свыше четырех тысяч пятисот членов союза — четвертую часть всей городской организации.

ОСТАНЕТСЯ ДЛЯ ИСТОРИИ

Завершая главу о памятных мне событиях 1918 года, я хочу рассказать еще кое-что о «Юном пролетарии», который, как уже говорилось, сыграл значительную роль в подготовке к первому комсомольскому съезду.

Наш журнал летом 1918 года не только возродился, но и стал значительно лучше, чем был раньше. Интереснее и разнообразнее стали публикуемые в нем материалы. К тому же они теперь иллюстрировались.

Своим новым видом и оформлением «Юный пролетарий» был обязан не только стараниям редакции, но и советам Алексея Максимовича Горького.

Дело было так.

В начале лета (даты, к сожалению, не припомню) меня вызвали в ПК. Петроградский Совет рабочих и красноармейских депутатов образовал комиссию по переименованию городских улиц, проспектов, набережных и площадей. Федю Дребезгова (будущий председатель ПК) и меня включили в эту комиссию от Петроградского ССРМ.

Ну что ж, вдвоем, пожалуй, не страшно. И мы отправились на Дворцовую площадь. В одном из примыкающих к ней домов работала комиссия по переименованию.

Председательствовал на заседании комиссии Максим Горький. Это было большой неожиданностью для нас. До сих пор встречать Горького в узком кругу ни мне, ни Феде не доводилось. Я слышал выступления Алексея Максимовича перед многолюдной аудиторией. Но это совсем другое дело.

В большой комнате, где собралась комиссия, мы устроились у стенки и поначалу только слушали. Алексей Максимович, председательствуя на заседании, время от времени сам предлагал новые названия городских магистралей. Некоторые из его предложений мне запомнились.

— В память о декабристах, думаю, надо назвать Галерную улицу Красной, — сказал он в какой-то момент. — Здесь пролилась кровь первых русских революционеров. А для увековечения подвигов народовольцев Большую и Малую Конюшенные предлагаю переименовать в улицу Желябова и улицу Софьи Перовской...

Все это было так ново, так необычно и радостно. Имена революционеров отныне будут витать над улицами и площадями, над стенами великого города! Члены комиссии горячо поддерживали Алексея Максимовича.

— Ни мы, ни потомки наши не должны забыть Кровавого воскресенья, — продолжал между тем Горький. — А потому предлагаю переименовать Дворцовую набережную и проезд у Зимнего в набережную и проезд 9 Января 1905 года.

Другие члены комиссии тоже предлагали новые названия улиц и площадей. Горький напоминал, что любое предложение должно быть обосновано. Он внимательно выслушивал выступления членов комиссии и, если их доводы казались ему убедительными, соглашался:

— Да-да, это будет хорошо...

На одном из заседаний выяснилось, что нам поручено также подобрать созвучные революции наименования для заводов и фабрик и присмотреть в Петрограде места для памятников, сооружаемых по ленинскому плану мону-ментальной пропаганды.

И снова Алексей Максимович напомнил комиссии, что делать это надо обоснованно. Причем он рассказал нам такой интересный эпизод.

9 января 1905 года, когда прогремели залпы у Нарвских ворот, далеко не все рабочие, участвовавшие в шествии, разбежались. Многие лишь отошли к ближайшему предприятию — кожевенному заводу Гибпера. Заводская каменная ограда прикрывала людей от пуль царских карателей.

Кто-то из демонстрантов пробрался в кочегарку завода. И не успел прозвучать войсковой рожок, подавая солдатам сигнал отбоя стрельбы, как тревожно и призывно загудел паровой гудок завода Гибпера. Трудно передать, как ободрил рабочих этот знакомый им сигнал.

Демонстранты распрямились, сплотились теснее. Сна-

чала по одному, а потом массой стали присоединяться к ним другие рабочие. Они готовы были снова двинуться вперед — к Зимнему дворцу. Но с Нарвского проспекта вырвалась конная жандармерия, а с боковой улицы — казачьи сотни. Они с криками и гиканьем, обнажив шашки и вскинув нагайки, бросились разгонять колонну рабочих.

Между тем над городом ревел гудок завода Гибнера. Ревел дерзко и протестующе. Немало пришлось приложить усилий царской полиции, чтобы заставить его замолчать. Кочегарку полицейские брали штурмом.

— Такие факты нельзя забывать, — сказал в заключение Горький и предложил переименовать кожевенный завод Гибнера в завод «Сигналист революции». Это наименование было утверждено Петросоветом.

Не кто иной, как Горький, предложил место для установки памятника Радищеву — угол сада Зимнего дворца, выходящий к Дворцовому мосту.

— Пусть самовластная Екатерина, преследовавшая Радищева, и ее бесславные потомки видят, что из крамольного «Путешествия из Петербурга в Москву» выросли силы, которые свергли и похоронили царизм, — сказал Максим Горький.

Памятник Радищеву под самыми окнами дворца, где жили цари, был установлен в том же 1918 году.

Помнится, на заседании комиссии, ободренные доброжелательностью Горького, мы с Федей тоже решили внести свое предложение.

— От имени Социалистического союза рабочей молодежи предлагаем переименовать Старо-Петергофский проспект в рабочем Нарвском районе в проспект Юного Пролетария, — как-то уж очень торжественно сказал Федя.

— Юного Пролетария? — переспросил Горький. — Это хорошо! А почему именно этот проспект вы хотите так назвать? Прошу мотивировать.

— Потому что с ним связана история возникновения нашего союза, — медленно, в раздумье говорил Федя Дребезгов. — На одном конце проспекта стоит дом, где в августе прошлого года состоялась первая общегородская конференция организаций рабочей молодежи. А на другом конце — Полицейский замок, в котором работал первый Петербургский комитет Социалистического союза рабочей молодежи. Здесь же начал выходить первый в России революционный журнал рабочей молодежи «Юный пролетарий».

Федя замолчал. Горький собирался было что-то сказать, но тут захотелось вставить свое слово и мне.

— На этом проспекте, в бывшем особняке пивного заводчика Дурдина, и сейчас работает клуб молодежи «Юный пролетарий», — сказал я. — А в прошлом году, еще до Октября, тут же, только в другом доме, был основан первый социалистический клуб рабочей молодежи...

— Как же это вы умудрились все это сделать на одном проспекте? В Питере-то ведь немало других проспектов и улиц, — удивился Алексей Максимович. — Но говорите вы убедительно. Очень убедительно, — заключил он.

Наше предложение было принято комиссией.

— А вашего журнала «Юный пролетарий» я еще не видел, — добавил Горький. — Если нетрудно, занесите его ко мне. Посмотрим...

Эту просьбу Горького мы исполнили в тот же вечер. А через несколько дней Алексей Максимович пригласил к себе весь наличный состав сотрудников редакции «Юного пролетария».

Несколько часов беседовал с ними Горький. Он вспоминал о своей работе в газете, советовал, как сделать «Юный пролетарий» лучше, разбирал допущенные нами ошибки, о многом расспрашивал ребят. На прощание Горький велел Оскару держать его в курсе наших редакционных дел и при надобности, не стесняясь, обращаться к нему за помощью.

После этой встречи сотрудников редакции с Алексеем Максимовичем наш «Юный пролетарий» стал намного ярче и интереснее.

ЗА СЕМЬЮ ОХРАННЫМИ ГРАМОТАМИ

Миллионы людей приходят в Эрмитаж. Нередко в нем бываю и я. Но все-таки я — посетитель особый. У меня здесь старые знакомые, и я не забываю их, хотя со дня нашей первой встречи прошло более шестидесяти лет.

Поднимаюсь по лестнице, вхожу в зал Рембрандта. Перед глазами — портреты старика и старухи. Эти две картины, написанные художником в его лучшие, зрелые годы, висят рядом. С волнением стою перед ними. Прежде всего перед ними, хотя здесь много других прекрасных произведений Рембрандта. Потом я перехожу к портретам Тьеполо, к полотнам Грёза. Да, у меня здесь много старых знакомых. Когда и как мне довелось впервые встретиться с ними?

Вот об этом я и хочу рассказать.

На набережной Мойки, недалеко от Поцелуева моста, высится трехэтажный старинный дворец. Позади него до улицы Декабристов (бывшей Офицерской) раскинулся небольшой уютный сад. Сотни лет этим местом и постройками владели представители знатнейших аристократических семейств. В начале XVIII века это была усадьба царевны Прасковьи Ивановны, племянницы Петра I. В 1748 году ее купил генерал-фельдмаршал граф Шувалов. У наследников фельдмаршала дворец перекупила императрица Екатерина II и в 1795 году пожаловала его в вечное и потомственное владение племяннице светлейшего князя Потемкина, статс-даме, графине Браницкой.

Однако Браницкая в свою очередь в 1830 году тоже продала дворец со всей обстановкой. Продала за 250 тысяч рублей женатому на ее сестре церемониймейстеру императорского двора князю Юсупову, чьи далекие предки вышли из Золотой Орды и якобы вели свой род от седьмого брата пророка Магомета.

Юсупов был богатейшим вельможей и знатоком искусств. Он решил перестроить дворец и значительно обновить его внутреннее убранство. Работами руководил известный архитектор А. А. Михайлов.

Из знаменитого подмосковного имения Юсуповых Архангельское в новую столичную резиденцию князя была

перевезена часть великолепной картишной галереи. Полотна разместили в парадных залах первого и второго этажей. В третьем этаже находились личные покои княжеского семейства. В дворовых корпусах были квартиры управляющего, дирижера княжеского оркестра и начальника княжеской канцелярии. Здесь же, по нескольку человек в каждой комнатухе, ютилась многочисленная челядь: лакеи, повара, камердинеры, дворники, садовники, крепостные оркестранты и актеры домашнего театра...

Нескончаемой блестящей чередой шли в этом дворце театральные и музыкальные премьеры, приемы, светские рауты и балы. Один из очередных балов был дан 8 февраля 1846 года. О том, как выглядел в тот день дворец, сообщалось в журнале «Иллюстрации»:

«Сад близ танцевальной залы в феврале месяце казался одним из чудес «Тысячи и одной ночи». Представьте залу в восточном вкусе с открытыми арками. На гранитном помосте красиво расположены цветники, кустарники южных стран. Посредине большой мраморный водоем, из него бьет фонтан до самых сводов залы и еще малые фонтаны...

Из-за деревьев красиво возвышались мраморные статуи, сквозь открытые окна был виден двойной спуск с великолепной лестницей, украшенной статуями и померанцевыми деревьями, она казалась продолжением зимнего сада.

В Гобеленовом зале, где хозяева встречали гостей, на стенах были размещены знаменитые гобелены Людовика XIV, потолок лепной, как фарфоровый. С него спускалась севрская люстра XVII века. Подле готического цветного окна стоял мраморный бюст Иоконды Гефты. На горках были расположены редкие и драгоценные вещи».

Сын Юсупова, став владельцем дворца, продолжал его перестраивать и украшать. Из Парижа привезли огромную мраморную лестницу на два марша для вестибюля, мраморные скульптуры, множество новых картин, музыкальные инструменты... Во дворцовом театре был заново обустроен трехъярусный зрительный зал на 200 мест в стиле XVIII века с центральной княжеской ложей. Лепка, позолота, лионский бархат делали этот зал пышным и в то же время уютным, не зря его прозвали «бонбоньеркой». Здесь выступали многие знаменитые артисты.

В третьем поколении Юсуповых, владевших этим дворцом, мужчин не было. Княгиня Зинаида Николаевна оказалась последней в древнем роду. Она вышла замуж за графа Сумарокова-Эльстона, получившего в связи с

этим «высочайшее разрешение» носить сложную фамилию и титул: князь Феликс Юсупов граф Сумароков-Эльстон.

Их сын, последний владелец дворца и всех несметных богатств Юсуповых, князь Феликс Феликсович был женат на внучке Александра III, великой княгине Ирине Александровне. Переделки и украшения дворца продолжались и при нем. В частности, помещения в цокольном этаже левой части здания были превращены в квартиру в «русском стиле».

Именно здесь в ночь на 17 декабря 1916 года Юсупов, глава монархической партии в Государственной думе Пуришкевич и великий князь Дмитрий Павлович отправили «святого старца» Распутина, известного фаворита императрицы, игравшего огромную роль при дворе. После убийства Распутина Юсупову было приказано выехать из Петрограда. Уезжая за границу, он предусмотрительно прихватил с собой некоторые ценнейшие картины и фамильные драгоценности. Это произошло незадолго до Февральской революции.

А дворец Юсупова на некоторое время стал самым популярным местом столицы. Перед фасадом его останавливались прохожие, заглядывали в окна со смешанным чувством любопытства, восхищения, страха.

После Октября дворец Юсупова на Мойке не попал в число первых национализированных Советской властью. Другие дворцы уже были объявлены народным достоянием: Зимний стал Дворцом искусств, Ксеневский — Дворцом труда, в Таврическом проводились съезды, собрания и конференции трудящихся, дворец графа Мордвинова на Театральной площади превратился в «Клуб старой и молодой гвардии» — партийно-комсомольский клуб Второго городского района...

Длинным был список национализированных дворцов аристократов и богатей. Но дворец Юсупова на Мойке в него почему-то не попал. А в начале 1918 года на парадном входе его появилась охранная грамота Наркоминдела. В ней значилось, что дворец занимает шведское генеральное консульство, пользующееся дипломатической неприкосновенностью. Вторжение на его территорию, какие-либо обыски и изъятия категорически воспрещались.

Позже охранные грамоты за стеклом несколько раз менялись. После подписания Брестского мира дворец Юсупова был занят германской императорской комиссией по обмену военнопленными с Россией. Затем здесь разместилось германское императорское консульство во главе с графом Мирбахом.

Консульство вслед за Советским правительством переехало в Москву. Мирбах был убит левыми эсерами. Ноябрьская революция смела кайзера Вильгельма II. Но дворец Юсупова оставался таким же неприступным. Произошла лишь очередная смена охранных грамот. Теперь тут поселилась новая организация — «Немецкий революционный совет».

Насколько революционным был этот совет, состоявший главным образом из не успевших вернуться в Германию военнопленных, сказать не могу. Разговаривать с членами совета мне не приходилось.

Райком комсомола Второго городского района был расположен здесь же, на набережной Мойки, и нам часто приходилось проходить мимо дворца. Всегда опущенные жалюзи на окнах первого этажа, запертые входы, очень редкие посетители — все это наводило на мысль, что дипломатическая неприкосновенность была всего лишь ширмой для сохранения дворца в руках его владельцев.

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

В один из февральских вечеров 1919 года меня вызвали в райком партии Второго городского района. В ту пору я работал организатором райкома РКСМ. Вызов был привычным. Не проходило ночи, чтобы комсомольцы не участвовали в патрулировании, в обходах района, в поисках спрятанного оружия, военного снаряжения, продовольственных запасов, в обысках и облавах, в арестах контрреволюционеров.

Наша комсомольская организация и ее райком выполняли, так сказать, по совместительству обязанности разведывательно-сторожевой роты и комендантской команды района. От патрулирования не были освобождены и комсомолки. Вопреки распространенной кое-где формуле «Девчонок не берем!», мы наших девушек включали в патрульные группы.

Но на этот раз разговор в райкоме партии был особый, и патруль комплектовался по-особому. С нами шли два матроса: Свитиц, комсомолец плавучей мастерской «Серп и молот», и Янсон, оторг комсомольского коллектива с линкора «Гапгут». В состав патруля вошли также молодой рабочий Франко-Русского завода Михаил Потапов, руководитель латышской секции нашего райкома РКСМ Эдгарт Грантин, печатник Иван Ястржембский и две девушки-комсомолки — Аня Вершинина и Райса Васильева.

— Ну вот, Павел, бойцы у тебя подобрались что надо. Принимай командование,— сказал мне, осматривая наш строй, секретарь (организатор) райкома партии товарищ Клявс-Клявин.— Имейте в виду, ребята, задание очень серьезное. Но у вас в этих делах есть опыт. Больше нам послать некого, и мы на вас очень надеемся.

В чем же состояло это особое задание? Дело в том, что дворец Юсупова и все, что в нем находилось, стало народной собственностью. Декрет Советского правительства о национализации дворца был подписан народным комиссаром просвещения Анатолием Васильевичем Луначарским. В нем говорилось:

«Дворец бывшего князя Юсупова, находящийся на набережной реки Мойки № 92/94, представляющий художественный и исторический памятник и заключающий собрание картин и предметов художественного значения, объявляется национальной собственностью и переходит в ведение Комиссариата просвещения по отделу по делам музеев и охраны памятников искусства и старины».

Декрет был подписан, но еще не опубликован,— прежде следовало взять под контроль ценности, имущество, хранившиеся во дворце.

В задачу нашего патруля входило немедленно, скрытно и неожиданно для персонала дворца занять все входы, прекратить допуск во дворец и выход из него, вынос каких-либо вещей или документов. Затем надлежало произвести тщательный обыск всех помещений, изъять оружие и военное снаряжение, собрать и учесть все ценности, все произведения искусства.

— Но как же быть с охранной грамотой, товарищ Клявс-Клявин? — спросил я.

— Грамота не отобрана, чтобы не разглашать преждевременно постановление о национализации дворца. Но в связи с решением правительства она уже потеряла силу и не должна вас смущать при выполнении задания,— сказал секретарь.

Мы получили сухой паек на три дня, снарядились и двинулись ко дворцу.

Вьюга. Морозная февральская ночь. Полная тьма. Улицы давно не освещаются. Бывшие магазины мрачны и пусты. Электроэнергия ночью не подается. Идти трудно. Ветер бьет в лицо, всюду сугробы. На набережной Мойки, куда свозят снег на санках, он лежит целыми горами.

На улице ни души. Объявлен комендантский час. Чтобы пройти по городу ночью, нужны пропуска. Нам

встречается патруль. Мы окликаем друг друга и расходимся.

Но вот и дворец. Выставив посты у всех других дверей, мы подходим к парадному подъезду. Начинаем стучать. Тишина и темнота. Наконец в вестибюле появляется огонек свечи. Кто-то вглядывается сквозь стекло в темноту набережной. Мы кричим и машем руками, чтобы открыли дверь. Человек тычет пальцем, явно пытаясь обратить наше внимание на охранную грамоту, белеющую за стеклом. Прочесть ее в темноте невозможно, но мы-то знаем, что там написано. Теперь грамота не имеет для нас никакого значения. Но человек за дверью этого еще не знает и уверен в ее чудодейственной силе.

Потом он неожиданно исчезает. В вестибюле опять темно. На бешеный стук в дверь никто не реагирует. Ну что ж, будем действовать решительно.

— Отойдите немного от подъезда, — говорит Свистяк, сжимая с плеча японский карабин. Вскинув его, он три раза стреляет в зеркальные стекла парадного подъезда. Грохот выстрела, звон стекла, потом крики. В вестибюле вспыхивает свет. Щелкают замки, двери открываются. Осторожно вхожу, сжимая в кармане рукоять нагана. За мной идут матросы с карабинами на изготовку.

Нас встречают десятка полтора мужчин. Встревоженные, напряженные лица, затаенная враждебность. Вперед выходит пожилой, барски солидный управляющий дворцом. Он показывает охранную грамоту, выражает сожаление, что мы явились ночью, заявляет решительный протест:

— Действуете самочинно. Учтите дипломатическую неприкосновенность...

Пришлось прервать речь господина управляющего, чтобы объявить ему о национализации дворца.

— Вот ордер на производство обыска и изъятие оружия и ценностей.

Бессильно опустив свою когда-то всемогущую бумажку, управляющий умолк, отодвинулся в сторону, выражая лицом и всей своей фигурой вынужденную покорность. Мы заперли двери, оставили возле них Эдгарта Грантина в качестве часового и двинулись в помещения дворца. Что нас особенно поразило — во дворце было тепло. Помещения отапливались! В такое трудное время! Просто чудо.

«Откуда они берут уголь и дрова? Сколько же их нужно, чтобы согреть такое здание?» — недоумевал я, поднимаясь по лестнице. Управляющий шел впереди, светя се-

бе под поги. Нас, пятерых, сопровождали служащие. Трое из них несли в шапдалах пескoлько свечей. Слабый свет их мерцал, не достигая углов и стен расположенных афиладой просторных и высоких покоев. Я сразу понял невозможность почью, без электрического света рассмотреть что-нибудь в этом лабиринте комнат, коридоров и залов. Правда, мы запаслись в райкоме четырьмя аккумуляторными фонарями с подводных лодок, но они не могли служить нам долго. Вот ведь чертов лабиринт! Как тут сориентируешься?

Наконец мы вышли в какую-то гостиную. Управляющий остановился и поставил подсвечник на столик.

— Итак, чем же могу служить представителям властей?

— Сколько комнат во дворце? — спросил я.

— Больше ста.

— Дайте нам план дворца.

— Могу. Но он устарел. За последние годы произведена частичная перепланировка некоторых комнат.

— Ничего. Принесите план. Товарищ Потапов, проводите управляющего. Остальным служащим оставаться здесь.

Через некоторое время мы рассматривали план и слушали пояснения управляющего. Дворец имел еще один парадный вход с набережной, в последние годы всегда закрытый. Там мы поставили часового. Имелись два выхода во двор. Один из них был всегда закрыт. Открытым круглые сутки пользовались кочегары. Двор был обнесен высокой каменной стеной, отделявшей его от большого сада. Кованные железные ворота двора открывались только для приема транспорта и грузов. Я взял у управляющего все ключи от запертых внешних дверей.

Служащих во дворце насчитывалось более двадцати человек. Все они были перед нами, кроме четырех кочегаров (им запрещалось входить в дворцовые апартаменты) и трех дворников, помещавшихся в дворовой пристройке.

Чтобы выполнить задание, нам, восьмерым, надо было круглосуточно блокировать все входы и выходы, наблюдать за поведением и действиями служащих дворца, а главное — вести обыск. Как быть? Мы отошли в угол, посоветовались.

— Что тут раздумывать! Соберем всю обслугу да запрем в какой-нибудь комнате, чтоб не разбежались, — предложил всегда решительный Ваня Истржембский.

— Сколько же ты их под замком удержишь? Мы ж за три дня не управимся. А у них тут семья внизу живут,

детишки, — возразила Аня Вершинина. — Может, служащие сами нам помогут.

— Они помогут — жди! Вон бирюками по углам забились. А управляющий — пу вражина! С Пашкой говорит, а у самого глаза так и бегают. И Потапычу план не хотел давать. Завалился, мол, где-то, не могу сыскать. Он сейчас обслугу накачает, они и вовсе рты зашьют. Запереть их, и точка! — не унимался Иван.

— Тогда пусть Павел в райком позвонит. Тут, говорят, есть неотключенный телефон, — предложила Рая.

— А что звать-то? Товарищ Клявс-Клявин ясно сказал: людей нет, все на заданиях. Только пришли — и сразу звать. Помогите, мол, заблудились! Тоже мне, придумала! — отбивался Ястржембский.

— Вот что, — прервал я спор, — запереть людей нельзя. Мы еще ничего о них не знаем. Но и звонить Клявипу тоже незачем. Нам это дело поручили — мы и должны его выполнить. Кто мог знать, что тут полон дом народу? Ну ничего. Все сделаем сами и прислугу поставим к этому делу привлечь.

НАЧИНАЕТСЯ ПОИСК

Дворец был быстро изолирован от внешнего мира. Мы изучали план и при помощи служащих отыскивали помещения, которые привлекали особое внимание. Постепенно приходила уверенность, и мы ориентировались уже сами. Перед рассветом были подняты жалюзи на огромных окнах первого этажа. Видно, их давно не трогали, и жалюзи подавались с большим трудом.

Служащих пришлось отпустить, — все они просились к семьям, просились отдохнуть, позавтракать. Нам и самим страшно хотелось спать. А тут еще такие соблазны: в каждой комнате стояли покрытые чехлами диваны, кушетки, оттоманки, тахты, канапе, козетки. Как хорошо было бы всласть выспаться в непривычном тепле. Но мы не могли это себе позволить. Решено было с рассветом начать обыск апартаментов первого этажа.

Но на рассвете мы почувствовали, что очень устали. В сон клонило мучительно. Снизу, из цокольного этажа, доносились нестерпимо соблазнительные запахи пищи. Видно, семьи служащих готовили завтрак. А мы уже давно и привычно голодали. В довершение ко всему появился управляющий и самым любезным образом стал приглашать нас к столу.

Окинув взглядом своих приунывших товарищей, я сказал, что мы отказываемся от приглашения. Отказываемся и не благодарим, так как не знаем, почему он нам предлагает завтрак и откуда берет продукты.

Управляющий, с которого как-то незаметно сошел барский лоск, рассыпался в уверениях, что подкрепиться он предлагает нам от чистого сердца. Что касается продуктов, то, по его словам, их оставили выехавшие зарубежные дипломаты.

Чудеса, да и только! Петроград голодал, на учете был каждый грамм муки, каждая селедка, каждый сухарь, а тут такое невиданное изобилие! Да и пахло снизу явно не морковным чаем. Эти запахи сулили нам стол, не сравнимый с нашим сухим пайком, состоявшим из суррогатного хлеба, ржавой селедки и щепоти сырого, желтого сахарного песка.

И все же мы решительно отказались от угощения.

— Раз уж об этом зашла речь,— сказал я управляющему, принявшему вид безвинно обиженного человека,— объясните нам, как вам удастся содержать такой огромный дворец, столько служащих. Где вы получали уголь и продовольствие?

— Все это поставлялось дипломатическим службам, занимавшим дворец. И уголь, и все прочее мы получали по их требованиям в адрес советских властей,— с заметным злорадством объяснил управляющий.

— Да, но дворец-то чей? — спросил в недоумении простодушный Янсон.

— Вот уж не знаю, что и сказать,— натянуто заулыбался управляющий.— До сего дня дворец принадлежал его законному владельцу светлейшему князю Юсупову графу Сумарокову-Эльстону. Вы, видимо, знаете, молодые люди, что князь женат на великой княжне Ирине Александровне. Эти апартаменты были вполне под стать княжеской чете. Ну а теперь... Теперь вам виднее, кому принадлежит дворец. Какому-нибудь «губ», «ком» или «культу»... Я, право, плохо разбираюсь в новых наименованиях...

— Теперь он будет принадлежать народу,— оборвал управляющего Ваня Ястржембский.

— Всему народу? В целом, так сказать?

— Да, всему. У нас князей и графов нет.— Ваня повернулся к присевшим на диване девушкам: — Слыхали? Такие хоромы для одной княжеской четы. Да тут целый полк поместился бы!

— Дворец не казарма, молодой человек, — сухо возразил управляющий.

— Вы меня, дядя, на слове не ловите. Я это к примеру сказал. А вам одно знать надо: народный теперь дворец. И точка!

Но тут в разговор вступил всегда нетерпеливый и дошлый Миша Потапов:

— Сколько же получал Юсупов с дипломатов за пользование дворцом? Наверное, договор какой-нибудь был, контракт. Как это делается у буржуев?

— Поверьте, мне скрывать нечего, — стал поспешно пояснять управляющий, — никаких договоров не было. В этом деле князю помогли его заграничные друзья. Я получил из Парижа письмо князя с распоряжением передать дворец в пользование дипломатам, чтобы его не конфисковали большевистские власти. Платить иностранные миссии, насколько я осведомлен, ничего не платили, но они за свой счет содержали дворец и его штат. Разумеется, без них мы не могли бы получить ни кусочка угля, ни грамма продуктов. Как видите, прошло почти полтора года с большевистского переворота, а дворец в полном порядке и сохранности, — не без гордости закончил управляющий и, слегка поклонившись, вышел.

— Круговая порука у ваших буржуев! — бросил вслед ему Ястржембский. — Но теперь этому пришел конец!

Съев по ломтику хлеба, посыпанного песком, и по седлочному хвосту, мы опять сменили наших часовых и взялись за обследование дворца.

В двух огромных буфетах роскошной княжеской столовой; за полками, заставленными всяческой посудой, мы обнаружили богатую коллекцию охотничьих ружей — более тридцати штук. Никто из нас в жизни не видел такой красоты. Полированные, инкрустированные серебром, перламутром, слоновой костью ложи, стволы с золотой насечкой...

— В какую графу будем все записывать? — спросила Аня, которой мы поручили вести учет всему найденному.

— Наверно, в графу оружия и военного снаряжения, — сказал Свитин, целясь из двуствольного бельгийского ружья в толстощекого купидона на карнизе буфета. — Куда же еще?

— Ладно, пиши в «оружие», — согласился я.

В этом списке у нас уже кое-что значилось. Управляющий сдал два револьвера — смит-вессон и браунинг. При этом он предъявил нам разрешение на ношение ору-

жия, выданное ему канцелярией царского градоначальника Петербурга.

— Один револьвер находился у меня, другой — у швейцара. Но, клянусь вам, из них не было сделано ни одного выстрела, — уверял он нас.

— Даже когда убивали тут Гришку Распутина? — с ехидством спросил Эдик Граптия.

— Мы в этом деле не участвовали. Там применялось личное оружие высоких особ, — значительно, с пскрываемым почтением к этим особам произнес управляющий.

Несколько охотничьих ружей сдали служащие. Из военного снаряжения мы не нашли ничего. Правда, Рая Васильева предложила записать как военное снаряжение множество обнаруженных нами седел, чепраков и других принадлежностей для верховой езды. Но никто не привял это всерьез.

Результаты первого дня поисков были более чем скромными. Отправляя нас во дворец, Клявс-Клявин говорил, что Юсупов был одним из самых богатых людей старой России, что он считался ценителем и покровителем искусств. О богатстве его дворца на Мойке, как и прочих дворцов и вилл, ходили легенды. В решающие дни революции князь и княгиня находились за границей и вряд ли имели возможности вывезти из дворца свои богатства. Нам предстояло изъять их. А мы ничего не находили. Мы видели роскошные залы и комнаты, обставленные дорогой мебелью; ковры, хрусталь, бронзу, фарфоровые вазы. Но все это было не то. Не то, что нам велели искать.

На стенах всех залов, гостиных и комнат бывшей картинной галереи висели на своих местах золоченые рамы, но, увы, без холстов.

— Где спрятаны картины? — спросил я управляющего, увидя такое дело.

Он изобразил недоумение:

— Почему спрятаны? Напрасно вы ищете, уверяю вас, совершенно напрасно. Картины и все ценности давно вывезены за границу. Таково было распоряжение князя.

Служащие в один голос говорили то же самое.

— Как же вы могли это сделать? — допытывался я.

Управляющий пожимал плечами:

— Вы забываете друзей князя и те организации, которые заплмали дворец в последнее время. Они пользовались правом бесконтрольной перевозки почты и дипломатического багажа.

Это было похоже на правду. Но возникали вопросы: если ценности вывезены, зачем все эти попытки спасти

дворец от конфискации? И зачем содержать столько служащих? И зачем так старательно, логично и настойчиво убеждать нас в бесполезности поисков?

Нет, тут было что-то не так.

РАЗГОВОР В КОЧЕГАРКЕ

На вторые сутки мы уже уверенно ориентировались в многочисленных покоях дворца. Вызывали удивление круглые сооружения типа башен, встроенные в прямоугольные корпуса. Легко было запутаться в коридорах и кривых переходах этого старинного здания, простоявшего почти двести лет. За это время оно много раз перестраивалось. Все в нем было великолепно: обширный цокольный этаж с высокими сводами, аристократические покои двух средних этажей. Поражали роскошью огромный балльный зал с рядами беломраморных колонн, другие залы, гостиные, спальни, столовые, буфетные. Во дворце был свой театр (уменьшенная копия Императорского оперного театра) с хорошо оборудованной сценой, оркестровой ямой, партером и ярусами лож.

Мы уже закончили осмотр всех помещений, кладовых, шкафов. Ни картин, ни драгоценностей найти не удалось. Надо было искать тайники. Распределив между собой подзирательные места, мы выстукивали стены, полы, местами даже потолки. Служащие дворца вынуждены были помогать нам передвигать и поддерживать лестницы и подмости. Они делали все это старательно, безоговорочно и безучастно. На наши вопросы отвечали односложно, советов никаких не давали, ссылались на свою неосведомленность. Это были настоящие, хорошо вымуштрованные лакеи. Возле нас, переходя из зала в зал, все время вертелся управляющий. Вертелся, выражая сожаление по поводу наших «бесполезных трудов» и «упорства, достойного лучшего применения».

Да, труды наши действительно пока что были безрезультатными. Потратив на выстукивание стен, полов и потолков больше суток, мы вконец изнемогли и решили, что надо отдохнуть. Спали мы ночью поочередно. Утром опять разошлись по своим местам и взялись за дело. Я работал на пару с Мишей Потаповым. Миша был человеком удивительно жизнерадостным, добродушным, любил шутки и розыгрыши. Он обладал каким-то природным умением быстро сближаться с людьми. Я уже рассказывал, как здорово помог он нашему отряду в октябре 1917

года при взятии «Астории». Помог, установив связь с обслуживающим персоналом гостиницы и соседних домов.

Теперь, лазая по лестницам, Миша шутил:

— Ты знаешь, Павлуха, боюсь, что к этим архангелам под потолок взлечу. Такая, понимаешь, во мне легкость после нашего, прости господи, завтрака.

Шутки шутками, но у нас действительно головы кружились от голода.

Потапов досадовал на служащих дворца, у которых ему ничего не удалось выпытать.

— Я тебе, Павел, скажу — напрасно мы Ивана не послушались и не заперли их в каком-нибудь чулане, — сожалел он. — Проку от них нет — одна вредность. А ведь знают что-то. Точно знают, прислужники старого режима. Чего бы иначе управляющий за ними так приглядывал. Небось боится, что проговорятся. Ну да с ними каши не сваришь. Не перекуришь даже по-людски. Ходят как истуканы.

Миша был отчаянный курильщик. И хотя мы, некурящие, всегда отдавали ему свою долю, махры Мишке вечно не хватало. Вот и сейчас, дело к вечеру — табак у Потапова опять кончился. Но «стрелять у буржуев» было не по нему. Он решил заглянуть «к рабочему классу», в котельную дворца.

О чем он там говорил с кочегарами, не знаю. Только не было Миши долго, и я уже было собрался пойти за ним. Но тут он сам появился.

— Ну что? — спросил я у Миши.

— Порядок! — Потапов придвинулся ко мне вплотную, понизил голос до шепота: — Сказали — искать надо, где изразцы...

С рассветом мы с новой надеждой обошли весь дворец. Мест, где полы или стены были выложены плитками, во дворце было много, и мы их не раз простукивали. Но речь шла не о плитках. Кочегары говорили об изразцах. А изразцами были выложены печи, стены в вапных комнатах, в бассейне и, наконец, целый коридор, как бы пронизывающий круглую часть здания.

Выстукивание стен этого коридора не помогло нам. Потом мы сообразили, что пустоты, имеющиеся в каждом изразце, скрадывают звуки и не позволяют определить заделанные места. Степы не давали никакого намека на существование тайников.

Пришлось Мише еще раз спуститься в кочегарку и покурить с истопниками. Те повторили Потапову то же, что он уже слышал:

— Ищите там, где изразцы! Больше ничего не знаем.

Тогда мы решили идти напролом. Из котельной и дворницкой принесли ломы, кувалды и кое-какие другие инструменты. Вся группа, кроме охранявшего дверь Эди Грантина, собралась в коридоре и разбилась попарно. Одновременно в трех местах начали мы ломами и кувалдами пробивать наружную изразцовую стену коридора.

Под изразцами был толстый слой штукатурки. За ней открылась каменная кладка. В двух местах, взломав первый ряд кирпичей, ребята наткнулись на второй. Работа была нелегкая. Мы начали уставать. Но тут закричал Иван Ястржембский:

— Вижу! Появилось!..

Все кинулись к нему. В глубине пролома за кирпичами показался ржавый металл. Мы ощупывали и разглядывали его.

— Может быть, это просто крепление стены?

— Закладная часть?

— Железная стяжка?

— Нет, это железные ставни, которыми закрывались окна, выходявшие во двор раньше, еще до того, как была возведена пристройка, — раздался сзади уверенный голос.

Мы обернулись — у противоположной стены стоял управляющий. Радость находки сразу погасла. Но встревоженное лицо управляющего, его бегающие глаза отнюдь не говорили об уверенности.

— Врешь! Не спрячешь! — прокричал обычно молчаливый Янсон, хватая свою кувалду. — Становись в пару! — позвал он сменившегося с поста Эдю Грантина. Вдвоем они принялись яростно крушить стену, все больше обнажая металлическую плоскость.

Работа кипела. Ребята сменяли друг друга. Служащим дворца было сказано выносить битые изразцы, кирпич и штукатурку на носилках во двор. Кочегары смеялись:

— То носили изразцы во дворец, а теперь выносят осколки!

Пролом расширялся, обнажая железную дверь.

— Давай ключи! — приступил я уже без всяких церемоний к управляющему.

Тот с опаской отодвинулся.

— Нет у меня ключей, и ничего я не знаю. Здесь раньше были ставни.

— Брось ты его! — крикнул мне Святислав и принялся вместе с другими ребятами загонять кувалдами два лома в притвор железной двери. Мы навалились на ломы, но дверь не поддавалась.

— Да что вы, дьяволы, смстрите? Помогите нам. Что вы, не мужики, что ли? Или барское добро стережете? Вам-то что до него? — задыхаясь, кричал Иван Ястржембский служащим.

Медленно, по одному подходили они к нам. Злыми глазами провожал их управляющий. Ребята забили в дверь еще один лом, нажали покрепче. После нескольких попыток замок шелкнул, дверь затряслась и стала открываться.

— Ура! Даешь! — прямо над моим ухом завопил Миша Потапов и первым исчез в темном провале.

ЗАМУРОВАННАЯ КЛАДОВАЯ

За массивной металлической дверью мы обнаружили довольно большую комнату, оборудованную стеллажами и полками. На этих стеллажах и полках помещались невысокие, хорошей работы деревянные ящики. Большие пронумерованные ящики с запорами стояли на полу.

— Ломай! Посмотрим, что там такое, — потребовал Эдя Грантин.

— Подождите, тут, кажется, есть ключи, — сказала обошедшая с фонарем всю комнату Аня Вершинина. Она указывала на прикрепленную к стене деревянную доску, похожую на электрический распределительный щит. На доске висели ключи с номерными бирками.

В первом отпертом нами ящике оказалось пять дюжины массивных серебряных, с позолотой, столовых ложек. Все они лежали в специальных гнездах. Внутри ящик был обит голубым шелком. На табличке, прикрепленной к внутренней стороне крышки, значилось, какие предметы хранятся в ящике, каков вес каждого и всех вместе, к какому обеденному прибору они относятся, и многое другое.

Позже выяснилось, что в тайнике хранились столовые приборы, изготовленные более ста лет назад. Мы с интересом разглядывали золотой обеденный прибор на сто двадцать персон, состоявший из множества предметов. Как впоследствии объяснил управляющий, этот уникальный обеденный прибор баснословной стоимости и огромной художественной ценности был предметом особой гордости князей Юсуповых.

Но все это нам стало известно потом. А в первый момент мы были просто поражены. Таких сокровищ никто из нас никогда не видел. В тайнике было более ста ящиков, заполненных золотыми и серебряными изделиями.

— Вот он, золотой телец! — воскликнул, помнится, Мишка Потапов. — Ну, теперь все — конец ему! Этого золота при коммунизме на несколько уборных хватит. А сейчас на него пебось сотню паровозов можно купить...

Как и Миша, никто из нас в ту пору не мог представить себе реальной стоимости увиденных нами богатств. Стремления наши сводились тогда к одному — найти, учесть и передать все, до единого грамма, золото Юсупова рабоче-крестьянскому государству. А уж оно найдет ему применение. Ну а при коммунизме, когда и денег-то не будет, золото конечно же пойдет на отделку общественных уборных для народа. В этом не только Миша, но и все мы были твердо убеждены так же, как в том, что частная собственность — худший враг революции. Причем к частной собственности мы готовы были отпести даже лишние штаны у парня или серебряные сережки у девушки.

Найдя одну кладовую князя Юсупова, мы были полны решимости найти и другие. Вещественное доказательство того, что они существуют, у нас имелось. Вместе с ключами от ящичков мы обнаружили в тайнике большой ключ с пластинкой, на которой было написано: «Кладовая № 1». Значит, была и кладовая № 2, а может быть, и № 3, и № 4...

Проверить, был ли найденный нами тайник кладовой № 1, мы не могли, так как ключ не входил в сломанный дверпой замок.

Снеша продолжить поиски, мы оставили эту кладовую на попечение наших девушек — Ани Вершининой и Раи Васильевой (обе они имели оружие). Охраняя драгоценности, девчата должны были составить точную опись содержимого ящичков. Бумагу и копирку ребята взяли у управляющего. Кстати сказать, мы решили все же подвергнуть его домашнему аресту — посадить в одну из ближайших к нам комнат. Охранял арестованного Иван Ястржембский, изголодавшийся и ослабевший до такой степени, что пробивать стены ему уже было не по силам.

Потом мы позвонили в райком партии. Возможно, мы не стали бы этого делать, по закопчилились уже третьи сутки нашего пребывания во дворце. Выходит, время, на которое нам был выдан давно съеденный сухой паек, истекло. Мы были очень голодны и держались только радостью, что наконец обнаружили тайник.

Рассказав по телефону товарищу Клявс-Клявину о нашей находке и о продолжающихся поисках, я попросил его распорядиться, чтобы нам прислали питание. Секре-

тарь райкома обрадовался известию от нас и сказал, что привезет все сам.

Мы уже крушили подряд изразцы, штукатурку и первый ряд кирпича по всей стене коридора, когда нам предложили свои услуги два свободных от вахты кочегара. Дело ускорилося. Служащие в отсутствие управляющего спокойнее и быстрее выносили обломки и мусор во двор. Правда, от работы нас время от времени отрывали девушки. Чаще всего они просили нас поднять или передвинуть ящики, а иной раз звали, чтобы показать какую-нибудь диковинку.

Один из ящиков был доверху наполнен старинными кубками, чашами, братинами и вазами. Сделаны они были из золота и серебра. Но ценность их, как объяснили нам потом специалисты, определялась не столько содержанием драгоценного металла, сколько редкой по великолепию художественной отделкой.

Поиски новых кладовых были в разгаре, когда приехали товарищи Клявс-Клявин и Клавдия Николаева (будущий секретарь ВЦСПС, а тогда заведующая агитотделом нашего райкома партии). Они поздравили нас о ценной находкой. Клявс-Клявин сразу направился в кладовую, а Николаева и кто-то из ребят спустились к стоявшей у подъезда повозке и возвратились с сухим пайком и ведром еще горячей каши, правда неполным...

Каше мы радовались не меньше, чем золоту. Несколько дней наша группа не получала горячей пищи.

Не успели мы подзаправиться, как во дворец приехали представитель Чрезвычайной комиссии Петерс и работники штаба Петроградского укрепленного района Авров и Ческис. Осмотрев тайник и его содержимое, они стали совещаться с райкомовцами. Старшие товарищи поставили передо мной вопрос: сможет ли комсомольская группа обеспечить одновременно продолжение поисков и охрану дворца и кладовой? Они готовы были прислать на смену нам чекистов или работников штаба укрепрайона. Признаться, меня это предложение заело. Только успели пайти тайник, как уже готова нам замена!

— Конечно, мы сможем продолжать поиск, особенно если наших ребят заменят на наружных постах вокруг дворца,— сказал я.— А все, что найдено, лучше увезти отсюда теперь же в надежное место. Кстати, наши девушки уже заканчивают составление описи обнаруженных ценностей.

Работа у Рав и Апи действительно шла бойко. Пересчитывая золотые и серебряные изделия, проверяя их со-

хранность, девушки убедились в исключительной точности записей на табличках в каждом ящике. В свою опись они внесли и вес предметов, помеченный на табличках. Последующая проверка в Госбанке подтвердила правильность каждой цифры.

— Никогда еще не видел,— сказал с удивлением Петерс,— чтобы в таких условиях была сделана на редкость подробная, точная и аккуратная опись найденных ценностей. Молодцы девчата. Ну просто молодцы. Спасибо вам.— Он пожал руки зарумянившимся Ане и Рае.

Совещание приняло решение вывезти найденные нами сокровища в стальные кладовые Государственного банка сегодня же и заменить нас на наружных постах красногвардейцами из отрядов соседних с дворцом Юсупова типографии «Брокгауз и Ефрон» и «Артистического заведения Вильям Кене и компания». Мне был дан совет освободить из-под ареста управляющего дворцом.

Представители райкома партии, Чрезвычайной комиссии и штаба укрепрайона уехали. А ко дворцу вскоре подкатил специальный бронированный, оборудованный для перевозки ценностей автомобиль бывшего царского казначейства. Его сопровождали несколько человек вооруженной охраны.

Машина стояла во дворе у внутреннего подъезда. Охранники носили ящики. Во дворце по всему пути переноски мы расставили людей.

Автомобилю пришлось сделать шесть рейсов.

Больше всего хлопот было у девушек. С каждым рейсом в Госбанк ездила Аня Вершинина. Рая Васильева сидела возле ценностей в здании Госбанка, пока их не принимали.

Вернулись к нам девушки только на другой день. Во дворце их ждала новая работа.

ЕЩЕ ОДНА УДАЧА

Весь день поиски были безрезультатными, а к вечеру нам все же повезло. Уже в сумерках мы обнаружили дверь во второй тайпик. Эта была комната несколько меньших размеров, чем первая. Она вся была загромождена ящиками. Они стояли один на другом. В ящиках хранилась тщательно уложенная и упакованная редкой красоты фарфоровая, хрустальная и фарфоровая посуда.

Как потом выяснилось, здесь было несколько старинных сервизов мировой известности, описанных в ряде

специальных работ. Насколько они ценны и насколько ими дорожили их бывшие хозяева, легко понять хотя бы по тому, что разбитое блюдечко одного из сервизов было тщательно запаяно золотом.

Вскоре эта богатейшая коллекция фарфоровой, хрустальной и фаянсовой посуды была вывезена и сдана в хранилище Русского музея.

Мы продолжали поиски. В коридоре ничего больше обнаружить не удалось. «Где же картины?» — этот вопрос не давал мне покоя.

С тяжелым сердцем шел я освобождать управляющего из-под домашнего ареста. Встретивший меня у дверей «арестантской» Иван Ястржембский ничего нового и утешительного не мог сказать.

— Ну его к черту, этого буржуйского прихвостня! Ничего не рассказывает, как я ни старался, как ни пугал его.

— А когда ты допрашивал его в последний раз?

— Да сегодня утром. Надоело до чертиков. Больше не заходил. — Иван стал отпирать дверь в комнату, где содержался управляющий. — В первую ночь я его не запираю, а поставил к дверям два больших кожаных кресла и улегся на них. Решил, что услышу, если будет открывать. Двери-то на меня отворяются. Обнял винтовку и лежу. Да, видно, задремал. Вдруг чувствую, будто поехал куда-то. Думаю, с голодухи что-то мерещится. Открыл глаза и вижу в темноте две тени. Потихоньку откатывают они мои кресла в сторону от двери. Вскинулся я да как заорю! Тени — шасть в двери. Я — в комнату. Смотрю, арестант на месте. Лежит на кушетке и вроде бы спит, ничего не слышит. После этого стал я его запираю.

Когда мы вошли, управляющий был на ногах. Зажгли свечу. Уселись втроем за стол. Помолчали.

— Нашли? — тихо спросил управляющий.

— Нашли, — так же тихо ответил я.

— Что нашли?

— Посуду. Фарфор. Фаянс.

— А картины?

— Найдем и картины!

— Не найдете... Без меня, — добавил он почти шепотом.

— Так покажите.

— Покажу.

Не веря своим ушам, уставился я на управляющего. Он был какой-то другой. Должно быть, поразмыслил о своей судьбе.

— Если вы меня отпустите,— продолжал управляющий,— я покажу вам последний, самый важный тайник. Думаю, что теперь укрывательство бесполезно. Сокровища все равно попадут в ваши руки. Вы ведь не остановитесь, пока не найдете. А отнять у вас их уже никому не удастся. Князь далеко, в Европе. К тому же, сокровища князю не принадлежат, они продапы...

— Как проданы?

— Да, проданы. Все было предусмотрено,— проницательно улыбнулся управляющий.— Князь еще в начале прошлого года оформил продажу всех своих сокровищ в петроградском дворце германскому императорскому дому. У меня есть засвидетельствованная копия акта продажи. Заверена эта копия как в Берлине, так и здесь, в Петрограде, еще германским генеральным консульством графа Мирбаха.

— Но теперь уже нет в живых графа Мирбаха. А покупатель сокровищ — германский император свергнут. Так что договор о продаже уже некому отстаивать.

— Все это было сделано фиктивно для спасения сокровищ Юсупова. Но теперь все переменилось, и князь при наличии договора о продаже потерял свои юридические права владельца сокровищ. Вы еще, быть может, не оцениваете этого факта, но потом поймете,— закончил управляющий.

— Дайте нам этот договор,— попросил я.

— Придется отдать. Теперь он не может принести пользы князю. Может помочь только вам.

Нам уже были известны подобные сделки богатых владельцев недвижимости. В прошлом году, когда мы занимали под свой молодежный клуб дворец «светлейшего князя» Кудашева на Морской улице, к нам явились представители китайского посольства. Они предъявили документы, согласно которым владелец продал дворец со всем находящимся в нем имуществом правительству Китая. На этом основании нежданные гости вели себя как хозяева и требовали, чтобы мы убрались восвояси.

Дело в том, что князь Кудашев был послом царской России в Пекине. В послеоктябрьское время он был отстранен от службы как отказавшийся подчиняться рабоче-крестьянскому правительству России. Желая спасти свой дворец в Петрограде, бывший посол оформил его продажу Китаю. Но советские власти конфисковали дворец как собственность изменника родины и признали акт продажи, заключенный вне пределов России, незаконным.

Поэтому и сейчас, узнав обстоятельства продажи сокровищ, мы успокоились.

Управляющий привел нас в свой кабинет и, достав из сейфа договор о продаже, передал его нам. Потом мы вслед за управляющим поспешили к новому тайнику.

ГДЕ ЖЕ РЕМБРАНДТ?

Управляющий привел нас в комнату, из которой и верхний этаж шла железная винтовая лестница. Мы собрались было подниматься по ней, но он дал знак остановиться:

— Здесь!

Мы увидели стены, которые выстукивали уже не один раз. Но управляющий пошарил рукой за винтовой лестницей, нажал незаметную кнопку, и в стене обнаружилось отверстие, открывшее доступ к замку.

Вставив ключ и повернув его, управляющий сильно толкнул рукой часть стены за винтовой лестницей, и тяжелая массивная дверь сдвинулась с места. Она была так искусно замаскирована, что вряд ли кто-нибудь мог ее заметить. Чтобы открыть дверь до конца, пришлось просунуть между ступенями лестницы винтовку и как следует нажать.

Но войти в открытую дверь было все еще нельзя. Винтовая лестница полностью загораживала ее.

— Теперь зовите ваших людей. Надо разобрать нижнюю часть лестницы. Она крепится на болтах,— сказал управляющий.

Этот, третий, тайник вовсе не был замурован, как два первых, но расположение двери за винтовой лестницей хорошо ее маскировало. Никому не могло прийти в голову, что за лестницей есть еще какая-то комната.

Мы, конечно, и за лестницей простукивали стену, но, очевидно, менее тщательно. А толстая, массивная дверь, облицованная изразцами, так же, как и вся стена комнаты, не давала намеков на пустоту.

Пока мы разбирали лестницу, снимая ступень за ступенью, возле нее собрались все: и наша бригада, и служащие дворца. Последние с пескываемым удивлением смотрели на своего управляющего, который советовал нам, как ускорить работу. Накопец открылся свободный доступ к двери. Мы полностью открыли ее, вошли в тайник, зажгли свет.

Большое, высокое помещение до самого потолка перегородивали очень тесно поставленные один к другому

каркасы стеллажей. Каркасы в несколько этажей были загружены картинами.

В этой большой кладовой, как потом мы выяснили, пахнуло более тысячи полотен. В сущности, здесь была спрятана огромная картинная галерея, имевшая мировую известность. Галерея Юсупова считалась одной из самых замечательных частных сокровищниц Европы.

Гордостью юсуповской галереи были картины художников французской школы: Лебрена, Мипьяра, Ригго, Буше, Ланкре, Грёза, Робера, Буальи, Давида, Фрагонара, Коро. Ни в одной другой частной коллекции мира французская школа не была представлена в такой полноте. Здесь насчитывалось десятка два полотен одного только Грёза. Было много картин итальянских мастеров: Каррачи, Альбани, Репи, Джордано, Тьеполо и Гварди. Были картины Веласкеса, Рубенса и Ван-Дейка.

Но главной драгоценностью этого богатейшего собрания являлись полотна Рембрандта.

Все это мы узнали значительно позже, через полгода, когда в том же Юсуповском дворце, во всех его залах и гостиных, в помещении галереи, была открыта для всеобщего обозрения богатейшая выставка картин.

А пока мы ломали голову над тем, как составить опись всех этих сокровищ. Видимо, надо было выносить картины из тайника. А если выносить, то где их складывать и как хранить? Без специалистов — художников или искусствоведов — мы были беспомощны в этом деле.

В четыре часа ночи я позволил в райком партии. Товарищ Кляев-Клявин был на месте. Он так обрадовался обнаружению третьего тайника, что сразу приехал к нам. Очевидно, по его телефонным звонкам во дворце стали появляться все новые и новые люди.

Едва рассвело, как появился Барон. Эту партийную кличку послал член партии с 1898 года Эдуард Эдуардович Эссен, художник, будущий ректор Академии художеств. Мы хорошо знали Барона, так как он вел у нас комсомольский политкружок.

Эссен приехал не один. С ним были еще два художника. Один из них, Александр Бенуа, сразу спросил:

— Где Рембрандт?

— Какой Рембрандт? — недоумевали мы, не зная ни тогда этого имени.

Эссен и художники провели с нами целые сутки, пока не дошла очередь до знаменитого парного портрета кисти Рембрандта. Собственно, двух портретов — старика и старухи.

— Молодцы ребята,— сказал Эссен, когда мы вынесли эти холсты из кладовой.— Вы даже не представляете себе сейчас, как это здорово, как это важно и великолепно! Рембрандт спасен для народа! Это же праздник!

Художники просто дрожали, рассматривая Рембрандта. Видно, не надеялись больше увидеть его в России.

Каюсь, в то время портреты работы Рембрандта показались мне темными и невзрачными по сравнению с веселыми картинами французских художников.

Больше того, всматриваясь в портрет старика, написанный Рембрандтом, я все время ловил себя на мысли, что это и есть князь Юсупов, который хотел украсть у народа и спрятать только для себя бесценные сокровища искусства. Зная, что на самом деле Феликс Юсупов был тогда красив и молод, я все же находил какое-то сходство между ним и рембрандтовским стариком.

Во дворец приходили многие. Восторгам не было конца. Приехал Алексей Максимович Горький. И не один, а со специалистами. Горький был тогда назначен Совнаркомом на должность председателя Комиссии по установлению и оценке редких произведений искусства. Алексей Максимович громогласно выражал неудовольствие, что его лично и комиссию, которую он возглавляет, не сразу оповестили о такой драгоценной находке.

Приехал Анатолий Васильевич Луначарский, народный комиссар просвещения. Во многом от него зависела судьба этих богатств. Куда поместить картины? В то время (начало 1919 года) Эрмитаж не работал. Основные его сокровища были еще до Октябрьской революции эвакуированы в Москву. Переноса картины из тайника в залы, мы думали: «Неужели их снова придется убирать в кладовые под крепкие замки?»

А что, если здесь же, на месте, в залах дворца, как можно скорее открыть картинную галерею? Анатолий Васильевич Луначарский, выслушав это наше предложение, задумался. Потом он стал советоваться с Горьким, Клявс-Клявиным, Эссеном и художниками.

Неизвестный нам художник резко высказался против нашего предложения:

— Безумная затея. В такое тревожное время не может быть в речи об открытии выставки картин. Наоборот, все эти уникальные произведения искусства надо вывезти из Петрограда и надежно спрятать до лучших времен. Все равно голодные люди не пойдут на выставку смотреть картины.

Бенуа в принципе поддержал своего коллегу.

Однако Эссен стал на нашу сторону. Он не согласился со своими спутниками:

— Прятать искусство от народа — это преступление в любое время. Да и куда вы увезете эти сокровища? Фронты гражданской войны возникают и, очевидно, еще будут возникать на севере и на юге, на востоке и на западе, в самых неожиданных местах страны. Надежнейшее место для всех этих богатств — революционный Петроград. Здесь они будут под защитой питерского рабочего класса. Если нужно, я берусь за то, чтобы возглавить и организовать эту выставку. И понесу за нее полную ответственность!

— Эдуард Эдуардович прав. Бесспорно прав, — сказал Горький. Поддержал Барона и Клявс-Клявин.

Анатолий Васильевич внимательно всех выслушал. Возражения художников призывали к осторожности, наше предложение, поддержанное Горьким и двумя старейшими большевиками, — к решительным действиям.

— Безусловно, мы не вправе прятать от народа замечательные произведения искусства, — сказал наконец Лупачарский. — Такая боязнь не к лицу коммунистам. Завоеванное рабочим классом должно стать достоянием всех трудящихся. Наши рабочие сейчас отказывают себе во многом во имя будущего, для блага следующих поколений. И, вопреки враждебной пропаганде, среди пролетариев не раздастся ни одного голоса с предложением продать или обменять за границей на хлеб, на обувь или на топливо завоеванные нами культурные ценности или произведения искусства. Это — величайшее самопожертвование, благородство и героизм...

Разговор пошел несколько в ином направлении. Но нам было ясно, что предложение об открытии художественной выставки народный комиссар просвещения одобряет.

МОЛЧАЛИВЫЕ ПЛЕННИКИ

На шестые сутки нашего пребывания во дворце был найден еще один, четвертый по счету, тайник.

Произошло это так. Когда кладовая, в которой хранились картины, в значительной степени разгрузилась, Аня Вершинина увидела в углу за перегородками и каркасами круглую рифленую батарею водяного отопления.

— Значит, тайник отапливается, — решила Аня. — Тогда нам было тепло. Интересно, как сюда подается вода?

Мы стали внимательно осматривать стены. Однако стояков в тайнике не было. Горизонтальные тонкие трубы, питающие батарею и отводящие воду, выходили прямо из стены. Мы побежали искать, откуда они идут, и в комнате, где содержался под домашним арестом управляющий, нашли стояки центрального дворцового отопления. От них ответвлялись те самые трубочки, которые питали батарею в тайнике и отводили от него воду.

Ничего особенного в этом наблюдении не было. Но тут мы заметили, что от стояков тянутся еще трубы. Эти трубы уходили куда-то сквозь другую стену комнаты. Обойдя все близлежащие помещения и не найдя в них выхода горизонтальных труб, мы поняли, что имеем дело с новым тайником.

Стены комнаты, где содержался управляющий, были обтянуты светло-желтым шелком. Мы сняли его, обнажив штукатурку, и хотели приступить к простукиванию. Но тут нам на помощь пришел дневной свет. Косые лучи февральского утреннего солнца скользили по голой стене, выявляя все ее неровности. Эти лучи и тени обозначили едва заметную выпуклость на оштукатуренной плоскости стены. Простучав это место, мы поняли, что вход в тайник именно здесь. И не ошиблись!

Сквозь пробитое в стене отверстие потянуло одуряющим духом нафталина.

— Ну, кажется, открыли дедушкин клад с бабушкиными салопами, — пошутила Раиса.

Пришлось подождать некоторое время, пока рассеялся удушливый запах. В тайнике были горы нафталина, положенного, как видно, на несколько лет. Им были пересыпаны вещи. Всюду, сверху и снизу, на разных уровнях висели мешки, сделанные из марли и наполненные нафталином.

Теперь мы поняли, почему этот тайник был замурован наглухо. Иначе запах нафталина проник бы в другие помещения и выдал тайну.

На полках в тайнике были сложены десятки редчайших гобеленов, шпалер, великолепные ковры огромных размеров. На полу стояли большие, обитые кожей дорожные сундуки с ручками. В двух сундуках мы обнаружили целую коллекцию скрипок. Среди них были скрипки работы знаменитого Страдивари и других прославленных мастеров прошлого.

Как потом нам объяснили знающие люди, одна из скрипок оценивалась в полмиллиона золотом.

Для чего князя Юсуповы держали под сундом такие

прекрасные музыкальные инструменты, нам было неприятно. На наши расспросы служащие дворца отвечали:

— Никто из князей Юсуповых на скрипках не изволили играть. Для этого у них было много музыкантов.

Однако бесценная скрипка Страдивари, восемьдесят лет назад купленная Юсуповыми, все это время лежала молча. Да, видимо, и у остальных была та же судьба.

Третий сундук наполняли бумаги, рукописи, какие-то грамоты. Позже среди них было найдено несколько подлинных рукописей Александра Сергеевича Пушкина, еще не видевших света. Эти рукописи Пушкина перешли к Юсуповым от одного из их предков и пролежали в сундуках многие десятилетия.

ОТ ЛИЦА РАБОЧЕГО КЛАССА

Ровно через неделю после того, как наша группа с грохотом переступила порог дворца Юсуповых, впервые вышли мы из него наружу. Вышли, глотнули свежего морозного воздуха, постояли, осмотрелись...

Ничего вроде не изменилось за эту неделю на набережной Мойки. Тот же Поделуев мост. Та же ограда реки. Те же груды снега.

Но дворец... Дворец неузнаваемо изменился для нас. Чужим, неприступным и враждебным казался он нам, пока мы в него не вошли. А теперь, выйдя из дворца, ребята с любовью глядели на его огромный фасад. Теперь все это старинное здание с его несметными богатствами тоже принадлежало народу.

Но главное изменение произошло в нас самих. Мы, казалось, были уже не те ребята, что пришли сюда неделю назад. Сколько сокровищ прошло за эти дни через наши руки! И мы увидели за ними вековое страдание народа, слезы и пот эксплуатируемых. Только безудержно грабя народ, могли собрать Юсуповы такое богатство.

Почувствовали мы и другое: богатство не само по себе зло, зло — в его принадлежности эксплуататорам.

А еще начали мы понимать цену искусства. Паломничество людей к найденным нами картинам убеждало, что настоящие произведения искусства представляют особое, великое достояние народа. И мы очень гордились, что помогли найти и вернуть народу эти духовные ценности.

Мы немало пережили, испытали за эту неделю. Мы многому научились в заочной схватке с классовым врагом, князем Юсуповым, и в очной — с его хитрыми при-

спешниками. Теперь все это было позади. Наша комсомольская группа стояла на набережной Мойки, разглядывая фасад дворца. И тут к нам подошел от парадного подъезда дворца пожилой красногвардеец из отряда типографии «Брокгауз и Ефрон».

— Значит, это вы, ребята, расковыряли Юсупова-то? И выставку в его хоромах задумали открыть? Ну, спасибо вам, товарищи. От лица рабочего класса спасибо.— И он всем нам по очереди крепко пожал руки.

Уставшие до дрожи в коленках, голодные, но гордые и счастливые, мы двинулись потихоньку к своему комсомольскому клубу «Юный Спартак»...

Через несколько минут нас уже обступила молодежь. Расспросам не было конца.

Впрочем, отдыхать нам было некогда. Нас ждали новые дела, новые заботы и тревоги.

Шел девятнадцатый год. Это был самый тяжелый для молодой Советской власти год. Самый жестокий. Интервенты, белогвардейцы, бандиты. Заговоры, бунты, голод, холод, эпидемия. Юденичу рабочие Питера уже дали летом от ворот поворот. Но он вновь готовил в Прибалтике свою белую армию к решительному наступлению на город пролетарской революции.

И вот в это до предела напряженное время, 20 сентября 1919 года, в бывшем дворце князя Юсупова при огромном стечении рабочих и работниц, красноармейцев и краснофлотцев, взрослых и детей, молодежи и школьников торжественно открылась картинная галерея — первая в истории молодого Советского государства художественная выставка.

В ПЕТРОГРАД ПРИЕХАЛ ЛЕНИН

НЕЖДАННАЯ ВСТРЕЧА

В тот день я пришел в райком спозаранку. Дел было невпроворот. Предстояло организовать комсомольский коллектив в типографии «Брокгауз и Ефрон», сделать доклад о текущем моменте на второй швейной фабрике, побывать на военных занятиях, сходить в ПК за плакатами...

В райкоме было холодно. Даже чернила в бронзовой чернильнице подернулись льдом. Я сунул щепки в давно остывшую «буржуйку», запалил их. Погрел руки над огнем, обдумывая, кого из ребят послать в помещение бывшего ресторана «Контан», где надо было как можно скорее закончить оборудование бесплатной детской столовой.

Неожиданно зазвонил телефон. Секретарь райкома партии товарищ Клявс-Клявин извещал нас о том, что от тифа умер первый советский нарком путей сообщения, член Наркомата торговли и промышленности, старый большевик Марк Тимофеевич Елизаров. И что сегодня, 13 марта, состоится его похороны на Волковском кладбище. Клявс-Клявин сказал, что и нашим активистам следует принять участие в похоронах...

Часа через полтора группа комсомольцев (в их числе и я) отправилась пешком на Выборгскую сторону, — трамваи в то время ходили только рано утром и в конце рабочего дня.

У ворот клиники Военно-медицинской академии стояла огромная толпа людей. В ожидании выноса гроба мы узнали, что на похоронах присутствует Владимир Ильич Ленин. Говорили, что он приехал в Петроград накануне и вечером выступал на заседании городского Совета.

Впервые после отъезда правительства в Москву Ленин прибыл в Петроград...

Когда похоронная процессия вытянулась из ворот, мы двинулись следом за ней, а потом перешли вперед. Нам хотелось получше разглядеть Ленина, шедшего за траурной колесницей.

Нам показалось, что Ильич сильно изменился. По митингам 1917-го и начала 1918 года мы помнили его энергичным, воодушевленным, жизнерадостным, а тут уви-

дели усталым и похudevшим. Печальное лицо осунулось. Как-то тяжело шел он за гробом, в своем грузном зимнем пальто с каракулевым воротником шалью, держа в руке меховую шапку.

— Это все Капкан, все эта проклятая эсерка! — горько шептал мне на ухо Севка Сорокин. — Пули-то были отравленные...

— Да ведь и похороны... Товарищ Елизаров Ленину, говорят, был не только родичем, но и большим другом, — так же тихо отвечал я Севке.

Весь долгий скорбный путь с Выборгской стороны до Волковского кладбища Владимир Ильич прошел пешком, бережно поддерживая под локоть свою овдовевшую сестру, Анну Ильиничну Ульянову-Елизарову. И никто не мог уговорить их сесть в замыкавшую процессию машину.

Всю дорогу Владимир Ильич молчал. На вопросы родственников он отвечал коротко и снова погружался в раздумье. Молчал он и во время гражданской папихиды на кладбище, печально слушая прощальные речи у могилы Елизарова.

После окончания похорон Ленин отошел в сторонку. Отошел и, не надевая шапки, некоторое время стоял у простеньких могил с деревянными крестами.

Уже потом по надписям на крестах мы узнали, что здесь похоронены Мария Александровна Ульянова и сестра, Владимира Ильича Ольга. А вот теперь и Марк Тимофеевич Елизаров...

С кладбища Владимир Ильич уехал на автомобиле. Куда он уехал, нам не удалось узнать.

Расстроенные, мы направились к себе в район. Ребята спешили — боялись опоздать на обед. У большинства из нас продуктовые карточки были прикреплены к столовой Дворца труда.

Пообедали мы в тот раз последними. Пообедали и быстро собрались было отправиться в «Контан», когда к столу подошла молодая работница столовой, наша комсомолка. Доверительно и гордо сообщила она нам, что на кухне готовится обед для товарища Ленина и его спутников.

— Как для Ленина? А где же Ленин? — поспешили выяснить мы.

— А он здесь. Сейчас осматривает Дворец труда, а потом будет у нас обедать.

Обрадованные этой вестью, мы отправились на поиски Владимира Ильича Ленина.

На парадной лестнице я столкнулся с Петькой Ефимовым. Это позже стал он солидным Петром Ефимовичем Ефимовым — председателем правления профсоюза сельскохозяйственных рабочих Петроградской губернии. А в ту пору Петька в губкоме комсомола представлял крестьянскую молодежь. Кто-то из городских ребят придумал ему прозвище — Чернозем. Петр на это не обижался. «Чего уж лучше чернозему! — говорил он, бывало. — Нам бы чернозему побольше. А что вырастет на нашем камнезем?»

С разбегу столкнувшись со мной нос к носу на лестнице, Петька остановился:

— Ты-то чего тут делаешь?

Получалось, будто он был при деле, а я болтался.

— Да вот Ленина разыскиваю, — сказал я. — Говорят, он где-то здесь.

— И искать нечего, — бросил Петька гордо и покровительственно. — Пойдем со мной в Актовый зал. Ленину будет сейчас выступать у нас, на первом губернском съезде сельхозрабочих.

Мы с Ефимовым пришли в Актовый зал и нашли два свободных стула в заднем ряду. Зал заполняли в основном пожилые бородатые мужики: кто в овчинной шубе, кто в армяке, кое-кто в валенках, а некоторые в лаптях. Женщин было совсем немного — не то что на городских собраниях и конференциях. В них, как правило, активно участвовали наряду с мужчинами женщины. И еще одно различие: мужики были одеты не ахти как важно, однако выглядели куда сытее и здоровее нас, городских, совсем отощавших на пустой баланде и четвертушке мякишного хлеба в сутки.

Шел доклад мандатной комиссии. Выяснилось, что большинство делегатов первого съезда сельхозрабочих неграмотны. Высшего образования не имел никто. Не помню, закончил ли кто из делегатов полный курс школы, но вот запало в память, что даже докладчик по главному вопросу — о земельной политике Советской власти, — товарищ из губземотдела, не имел специального образования. Честно сказать, доклад меня не очень интересовал. Я стал осматривать зал. Он выглядел, как и пять месяцев назад, в день 7 ноября 1918 года, когда мы открывали Дворец труда.

Колонны зала сверху донизу обвивали широкие кумачовые ленты. На стенах было много картин, написанных художниками левых направлений. На небольшом возвышении за колоннами алели профсоюзные знамена и стя-

и. На этом же помосте, несколько ближе к публике, стояла невысокая и узкая, похожая на церковный аналой, трибуна для оратора.

Все было, на мой взгляд, хорошо, но портили вид длинные ряды разнокалиберных, гнутых, так пазываемых венских, стульев. Мне вспомнилось, как месяца за два до открытия Дворца труда мы, члены Союза молодежи, собирали эти стулья по бездействовавшим трактирам, чайным и кухмистерским. И без того озлобленные хозяева и их сумрачные буфетчики после долгих споров уступали нам стулья, но не иначе, как заимообразно. Мы выдавали расписки, обещали возвратить стулья, как только Дворец труда обзаведется своими. Так удалось в конце концов собрать больше двух тысяч стульев — и для Актового зала, и для Митингового, и для столовой.

Конечно, стулья — не самое главное... Здесь уместно хотя бы коротко рассказать о том, как вообще готовилось открытие Дворца труда.

Здание это, построенное по проекту архитектора А. И. Штакеншнейдера в середине прошлого столетия для старшего сына Николая I, в конце концов было отдано под Ксенинский институт благородных девиц. Весной семнадцатого года институтки разъехались и больше сюда уже не вернулись. В покоях благородных девиц разместилась госпиталь для раненых и больных солдат. После Октября, когда началась демобилизация старой армии, больные и раненые стали при первой же возможности покидать госпиталь. Дворец быстро приходил в запустение.

В декабре 1917 года В. И. Ленин подписал декрет о передаче дворца рабочим профсоюзам. До того они занимали скверные помещения в бывших арестантских домах царского жандармского управления и еще в десятке разных мест по всему Петрограду. Правительство выделило средства на ремонт дворца. Выделило с условием, что рабочих возьмут с Биржи труда. В число этих счастливицков попало много безработных членов ССРМ, среди них и я.

Когда мы впервые пришли во дворец, он произвел на нас удручающее впечатление. Все было развалено, захламлено. В запортом Актовом зале сохранился лишь задрапированный материей огромный, во всю стену, портрет императора Николая II в роскошной полированной раме. В переднем углу висели иконы в дорогих серебряных ризах. Возле них горели неизвестно кем зажженные лампы. В вестибюле парадной лестницы над каминном помещалась большая мраморная доска с золотой надпи-

сью, сделанной в память посещения Ксенинского института императором Александром III.

Первым делом мы убрали и царя вместе с рамой, и иконы. Потом сняли памятную доску. На оборотной стороне ее наши мастера сделали новую надпись, гласящую, что этот дворец Ленин волею революции передал рабочим и профсоюзам Петрограда как их Дворец труда.

Ремонт шел долго. Наконец в день первой годовщины Октября состоялось открытие Дворца труда. Одновременно в садике перед главным входом во дворец был установлен памятник Рабочему. Как сейчас вижу этот монумент — мужественную, благородную фигуру рабочего с молотом, стоящего у наковальни. Это был первый в мире памятник, изваянный во славу рабочего, пролетария.

Все мы, собравшиеся на открытие Дворца труда и памятника, очень жалели, что Владимир Ильич Ленин не участвует в этом празднике вместе с нами.

И вот теперь, на губернском съезде сельскохозяйственных рабочих, краем уха слушая докладчика, я думал о посещении Лениным Дворца труда. Понравились ли Владимиру Ильичу дворец и памятник?

Позже я узнал, что понравились. Обойдя все здание, Ленин сказал, что питерские рабочие распорядились дворцом правильно, по-хозяйски. Ильич одобрительно отозвался о памятнике. Заведовавший тогда всем хозяйством Дворца труда товарищ Граузит показал Ильичу фотографии, на которых были запечатлены у памятника группы рабочих, профсоюзных активистов.

— Ну а дальше-то, дальше что было? — спрашивали мы у Граузита, рассказывавшего нам на другой день о приезде Ленина во Дворец труда.

— А дальше... Дальше был обед...

Я поинтересовался, хорошо ли покормили наши комсомолки Владимира Ильича и его спутников. И тут Граузит смутился. Нет, повара постарались на славу. Обед по тем временам был, можно сказать, шикарный: и гороховый суп с гречками, и булка из настоящей белой крупчатки, и даже курицу достали. Но вот Владимир Ильич, увидев все эти яства на столе, почему-то нахмурился. Не желая обидеть хозяев, он отобедал, по молча. Сдержанно поблагодарил, а потом все же не удержался и с горькой иронией спросил обедавших с ним вместе профсоюзных руководителей:

— Позвольте узнать, что же это вы — каждый день так обедаете? Судя по довольствию профсоюзных деятелей

лей, в городе не особенно голодают... — И, не дожидаясь ответа, резко закончил: — Скверно получается, товарищи.

«МЫ ВЫЙДЕМ К ХОЗЯЙСТВУ ОБЩЕМУ»

В зале губернского съезда Ленин появился неожиданно. Он вошел в дверь за спинами делегатов, и его не сразу заметили. Когда же Владимир Ильич стал подниматься на возвышение, делегаты увидели его и стали шумно аплодировать. Ему предоставили слово. Подойдя к трибуне и опершись на нее, Ленин внимательно вглядывался в зал, дожидаясь, когда он успокоится.

Прежде всего Владимир Ильич поздравил делегатов с открытием первого съезда сельскохозяйственных рабочих. Он сказал, что в Центральном Комитете партии большевиков несколько раз рассматривался вопрос о том, как приступить к организации сельскохозяйственных рабочих. Дело это непростое. Нигде в мире, даже в самых передовых капиталистических странах, сельскохозяйственным рабочим не удалось создать сколь-нибудь постоянный профессиональный союз. Главная мысль Владимира Ильича сводилась к тому, что власть городских рабочих не может быть прочной, если не будет прочного союза с сельскохозяйственными рабочими.

— Мы выйдем к хозяйству общему, крупному, товарищескому, — говорил он. — Тогда все, что завоевала человеческая наука, человеческая техника, все усовершенствования, все знания специалистов, — все должно пойти на службу объединенному рабочему.

Делегаты, казалось, на лету ловили каждое ленинское слово. Он говорил о том, что глубоко волновало, затрагивало интересы всех собравшихся в зале. Пробивались еще только первые ростки новых отношений в деревне. Еще далеко было до перелома в обобществлении сельского хозяйства. Еще далеко не все в деревне были убеждены в необходимости и возможности коренной перестройки их жизни. Еще нередко с сомнением относились крестьяне к предложению помощи городских рабочих, опасаясь при этом больше потерять, чем приобрести. Но с другой стороны на трудовое крестьянство давил кулак. Батраки и вовсе были в кабале у богатеев. Выстоять перед кулаком в одиночку было трудно.

Ленин понимал это положение крестьян, понимал тяжелую участь бедняков и батраков.

— Не раз бывало в революциях, — предупреждал он, — что помещиков и капиталистов удавалось смести, но из кулачья, из богатых крестьян, из спекулянтов в довольно короткий срок нарождались новые капиталисты, которые, случалось, еще более угнетали рабочих, чем старые помещики и капиталисты.

Надо «сделать так, чтобы не только старые капиталисты оказались сметенными, но чтобы не могли возникнуть и новые, чтобы власть была укреплена полностью, целиком, исключительно за теми, кто трудится, кто живет своим трудом». Эта ленинская мысль была близка каждому делегату съезда. Все они хорошо помнили старых помещиков и их управляющих. И все они видели, как в деревне поднимает голову кулачество. Конечно же надо объединяться для борьбы с новыми кровопийцами и мироедами. Вот и Ленин так говорит, и он предлагает помощь их новому союзу:

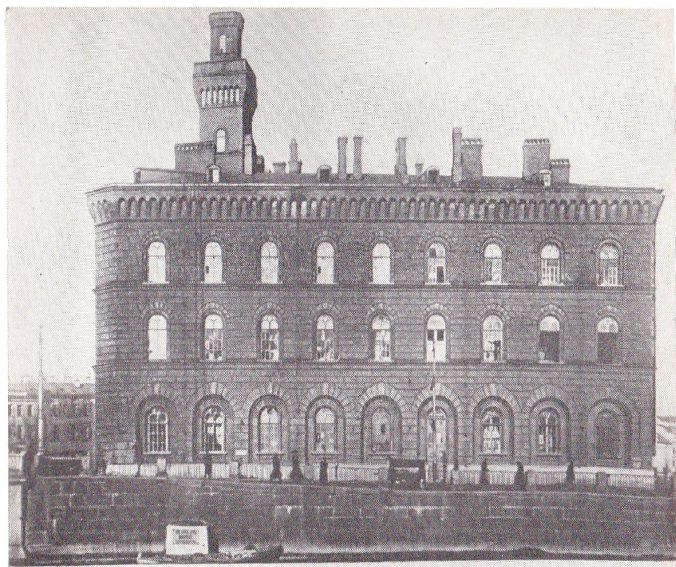
— Повторяю, Советская власть все, что в ее силах, немедленно и безусловно сделает, чтобы помочь такой организации переделать деревенскую жизнь, чтобы не осталось места для кулака, чтобы не могло быть спекуляции, чтобы товарищеский общий труд сделался в деревне общим правилом. Вот задача, которую мы все себе ставим.

Заканчивая свою речь, Владимир Ильич выразил уверенность, что союз, которому сегодня положено основание, в недалеком будущем превратится в единый Всероссийский профессиональный союз сельскохозяйственных рабочих. Что будет он настоящей опорой Советской власти в деревне.

Нетерпеливым жестом правой руки успокоив шумные аплодисменты, Владимир Ильич сказал:

— Мне особенно отрадно видеть, что здесь, в Питере, где так много прекрасных зданий, дворцов, имевших совершенно неправильное назначение, товарищи поступили правильно, отобрав эти дворцы и превратив их в места собраний, съездов и совещаний как раз тех классов населения, которые на эти дворцы работали и в течение многих лет дворцы создавали и которых на версту к этим дворцам не подпускали!

Я думаю, товарищи, что теперь, когда почти все питерские дворцы превращены в дома собраний и союзов для рабочих городских, прежде всего, и для рабочих сельских, для трудящейся части крестьянства, — я думаю, в этом мы можем основание видеть первый шаг к тому, что трудящиеся, эксплуатируемая часть населения получит возможность организоваться.

Это краспокирпичное здание на Фонтанке, у Калинкина моста, было «домом юности» для многих питерских рабочих-подростков.

До Февральской революции здесь помещались полицейский участок Коломенской части Петрограда и тюрьма — одна из самых страшных царских темниц. Восставшие рабочие вместе с революционными солдатами 27 февраля 1917 года разгромили полицейский участок и распахнули перед политическими узниками ворота тюрьмы.

В бывшем Полицейском замке разместился первый легальный райком партии коломенских большевиков, союз металлистов, а затем и исполком Социалистического союза рабочих молодежи Коломны. После создания ССРМ Петрограда в этом доме, на Фонтанке, 201, до конца 1917 года работал Петербургский комитет союза. Здесь же вышел первый номер революционного журнала рабочей молодежи «Юный пролетарий».

Фото 1917 года.

Эти ребята — дети беженцев, которых империалистическая война согнала с родных мест. Тяжело жилось им в барачных поселках на окраинах Петрограда. Став подростками, многие из них уже в 1917 году начали работать на заводах и вступили на путь революционной борьбы.

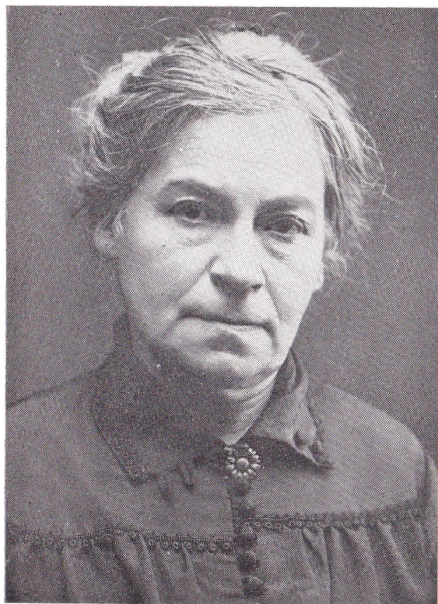
Царская тюрьма — Литовский замок, взятый штурмом и сожженный в февральские дни 1917 года.

23 марта 1917 года революционный Петроград торжественно хоронил своих героев, павших в борьбе с самодержавием. Почти миллионная демонстрация под красными знаменами прошла в тот день по улицам города к Марсову полю. На снимке — колонна демонстрантов на Невском проспекте.

После свержения царизма в России впервые свободно отмечался праздник международной солидарности пролетариата — Первое мая. В этот день на Исаакиевскую площадь в колоннах Коломенского и Нарвско-Петергофского районов пришли сотни рабочих-подростков. Радостные и шумливые, они еще не знали тогда, что спустя пять месяцев некоторым из них придется прийти сюда с винтовками наперевес. 25 октября 1917 года юношеский резервный отряд Петербургского комитета ССРМ шел по Исаакиевской площади на штурм логова контрреволюционного офицерства — гостиницы «Астория».

Летом 1919 года в Петрограде открылась первая Центральная политическая школа комсомола. В ней передавали молодежи свои знания, свой богатый опыт революционной борьбы многие видные большевики. Среди них была и мужественная революционерка, член большевистской партии с 1903 года Прасковья Францевна Куделли, которая в 1917 году вместе с Владимиром Ильичем Лениным работала в «Правде».

Соціалистическій союзъ рабочей Молодежи

въ субботу 1 Іюля 1917 г. въ 6 час. вечера въ
циркъ „Модернъ“ Петр. стор. Троицкая
площадь

УСТРАИВАЕТЪ
МИТИНГЪ ≡
≡ **МОЛОДЕЖИ**

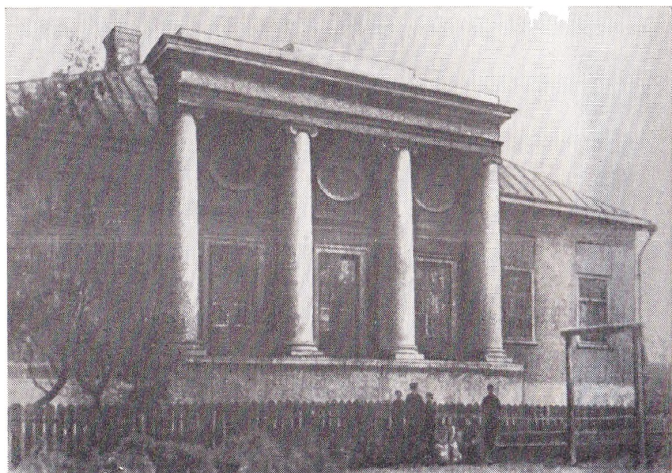
Выступятъ извѣстные ораторы, хоръ
пѣвчихъ и оркестръ духовой музыки.

Билеты 20 коп. можно получить при входѣ.

Товарищи! приходите всѣ отъ 16 до 20 лѣтъ.

Организаціонный комитетъ молодежи.

Соціалистическій союзъ рабочей молодежи Петрограда рождался в трудной борьбѣ противъ соглашателей изъ мелко-буржуазныхъ партій. Важнымъ шагомъ въ организаціи ССРМ былъ митингъ рабочей молодежи въ циркѣ «Модернъ» 1 Іюля 1917 года. На снимкѣ: афиша митинга.

18 августа 1917 года к восьми часам вечера в одноэтажный деревянный дом с мезонином, стоявший на том месте, где ныне находится Дворец культуры имени А. М. Горького, на первую общегородскую конференцию собрались делегаты организаций рабочей молодежи Петрограда. Именно в этом доме незадолго до того проходили последние заседания исторического VI съезда партии большевиков. Спустя две недели после съезда здесь было провозглашено создание Социалистического союза рабочей молодежи Петрограда.

Эдуард Леско и Елизавета Пылаева были признанными вожаками рабочей молодежи Петрограда. Это они и другие молодые большевики организовали митинг в цирке «Модерн». На первой общегородской конференции ССРМ Эдуард Леско стал председателем, а Лиза Пылаева — членом городского комитета нового союза.

„ЮНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ“

Орган Коммунистического Комитета Социалистического Союза Рабочей Молодежи.

Выходит два раза в месяц.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

до конца года с № 1 — (один) 1 рубль.

Репортаж временно появившегося: ПЕТЕРБУРГЪ, Октябрь 201, 3-й этаж. Часы приема временно ежедневно от 7 час. до 9 час. вечера.

№ 1. Ноябрь 28 (11) 1917 г. Цена № 30 к.

СОДЕРЖАНИЕ: От редакции. О пролетарской культуре — В. Полянский. Заметка о выработке мировоззрения — Э. Ласке. Угро в деревне — И. Тютинев. Детство и юность — В. Алексеев. Привет Юному Пролетарию — И. Андреев. Рабочая молодежь и Красная гвардия — В. Алексеев. Права молодежи — З. А. Наши задачи в профессиональном движении — В. Скар. Из истории движения германской рабочей молодежи во время войны — Г. К. Язы нашей жизни — В. А. Вниманию социалистов-революционеров — В. Алексеев. Грядущая революция — В. Алексеев. В наших шортах — И. Мезяников. Письма и толканием — Свободный В. Письмо из провинции в Социалистическом Союзе Рабочей Молодежи — В. А. Организация юношеских комитетов на заводах, на фабриках. Хроника. Почтовый ящик. — Объявления.

ОТ РЕДАКЦИИ

В серьезном и ответственном моменте выпускаем мы и этот первый номер нашего журнала.

В серьезном потому, что страна еще до сих пор находится в водороте непрерывной и общестроенной борьбы пролетариата и призывающих к нему беднейших слоев населения — одной стороны, — буржуазии и призывающих к ней равноправных политических групп — с другой.

В ответственный потому, что каждый шаг наступательного движения революции, который по призыву истории делает российский пролетариат, и направление к мировой революции, должен быть глубоко продуманным и бескомпромиссным.

И рабочая молодежь, как часть рабочего класса, стоящая в его первых рядах на силе и храбрости духа, доселе еще остается почти не организованной.

Задача «Юного пролетария» и заключается в том, чтобы вызвать рабочую молодежь к организованной сплоченности, к нацеленности своих жизненных классовых интересов, своих воли и жертвенности, дабы построить борьбу за освобождение, в строгу и крепкую систему.

Нужно к неизбежности от экономическою рабочего класса России революции «Юный Пролетарий» призван освещать этот путь и указывать практические шаги в этом направлении.

Но для того, чтобы прийти к широким социальным, необходимо обладать знаниями и области культуры, и в этом смысле ответственность.

Для этого «Юный Пролетарий» открывает на своих страницах следующие отделы: *Научно-популярный*, в котором входят вопросы по истории революционного движения, по элементарным политическим знаниям, по естественнонаучному. Отдел

философии и этики. *Литературно-художественный* отдел. Отдел библиографии. Библиографический отдел и т. д.

Редакция надеется, что товарищи читатели помогут ей своими указаниями в смысле расширения программы журнала. Редакция обращается к товарищам молодым работникам и рабочим, а также и к взрослым рабочим помочь ей в новом трудном и ответственном деле.

Помощь эта должна выражаться в сборах и пожертвованиях на журнал, в его широком распространении, а также присылкой статей, стихотворений, рассказов и корреспонденций.

За дело, товарищи!

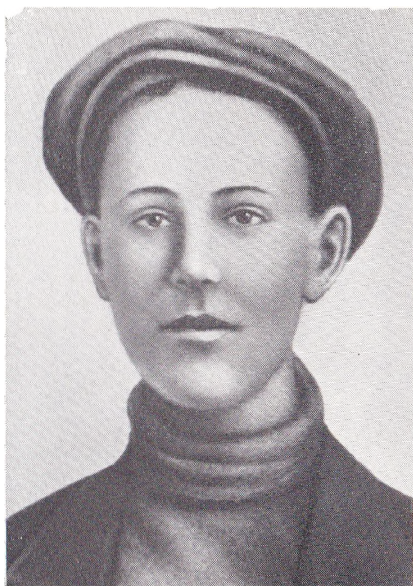
Редакция.

НАШИ ЗАДАЧИ

С первых дней русской революции замесилась рабочая молодежь Петербурга и многих других городов России. То тут, то там стали появляться различные рода культурно-просветительные социалистически и другие организации рабочего юношества и рабочей молодежи. Всюду закипела работа. Большею частью без всякой программы, без устава, без определенных форм организации и без ясно сознаваемой цели работы, юности и молодежи издают за творческую работу строительства новых организаций, для России еще немножко самостоятельных организации юных пролетариев.

Отсутствие опыта и нужных знаний, без всяких материальных средств, часто лишние возможности даже найти помещение для своего клуба, пропаганды много дела неоднократно обращались к своим старшим товарищам и к своим близким и интересам рабочим и социальным

Первая конференция ССРМ Петрограда приняла решение издавать печатный орган союза. Потребность в нем была огромна, но тогда не нашлось ни средств, ни возможностей для выпуска журнала. Первый номер журнала, получившего название «Юный пролетарий» (титuleную страницу его вы видите на снимке), вышел лишь после победы Октября. 11 ноября 1917 года.

Вася Алексеев — один из самых известных вожakov рабочей молодежи Петрограда. Пятнадцатилетним пареньком в 1912 году вступил он в партию большевиков. Всю свою короткую жизнь отдал он борьбе за революцию, за социализм. Вася Алексеев был делегатом VI съезда РСДРП(б), одним из организаторов ССРМ Петрограда, первым редактором «Юного пролетария».

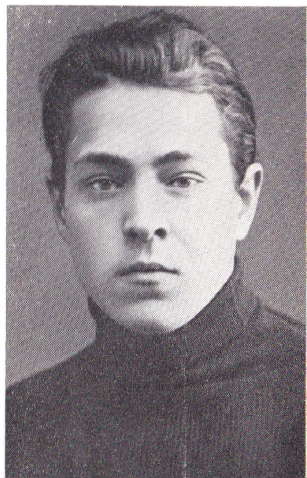

Девятнадцатый год шел рабочему картографической фабрики Оскару Рывкину, когда вступил он в партию большевиков и по поручению Павла Михайловича Войтика вместе с Лизой Пылаевой занялся организацией Социалистического союза рабочих молодежи Коломенского района. Вместе боролись они за создание ССРМ Петрограда, и Оскар стал секретарем комитета союза. Потом он командовал резервным отрядом Петербургского комитета ССРМ, штурмовавшим 25 октября гостиницу «Астория». Спустя два месяца Оскар Рывкин первым из вожakov рабочей молодежи города ушел на гражданскую войну.

На Первом съезде комсомола Оскар был избран товарищем (заместителем) председателя ЦК РКСМ, а несколько месяцев спустя он стал председателем (первым секретарем) ЦК РКСМ. Три самых первых, самых трудных года руководил комсомолом питерский рабочий Оскар Рывкин.

Молодой большевик, один из вожakov питерской рабочей молодежи Михаил Глебов. В 1918 году он был членом оргбюро по подготовке первого комсомольского съезда. Ему было поручено выступить на съезде с основным докладом. Но 27 октября, получив партийное предписание, Михаил уехал на фронт. Питерский рабочий стал начальником политотдела войск Красной Армии Левобережной Украины.
Фото 1917 года.

Недалеко от Кохтла-Ярве, у железной дороги Таллин — Ленинград, лежит огромный, в человеческий рост, валун. К нему прикреплена мраморная доска, на которой по-эстонски и по-русски написано: «Здесь 3 марта 1918 года в боях с немецкими оккупантами погибла смертью героя петроградская комсомолка Ольга Антропова». Этот памятник замечательной русской девушке поставили рабочие эстонского совхоза «Спямаэ». Одной из первых ушла на защиту революционного Петрограда активистка ЦСРМ Ольга Антропова и героически погибла в первом бою у станции Корф.

Павел Усанов, организатор райкома РКСМ Второго городского района Петрограда.
Фото 1919 года.

Весна 1920 года. Комсомольский субботник у Дворца труда. Среди участников этого субботника вы видите и слушателя Центральной политехшколы комсомола Александра Косарева, впоследствии Генерального секретаря ЦК ВЛКСМ (на фото — второй слева).

Члены Северодвинского губкома РКСМ. Сидят (слева направо): Зырянов, Мальцев, Усапов, Лебедев, Леушева, Назарьев; позади — Кубасов и Еремиевский; на переднем плане — Токмаков. Снимок сделан в сентябре 1920 года в Великом Устюге, перед отъездом делегатов на Третий съезд РКСМ.

**Павел Иванович Усанов и бригадир ком-
сомольско-молодежной бригады строите-
лей треста «Ленинжстрой-2» Александр
Афанасьев.
Фото 1976 года.**

Последние слова Владимира Ильича, думается мне, еще раз наглядно показывают, как умел он любой, казалось бы, частный вопрос видеть в общем политическом аспекте. Этому старались учиться у него и мы...

Делегаты задали Ленину десятки вопросов. Советская власть обещает помощь, а чем она может помочь? Бедна власть, трудно ей приходится, а у кулака сила, у него деньги. Как быть? Вот что особенно тревожило участников этого большого разговора. Ответив на все вопросы, Ленин взял еще и заключительное слово.

— Вы прекрасно знаете, — говорил Владимир Ильич, — как у нас в деревнях осталось много спекулянтов-крестьян, наживших во время войны сотни тысяч рублей, богатеющих эти керенки, чтобы снова пустить их в оборот и давить бедного крестьянина. Какое средство борьбы тут может быть? Никакого другого, кроме перехода к общему хозяйству.

Когда Ленин отошел от трибуны, делегаты вскочили с мест и начали громко бить в ладоши. Возгласы одобрения слились в нестройный гул. Председательствующий, товарищ Анцелович, успокоив делегатов, попросил их отпустить Владимира Ильича со съезда, так как в Народном доме к тому времени собрались тысячи рабочих, матросов и красноармейцев, которые тоже ждали Ленина. Зал отозвался разногласом:

— Разрешаем!

— И мы за ним!

— Хотим еще слушать Ленина!

Такой оборот дела вызвал замешательство в президиуме съезда. Не голосуя, не дожидаясь разрешения, все делегаты покинули свои места и, аплодируя Ленину, вслед за ним устремились к выходу. Президиуму ничего не оставалось, как объявить о переносе заседания съезда на завтрашнее утро.

Пётр Ефимов, снова взявший надо мной шефство, теперь что есть мочи проталкивал меня в дверь. Пробившись сквозь толпу, мы выбежали из Дворца труда и поспешили к Народному дому.

ЗАРЯД РЕВОЛЮЦИОННОЙ СТОЙКОСТИ

Когда мы пешком добрались до Народного дома на Кронверкской (ныне проспект М. Горького), то увидели большую толпу народа, осаждавшую входные двери. Вовек бы нам не пробиться через эту массу людей, но выр-

чил председатель Петроградского губпрофсовета Н. М. Анцелович. Он договорился с организаторами митинга, и делегатов съезда сельхозработчих пропустили через боковой вход на один из ярусов огромного Оперного зала. Вместе с ними прошмыгнули и мы с Черноземом.

Было, вероятно, около семи часов вечера. Митинг же назначался на пять. К объявленному времени зал был набит битком. Никто не выходил «перекурить», опасаясь, что не попадет обратно. Люди ждали Ленина. Целый год — и какой год! — они не видели и не слышали Ильича в Петрограде...

Когда мы едва протиснулись в заполненный до отказа ярус, Ленин уже говорил:

— Главный вопрос, который интересует большинство из вас, — это вопрос о том, как обстоит дело с продовольствием и что предпринято в этом деле Совнаркомом. Я позволю себе рассказать вам вкратце об этих мероприятиях.

Мы вступили в тяжелое, наиболее голодное полугодие, когда все наши внешние и внутренние враги, зная, как тяжело приходится населению, пытаются сыграть на этом, свергнуть власть Советов и попытаться вернуть власть помещикам и капиталистам...

Говорить Владимиру Ильичу было трудно. Микрофонов и усилителей тогда еще не было. Зал переполнен. Акустика плохая. Огромный купол (тогда он не перекрывался, как теперь, шумопоглощающим материалом) отражал каждое слово, сказанное со сцены, каждый звук и возвращал их в зал гулким эхом, похожим на непрерывное рокотание далеких громовых раскатов. Трудно было и говорить, и слушать. Но Ленин, напрягая голос, говорил, а мы, напрягая слух, слушали, жадно ловили каждое его слово. А слова эти были и радостными, и обнадеживающими, и горькими, и тревожными... Но все — одинаково правдивыми и потому такими для нас важными.

Владимир Ильич говорил, что восстановление Советской власти на Украине, начавшийся разгром белочехов за Волгой и в Уфимской губернии позволят увеличить заготовки хлеба, так как настроение крестьян в тех местах теперь круто изменилось в пользу власти Советов. Однако при вывозке хлеба мы столкнулись с колоссальными затруднениями в транспорте. Налицо недостаток паровозов, топлива и непомерное истощение паровозной службы.

Ленин сказал, что для усиления товарной провозоспособности железных дорог пришлось прибегнуть к крайней

мере — решено с 18 марта на месяц прекратить по всей России движение пассажирских поездов...

Услышав это, зал ахнул. Послышались возгласы:

— Тогда совсем пропадем!

— Это же смерти!

Наклонив голову, Ленин с минуту выждал и продолжал говорить, спокойно, убежденно:

— Подсчет показал, что это освободит двести двадцать паровозов, способных доставить три с половиною миллиона пудов хлеба! А мешочники за то же время могут привезти не более двухсот тысяч пудов.

Враги будут это использовать. Но здесь, как и во всех затруднительных случаях, мы рассчитываем только на сознательность передовых рабочих масс. Лучше пойти на лишения, лучше встретиться с враждебной агитацией эсеров и меньшевиков, но посмотреть опасности прямо в лицо и открыто заявить: мы не вылезем из продовольственных затруднений, если не примем самых решительных мер, если не напряжем все усилия для вывоза хлеба...

Уверенность Владимира Ильича передавалась слушавшим его людям. Она еще более окрепла, когда он заговорил о победах Красной Армии на Дону, опять о восстановлении Советской власти на Украине. И уже не было сомнений, что трудные задачи — восстановление железнодорожного моста через Волгу, заволжских и донских железнодорожных магистралей, многие другие, о которых говорил Ленин, — будут решены.

Владимир Ильич ответил на наши жгучие, болезненные вопросы. И припятая после этого резолюция была очень краткая, но твердая, исполненная веры в победу дела трудового народа. Я хочу привести ее полностью:

«Заслушав речь тов. Ленина, рабочие и красноармейцы Петрограда считают, что никакие трудности не сломят силы трудящихся в борьбе за социализм.

Рабочие и красноармейцы осуществили свою цель. Страдания, усталость и голод не остановили нас.

Вместе с тов. Лениным мы вышли на борьбу за светлую лучшую жизнь, вместе с ним мы победим!

Да здравствует товарищ Ленин!

Да здравствует наша грядущая победа!

Да здравствует международная революция!»

Мы не знали тогда, что и это выступление Владимира Ильича не было последним в тот день. Не знали, что не попавшие в Оперный зал люди собрались в фойе (в так называемом Железном зале) и отсюда несколько раз по-

сылали своих делегатов в президиум митинга с просьбами, с требованиями, чтобы Ленин выступил и перед ними.

По поручению президиума Анатолий Васильевич Луначарский пытался уговорить их разойтись по домам, так как уже поздно и Владимир Ильич не может больше выступать. Миссия Луначарского закончилась тем, что он возвратился из Железного зала... ходатаем за собравшихся там рабочих и красноармейцев, от их имени он попросил Владимира Ильича выступить еще раз, перед новой аудиторией.

Ленин, пропустивший ради встречи с рабочими и красноармейцами проходившую в тот день городскую партийную конференцию, не мог отказать людям, прождавшим его более четырех часов. С митинга в Оперном зале он пришел на новый митинг — в Железный зал... Только в двенадцатом часу ночи, провожаемый овациями рабочих и красноармейцев, покинул Владимир Ильич Народный дом и поехал прямо на вокзал.

Об этом — третьем — выступлении Ленина 13 марта 1919 года я узнал позже. А в тот день, выбравшись в десятом часу вечера из Оперного зала в зимний неосвещенный парк, я увидел: только что слушавшие Ленина люди собираются в группы, в небольшие колонны. Так, плечом к плечу с товарищами, и пошли мы с пением революционных песен по пустынным улицам спящего города...

Целый год — и какой неизмеримо трудный год! — не был Ленин в Петрограде. Нет, тяжкие испытания не сломили революционный дух питерцев. И все же нам была нужна его поддержка, его живое слово, — нам было необходимо увидеть его самого, поговорить с ним, посоветоваться. Получить от него — от нашего любимого вождя и мудрого друга — новый заряд революционной стойкости и пролетарской веры. Нам, как и всей Республике Советов, предстояли еще не менее тяжкие испытания, но мы встретили их с высоко поднятой головой, смело глядя в глаза опасности.

Я думаю, в душе каждого коммуниста и комсомольца тех далеких лет в самые тяжелые месяцы, дни и минуты — всегда жило и крепло убеждение: Ленин с нами — мы победим!

МОБИЛИЗАЦИЯ

Стальные обручи контрреволюции все теснее сдавливали молодую Республику Советов.

Главной опасностью весной 1919 года были полчища Колчака.

Ленин писал петроградским рабочим:

«Товарищи! Положение на Восточном фронте крайне ухудшилось. Сегодня взят Колчаком Воткинский завод, гибнет Бугульма; видимо, Колчак продвигнется еще вперед.

Опасность грозная.

...Мы просим питерских рабочих поставить на ноги все, мобилизовать все силы на помощь Восточному фронту.

Я уверен, товарищи, что питерские рабочие покажут пример всей России».

Развернулась мобилизация. Коммунисты и комсомольцы Петрограда отправили против Колчака пятую часть своих организаций. Многие комсомольские коллективы почти в полном составе встали на защиту социалистического отечества. В конце апреля и начале мая с Московского вокзала день и ночь отходили воинские эшелоны на восток.

Но и Питер тоже надо было оборонять. Белогвардейцы накапливали силы рядом с ним, за эстонской границей. 13 мая они прорвали советский фронт у Нарвы и поплы наступление на Петроград. Теперь на помощь ему устремились отряды из Череповца, Великого Устюга, Твери, Вологды. В самом Питере была объявлена новая мобилизация.

Наш большой комсомольский отряд, оставшийся с апреля на защите города революции, был разбит на три роты: самокатную, разведывательно-сторожевую и запасную. Я попал в разведывательно-сторожевую роту, сформированную преимущественно из комсомольцев Первого и Второго городских районов.

Наша рота базировалась в районе Шувалово — Озерки. С этой стороны была опасность наступления белофиннов, поддерживавших Юденича. Мы несли патрульную

службу, вылавливали агентов и лазутчиков противника, контролировали приграничную зону. Рота была каждую минуту в боевой готовности, каждую минуту на чеку.

Бойцы понимали важность порученного нам задания и все же стремились на «настоящий» фронт, жаждали встретиться с врагом лицом к лицу, сразиться с ним в открытую, как сражались сотни и тысячи наших товарищей комсомольцев.

Сам я тоже был охвачен этим стремлением. Прикидывая, как бы попасть на тот, яростно громыхавший к югу от нас фронт, я всякий раз вспоминал о Петре Смородине. Вспоминал, сокрушаясь, что по малолетству не смог весной прошлого, 1918 года уйти вместе с ним из Гдовского отряда ССРМ в Красную Армию. Воевал Петр именно там, у эстонской границы. Комиссар 49-го полка, он за мужество, смелость и находчивость был награжден орденом Красного Знамени, первым из членов Союза.

И еще вспоминал я о недавней, апрельской Петроградской конференции РКСМ. На конференции шла речь о мобилизации. Притом были поименно названы наши товарищи, павшие на фронтах гражданской войны. В скорбном перечне услышал я имя Петра Смородина.

«Смертельно ранен в одном из последних зимних боев в Эстонии» — так было сказано о нем.

А через несколько минут, выбежав откуда-то из задних рядов, в один прыжок поднимается на трибуну раненый в красноармейской шинели. Он поправляет на голове марлевую повязку и знакомо грохочет в зал:

— Вы что же это, черти драповые! Хоронить меня задумали? Я вам покажу покойничка! Я вам в лицо скажу, где вы плохо работаете!..

Сомнений быть не могло! Мы слышали голос Смородина! Зал чуть не развалился от аплодисментов и криков.

— Ну и Петька!

— Ай да Смородин!

— Качать «покойничка»!

Смородин стоял на трибуне, бледный, худой, не очень-то похожий на самого себя, и радостно улыбался.

Выяснилось, что он действительно был тяжело ранен, но остался жив. Петр лежал в одном из петроградских госпиталей, но никто из нас об этом не знал. Не хотел Смородин, чтобы мы видели его слабым и беспомощным. Прослышав о нашей конференции, он был уже не в силах оставаться на больничной койке, из госпиталя он попросту удрал.

В тот вечер долго сидели мы у нас, в «Юном Спарта-

ке». Я принес кипятку, раздобыл для Смородина кружковскую пайку хлеба с повидлом. Папа Селезнева, не памятуя былых стычек с «чернословником», поднесла ему полмиски дымящейся каши.

— Господи, до чего же ты, Петенька, лядаший! Сквозь тебя даже стенку видать. Один орден на тебе непрозрачный-то,— жалела она Смородина.

Разговорам не было конца. Вспоминая прошлое, мы разворошили его вплоть до нашей первой встречи.

...Было это в 1915 году. Тогда я окончил еще только второй класс высшего начального училища. На летние каникулы пап учитель природоведения Константин Петрович Минервин устроил пас на работу.

— Это вам практика,— говорил он.— Да и родителям лишняя копейка не помешает...

Вместе с Константином Петровичем мы наводили чистоту и порядок в Александровском парке на Петроградской стороне. Прокладывая дорожки, разбивая газоны и клумбы возле недавно открытого памятника «Стерегающему», ребята стали замечать невысокого паренька, каждый день проходившего мимо с большим ящиком на голове. Должно быть, ноша была тяжелой. Дойдя до памятника, паренек снимал с головы ящик и ставил его на гранитные ступени, чтобы немного отдохнуть. Может, мы и не обратили бы на него особого внимания, если бы не городской и сторож. Они гнали маленького посильщика с его грузом от пьедестала памятника.

— Да ты поставь свой ящик на мою тачку,— предложил я как-то пареньку.— С тачки, как со ступеньки, будет легче его поднять.

Слово за слово, мы разговорились, познакомились: Павлуха Усатов — Петька Смородин.

Смородин был лет на пять старше меня. Я бы никогда этого не сказал. Мы были одного роста. А короткая шея и как бы придавленная голова делали Петьку вроде бы еще меньше.

— Это небось ящик мешает тебе расти,— сказал я моему повому знакомому. Он весело рассмеялся и рассказал мне кое-что о своей жизни.

В Питер он приехал из деревни. Приехал на заработки. Четыре года назад ему удалось устроиться учеником в небольшую мастерскую хирургических инструментов и ортопедических аппаратов, принадлежащую двум братьям Шаплыгиным. Ученичество шло туго, потому как занимался Петр в мастерской только до обеда. Хозяева полюбились ему за строптивый нрав и определили в работу,

от которой впору ноги протянуть. Каждый день, кроме субботы и воскресенья, после обеда он обязан относить готовые инструменты и приборы из мастерской в магазин, принадлежащий тем же Шаплыгиным. А расположен магазин на Литейном, у самого Невского. Идти Петру в один конец примерно пять верст. И в обратный путь он отправлялся тоже с грузом: всегда находится что-нибудь для пересылки из магазина в мастерскую.

— Выходит, ты у своих Шаплыгиных заместо скотины, — возмущился я, выслушав Петра. — Пусть бы они на подводе свое барахло возили!

— Говорят, мастерская делает инструментов не так много, чтобы лошадь сполна загрузить, — сказал Смородин. — А задарма Шаплыгины не то что лошадь — вору бья держать не станут. Могли бы, конечно, раз в неделю возить. Да в мастерской, видишь ли, тесно — хранить товар места нет. Да и продать его хочется поскорей...

Позже, в августе 1917 года, когда мы со Смородиным неожиданно встретились на первой общегородской конференции ССРМ Петрограда, узнал я, что на таком «ученичестве» отмаялся он пять лет. Только в 1916 году хозяева перевели его в мастеровые. А в мае 1917 года питерский мастеровой Петр Смородин стал членом большевистской партии и одним из организаторов Союза молодежи Петроградской стороны, а потом и всего Петрограда.

Фронт, бой с беляками, тяжелое ранение. И снова возвратился Петр Смородин в родной Питер, на свою Петроградскую сторону, стал организатором райкома РКСМ.

МЫ РАСТЕМ! НАШИ РЯДЫ КРЕПНУТ!

В июле 1919 года мы встретились с Петром Смородиным на восьмой общегородской конференции РКСМ, которая проходила в Актовом зале Смольного. В боях с частями Красной Армии войска Родзянко и Юденича терпели поражения. Поэтому на нашей конференции решались уже другие, главным образом мирные вопросы. И все равно это была тоже мобилизация. Только как бы внутренняя мобилизация, спланивающая и пополняющая силы союза перед новыми битвами с белогвардейцами.

Как тогда было заведено, после отчета ПК, с которым выступил Федя Дребезгов, начались «доклады с мест» — пожалуй, самая важная и продолжительная часть конференции. Эти доклады делали организаторы всех райкомов и подрайкомов РКСМ, организаторы национальных секций и комиссары комсомольских боевых отрядов.

Помню, я выступал третьим. Вслед за мной поднялся на трибуну Федяев — от Василеостровского райкома. Потом получил слово от Петроградского райкома Петр Смородин. Еще не забывшие его «воскресения из мертвых», делегаты встретили Смородина дружным смехом и аплодисментами.

Говорили мы в своих докладах обо всем, чем жил тогда комсомол, в первую очередь об укреплении его рядов, о привлечении новых членов, о создании коллективов на предприятиях. Без этой работы, без постоянного пополнения союза он в тех условиях не смог бы долго продержаться. Ближайшая же мобилизация вычерпала бы его до дна.

Много лет спустя Сергей Миронович Киров говорил: «Не случайно в трехлетний период гражданской войны комсомол, несмотря на огромные жертвы, какие он нес на всех фронтах, увеличил свою численность почти в 20 раз». Не случайно так стремительно рос комсомол — велика была тяга молодежи к революции, неиссякаема вера в торжество ее идеалов. Но нельзя объяснять рост комсомольских рядов только этим. Неверно думать, что нам, райкомовцам, оставалось лишь регистрировать всех желающих вступить в союз.

Пусть мои слова не покажутся читателю парадоксом: привлечение в ССРМ, а затем и в комсомол новых членов было, в целом, делом далеко не простым. И продвигалось оно успешно потому, что мы отдавали ему все силы.

Чтобы понять существо этого кажущегося парадокса, надо иметь в виду реальные обстоятельства того времени — первых лет Советской власти. О некоторых из них, в частности о классовой и политической неоднородности молодежного движения, я уже говорил, а в следующих главах остановлюсь на этом подробнее.

Сейчас же скажу вот о чем. Ядро комсомольской организации Петрограда, как и всего РКСМ, составляли молодые рабочие. Естественно, что именно эта категория молодежи была, употребляя современный термин, основной базой роста нашего союза. База широкая. Но к моменту создания комсомола она значительно сузилась.

Еще в 1917 году наиболее сознательные молодые рабочие вступили в ССРМ — почти 30 тысяч к концу года! Это был пик. Мы радовались. Однако массовый прилив пролетарской молодежи в союз, естественно, временно уменьшил реальную базу его дальнейшего роста. Нас, надо сказать, это не тревожило. Думалось, что широкая постановка агитации скоро даст нашему союзу новое, еще

большее пополнение. Но как раз в это время пришла подлинная беда.

Как я уже писал, инспирированные старыми хозяевами жизни развал и остановка производства, дезорганизация транспорта и торговли вызвали страшную безработицу и голод. Гонимые этим бедствием, сотни тысяч семей рабочих в начале 1918 года покинули Петроград и в поисках пропитания подались в хлебные края, в деревни.

Последствия трагического исхода тяжело сказывались многие годы. Долго ощущали их и мы, организаторы молодежи. Сразу резко сократились численность нашего союза и база роста. А помимо того, упомянутое и другие бедствия, обрушившиеся на молодую Республику и ее граждан в первый год Советской власти, оказывали на определенные слои населения, в том числе и пролетарские, далеко не лучшее психологическое воздействие. Противостоять ему, бороться с ним было нелегко.

Существовало и другое обстоятельство, затруднявшее рост союза. Комсомол первых лет был, если можно так сказать, значительно моложе по своему составу, чем теперешний. Так, в середине 1920 года 74,4 процента членов Петроградской городской организации были в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет и лишь около 23 процентов — от восемнадцати до двадцати трех. Причем в первой группе преобладали комсомольцы младших возрастов — четырнадцати-шестнадцатилетние. В 1919 году «крен» был, пожалуй, еще больше.

Объясняется это просто: с одной стороны, мы старались как можно раньше вовлечь ребят в союз, чтобы с первых самостоятельных шагов в жизни они вставали в ряды бойцов за дело революции; с другой стороны, уже в шестнадцать лет многие, как и я, в ту пору вступали в партию, многие чуть позже уходили в Красную Армию, где в годы гражданской войны комсомольских организаций не было.

Из сказанного понятно, что работу по привлечению в комсомол мы вели в первую очередь среди подростков, многие из которых были детьми рабочих, но сами еще не работали (работы не хватало и для взрослых). Эти подростки не были самостоятельными экономически, а потому и в своих решениях очень зависели от родителей.

Как известно, психология — вещь более устойчивая и инертная, чем социология. И многие рабочие-отцы, даже те, кого называли сознательными, став после Октября хозяевами новой жизни, в семейном кругу все еще блюли старые традиции. Одна из них: не лезь поперед батьки...

Отсюда: если батька еще не вступил в партию, то и тебе, сопляку, нечего делать в союзе. Такую позицию подчас определяло понятное опасение родителя за свой авторитет в семье.

Как говорится, яйца курицу не учат. А тут что получалось? Отец едва может расписаться — сынишка грамотный. Отец с грехом пополам разбирается в сложном «текущем моменте» — сынишка вступает в комсомол, бегаёт в клуб, на собрания, митинги, диспуты... и вот он уже начинает «учить» папашу. Не всякий мог это правильно понять и приять. Традиции, идущие от вековой отсталости, в которой держали рабочего человека власть имущие, никаким декретом не отменишь, в один год не изживешь.

В подтверждение этого приведу письма двух молодых рабочих, опубликованные во втором номере журнала «Юный пролетарий». Это еще «докомсомольское» время, декабрь 1917 года, но с описанными здесь фактами приходилось встречаться и позднее.

«Товарищу редактору

...У нас на Балтийском судостроительном заводе работает свыше 800 юношей, и у нас нет никакой организации, не сможете ли вы нам помочь в этом деле. Устраивали собраний десять с начала революции, но на собрания почему-то являются всего 20 человек. Обсуждались самые шкурные вопросы, например о заработной плате... мастеровые не пошли нам навстречу, а у нас нет опытного вождя, который бы вел нашу организацию.

Хотели мы организовать клуб; собрали собрание, пришло всего 30 человек, и мы порешили сделать подписку на клуб, в мастерских собрали 300 рублей, подписали нам и взрослые на клуб. Отдали деньги выбранному нами ученику, он деньги наши растратил и уехал в деревню.

После этого отношение к нам взрослых стало враждебное. Как дальше организовать нам юношей, мы не знаем и просим прислать нам ответ по этому вопросу...

Молодой рабочий с Балтийского Судостр.
и Механического завода
Павлуша Обиженный

(все, что было на душе и наболело, то и написал, хоть, может быть, и нескладно)».

Другое письмо — от юноши, ставшего впоследствии крупным партийным работником,

«Путиловская верфь»

У нас на Путиловской верфи общее количество молодежи насчитывается до 2000 человек. В члены Социалистического союза рабочей молодежи записано только 320 человек. Было созвано несколько собраний молодежи, и на каждое собрание являлось только 10 процентов всего количества записавшихся членов.

Это объясняется лишь тем, что члены фабзавкома, хотя не все, но большинство, относятся враждебно к появлению нашей организации.

К счастью, за последнее время отношение к нашей организации изменяется в лучшую сторону. Фабзавком переизбран и в той или в другой области стал содействовать нашей работе.

Конечно, не приходится скрывать того, что на пути к созданию нашего союза приходится встречаться с большими препятствиями со стороны взрослых рабочих, и не членов фабзавкома.

Секретарь Юношеского Комитета
А. Афанасьев».

Итак, традиционное предубежденное отношение «взрослых рабочих» к юношескому движению, которое действительно никаким декретом не отменишь и сразу не изживешь.

Другая традиция того же рода — зависимое, подчиненное, неравноправное положение женщины в семье, как и в обществе в целом. В дореволюционное время мы, парнишки из рабочих семей, конечно, всем, чем могли, помогали родителям, однако в выборе друзей, интересов, увлечений, да и развлечений, мы были куда свободнее, чем наши сестры, привязанные к семье бесконечными домашними делами и хлопотами. Замкнутость в домашнем мирке, в заботах о нуждах насущных не способствовала развитию общественных интересов девушек. И опять же, после Октябрьской революции это положение в целом изменилось далеко не сразу.

Кроме мощного толчка, который дала социалистическая революция, раскрепостившая женщин, уравнивая их во всех правах с мужчинами, потребовалось еще немало усилий, чтобы на практике решить так называемый женский вопрос. И нам тоже пришлось немало тут поработать.

Я уже рассказывал о Лизе Пылаевой, об Ольге Антропцевой — таких, как они, можно сказать, прирожден-

ных активисток молодежного движения, было много, но в целом в городской комсомольской организации даже в середине 1920 года девушек состояло значительно меньше, чем ребят.

Обстоятельства, о которых я сказал, объективно сдерживали приток нового пополнения в ряды комсомола. Конечно, в то время мы еще не могли их полностью осмыслить, но мы их учитывали и упорно искали пути преодоления.

Забота о росте нашего союза считалась первейшим долгом не только каждого активиста, но и вообще каждого комсомольца. В этом деле мы даже соревновались друг с другом. Я, например, гордился тогда и теперь горжусь тем, что за десять лет комсомольской работы привлек в ряды нашего союза не одну тысячу подростков, тем, что многим из них помог стать активистами.

Из моих подопечных выросли секретари ЦК комсомола: Иван Ястржембский, Дмитрий Матвеев, Александр Косарев, Александр Леонтьев. Стали руководящими работниками ЦК, первыми секретарями губкомов, крайкомов, горкомов и райкомов комсомола Игнатий Проппин, Петр Ефимов, Александр Гончар, Евгения Рубина, Аркадий Селезнев, Вениамин Трейвас, Константин Терлецкий, Всеволод Сорокин, Георгий Трофимов, Никита Кузнецов, Константин Линдхольм, Иван Сайкин, Анфиса Богданова, Владимир Евграфов, Эдгарт Граптиньш, Роман Владимиров, Павел Лыпченко, Михаил Назаров, Леопид Янов, Константин Котельников, Григорий Дулов, Антонина Лайззина, Терентий Штыков, Роман Квар, Нина Кузьмина, Борис Донде и другие.

И особую гордость я испытываю от того, что два моих первых помощника — Иван Бирилев и Юрий Пантелеев, впоследствии адмирал, — стали героями гражданской войны, они в числе первых комсомольцев были награждены боевыми орденами Красного Знамени.

В первые годы существования нашего союза не были в ходу такие термины, как «формы и методы комсомольской работы». Но определенная система работы с несоюзной, или, как ее называли, беспартийной, молодежью уже складывалась.

Во-первых, каждый активист и рядовой комсомолец вел агитацию самостоятельно в кругу своих знакомых, соседей, товарищей по работе.

Во-вторых, мы старались как можно шире развернуть работу наших комсомольских клубов, вовлекая в союз ребят и девушек, приходивших в многочисленные кружки.

В-третьих, мы готовили и проводили массовые агитационные мероприятия: митинги, «недели красной молодежи» и, наконец, беспартийные молодежные конференции (о первой из них я расскажу в главе «Воинственная песнь Олоферна»).

Разумеется, мы заботились не только о росте уже действовавших комсомольских коллективов (так называли первичные организации), но и о создании новых. Как помнит читатель, именно об этом шел разговор на восьмой Петроградской конференции РКСМ в июле 1919 года. О трудностях, с которыми приходилось сталкиваться в этом деле, я хочу рассказать на примере Второй государственной фабрики одежды.

В 1918 и 1919 годах еще не на всех относительно крупных предприятиях Петрограда были созданы партийные и комсомольские коллективы. Некоторое время не было их и на Второй государственной фабрике одежды, которая находилась в Мучном переулке. Эта фабрика образовалась вслед за Первой государственной (бывшей Маркушевича) еще в 1918 году. Располагалась она на территории Спасского района, где промышленных предприятий было очень мало, районная партийная организация была малочисленна, комсомольская же возникла лишь месяцев через пять после Первого съезда РКСМ. В 1919 году бывшая Спасская часть последней вошла в состав нашего Второго городского района.

И вот вскоре после этого меня вызвала агитпроп райкома партии Клавдия Николаева и говорит:

— Смотрю я, Павел, что у нас на Второй швейной нет партийного коллектива, да и вообще нет ни одного партийца, ни одного члена Союза молодежи. Неладно это. Фабрика важная — шьет обмундирование для красноармейцев. Да и работает там более шестисот человек. В основном все молодые женщины и девушки.

Вот я и пошла туда. Встретилась с заведующим фабрикой товарищем Шапиро. Сам он тоже беспартийный, но взялся помочь мне после работы созвать собрание. Со многими мы говорили, но после смены осталось не больше сорока работниц. Остальные отнекивались: они, мол, привычные к иголкам, а не к собраниям, речи говорить не обученные, дома, мол, дел уйма, дети без надзора, по кормлепы. И прочее в том же роде.

Ну что же, думаю, делать?.. Сорок остались — и то для начала хорошо. Рассказала я им о задачах партии, о текущем моменте. Слушали вроде внимательно. А вот когда под конец я призвала вступать в партию большеви-

ков, чтобы вместе с ней бороться за новую жизнь, — молчок.

Заведующий сказал, что тут лучшие работницы собрались, самые бойкие. А они сидят и молчат. Глаза опустили. Лишь изредка переглядываются да перешептываются. Я опять взялась агитировать. Они — опять молчат. Прямо хоть собрание закрывай.

И вдруг поднимается одна молодая работница, лет всего восемнадцати, миловидная, даже красивая, к лицу одетая. Подошла она ко мне, без слов взяла лист бумаги и написала: «В райком РКП(б). Прошу принять меня в партию большевиков. Аня Вершинина».

Уж так я обрадовалась. Поздравила ее. Пожала руку. А она, видно, и к этому непривычная. Осторожно так вытянула свою ладонь, скользнула по моей, улыбнулась и пошла на свое место. Почин-то есть, но что же, думаю, дальше будет? Однако дальше дело пошло. Видно, эта Вершинина на своих подруг влияние имеет.

Сразу поднялись еще две девушки, две Маруси — Крестьянинова и Шилова. Вслед за ними написали заявления еще девять работниц. Остальных я отпустила, сказала, пусть, мол, подумают, а этих оставила... Решила сразу провести первое партийное собрание и выбрать организатора коллектива.

И что ты думаешь, Павел, — они единогласно избрали Аню Вершинину, самую из них молодую. Она уж и в райкоме была. Товарищ Клявс-Клявин вручил ей партийный билет. Поговорили они о работе. За дело Аня берется, по всему видно, с охотой. Вот только что забрала учетные карточки на остальных вступивших в партию и пошла к себе на фабрику.

Я уже давно понял, к чему Николаева вела этот разговор. И она действительно сказала, чтобы я пошел на Вторую фабрику одежды и организовал там комсомольский коллектив.

— Надеюсь, Аня Вершинина тебе в этом поможет.

Организовывать комсомольские коллективы мне было не впервой, но, честно говоря, выступая перед девушками, я по молодости лет немного робел. Да и вообще агитировать их по причинам, о которых я говорил выше, было трудновато. Тут требовался какой-то особый подход. Надо было и заинтересовать девушек, и увлечь их, и в то же время не превратить серьезное дело в веселые посиделки. А что греха таить, иной раз случалось и такое.

Короче, тут же отправившись на фабрику, я тоже надеялся на помощь Ани Вершининой. Я вызвал ее с

производства через заведующего фабрикой Шапиро и... О дальнейшем моя жена Аня спустя много лет рассказывала нашим трем сыновьям. Рассказывала и смеялась.

Уж не знаю почему, но, знакомясь с Вершининой, в ответ на ее короткое «Аня» я представился, так сказать, полным «титолом»: «Павел Усанов, ответственный организатор Второго городского райкома Российского Коммунистического Союза Молодежи».

Вид у меня, надо сказать, был неказистый. Ни кожанки, ни галифе, ни хромовых сапог, ни нагана у пояса (так нередко представляют облик комсомольского секретаря тех лет) — никаких этих «атрибутов значительности» я тогда не имел. Одет проще простого — старая кепочка, коротковатая брезентовая курточка, такие же короткие бумажные брюки, порывшиеся ботинки. Одним словом, Ане, видно, показалось, что мое обличье не очень-то соответствует моему «громкому титулу».

Она, разглядывая меня с любопытством, очень весело улыбалась. Но, увидев, что я сохраняю на лице серьезное, даже нарочито серьезное выражение, улыбку погасила. И разговор наш получился тоже серьезный и деловой. Аня обещала собрать после смены девушек и помочь мне в агитации.

Я вернулся в райком, как мог продумал предстоящее выступление перед швеями, подготовил двадцать бланков учетных карточек. К назначенному часу я вноль был на фабрике. Аня собрала около пятидесяти работниц, самых молодых — ну просто девочки! Представила меня.

Никакого президиума мы, конечно, не избирали, да и не было в тесной низкой комнате никаких столов и трибун — только стулья и лавки.

Я сразу взял быка за рога. Произнес речь на тему «Что такое Российский Коммунистический Союз Молодежи и каковы его задачи».

Все повторилось, как у Николаевой. Работницы сидели тихо, изредка перешептывались. Но на мой горячий призыв встать под красное знамя РКСМ не откликнулись. Возможно, они не все поняли в моей речи. Однако я буквально физически ощущал, что они не безучастны, что в головах их бродят какие-то растерянные мысли, что не хватает какого-то небольшого толчка, чтобы собрать эти мысли и направить их, преобразовать в действие. Нет, эти девчонки-работницы ничего не имели против комсомола. Он манил и привлекал их новым, неизведанным. Но в то же время, как все новое и неизведанное, заставлял насторожиться, отпугивал. Они понимали, что со вступле-

нием в комсомол в их жизни что-то изменится, что-то произойдет с ними самими. Но что? Как? Зачем?

Исчерпав, казалось, весь запас ораторского пыла, я в томительной тишине с укором смотрел на Аню Вершинину: вот ведь обещала помочь агитировать, а сама как в рот воды набрала. Тоже мне партийный организатор...

Наши взгляды встретились. И тут Аня поднялась со своего места и говорит:

— Запишите меня в союз!

Другого способа агитации опа, видимо, еще не знала. Да, по правде сказать, лучшего и нет. Но я на минуту оторопел. Как же так? Партийная — и в комсомол... Собрался было возразить, однако вовремя удержался. Одна за другой вставали девушки:

— И меня запишите...

— И меня тоже...

— И меня...

Двадцать две молодые работницы сразу вступили в комсомол. По примеру Николаевой я решил, не откладывая дела в долгий ящик, провести выборы организатора нового комсомольского коллектива.

И тут выяснилось, что девушки хотят избрать своим вожаком только Аню Вершинину, и никого другого.

Так Аня Вершинина первой на фабрике вступила в комсомол. Ее избрали организатором партийного коллектива, а затем — комсомольского. И работала она очень хорошо. Когда позже мы сколачивали ядро трудового коллектива повой, огромной по тем временам Центральной государственной швейной фабрики, лучшего кандидата для руководства многочисленной комсомольской организацией мы не нашли. Аня Вершинина перешла работать со Второй государственной на Центральную...

КАК БЫТЬ С УЧАЩИМИСЯ?

Вопрос, который я вынес в заголовок этой главки, в 1919 году занимал многих комсомольских активистов, но однозначный ответ нашелся не скоро. Мы понимали, что, исходя из задач нашего союза, учитывая условия, в которых нам приходилось работать, надо не только активнее привлекать в ряды РКСМ молодых рабочих, но и расширять его базу за счет учащихся. Но дело это, прямо скажем, долго шло туго.

Из сказанного вовсе не следует, что учащихся в нашем союзе совсем не было. Еще в 1917 году и в начале

1918 года немало гимназистов и реалистов вступило в ССРМ. В их числе был, скажем, и Владимир Петропавловский, ставший делегатом Первого съезда РКСМ, членом ЦК и комиссаром нашей разведывательно-сторожевой роты.

Многие учащиеся активно работали в союзе. В апреле 1919 года в Москве состоялся Всероссийский съезд учащихся-коммунистов. После него социалистические организации учащихся слились с комсомолом. Однако надо сказать, что ни первый, ни второй приток учащихся в петроградский комсомол по своей численности не шел ни в какое сравнение с существовавшими независимо от нас молодежными союзами — ОСУЗом и Супротрушем. Они были куда многочисленнее и мощнее, но придерживались далеко не большевистской ориентации.

Я уже упоминал об этих организациях, рассказывая о подготовке к Первому съезду РКСМ. Теперь нужно сказать о них немного подробнее. Не случайно в повестке дня восьмой Петроградской конференции РКСМ стоял вопрос «Об отношении к учащимся и их организациям». По существу, речь шла об ОСУЗе и Супротруше — союзах, с которыми комсомолу долго пришлось бороться, утверждая свое влияние на учащуюся молодежь.

Вскоре после февраля 1917 года в Петрограде образовалась организация учащихся средних учебных заведений, которая сокращенно нареклась ОСУЗом. В нее вошли ученики гимназий, реальных училищ, коммерческих и торговых школ, женских институтов ведомства императрицы Марии и других привилегированных средних учебных заведений, где за высокую плату обучалась молодежь из состоятельных семей, в том числе дворянских и буржуазных.

Размещался ОСУЗ в здании Екатерининского института (Итальянский дворец на набережной Фонтанки). В его огромном белокаменном зале собирались многолюдные делегатские собрания ОСУЗа, представлявшие тысячи его членов.

Политическое направление ОСУЗа было явно кадетским. ОСУЗ поддерживал Временное правительство, ратовал за «войну до победы» и пользовался поддержкой кадетской партии. Уже после Октября он активно поддерживал объявленную учителями средних учебных заведений забастовку, продолжавшуюся несколько месяцев и направленную против Советской власти.

Екатерининский институт находился недалеко от нашего райкома РКСМ. В 1919 году мне приходилось по по-

ручению РК бывать и выступать на делегатских собраниях ОСУЗа. При этом я каждый раз убеждался, что идеологические позиции ОСУЗа остаются неизменными.

Теперь о Супротруше. Как известно, после Октября все учебные заведения стали называться единой трудовой школой. Вот тогда-то в Петрограде и возник Союз учащихся пролетарских трудовых школ, сокращенно — Супротруш. Эта новая организация состояла главным образом из учащихся начальных училищ. В Супротруше, особенно среди его руководителей, чувствовалось сильное меньшевистское влияние. Члены союза фрондировали против некоторых мероприятий советской администрации, органов народного образования.

В 1919 году в петроградском комсомоле уже состояли учащиеся. Образовалось несколько комсомольских коллективов в трудовых школах. Но большая часть учащихся еще была связана с ОСУЗом и Супротрушем, хотя между этими двумя союзами уже начиналась конкуренция и борьба за выживание.

Как я уже говорил, на восьмой Петроградской конференции РКСМ был поставлен на обсуждение вопрос «Об отношении к учащимся и их организациям». Прения развернулись горячие. На ОСУЗ и Супротруш сыпались серьезные обвинения. Некоторые делегаты конференции предлагали объявить им, как «организациям контрреволюционным», открытую войну.

Тогда на трибуну поднялся представитель Супротруша Виктор Крумин. Он начал убежденно возражать против критики в адрес этого союза. Крумин просил не смешивать Супротруш с ОСУЗом. Супротруш, по его словам, являлся союзом истинно пролетарской молодежи. Взял слово также находившийся на конференции председатель ОСУЗа Коган. Он, похоже, решил прижать конкурента к стенке и заявил, что в политическом отношении союзы учащихся ничем не отличаются один от другого.

Страсти разгорались. Прения были бурными. В резолюции, принятой конференцией, говорилось:

«1. Никаких отдельных организаций учащихся, как бы они ни назывались, быть не должно.

2. Те учащиеся, которые желают искренне работать в ногу с пролетарской молодежью, должны перейти в РКСМ, где их примут как своих товарищей.

3. В то же время организациям РКСМ необходимо вести широкую работу среди школьной молодежи. Для этого создать школьные отделы горкома и райкомов РКСМ».

От голосования за резолюцию воздержались пятнадцать делегатов конференции. Остальные дружно поддерживали ее. После этого представители обоих союзов учащих поднялись со своих мест и покинули Актный зал Смольного. Вслед им неслись негодующие возгласы. Не ушли с конференции только Виктор Крумин и его сестра, тоже член Супротруша. Они заявили о своем желании вступить в комсомол. Позже их примеру последовали многие супротрушевы.

В конце конференции Крумин был избран членом Петербургского комитета РКСМ. Виктор активно работал в Выборгском райкоме комсомола вплоть до своего ухода на Польский фронт (там он был смертельно ранен). При активном участии Крумина школьные отделы ПК и райкомов повели наступление на ОСУЗ и Супротруш. В школах создавались комсомольские организации. Наше влияние на учащихся все возрастало.

Очень большую работу среди учащейся молодежи вел Петр Смородин, избранный на восьмой конференции членом ПК и назначенный, как он выразился, «на старости лет» заведовать организационно-инструкторским отделом. Как бы там ни было, Петру, который был намного старше меня, предстояло еще долго работать в комсомоле. Вскоре он был избран секретарем Петербургского комитета РКСМ, а в 1922 году стал первым секретарем Центрального Комитета РКСМ.

ЗА ЕДИНСТВО И СПЛОЧЕННОСТЬ

Когда читаешь некоторые книжки о становлении комсомола, остается впечатление какой-то неполноты, недоговоренности. Вроде бы все правильно, но как-то уж «слишком правильно» в этих книжках. В частности, некоторые авторы как бы забывают о том, что комсомол в первые годы Советской власти был далеко не единственной организацией молодежи.

Говорить об этом, по-моему, отнюдь не означает умалять достоинство и значение комсомола. Скорее, наоборот. Надо помнить, что крепость и монолитность союза молодых коммунистов ковались в открытых сражениях против многочисленных врагов Республики Советов и в долгой, напряженной идейной борьбе с союзами молодежи других партий и направлений.

Я уже рассказывал немного о союзах учащейся молодежи, а теперь хочу для полноты картины назвать некото-

рые другие организации, с которыми комсомолу (несколько раньше — ССРМ) приходилось вести борьбу за влияние на молодежь.

В 1917 году молодежных союзов и организаций было не перечесть. Одни из них продержались недолго, а другие — вплоть до начала двадцатых годов. Некоторое время широко известен был уже упоминавшийся «культурнический» «Труд и свет». Действовал в Петрограде также буржуазный союз молодежи «Маяк» (на базе Тенишевского реального училища и одноименного зала на Моховой улице). Тонко вели пропаганду многочисленные организации по «религиозно-нравственному воспитанию трудящихся подростков». В одном нашем Коломенском районе их было четыре: православная, лютеранская, католическая и реформатская.

Организовались меньшевистские и эсеровские молодежные союзы. Но особенно усердствовали анархисты. После Февральской революции они сразу начали создавать союзы молодежи при своих многочисленных группах и фракциях. Были в ту пору анархисты-максималисты, анархисты-индивидуалисты и многие другие «...исты», вплоть до... анархистов-коммунистов.

Самая крупная петроградская анархистская фракция обосновалась на Выборгской стороне. Базировалась она на бывшей даче царского министра Дурново. Один из ее молодежных руководителей, Павел Бурмистров, впоследствии перешел в наш Социалистический союз рабочей молодежи.

В Коломенском районе широко развернули работу анархисты-синдикалисты. Активность их особенно возросла летом 1917 года, когда они захватили дворец принца Лейхтенбергского на Английском проспекте. Сюда, в свою резиденцию, анархисты-синдикалисты всячески заманивали молодежь.

Незрелых в идейном отношении молодых людей привлекала буйная «революционность» анархистов, а вовсе не социальные теории Кропоткина и Бакунина, о которых и сами-то вожаки анархистующей молодежи имели весьма туманное представление. Они попросту заигрывали с молодежью, провозглашали ее авангардом революции. На романтически пастроянных парепьков и девушек оказывали определенное воздействие необычный вид и экстравагантность манер молодежных анархистских лидеров.

Дмитрий Зернов был одним из вожakov молодежной организации союза анархистов-индивидуалистов, штаб

которого размещался в Екатерингофском парке (Нарвско-Петергофский район). При этом Дмитрий был тесно связан с нашим ССРМ, участвовал в его первой общегородской конференции и, конечно, призывал всех молодых стать анархистами. На конференции его агитация, что называется, не прошла. Но в глазах некоторых подростков Зернов оставался «истинным революционером».

Был Зернов довольно эффектен: рослый, длинноволосый, в черной накидке, черной широкополой шляпе и черных очках. Его нередко выбирали секретарствовать на наших собраниях и митингах. И каждый раз Дмитрий соблюдал при этом многозначительный ритуал. Он подходил к столу президиума, медленно снимал накидку, шляпу и очки, складывал их на стуле. Потом Зернов чинно садился за стол, вынимал из кармана револьвер (кольт большого калибра), клал его рядом с бумагой и начинал писать протокол.

Кольт был у Митьки Зернова главным убедительным доводом в разговорах с хозяйчиками мастерских, где нещадно эксплуатировались рабочие-подростки. Так он демонстрировал свою «революционность».

Мы очень надеялись, что Зернов в конце концов порвет с анархистами. Для этого имелись некоторые основания. По существу, он был неплохим парнем и — пусть это не покажется странным — активистом ССРМ. Но в начале 1918 года в стычке у дачи Дурново, когда красногвардейские отряды «выкуривали» из нее штаб распоясавшихся анархистов, Дмитрий Зернов погиб, как говорится, по ту сторону баррикад.

Многие рабочие парни побывали в организациях анархистов, прежде чем пришли в ССРМ и комсомол. После разгрома дачи Дурново легальное анархистское движение в Петрограде пошло на спад. Но совсем другую картину увидели мы, питерские делегаты, приехав в начале октября 1919 года в Москву на Второй съезд РКСМ.

Там, в Москве, в ту пору выходила анархистская газета «Жизнь и творчество русской молодежи». Номера этой газеты попадали к нам в Петроград, и мы вели борьбу против ее влияния на молодежь. И все же нам делать это было, видимо, проще, чем московским комсомольцам. Кроме Всероссийской федерации анархистской молодежи у них под боком действовали еще и Московская анархическая ассоциация молодежи, и Московский свободный союз молодежи, и Московская федерация анархистов на Тверской, и Всероссийский секретариат анархистов-синдикалистов, и районные анархистские молодежные орга-

низации со своими клубами и библиотеками-читальнями.

Хорошо помню некоторые из этих анархистских гнезд потому, что вместе с другими делегатами комсомольского съезда в октябре 1919 года вечерами бывал в них по приглашению... Герасима Фейгина. Да, да, того самого Герасима Фейгина, который впоследствии стал известным комсомольским работником и героически погиб под пулями кропштадтских мятежников на льду Финского залива в марте 1921 года. А тогда он еще не избавился от влияния анархистов и бывал на их собраниях.

А мы шли с ним в логово анархистов, чтобы бороться с ними, разоблачать их политические установки.

На одном из таких собраний в помещении бывшего шикарного ресторана «Яр» на Тверской-Ямской, превращенном анархистской молодежью в свой клуб, выступали вожаки и «теоретики» разных направлений анархизма. Чтобы у читателя сложилось представление о том, что они проповедовали, приведу здесь несколько лозунгов, которые выдвигались на этом собрании и печатались в анархистской газете.

«Всем!.. Всем!.. Всем!..

Анархическая молодежь! Твой час пробил!.. Бей в набат! Буди спящих! Грядет новая эра в жизни человечества! Близится торжество безначалия!

Истинная жизнь всегда — Анархия!

Истинная молодость всегда — жизнь!

Да здравствует мировая анархо-коммунальная революция!

Вечная слава авангарду революции — молодежи!»

А вот воззрения молодых анархистов в стихотворном изложении, принадлежащем перу Герасима Фейгина:

В диком беззаконии, в бурном безначалии
Гордо воцаряется мощный человек.
Вольность безграничная — в яркой вакханалии
Шлях — для могучего, уость — для калек...
В мире безграничности счастье разузороно
Радостью безвластия, гибелью богов.
Сгинь ты, царство карапья!
Сгинь ты, царство ворона!
Счастье в беспреградности —
Там, где нет оков.

Все эти сумбурные, подчас бессмысленные лозунги, все эти призывы к «беспреградности» и «безначалию», одобренные льстивыми восхвалениями молодежи, выдвигались и пропагандировались в то время, когда молодая

Республика Советов была охвачена пожаром гражданской войны. Существовала крайняя необходимость собрать в один кулак все силы и раздавить белогвардейщину и контрреволюцию. Второй съезд комсомола объявил все-российскую мобилизацию членов союза в возрасте от шестнадцати лет и старше. Молодежь потоком вливалась в Красную Армию, готовилась дать отпор рвавшимся к Москве полкам Деникина. И вдруг эта проповедь всеобщей вакханалии!..

Мы, делегаты комсомольского съезда, при каждом удобном случае ввязывались в дискуссию с молодыми анархистами. Мы отстаивали наши идеи социалистической революции, защищали авторитет Советской власти, пропагандировали ее завоевания, агитировали за Коммунистический союз молодежи — резерв партии большевиков.

Наш натиск на собрании в анархистском клубе был столь сильным, что в противовес ему у «теоретиков» анархизма нашелся лишь один «аргумент»:

— Собрание закрывается. Нам разрешено Советской властью собираться только до двенадцати ночи.

Из «Яра» мы уходили опять же вместе с Фейгиным. Шли молча. Во мне, честно говоря, кипела злость. Наконец я не выдержал и с вызовом спросил Герасима:

— Ну что? Завтра опять пойдем к твоим анархистам? Время еще есть. Еще успеем на их бузу наглядеться.

Герасим остановился и как-то неодобрительно на меня посмотрел.

— Иди сам, если хочешь, а мне недосуг вalandаться.

И он ушел по темным московским переулкам. В следующий раз мы встретились с Герасимом через год. Он так же, как и я, приехал делегатом на Третий съезд комсомола.

Но о Третьем съезде — речь впереди. А сейчас я хочу еще немного рассказать о Втором съезде комсомола.

ТАКИМИ МЫ БЫЛИ...

Второй съезд РКСМ собрался через год после первого. Я уже немало говорил о том, каким был этот первый год комсомольской истории. Однако воспоминания есть воспоминания.

Отдаленность событий, о которых пишешь спустя шесть с половиной десятилетий, — немалое испытание даже и для хорошей памяти. С высоты прожитых лет уже

по-иному смотришь на прошлое. А я хочу, чтобы мои читатели прежде всего видели картину такой, какой она была в действительности. Конечно, позднейшие оценки и обобщения нелишни в любых мемуарах, но важно, чтобы они не преувеличивали действительных достижений и не преуменьшали трудностей.

Именно поэтому я очень сожалел, что в работе над некоторыми главами этой книги мне приходилось опираться почти исключительно на свою память, сверяя ее с тем, что писали или рассказывали товарищи моей юности.

Как бы хотелось, говоря о становлении Петроградской комсомольской организации, сослаться на документы той поры, — ведь немало их было написано и моей рукой. Документ — важнейший исторический источник, несущий на себе отпечаток только своего времени. Но документов Петроградской организации РКСМ за 1918 и 1919 годы в архивах почти не сохранилось.

Объясняется это просто. Две ночи, 18 и 19 октября 1919 года, когда войска Юденича стояли у ворот Петрограда, из труб великокняжеского дворца на набережной Красного Флота, где размещался Петербургский комитет РКСМ, валил дым. В огромных каминах пылали пачки документов, которые накануне, по предписанию ПК, свозились сюда из всех райкомов комсомола Петрограда.

Мы собирались защищать красный Петроград до последней возможности. Но если бы враг все-таки пересилил, мы должны были продолжить борьбу в подполье. И во имя конспирации, во имя сохранения этого подполья пришлось пожертвовать документами. Попадали они в руки белых, их контрразведка имела бы полный список подпольщиков — рядовых комсомольцев и активистов РКСМ. Остальное для этих палачей было бы, как говорится, делом техники. Мы уже хорошо знали, что такое белый террор.

Справедливости ради надо сказать, что тогда эта жертва — сожжение документов — не представлялась нам значительной. Мы меньше всего думали об истории в этом смысле. Сожаление пришло много позднее.

И вот теперь читатель наверняка поймет, какую я испытал радость, когда узнал, что каким-то чудом уцелел и сохранился до наших дней отчет моего родного райкома комсомола за первый год его работы. Для меня взять в руки эти пожелтевшие от времени листки было равнозначно нежданной встрече с юностью!

Всего-то несколько страничек, исписанных поблекшими чернилами. Но я думаю, что и моим читателям о мно-

гом скажет этот несколько непривычный, не «по форме» составленный, но правдивый и самокритичный отчет, написанный накануне Второго съезда РКСМ. Пусть он повторяет кое-что из того, о чем я уже рассказывал. Пусть в чем-то расходится с моими воспоминаниями. Это естественно. Вспоминая, всегда охватываешь целую цепь событий и фактов и каждому из них определяешь место в книге по своему разумению — не всегда точно соблюдая хронологию, иногда объединяя, суммируя цифры и факты, относящиеся к разному, но близкому времени, иногда расчлняя единовременное событие на фрагменты.

Документ, который я привожу с небольшими сокращениями и краткими пояснениями, представляется мне очень интересным, но конечно же он — всего одно звено в моем рассказе.

Итак, документ:

«К первому общему собранию в 1919 году членов районной организации союза в ее рядах было 150 человек, к 10 марта — 190 человек, к 1 мая — 325 человек, после перерегистрации к 15 мая — 100 человек, к 15-му июля — 700 человек и к 24-му июля, после перерегистрации, — 500 человек.

В начале деятельности районной организации РКСМ в районе имелось 14 коллективов при школах района, но они к маю все рассыпались.

В мае были организованы 6 новых коллективов на фабриках и заводах, но четыре из них замерли из-за отсутствия работников.

К осени в районе уже был 21 коллектив, из которых работало 15. Еженедельно устраивались собрания организаторов коллективов.

После перерегистрации членов союза района в мае из оставшихся 100 человек членов — 60 было отправлено на фронт (против Юденича. — П. У.).

В мае даже не было районного комитета Союза. Всю работу по району вел тов. Усапов. (Вскоре я тоже убыл с разведывательно-сторожевой ротой в район Шувалово — Озерки. В райкоме остались одни девушки. — П. У.)

30 мая был избран повый районный комитет, работа пошла было лучше, но организатор района, Кудряшев, стал лениться, был удален за это с поста, и вскоре районная организация РКСМ 2-го городского района слилась со Спасским районом (перее — Спасский влился в наш. — П. У.), после чего была объявлена перерегистрация, и на собрании перерегистрированных членов объединенного района был избран новый районный комитет: организато-

ром района т. Усанов, секретарем — т. Куплевацкий, организатором клуба — т. Цейзик.

Клуб был организован 1-го марта, но плохо функционировал, посещаемость клуба была до 80 процентов всех членов района. (И мы считали, что это мало. — П. У.) Были организованы кружки: социально-экономический, музыкально-театральный, художественный, выразительного чтения, пластики, кройки и шитья и хоровой.

Устраивались концерты-митинги в день Парижской Коммуны, 1-го Мая и другие.

Майская перерегистрация членов Союза и мобилизация сильно повлияла на работу клуба, которая возобновилась в июне.

После июльской перерегистрации работа в клубе снова стала замирать, но к осени в клуб были направлены силы и было положено начало организации библиотеки.

Районная организация РКСМ в 1919 году выделила из своих рядов на фронт 60 человек (только непосредственно в части Красной Армии и только во время первого наступления Юденича, так как отчет был составлен до второго похода белогвардейцев на Петроград. — П. У.), в распоряжение политических отделов армии — 12 человек, на курсы командного состава — 5 человек, для массовой агитации — 50 человек, на обыски, обходы и ревизии — 25 человек.

К осени среди членов РКСМ было членов РКП(б) — 140 человек, кандидатов — 39 человек и сочувствующих — 43 чел.

Состав по социальному положению членов Союза: матросов — 40 чел., красноармейцев — 140 чел., учащихся — 18 чел., незначительное число служащих и все остальные — рабочие (около 300 человек к 24 июля, к концу же сентября рабочих в организации стало вдвое больше, были созданы новые, не указанные здесь коллективы в школах, а всего в районе насчитывалось около тысячи комсомольцев. — П. У.).

В районном комитете союза было 6 членов РКП(б), два кандидата в члены партии и три беспартийных, но сочувствующих РКП(б) товарищей.

Всего в районе 21 коллектив РКСМ: красноармейских 2 (работает 1), матросских 3 (работает 2), рабочих 12 (работает 9), сов. служащих 3 (работает 2) и милиционеров 1 (работает).

Вот наш портрет без прикрас. Вот такими мы были. И комсомольские коллективы наши то «рассыпались», то

«замирали», отдавая своих вожakov и членов фронту. И клуб паш дважды закрывался в том году и вновь открывался. И Ваня Кудряшев стал «лениться», а год спустя он добровольцем ушел на фронт и смертью героя пал в борьбе с белополяками.

Тяжелым был первый год комсомольской истории. Но мы были, мы боролись. Ни на один день не закрывались двери нашего райкома, если даже оставались в нем только наши помощницы — девушки.

И в этот тяжелейший год гражданской войны мы росли — от ста пятидесяти комсомольцев до тысячи! Многие из нас в те дни, когда решался вопрос, быть или не быть Советской власти, делали самый ответственный шаг в своей жизни — вступали в партию коммунистов.

Никакие трудности, горести, беды и утраты не сломили нашего боевого духа, нашей преданности делу революции. Возмужавшим и окрепшим шел комсомол к своему второму съезду.

...Выборы делегатов на Второй Всероссийский съезд РКСМ в Петрограде проходили по районам. Как сейчас вижу зрительный зал бывшего Интимного театра на Крюковом канале, куда еще летом перебрался наш клуб «Юный Спартак». Здесь собрались все комсомольцы нашего района и члены национальных секций при нашем райкоме РКСМ — латышской, финской, эстонской и польской. Все они расположились в уютных кожаных креслах.

Собрание проходило вечером, как раз в те часы, когда в Петрограде давали электроэнергию. Поэтому большой зал с партером и ложами бельэтажа выглядел празднично — был ярко освещен, убран кумачом и транспарантами...

На большой сцене — президиум: представители партийной организации Ядвига Нетупская, Густав Ровио и Ирасковья Куделли, а также наши комсомольцы — Аркадий Селезнев, Всеволод Сорокин, Михаил Потапов, Павел Могиленко и Роман Квар.

Я немного волновался, потому что мне как ответственному организатору райкома РКСМ впервые в жизни пришлось открывать столь многолюдное комсомольское собрание. Уже более полутора лет ни на одно районное собрание, не говоря уже о конференциях, не собиралось столько юношей и девушек!

В повестке дня стояли три вопроса. По первому с докладом «О текущем моменте», то есть о внутриполитическом и внешнеполитическом положении Советской Рос-

сии, выступила Ядвига Нетупская, одна из лучших пропагандистов Петербургского комитета партии.

Затем опоздавший к началу собрания Николай Тата-ров, член ПК РКСМ, редактор «Юного пролетария», сделал сообщение о созыве Второго Всероссийского съезда комсомола и его задачах.

Накопец перешли к выборам делегатов на съезд — по норме представительства нам подлежало избрать троих. Первой была названа кандидатура Густава Ровио, затем еще пяти или шести наших комсомольцев.

Обсуждали горячо, голоса разделились, но по большинству делегатами съезда с правом решающего голоса были избраны Густав Ровио, Павел Усанов и Всеволод Сорокин.

Здесь надо сказать несколько слов о Густаве Семеновиче Ровио. О том самом Ровио — бывшем полицмейстере столицы Финляндского княжества Гельсингфорса, на квартире которого в августе 1917 года скрывался от преследования ищек Временного правительства Владимир Ильич Ленин.

Густав Ровио с юношеских лет активно участвовал в социал-демократическом движении, в 1913—1915 годах он был секретарем ЦК Социал-демократического союза молодежи Финляндии. Позже стал одним из руководителей левого крыла Социал-демократической партии Финляндии, а затем — одним из основателей КППФ.

После поражения пролетарской революции в Финляндии Густав Семенович был вынужден покинуть родину и работал в Петрограде секретарем финской секции Северо-Западного бюро ЦК РКП(б). Он оказывал большую помощь финской секции Петроградского комсомола, которая размещалась в одной из комнат нашего райкома.

Костя Линдхольм познакомил нас с Густавом Семеновичем, и он часто встречался и беседовал с нашими комсомольцами, рассказывал о борьбе финских революционеров, о Владимире Ильиче Ленине, о его давних связях с финскими пролетариями. При этом Ровио никогда не говорил им о том, как сам помогал Ленину.

Вообще Густав Ровио был человеком необычайно скромным, деловитым, не любившим всяческой суеты и пустословия. Это был стойкий революционер-интернационалист, так же горячо любивший Советскую Россию, как и свою родную Финляндию, страдавшую под игом буржуазной диктатуры.

Мы очень полюбили товарища Ровио и считали его комсомольцем своей организации.

Густаву Ровио шел тридцать второй год. Мне и Севке Сорокину еще не исполнилось семнадцати, так же молоды были и остальные петроградские делегаты Второго съезда РКСМ.

В Москву мы ехали все вместе, в одном вагоне. Ехали весело. Народ все живой, энергичный и... голодный до головокружения. Ну как же было нам не веселиться, когда сам председатель Петрокоммуны Бадаев выделил для нашей делегации в дорогу и на дни съезда немного хлеба, ржанных сухарей и маленький бочонок сливочного масла. Неслыханная щедрость! Дабы не съесть разом этот роскошный допнаек, мы избрали заведующим хозяйством нашей делегации расчетливого и прижимистого Митю Албанского. Он был постарше других — ему исполнилось уже девятнадцать лет.

Ни Мити Албанского, ни Севы Сорокина, ни остальных питерских делегатов Второго съезда РКСМ ныне уже нет в живых. Остался я один. И вот я пишу эту книжку о них и о других друзьях моей далекой юности... Им посвящаю я свой труд.

...Я не буду рассказывать о том, как проходил Второй съезд РКСМ. Есть его отчет, да и написано об этом немало. Конечно, хотелось бы поведать о своих впечатлениях, но все впечатления долгой жизни в книжку не вместишь. И поэтому я стремлюсь познакомить молодого читателя в первую очередь с тем, что ему, думается, малоизвестно или известно лишь в общих чертах. Отступаю от этого принципа только тогда, когда не отступить, как говорится, не могу.

Вот и сейчас не могу не сказать о нашем страстном желании снова видеть и слышать Ленина. Отправляясь в Москву, мы очень надеялись, что встретимся с Ильичем. Но, как известно, Владимир Ильич не смог присутствовать на Втором съезде комсомола. Однако он прислал делегатам приветствие, которое на первом заседании съезда зачитала Александра Михайловна Коллоптай, представитель Центрального Комитета РКП(б).

Мы были рады такому приветствию Ленина, встретили его громом аплодисментов, но, честно говоря, все-таки досадовали, что самого Владимира Ильича так и не увидим и не услышим. Мы завидовали москвичам, которые чаще нас, питерцев, имели теперь возможность встречаться с Лениным. Но тут нам повезло больше, чем москвичам.

В первый же вечер все питерские делегаты набились в одну комнату нашего общежития. И слушали Густава.

Ровио. Несколько часов назад он побывал в Кремле, встречался с Владимиром Ильичем, беседовал с ним. И вот теперь не было конца расспросам: «Ну как там Ленин? Что он?...» Ровио был хорошим рассказчиком, и мы как бы вместе с ним побывали в кремлевском кабинете Владимира Ильича, где сам Густав Семенович бывал неоднократно и до того, и после.

...Очень памятен для меня предпоследний день съезда. Мы собирались в плохо освещенном, холодном Октябрьском зале Дома Союзов ранним утром. Надо было скорее решить все вопросы и разъехаться, чтобы на местах приступить к проведению мобилизации комсомольцев на фронт. Работа шла до позднего вечера. Делегаты устали. Очень хотелось есть. В зале было душно. Все сидели в верхней одежде — кто в старом пальто, кто в залатанной шинели, кто в ватнике, кто в материнской кацавейке. Сидели, внимательно слушая выступающих, горячо выражая одобрение или неодобрение их высказываниям.

В работе съезда принимали участие представители родной большевистской партии — Надежда Константиновна Крупская, Александра Михайловна Коллонтай и Владимир Невский (Крибобоков). Кажется, где-то к концу вечернего заседания откуда-то сбоку вышел Калинин и тоже подсел к столу президиума. В это время выступал очередной оратор, и мы не сразу заместили появление Михаила Ивановича.

Калинин примостился боком у края стола и, подперев голову рукой, казалось, внимательно разглядывал нас, сидевших в сумеречном зале. Немного погодя в президиуме завязался тихий, но оживленный разговор. Потом Калинин поднялся со своего места и спустился со сцены в боковой проход. Мы подумали, что он засхал по какому-то своему делу к Крупской или Коллонтай и теперь, решив его, уходит.

Но вскоре Михаил Иванович опять появился в президиуме. Коллонтай о чем-то спросила у него. Калинин, улыбаясь, отвечал ей. Надежда Константиновна тоже улыбалась, но как-то с сомнением покачивала головой и разводила руками: мол, дело ваше, а я не согласна.

Мы, питерцы, сидевшие в первых рядах, были до предела заинтригованы всем этим. Но вот выступил последний делегат и с места поднялся Оскар Рывкин.

— Товарищи, — сказал он, — прежде чем закрыть наше вечернее заседание, я должен сообщить вам приятную новость.

Михаил Иванович протянул Рывкину какую-то бумагу, и тот начал читать ее вслух:

— «Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов, учитывая, что делегаты Всероссийского съезда РКСМ очень плохо одеты и обуты, постановил: выделить для них комплекты нового красноармейского обмундирования...»

Не успел Оскар дочитать постановление, как в зале грохнул гром аплодисментов. Делегаты от души радовались, что получают теплую одежду и крепкие сапоги взамен своей рванины. Причем нам обещали выдать новую красноармейскую форму, которая еще только вводилась в войсках. Это была чудо-форма: суконный шлем с большой настроченной красной звездой (позже его стали называть буденовкой), длиннополая шинель с «разговорами» — широкими красными планками-застежками, гимнастерка с такими же «разговорами», кожаный ремень, брюки и сапоги. Для всех нас — и для парней, и для девушек — в ту пору это была самая желанная, самая модная одежда — красноармейская форма. Помнится, много раз я с завистью разглядывал ее у нас в Питере на швейных фабриках.

Но не успели мы нарадоваться вдосталь, как на трибуне появился один из делегатов съезда и, перекрывая шум зала, прокричал:

— Товарищи, я предлагаю не брать это новое обмундирование, а отдать его бойцам Южного фронта! Оно там нужнее!..

Несколько мгновений в зале стояла тишина. Как же так? Стоит ли отказываться? Ведь и мы через несколько дней уйдем в Красную Армию. Правда, неизвестно еще, кто в какую часть попадет. Попадешь туда, где новая форма еще не получена, заявишься таким щеголем — и будет нехорошо! Да, но это же нам, делегатам съезда, ВЦИК дарит новую форму... А мобилизация?.. А Южный фронт и Деникин?..

Через минуту в зале уже гремели аплодисменты, каких не было и при объявлении решения Президиума ВЦИК. Предложение передать новое обмундирование бойцам Южного фронта делегаты съезда приняли без голосования.

Заседание закрылось. Калинин, Крупская и Коллонтай спустились со сцены в зал. Михаил Иванович с улыбкой глядел на нас сквозь толстые стекла круглых очков.

— Что же это вы, ребята, подвели меня? Подвели своего, питерского. Вот Александра Михайловна уговорила

меня поставить этот вопрос. Я специально собрал Президиум ВЦИКа, мы вынесли решение. А вы взяли да и отказались от подарка. Нехорошо...

— А ведь я предупреждала, Михаил Иванович, — сказала, вступаясь за нас, Надежда Константиновна. — Я была почему-то уверена, что они не возьмут себе это новое обмундирование, откажутся от него. Потому что они понимают, где оно больше всего сейчас нужно. И вот они меня не подвели. Так что я только рада.

Глаза Крупской светились. Вот так же улыбалась она на одном из запятий нашего кружка, когда мы показали ей газетную статью с подписью «Н. К.».

...Уж не знаю, почему так получилось, но эта история с красноармейским обмундированием в протоколах Второго съезда РКСМ никак не упомянута. Возможно, потому, что она заняла всего лишь несколько минут, или потому, что выходила «за регламент» съезда, либо по какой другой причине — не знаю. Однако полагаю, что не только мне этот эпизод запомнился на всю жизнь. Я как сейчас вижу лукаво улыбающегося Михаила Ивановича Калинина, смеющуюся Надежду Константиновну, ее сияющие радостью глаза...

ВРАГ У СТЕН ПЕТРОГРАДА

Вернувшись со Второго съезда комсомола, мы сразу же собрали очередную комсомольскую конференцию Петрограда. Надо сказать, что объявленная съездом мобилизация комсомольцев на Южный фронт против Деникина нас не касалась. В постановлении Второго съезда это было особо оговорено. Разумеется, это вовсе не означало, что нам пришла пора сложить оружие.

В летних боях наступавшие на Петроград белогвардейцы были разгромлены и изгнаны за границу. Однако Юденич и стоявшие за ним контрреволюционные, империалистические силы не оставили своих замыслов. Напротив, потрепанное белое воинство, окопавшись в буржуазной Эстонии, пополняло свои ряды и готовилось к новому броску на красный Питер. Этому всемерно помогали правительства стран Антанты. Америка слала в Ревельский порт военное снаряжение, обмундирование и продовольствие. Англия — танки, винтовки, снаряды, патроны... Над Петроградом вновь сгущались тучи военной угрозы. А оборона города и без того была ослаблена вынужденной переброской на Южный фронт против Деникина лучших частей 7-й армии.

Вот почему питерские комсомольцы оставались в резерве защитников города революции. Вот почему на своей очередной комсомольской конференции мы говорили главным образом об укреплении наших организаций, о военном обучении молодежи, о подготовке ее к отражению возможного наступления Юденича.

Началось оно, это наступление, скорее, чем мы ожидали. 4 октября передовые части белогвардейцев заняли Струги Белые (переименованные после разгрома Юденича в Струги Красные) и, таким образом, перерезали железнодорожное сообщение между Петроградом и Псковом.

10 октября основные силы армии Юденича перешли эстонскую границу, с помощью английских танков захватили Ямбург (Кипгисепп) и, разламывая нашу оборону, быстро двинулись к Петрограду. 13 октября они взяли Лугу, а 16 октября уже Гатчину.

Белый генерал Ветренко имел приказ Родзянко занять станцию Тосно, но не выполнил его, так как очень спешил первым добраться до пирога военной победы, торопился первым войти в Петроград. Благодаря этой сваре в стане врагов железная дорога Петроград — Москва не была перерезана, что в дальнейшем сыграло важную роль в защите Питера.

На помощь частям 7-й армии, силы которой истощались, были двинуты подразделения с других фронтов и районов России. Но они еще не успели подойти, и положение складывалось чрезвычайно тяжелое. Продолжая развивать наступление, белые 21 октября овладели Павловском и Детским Селом, заняли Царскую Славянку, Лигово, а затем и Пулков...

Один из белогвардейцев в тот день записал в свой дневник: «Спасены: Питер виден на горизонте! Без помех берем...» А генерал Родзянко даже отказался взглянуть на Петроград в бинокль, заявив, что это ни к чему, так как завтра он будет «гулять по Невскому».

Эти спесивые господа, вознамерившиеся пройти победным маршем по Невскому и Дворцовой площади, ничему не научились, не раз уже битые — ничего не поняли. Они рано торжествовали победу. Они все еще не знали силы разбуженного революцией народа, силы партии коммунистов, силы Советской власти.

Партия решила: Петрограда не сдавать! Владимир Ильич Ленин обратился к рабочим и красноармейцам Петрограда с пламенным призывом:

«Товарищи! Вы все знаете и видите, какая громадная

угроза нависла над Петроградом. В несколько дней решается судьба Петрограда, а это значит наполовину судьба Советской власти в России... Бейтесь до последней капли крови, товарищи, держитесь за каждую пядь земли, будьте стойки до конца, победа недалека, победа будет за нами!»

И коммунистов, и нас, комсомольцев Петрограда, ленинский призыв застал уже в строю.

Накануне, 16 октября, мне как организатору райкома РКСМ Второго городского района было доставлено срочное распоряжение. Вот этот документ, счастливо сохранившийся у меня до сих пор:

«Телефонограмма

Петроградская организация союза объявляется на военном положении. Петербургский комитет, в связи с общим положением, объявляет мобилизацию всех членов союза от 16 лет, надежных товарищей, главным образом активных работников. Мобилизация временная — до восстановления положения на Петроградском фронте.

Для проведения мобилизации ПК выделена чрезвычайная тройка в составе товарищей Дребезгова, Кагана и Сорокина.

Исполнение изложенного лежит на личной ответственности организатора райкома. Вся работа в районе временно сокращается до минимума. Все ответственные работники заменяются женщинами, которые исполняют обязанности секретарей и несут связь с чрезвычайной тройкой.

Клубы закрываются, по районам устанавливается точное дежурство.

Бюро Петербургского комитета».

Раздумывать, почему телефонограмма поступила не «по проводу», а в виде депеши, с нарочным, было недосуг. Разумеется, мы ждали мобилизации. Винтовка была спутницей каждого комсомольца. Патроны звенели в карманах у всех.

Тем не менее надо было спешить. Предстояло срочно оповестить всех комсомольцев. Посыльные сразу же разошлись по району, и вскоре в «летний филиал» нашего клуба «Юный Спартак» (здание бывшего Интимного театра на Крюковом канале) стали собираться комсомольцы. Многие из них пришли в клуб прямо с работы или с дежурства по охране порядка в районе.

Передав дела нашим райкомовским девушкам, я пошел в театральный зал. Митинг закончился быстро. Я коротко обрисовал фронтовую обстановку, сказал о мобилизации членов союза. Ребятам было дано три часа на сборы, на прощание с близкими. К указанному сроку в клубе собралось без малого двести бойцов — те, кому уже исполнилось пятнадцать лет. Несколько человек не возвратились, еще несколько пришли, но принялись малодушно объяснять, что-де идти в отряд они не могут (мать не отпускает, отец болен и т. д.). Таких мы тут же исключали из комсомола. Исключили немедленно, без всякой волокиты. Ребята, все как один, проголосовали за исключение.

Выставив новых струхнувших, мы стали устраиваться в клубе на ночлег. Многие ворчали:

— Стоит ли дожидаться утра, чтобы явиться в ПК?

— Почему бы сейчас же не сформироваться в отряд?

До рассвета шли разговоры о фронте, о мобилизации, о наступающем дне, о незаконченных мирных делах. Счастливы были, получившие наши райкомовские винтовки, в десятый раз проверяли и чистили их.

Рано утром, задолго до назначенного срока, двор бывшего великокняжеского дворца на Неве (теперь Дворец бракосочетания), где размещался Петербургский комитет РКСМ, заполнили комсомольцы. Экспедиторы «Юного пролетария» раздавали экстренный выпуск журнала с передовой — воззванием ПК РКСМ. Комсомольцы читали.

«Черная свора помещиков и генералов насаждает на красный Петроград. Рабочая молодежь Питера, на защиту своего Красного города!

Молодежи дорог Питер, как дороги все завоевания революции. Ни того, ни другого молодежь не отдаст. Только через бездыханные трупы рабочей молодежи белогвардейцы войдут в Питер.

Только уничтожив организованную и сознательную часть питерской молодежи — Российский Коммунистический Союз Молодежи, царские опричники справят свою кровавую тризну.

Не быть Питеру под белогвардейцами, и не быть красной молодежи порабощенной! Нашим лозунгом будет — „Иду на бой!“.

Потом началась разбивка по отрядам. Каждому хотелось попасть на фронт. Но на фронт отправляли только старших по возрасту. Остальных (около семисот человек) зачислили в сводно-боевой отряд Петербургского комитета РКСМ, поступавший в распоряжение штаба Петроградского укрепленного района.

И это не считая комсомольцев, влившихся непосредственно в части Красной Армии, не считая уже созданных ранее отдельных подразделений, скажем комсомольской самокатной роты. Помимо того, мобилизацию на Петроградский фронт провели комсомольцы ряда других губерний.

Мне шел только семнадцатый год, и, несмотря на мои просьбы послать на фронт, я был зачислен в сводно-боевой отряд, предназначенный для обороны города. Мы должны были строить оборонительные укрепления и готовиться к уличным боям.

Комсомольцы Второго городского района составили роту. Командиром этой третьей роты сводно-боевого отряда назначили меня, как организатора района. Нам отвели казармы недалеко — в помещении союза металлистов (напротив Дворца труда).

Наша третья рота под руководством военных инструкторов из штаба Петроукрепрайона подготавливала к обороне подходы к центру города со стороны Исаакиевского проспекта и со стороны Старо-Петергофского, который к тому времени уже назывался проспектом Юного Пролетария.

Две эти магистрали и прилегающие к ним улицы от Фоптанки до Обводного канала мы должны были как можно быстрее превратить в укрепленный район. Работа шла безостановочно день и ночь. Мы были не одни. Нам помогали девушки-комсомолки, работницы ближайших предприятий. Принудительно заставили мы работать «нетрудовые элементы». За этими приходилось глядеть в оба. Буржуйские последыши, они как маньяки небесной ждали победы Юденича и не были расположены строить против него укрепления.

У Калинкина и Исаакиевского мостов мы вырыли траншеи, поставили на прямую наводку снятые со старых миноносцев орудия, припасли снаряды. Рабочие «Большевика» завальцевали для орудий специальные защитные башни-колпаки.

Улицы и переулки были перегорожены баррикадами. Окна нижних этажей закладывались мешками с песком. Мы подготавливали амбразуры для пулеметов, заранее намечали, откуда удобнее стрелять и бросать гранаты. В короткие минуты отдыха военинструкторы учили нас тактике уличного боя.

Каждую ночь нас поднимали по тревоге, и мы выходили на свои оборонительные позиции. После отбоя бойцы поругивали начальство и возмущались тем, что нас не от-

правляют на фронт. Так продолжалось четверо суток. Мы досадовали и не скрывали своего недовольства даже перед командующим Петроукрепрайоном товарищем Авровым. Приезжая на наши позиции, он пытался убедить нас, что мы создаем прочный тыл для сражающихся на фронте частей. Так-то оно так, прочный тыл был нужен. Но бойцы-комсомольцы считали для себя зазорным находиться в тылу. Впрочем, каждый из них трудился на своем посту не покладая рук.

На пятый день — 21 октября — наступил перелом. Части Красной Армии, поддержанные корабельной артиллерией Балтийского флота, перешли в наступление. Около трех суток длился решающий бой у Пулковских высот, всего в пятнадцати верстах от наших позиций. Не выдержав напора красноармейцев, краснофлотцев, рабочих отрядов, белая армия Юденича откатилась от стен Петрограда.

23 октября красные части отбили Детское Село и Павловск. Затем заняли Гатчину. 31 октября вернули Лугу, 7 ноября — Волосово и Гдов!

В тот день, 7 ноября 1919 года, во вторую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, в Зимний дворец на общегородское партийное собрание пришли коммунисты Петрограда, в том числе и я, принятый в партию за два месяца до описываемых событий. Как немного оставалось нас тогда в городе! Все спокойно уместилось в Николаевском зале. Но мы чувствовали себя частицей великой непобедимой силы. Слово «победа» твердо звучало под сводами бывшего царского дворца.

Враг был снова отброшен от города революции. Спустя неделю последнее сопротивление белых в районе Ямбурга было сломлено и армия Юденича оказалась прижатой к реке Нарове. Остатки ее перебрасались на восточную сторону, где были впоследствии разоружены и интернированы.

...В середине ноября наш сводно-боевой отряд расформировался. Каждый из нас вернулся к своим делам. Все активисты вновь собрались в «Юном Спартаке», а девушки отчитались в работе, которую они вели в наше отсутствие.

Райком не закрывался ни на один день. Райком действовал даже в те тяжелые для Петрограда осенние дни 1919 года.

ОСКАР РЫВКИН И САША КОСАРЕВ

20 октября, в разгар боев с Юденичем, я узнал, что Оскар Рывкин с группой комсомольских работников приехал в Петроград. Эту новость сообщил мне командир первой роты нашего отряда Миша Глероп.

— Ясное дело, — добавил он, — Юденич у самого Питера. Как тут Оскару усидеть в Москве!..

Да, действительно, мы все привыкли к тому, что Оскар всегда был там, где труднее, и теперь нисколько не удивились его неожиданному приезду в Петроград.

В те дни мне довелось видаться с Оскаром, что называется, на ходу. Он, как всегда, был энергичен, крайне зажат, полон оптимизма и веры в победу. Приехав в Петроград, Рывкин вошел в состав Центральной революционной тройки, а его товарищи вступили в наш сводно-боевой отряд.

Мы успели договориться с Оскаром, что до отъезда в Москву он обязательно зайдет к нам в «Юный Спартак». Назначить более точный срок встречи не было возможности, потому что никто не знал, как обернется дело с Юденичем.

Надо сказать, что Оскар был для меня самым близким человеком. Ему я обязан тем, что с четырнадцати лет начал активно работать в социалистическом союзе рабочей молодежи, а потом и в комсомоле. Как-то так получалось, что, несмотря на четырехлетнюю разницу в возрасте, мы с ним сдружились и он все время вел меня за собой. А шел Оскар всегда и всюду в числе первых, не выбирая легких дорог.

Родился он в Петербурге 3 января 1899 года в семье ремесленника-переплетчика. Дед Оскара, прослуживший двадцать пять лет солдатом в войсках Николая I, был приписан к сословию мещан города Шлиссельбурга. Поэтому семье Рывкиных разрешили жить в Петербурге.

Детство и юность Оскара прошли в старой Коломпе. Дом, в котором он жил, стоял на углу Лопманской улицы и Екатерингофского проспекта, напротив входа в Адмиралтейский завод. Дети рабочих Галерного островка, Франко-Русского завода и других соседних предприятий были товарищами мальчишеских игр Рывкина. Вместе с ними он учился в начальной школе.

Двенадцати лет Оскар поступил учеником в типографию фон Клюгенгена и Глича (тут же, на Екатерингофском проспекте). Однако слабое зрение не позволило ему

стать наборщиком. Неудачей закончилось и трехлетнее ученичество Оскара в аптеке у Аларчина моста. В 1916 году его уволили и занесли в черные списки забастовщиков за активное участие в профсоюзном движении аптекарских работников.

К началу Февральской революции Оскар работал в картографическом заведении Ильина, на набережной реки Пряжки. В марте 1917 года он вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию (большевиков) и вскоре по поручению райкома вместе с Лизой Пылаевой и Васей Васильевым занялся организацией Социалистического союза рабочей молодежи Коломенской части.

Девятнадцатый год шел Оскару, когда он стал секретарем Коломенского ССРМ. В неполные двадцать его избирают председателем (первым секретарем) ЦК РКСМ. В комсомоле никогда после него не было столь молодого первого секретаря.

Три самых первых, самых трудных года руководил комсомолом питерский рабочий Оскар Рывкин. Потом он учился — закончил курсы марксизма, Институт красной профессуры. Работал на Выксунских металлургических заводах, в Нижегородском губкоме партии, заведовал группой советского строительства в Центральной контрольной комиссии Рабоче-крестьянской инспекции. Трижды избирался делегатом партийных съездов. Последние годы жизни Оскар Львович Рывкин был первым секретарем Краснодарского горкома ВКП(б). Тридцати восьми лет от роду он трагически погиб.

Для нас, своих друзей и товарищей, Оскар Рывкин был образцом нескгибаемого коммуниста. Мы всегда с потерпением ждали встречи с ним. Так было и осенью 1919 года.

На второй день после того, как я вернулся из сводно-боевого отряда в райком, к нам пришел Оскар. Пришел не один — привел с собой невысокого паренька, которого я вроде бы уже видел в сводно-боевом отряде. Знакомить с нами этого паренька Оскар не спешил. Сначала он начал расспрашивать меня о наших делах, об общих знакомых, потом пошел осматривать клубные комнаты.

Когда собрались все активисты, Рывкин рассказал нам о последних новостях из Москвы, с Южного фронта. Он говорил о задачах, которые питерцам-комсомольцам предстоит решать в ближайшее время. Завязался разговор о необходимости выпуска ежедневной питерской комсомольской газеты, о проведении «красной недели» — кампании по восстановлению и укреплению комсомоль-

ских организаций в уездах Петроградской губернии, подвергшихся нашествию войск Юденича. При этом Оскар вспомнил восемнадцатый год, трудную весеннюю и летнюю пору. Он сказал, что мы тогда многому научились и что сейчас городские комсомольцы должны обязательно помочь губернским товарищам. Как всегда, Оскар был обстоятелен и, предлагая новое дело, старался углядеть его «на пять ходов вперед».

Беседа затянулась надолго. Уже прощаясь, Оскар спохватился:

— Да, слушай, Павлик, тут такое дело. — Он подозвал пришедшего с ним парнишку и запоздало познакомил нас: — Это Павлик Усанов, организатор района, а это Саша, мой найденыш.

Парнишка озорно посмеивался. Между тем Оскар рассказывал, как они встретились. В поезде Москва — Петроград Оскар и его спутники расположились на лавках в полупустом и темном вагоне и горячо обсуждали самый жгучий в то время вопрос — как дать отпор Юденичу. Но постепенно разговоры стали смолкать: люди засыпали. И тут Оскар услышал какой-то шорох и сопение у себя под лавкой. Он стал шарить в темноте руками и нащупал еще одного пассажира. Тот увертывался, но Рывкин решительно извлек его из-под лавки. В колеблющемся свете свечного огарка неохотно встал с пола щуплый, вихрастый паренек, в рваной шинели явно с чужого плеча.

— Ты чего тут прячешься? Кто такой? — приступил к расспросам Оскар. — Куда путь держишь?

Паренек писколько не смутился.

— Туда же, куда и вы. На фронт. Бить Юденича! А спрятались мы — боимся кондуктора. Билетов-то у нас нет.

— Кто это — мы? Разве ты не один? — удивился Оскар.

— Да нет, нас двое. Остальные тоже собрались на Юденича, да испугались влезть в вагон. Кондуктор тут больно страшный, какой-то старорежимный. Поймает — отдерет. Мы с Митькой кое-как проскользнули. — И, уже совсем осмелев, паренек закричал под лавку: — Эй, Митька, вылезай! Чего ты? Теперь можно.

Появился и второй паренек, тоже без билета ехавший бить Юденича. В Питере Оскар определил того и другого в сводно-боевой отряд, а теперь, когда отряд был уже расформирован, одного из них привел к нам в райком.

— Понимаешь, Павлик, у него в Питере нет ни кола ни двора, ни родственников ни знакомых. Так что зай-

мись им. Устрой его на работу, посели к кому-нибудь жить. Да приглядывай за ним. Он парень что надо, только уж больно горячий. Выдай ему союзный билет. Свойто, московский, он потерял в дороге. Ну ничего, я за него ручаюсь! — И Оскар потрепал парнишку по спутанной, торчащей во все стороны русой шевелюре.

Я сел выписывать новый комсомольский билет и тут уж познакомился с «найденным» до конца: Косарев Александр Васильевич, 1903 года рождения...

Да-да, это был тот самый Александр Косарев, который десять лет спустя стал первым, а в январе 1931 года Генеральным секретарем Центрального Комитета ВЛКСМ и проработал на этом посту до 1938 года. А в октябре 1919 года он прибыл в Петроград именно таким вот безбилетным манером, а вовсе не сопровождая вагон с сухарями с Урала, как написано в одной книжке.

Саша Косарев был моим сверстником, однако выглядел он года на два моложе, в чем нетрудно убедиться, взглянув на фотографию, помещенную во вкладке.

Мы определили Сашу на жительство и устроили работать в экспедицию журнала «Юный пролетарий». На другой год Саша, активно помогавший в работе нашему райкому и ПК, стал курсантом открывшейся все в том же великокняжеском дворце на набережной Красного Флота Центральной политшколы комсомола. В этом качестве он участвовал в агитации среди «волынщиков» во время кронштадтского мятежа в феврале—марте 1921 года. Так, с помощью петроградских комсомольцев Александр Косарев прошел первые ступени школы комсомольских наук, возмужал и закалился как вожак молодежи, уже в конце 1919 года он вступил в партию. Позже, в конце двадцатых годов, он в свою очередь здорово помог питерцам, боровшимся с зиповьевской оппозицией. В то сложное время он опять приехал из Москвы и стал секретарем одного из крупнейших ленинградских райкомов комсомола — Московско-Заставского.

«НАШЕЙ СМЕНЕ»

Прошло недели полторы после отъезда Оскара Рыбкина в Москву. Как-то вечером в нашем районном «Клубе старой и молодой гвардии» по обычаю собрались комсомольцы-активисты. Впрочем, надо сначала рассказать об этом клубе. Помещался он в том же доме, что и райком партии (улица Глинки, 4/14). Теперь этот особняк занимает детская больница Октябрьского района.

«Клуб старой и молодой гвардии» открылся еще в 1918 году, когда по указанию ЦК РКП(б) проводились «недели сближения союза молодежи с партией». Здесь коммунисты и комсомольцы сообща обсуждали свои дела. Здесь проводились собрания, читались лекции и доклады. В клуб заходили активисты из других районов. В нем постоянно бывали члены ЦК РКСМ, который размещался поблизости, и работники губкома комсомола, приезжавшие к нам с Литейного.

Так было и в тот раз. К нежаркому каминному огоньку «Клуба старой и молодой гвардии» собралось немало ребят. Из райкома партии поднялись к нам Клявс-Клявин и Клавдия Николаева.

Шло обсуждение проблемы, чрезвычайно всех интересовавшей. Секретарь губкома комсомола Сергей Маситин сообщил нам, что наконец-то решен окончательно вопрос о выпуске ежедневной молодежной газеты. Найдены и деньги, и бумага, и типография, где нашу газету будут печатать.

Это было радостное известие. Мы давно мечтали о газете. «Юный пролетарий», выходивший в 1919 году два раза в месяц, а то и реже, нас уже не мог удовлетворить. Споры по этому поводу было немало. Мы вспоминали прошлогоднюю неудачную попытку выпускать «Юный пролетарий» в виде газеты. Шел разговор о направлении нового издания. Горячо обсуждался вопрос о названии газеты. Каждый предлагал и отстаивал свое название, а потому к единому мнению ребята в тот раз так и не пришли.

Помнится, волновало нас тогда еще одно дело. Питерским комсомольцам предстояло провести «неделю красной молодежи». Задумано было это мероприятие с целью восстановить и укрепить комсомольские организации в тех уездах губерний, где побывали белогвардейцы, привлечь в союз новых членов. В дни «недели» мы предполагали многое сделать также в самом Петрограде. Однако по совету Оскара Рывкина наши более опытные городские активисты направлялись в губернию, чтобы на месте помочь молодежи организовать дело.

Мне предстояло ехать в Гдов, где я уже побывал в прошлом году с Гдовским отрядом Петроградского ССРМ во время наступления кайзеровских войск. Но одно дело — ехать на фронт, и совсем другое — восстанавливать в малознакомом месте, среди незнакомых людей комсомольскую организацию. У меня, как и у моих товарищей, было на этот счет немало вопросов. Разговор в

«Клубе старой и молодой гвардии» затянулся за полночь. Клявс-Клявин и Николаева подробно рассказали нам, как готовятся и проводятся «партийные недели». Кстати, перед ближайшей из них намечались примерно те же цели, что и перед «неделей красной молодежи».

В конце беседы член нашего райкома комсомола Валя Кудряшев предложил написать о «красной неделе» Владимиру Ильичу Ленину. Нечего и говорить, что эта идея пришлась всем по душе и была горячо поддержана. Мы сели к столу и начали сочинять письмо Владимиру Ильичу. Писал Сергей Маситин, а мы вразнобой диктовали ему каждый свое. Разумеется, возникали споры, и дело подвигалось не очень быстро. Однако в конце концов письмо было составлено. Мы подписались под ним и поручили Ивану Кудряшеву утром отправить его в Москву. Он так и сделал.

Шли дни. Мы уже начали «красную неделю» (пока что в городе), а ответа от Ленина все не было. Думали разное. Может быть, Ленин очень занят и ему недосуг писать нам. А возможно, Кудряшев что-то напутал и отправил письмо не по адресу. Ваня всячески оправдывался и во всем вибил почту.

— Что это за переписка, ежели без марок! Никакой надежности, — возмущался он.

Оно и правда, письма тогда шли без марок. Почту развозили бесплатно. Но и бесплатная почта не подвела нас. Где-то в первых числах декабря (точно даты не помню) в «Клуб старой и молодой гвардии» прибежал необычайно взволнованный Ваня Кудряшев.

— Ленин ответил! Ленин нас поддерживает! — радостно кричал он, размахивая конвертом.

Случилось так, что в это время в клубе собрались многие из подписавших письмо Ленину. И вот перед нами его ответ:

«Нашей смене.

Приветствую рабоче-крестьянскую молодежь Петроградской губернии в дни проведения красной недели.

Усиливайте, юные товарищи, вашу работу в этом направлении, чтобы со свежими молодыми силами приняться за устройство новой, светлой жизни.

В. Ульянов (Ленин)».

Письмо было написано на листке, вырванном из блокнота Председателя Совета Народных Комиссаров. Но это мы рассмотрели позже, когда улеглись первые восторги.

И не сразу дошло до нас, что Кудряшев схитрил. Письмо Ленина принесли ему домой. Выходит, Иван указал на нашем письме свой домашний адрес. И видимо, он сделал это с дальним прицелом. Нам так и не удалось отвоевать у Кудряшева стветную весточку Владимира Ильича. Ваня послал ее в левом кармане гимнастерки, рядом с комсомольским билетом, всем показывал, всюду читал. С письмом Ленина Кудряшев в 1920 году ушел добровольцем на Польский фронт. Там он погиб.

Все мы знали обращенные к нам ленинские строки па-вусть. Вдохновленные приветствием и поддержкой Владимира Ильича, мы с особым рвением провели «красную неделю». Союз наш рос и креп.

18 декабря 1919 года в Петрограде вышел первый номер комсомольской газеты «Смена». Название ее было подсказано нам обращением Ленина к питерским комсомольцам, которое он начал словами: «Нашей смене». Причем оно, это название, приобрело такую популярность, что многие молодежные газеты, появившиеся в стране в последующие годы, стали именоваться примерно так же: «Новая смена», «Красная смена», «Советская смена» и т. д.

С тех пор, в течение 65 лет, без перерывов выходит наша ленинградская газета «Смена». Не прекращалось ее издание и во время девятисотдневной блокады Ленинграда. Основанная нами газета в день ее пятидесятилетия была награждена орденом «Знак Почета».

ВОИНСТВЕННАЯ ПЕСНЬ ОЛОФЕРНА

СПЕКТАКЛЬ ДЛЯ ДЕЛЕГАТОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Новый управляющий бывшими императорскими театрами в Петрограде товарищ Экскузович заявил нам самым решительным образом, что спектакль Мариинского театра делегатам нашей молодежной конференции показан не будет.

— А уж о том, чтобы для вас пел Шаляпин, и вовсе речи не может быть. Федор Иванович болеет, ни для кого не поет. Так неужели вы думаете, что для вас он будет петь? — отрезал управляющий, вставая и всем своим видом показывая, что нам следует удалиться.

А времени оставалось в обрез. Через два дня в Актовом зале Смольного открывалась общегородская конференция молодежи. Массовая конференция — более двух тысяч делегатов.

Весь январь 1920 года комсомольцы Петрограда, воодушевленные письмом Владимира Ильича Ленина, обходили фабрики, заводы и мастерские, учебные заведения, учреждения и квартиры. Обходили и всюду беседовали с молодежью, звали ее вступать в комсомол, тут же проводили выборы делегатов на конференцию.

На четыре дня была рассчитана эта конференция. Много надежд возлагала на нее комсомольская организация Петрограда. Все было готово. Готовы были докладчики. Но в дополнение ко всему нам хотелось, чтобы собравшаяся на конференцию молодежь побывала на спектакле в бывшей царской Мариинке и послушала Шаляпина!

Как этого добиться? К кому пойти? К кому, как не к Марии Федоровне Андреевой! Она в то время заведовала театральным отделом исполкома Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов. Мы знали, что бывшие императорские театры Марии Федоровне не подчинены, и все же направились к ней.

Резиденция М. Ф. Андреевой и всего ее театрального отдела находилась на Литейном проспекте (тогда он назывался проспектом Володарского), в небольшом двухэтажном особняке, стоявшем в глубине двора.

Встретила нас Мария Федоровна радушно. Выслушав

просьбу, с которой мы к ней обратились, она поспешила успокоить нас:

— Будет вам спектакль. Возьмем для делегатов конференции одно из представлений, которые мы собираемся показать рабочим ударных заводов Петрограда.

Мы сказали, что хотели бы послушать «самую революционную оперу». Из тогдашнего репертуара Мариинского театра Мария Федоровна рекомендовала нам, как наиболее подходящее, «Русалку» Даргомыжского и «Юдишь» Серова. Сами, мол, решайте.

Содержание «Русалки» мы знали, а сюжет «Юдиши» нам пересказала Мария Федоровна. Мы стали обсуждать, что выбрать. Некоторые черты характера Мельпика из «Русалки» показались нам сомнительными, а его поучения «девушкам молодым» совсем неприемлемыми. Другое дело — Юдишь. Дочь угнетенного народа, убивающая своего тирана.

— Это, пожалуй, подойдет, — решили мы.

Что же касается того, чтобы Шаляпин спел для делегатов конференции партию Олоферна в «Юдиши», тут даже Мария Федоровна ничего для нас сделать не могла.

— Я еще до вашего прихода разговаривала с Федором Ивановичем по телефону. Петя он, безусловно, не может — болен, — говорила она. — Партию Олоферна исполнит другой бас.

Ну нет! Только Шаляпин, и никто другой. Мы не относили себя к числу тех, кто отступает перед трудностями. Кто это — мы? Нас было двое: Федя Дребезгов, секретарь горкома комсомола и заведующий культпросветотделом, и я, организатор райкома РКСМ Второго городского района. Нам было поручено дело со спектаклем, и мы решили добиться, чтобы пел Шаляпин. Но как добиться? Марии Федоровне мы сказали, что сейчас же пойдем к Шаляпину на квартиру и что просим дать нам его адрес. Мария Федоровна выполнила и эту нашу просьбу, но с сомнением и укором покачала головой:

— Напрасно будете беспокоить больного Шаляпина. Да и сами потеряете время.

Тем не менее мы отправились на Пермскую улицу, где жил Шаляпин.

МЫ СЛУШАЕМ ШАЛЯПИНА

Дверь открыл мужчина — слуга не слуга. Он оставил нас в передней, сказав, что пойдет доложить.

В передней было тепло. Это так нас поразило, что мы без приглашения разделись. В большинстве квартир Петрограда в те годы кое-как обогревалась только жилая комната.

Сначала к нам вышел Дворищин. Мы тогда еще не знали, какую роль играет он при Федоре Ивановиче. Позже выяснилось, что это не только собрат по искусству, но и как бы управляющий делами Шаляпина.

Дворищин спросил, зачем мы пришли, и сразу же ответил нам отказом. Мы стали настаивать, утверждая, что делегаты беспартийной молодежи должны непременно послушать народного певца Шаляпина. Дело дошло до перепалки. Мы требовали, чтобы нас пустили к Федору Ивановичу, разрешили поговорить с ним. Дворищин раздраженно заявил, что об этом не может быть и речи, что Федор Иванович болен. Разговор становился все более шумным и горячим. Уходить не солоно хлебавши мы не собирались.

Из соседней комнаты кто-то позвал Дворищина. Он покинул переднюю. Сквозь неплотно закрытую дверь мы слышали:

— Это студенты, что ли?

— Да нет, от какой-то беспартийной конференции...

Наступило молчание. Оно длилось несколько минут. Потом дверь отворилась, и в переднюю вышел высокий, плотный пожилой мужчина. За ним следовал Дворищин. Вошедший молча рассматривал нас, а мы — его. В тот момент меня особенно поразило его халат, необычайно яркий, с вышивками на груди, на воротнике, на обшлагах рукавов и на полах. Горло Шаляпина — я сразу узнал великого певца, хотя видел до той поры только на photographиях, — было замотано полотенцем. Замотано, как мне показалось, на скорую руку. Оттягивая пальцами шнурковый пояс халата и слегка покачиваясь с пяток на носки, Шаляпин резко, раздельно и угрожающе сказал:

— Вы что же, не понимаете русского языка? Я болен, я болен. На театр не езжу. Чего вам еще надобно?

Вскочив с большого сундука, на котором сидели, мы паперебой принялись повторять нашу просьбу, объяснять Федору Ивановичу, какое большое значение имеет созыв беспартийной конференции, какие надежды мы на нее возлагаем и почему он должен перед ее делегатами петь.

Шаляпин в изумлении поднял брови. Видно, не ожидал такого напора. Дворищин слегка подвинулся вперед, как бы заслоняя Федора Ивановича от Федя Дребезгова, который особенно горячился.

Уставившись на правую руку Дребезгова, Шалапин остановил его яростную жестикуюляцию неожиданным вопросом:

— Где это вас так угораздило?

Федя запнулся, как копь, остановленный на всем скаку. Он поднял руку, на которой торчали врозь только два крайних пальца, посмотрел на нее и, все еще оставаясь во власти возбуждения, вызванного спором, как-то пехотя и вяло ответил:

— На фронте. В Красной Армии.

— И как же вы обходитесь?

— Все делаю левой. А правой придерживаю. Теперь вот пробую писать ею, двумя пальцами...

Шалапин еще раз посмотрел на Федю и повернулся в мою сторону. Я был на три года моложе Дребезгова. Он выглядел много солиднее, представительнее меня. На мне были сильно поношенные куртка, брюки и обмотки, которые я купил на «барахолке» у австрийского военнопленного, возвращавшегося на родину. Подозрительно оглядев меня, Шалапин снова обратился к Дребезгову:

— Вы что же, беспартийные? Потому и пришли ко мне? Я ведь тоже беспартийный.

— Нет, мы коммунисты, — прямо ответил Федя. — Но мы хотим и добиваемся, чтобы молодые рабочие вступали в комсомол, чтобы и они становились коммунистами.

— Ну-ну, — задумчиво обронил Федор Иванович, — все мы постепенно становимся коммунистами.

Помолчав немного, он уже вполне миролюбиво спросил, какой спектакль мы думаем взять для своей конференции. Дребезгов ответил, что мы выбрали «Юдифь».

— А вы сами-то слушали эту оперу? — поинтересовался Шалапин.

— Нет, не приходилось.

— А почему же вы ее выбрали? Причем не только для себя, но и для всех, кто придет в театр.

Мы сослались на Марию Федоровну Андрееву и добавили, что нас особенно привлекает в опере сцена убийства тирана угнетенной девушкой. Федор Иванович усмехнулся:

— Хотите посмотреть, как меня зарежут?

Порасспросив нас о том, что мы видели в театрах, Шалапин сказал напоследок:

— Ну вот что, ребята. Я согласен петь для вас Олоферна, но только без воинственной песни.

Сказал и ушел. А мы слова не могли вымолвить от радости. Ну как же, добились своего! Смущало одно: что

это за воинственная песня, которую не хочет петь Шалыпин? Спросить о том Дворищина мы не решились. Он что-то писал, сидя на большом сундуке тут же, в передней.

Закончив писать, Дворищин встал.

— Передайте Марии Федоровне о согласии Федора Ивановича петь для вас. А все, что здесь перечислено, — он сложил бумагу вчетверо и отдал Феде, — надо доставить сюда, на квартиру.

Похлопывая Дребезгова по плечу, Дворищин подтолкнул его к дверям. Мы вышли на лестницу. Федя тотчас развернул записку. Я заглянул в нее и в полутьме разобрал лишь некоторые слова: «...сахара десять фунтов... масла...»

Вот это да! Мы с недоумением уставились друг на друга. В перечне значились продукты, давно нами забытые. Да еще в каких количествах!

Я сразу забыл о воинственной песне Олоферна, о которой хотел поговорить с Федей. Понурился, шли мы по улице Красных Зорь (так тогда именовался Кировский проспект).

Марию Федоровну Андрееву наш успех удивил и обрадовал. Она объяснила нам, что воинственная песня Олоферна — лучшее место оперы «Юдифь» и самая трудная для исполнителя ария. Потом Мария Федоровна позвонила по телефону Экскузовичу. Его еще больше поразило согласие Шалыпина петь в нашем спектакле. Уладив все с этим делом, Мария Федоровна весело сказала нам:

— Поезжайте в Мариинку и забирайте весь комплект билетных книжек на пятое февраля. В этот день идет «Юдифь».

Однако, не увидя никакой радости на наших вытянутых лицах, она встревожилась:

— Что случилось? Говорите!

Дребезгов тихонько подвинул к ней по столу записку Дворищина. Мария Федоровна прочла ее и тоже помрачнела. Мне даже показалось, что она неодобрительно взглянула на нас как на виновников этой неприятности.

— Ладно, записку оставьте. Вам нечего об этом думать! Можете рассчитывать на спектакль и... на Шалыпина.

Мы ушли, испытывая какое-то гнетущее чувство. ...Конференция молодежи в Смольном шла по-деловому. Все доклады, все вопросы повестки дня обсуждались

горячо. Впрочем, подробнее об этом я расскажу в следующей главке, так как конференция продолжалась несколько дней, а спектакль для се делегатов состоялся в первый же вечер. И этот спектакль, полагаю, сыграл не последнюю роль в настроении несоюзной молодежи и очень помог нашей агитации, на что мы, собственно говоря, и рассчитывали.

Итак, вечером 5 февраля делегаты конференции — почти две с половиной тысячи человек — собрались в прекрасном зале Мариинского театра. Впечатление, которое произвел на ребят этот бывший императорский театр, превысило все наши ожидания. Шла гражданская война. Враги Советской власти стремились установить в стране старые порядки. И вот в такое время рабочие парепьки и девушки — большинство впервые — слушали оперу с Шаляпиным в главной роли. Слушали, испытывая не только радость общения с искусством, но и крепнущее гражданственное чувство. Ведь это им предстояло с оружием в руках защищать завоевания социалистической революции. Им предстояло защищать не только свободу, равенство и братство, не только ставшие народными фабрики и заводы, землю и дома, но и все огромные богатства науки, культуры и искусства. Здесь, в одном из лучших театров мира, они с особой силой ощутили свой революционный долг.

Известно, что либретто оперы «Юдифь» написано на сюжет библейской легенды. Но мотивы борьбы угнетенных против своих поработителей были близки юным слушателям. Их не могли не волновать возвышенный, героический пафос музыки Серова, могучая широта народных песен, мастерская игра и великолепное пение таких артистов, как Шаляпин (Олоферн) и Кобзарева (Юдифь), звучание замечательного оркестра (капельмейстер Похитонов), прекрасные декорации.

Все эти впечатления как-то по-своему соединялись для каждого из делегатов с только что звучавшими на конференции горячими призывами к участию в революционной борьбе.

Мы с Федей сидели в одном из первых рядов и с замедленным сердцем ждали кульминационного момента оперы. Помня содержание ее в пересказе Марии Федоровны Андреевой, каждый из нас примерно представлял себе, когда должна была начаться воинственная песнь Олоферна. Хотя Шаляпин и сказал, что он на этом спектакле не будет ее исполнять, мы не теряли надежды. Разве можно было забыть, как встретил нас Шаляпин и как проводил,

как изменилось его отношение к нам, когда он узнал, кто мы такие и кого представляем!

И вот мы подталкиваем друг друга локтями. Шалапин начал свою великолепную арию — воинственную песнь Олоферна. Он сделал для нас больше, чем обещал!

В тот вечер, 5 февраля, Федор Иванович впервые пел перед такой молодой рабочей аудиторией.

С тех пор выступления Шалапина в спектаклях для трудящихся красного Петрограда стали постоянными.

«ИДЕМ НА БОРЬБУ В КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ!»

Теперь немного о самой беспартийной конференции молодежи Петрограда. Как я уже говорил, широкая агитационная кампания, проведенная комсомольцами на заводах, фабриках, в мастерских, «заведениях», в школах и по месту жительства, завершилась выдвижением примерно двух с половиной тысяч делегатов конференции, которые представляли до шестидесяти тысяч избирателей. Такого представительного собрания молодежи в Питере еще не бывало!

Около семидесяти процентов делегатов были из рабочей молодежи, и примерно тридцать процентов — учащиеся. Интересно отметить, что приблизительно сорок процентов делегатов являлись членами РКСМ, — беспартийная молодежь доверяла комсомольцам представлять ее на конференции.

Актный зал Смольного был переполнен до предела. Настроение у всех приподнятое. Молодежь ждет открытия конференции, которая должна обсудить волнующие ее вопросы. А вопросов этих в порядок дня было вынесено немало: о производственной дисциплине и охране труда рабочей молодежи, о школах рабочей молодежи, о борьбе с голодом, холодом и разрухой, с эпидемиями и заболеваниями, о физическом развитии юношества и, наконец, об отношении к Российскому Коммунистическому Союзу Молодежи.

Вступительным словом конференцию открыл Федор Дребезгов, только что ставший председателем (первым секретарем) Петербургского комитета РКСМ. Избирается рабочий президиум и почетный в составе товарищей Ленин и Луначарского.

Конференция продолжалась четыре дня, приветствий и докладов было много, прения разворачивались порой

жаркие. Обо всем в коротенькой главке не расскажешь, поэтому я остановлюсь лишь на некоторых, наиболее значимых моментах.

После доклада З. И. Лилиной, в котором говорилось об истории развития народного образования в России и разъяснялась программа Советской власти в школьном вопросе, была практически единогласно (при двух «против») принята резолюция, где, в частности, отмечалось следующее:

«Школа старая должна быть разрушена, ибо она была орудием народного затемнения в руках господствующего класса. Новую школу можно построить только в соединении с трудовой жизнью нового общества. Школа должна быть неразрывно связана со всем социалистическим обществом...

Советская власть, ограничивая труд молодежи 6 часами... даст полную возможность молодежи за счет этих освобожденных от труда часов заниматься образованием. Школа рабочей молодежи больше всего подходит к типу трудовых школ...

Школы — будущее страны. Через трудовую школу молодое поколение выйдет сознательными гражданами социалистического общества. Давайте строить школы!»

С докладом «О борьбе с голодом, холодом и хозяйственной разрухой» выступил товарищ Циперович, работник Петроградского совета профсоюзов. Охарактеризовав тяжелое экономическое положение страны и положение на транспорте, он указал на роль, которая приходится на долю молодежи в борьбе с разрухой.

— Красных командиров производства и великой армии труда дает рабочая молодежь, — сказал он, — а поэтому главной задачей молодежи в борьбе с экономической разрухой является учение, жадное вбирание в себя практических знаний.

Единогласно принимается резолюция, выражающая готовность молодежи всеми силами содействовать Советской власти в ее борьбе с экономической разрухой и призывающая молодых граждан давать примеры высокой производительности труда и сознательной трудовой дисциплины!

Сообщение Федора Дребезгова о том, что приславший на днях из Берлина товарищ привез радостную весть о создании Международным съездом юношеских организаций, в котором принимали участие представители четырнадцати стран, в том числе и России, Коммунистического

Интернационала Молодежи, вызвало горячие, долго не-
смыслившие аплодисменты.

Конференция единодушно приняла решение послать по радио обращение к рабочей молодежи всех стран: «До нас, представителей многотысячной трудящейся и учащейся молодежи революционного Питера, собравшихся на конференцию, дошла весть о создании Коммунистического Интернационала Молодежи.

С чувством неподдельного восторга и революционного энтузиазма мы приветствуем международное объединение молодых рабочих и работниц...

Мы слышим приближающиеся раскаты мировой пролетарской революции. Она идет!

Юноши и девушки, заявите во всеуслышание, заявите на весь мир, что вы за коммунизм!.. Подымите алое знамя борьбы!».

Этим закончился первый день работы конференции.

На другой день с докладом «Дисциплина и охрана труда рабочей молодежи» от имени ЦК РКСМ выступил Дунаевский. С особым вниманием слушали мы о мерах, принимаемых в этом вопросе Центральным Комитетом комсомола. Вот их краткий перечень: недопущение к работе молодежи до четырнадцати лет, введение шести- и четырехчасового рабочего дня для подростков, улучшение условий труда, освобождение молодежи от работ, вредных для здоровья, введение должностей помощников инспекторов труда, набираемых из комсомольцев, контроль за организацией усиленного детского питания, за беспризорными и бессемейными подростками, поднятие производительности и дисциплины труда, постановка профессионального образования, лечение молодых рабочих, борьба с грязью и паразитами и т. д. и т. п.

В связи с такой широкой постановкой вопросов юпошеского труда возникло множество предложений и развернулись оживленные прения.

Не стану говорить о других докладах, каждый из которых вызвал у делегатов конференции живой интерес и желание участвовать в решении выдвинутых задач. Ради этого мы, по сути дела, и собирали массовую конференцию несоюзной молодежи. И ради того, чтобы молодежь осознала: в борьбу за новую жизнь надо вступать в рядах РКСМ. Как говорится, поставить точку в этой агитации должен был заключительный и самый главный доклад — об отношении к РКСМ.

Но вот тут-то нам поначалу не очень повезло. Докладчица, рекомендованная агитпропотделом горкома партии,

была неплохим и знающим лектором, но зажать молодежь не умела. Мы невольно сравнивали ее речь с выступлениями перед молодежью Н. К. Крупской, П. Ф. Куделли, К. Н. Самойловой, А. М. Коллонтай. И сравнение это было не в пользу нашей докладчицы, имевшей лишь «теоретические» представления о проблемах и делах молодежи, но практического участия в них никогда не принимавшей.

Пришлось спешно исправлять положение и самим ставить заключительную «точку» в нашей агитации. Это сделали выступившие на конференции Федор Дребезгов, Сергей Масягин, Михаил Глерон и Николай Фокин. Они доходчиво рассказали делегатам и о широкой политической программе, и о больших делах комсомола. В заключение же с призывным стихотворением выступил наш поэт Дмитрий Мазнин.

И вот результат — делегаты единодушно (только одиннадцать «против») принимают краткую резолюцию:

«Мы, представители беспартийной конференции трудящейся молодежи, все, как один, идем на борьбу в Коммунистический Союз Молодежи!».

Все поют «Интернационал».

...Разумеется не только делегаты этой беспартийной конференции, сорок процентов которых и так были комсомольцами, вступили в ближайшее время в ряды РКСМ. Новый прилив в наши организации был поистине массовым.

Несколько месяцев спустя были впервые опубликованы данные о составе комсомольской организации Петрограда по состоянию на 1 июля 1920 года: в ней насчитывалось теперь 19 663 члена РКСМ. Самой крупной районной организацией была наша — Второго городского района: 4579 комсомольцев.

Сто пятьдесят в начале 1919 года и четыре с половиной тысячи в середине 1920-го!

КОММУНИЗМ СОЗДАВАТЬ МОЛОДЫМ

ИЗ ПИТЕРА — НА ДАЛЬНИЙ СЕВЕР

Весной 1920 года Цекамол (так называли тогда Центральный комитет РКСМ) проводил мобилизацию комсомольских активистов на работу в прифронтовую полосу и в освобожденные губернии. Там требовалось восстанавливать и создавать заново комсомольские организации. Во второй половине апреля меня и еще двоих питерских комсомольских работников вызвали в Москву.

В Москве мы явились на Моховую улицу, где на верхнем этаже здания Центрального Комитета партии помещался тогда Цекамол. Без долгих предисловий нас и еще десять — двенадцать активистов из других губерний пригласили на заседание бюро ЦК РКСМ. Вел заседание Оскар Рывкин. Он, как всегда, был краток и энергичен. Объяснил положение, наши задачи, сказал, кому и куда надлежит ехать, с кем поддерживать связь.

Меня решили направить в Архангельск, недавно освобожденный Красной Армией от белогвардейцев и интервентов, в качестве председателя оргбюро ЦК РКСМ по восстановлению и созданию новых комсомольских организаций.

Объявив нам решения бюро, Оскар Рывкин сказал:

— Уверен, что с этим важным, хотя и трудным делом вы, конечно, справитесь. Сразу по приезде свяжитесь с оргбюро ЦК партии, с их помощью подберите себе в состав оргбюро ЦК РКСМ надежных местных товарищей. И сразу — за работу. Желаю вам успеха. Обо всем пишите, телеграфируйте нам в Цекамол. Не забудьте получить выписки из постановления бюро Цекамол о вашем командировании, билеты и пропуска в прифронтовую зону. А вот это вам талоны — пообедаете у нас в столовой, перепочуете в гостинице на Тверской.

Потом Оскар вынул из ящика стола какие-то плотные листочки бумаги и стал их нам раздавать:

— Это билеты в клуб имени Кухмистерова. Сегодня вечером там состоится заседание, посвященное пятидесятилетию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Вам обязательно надо побывать. Зарядитесь перед новой важной работой.

Вручая нам билеты, Оскар каждому крепко жал руку. Прощаясь со мной, он сказал:

— Заезжать в Питер тебе, Павел, не придется. В Архангельске сложно, и тебе надо как можно скорее туда добраться. Поезда идут пока нерегулярно. Ближайший — завтра. Смотри не опаздывай!

До начала торжественного заседания оставалось совсем немного времени, и мы, оформив все бумаги и победив, не заходя в гостиницу, отправились в клуб имени Кухмистерова, рабочего-большевика.

Почти все места в небольшом зале уже были заняты, но мы сумели кое-как устроиться. К сожалению, я не знаю, кто был организатором того заседания, но на всю жизнь остался этим людям благодарен.

Получив билеты в Цекамоле, мы почему-то полагали, что в клуб на чествование придет и сам Владимир Ильич Ленин. Но ни в зале, ни за столом президиума на сцене его не было... Видимо, Ленин очень занят, думали мы, и сожалели, что нам не довелось его увидеть и услышать.

Много позже Рывкин сказал мне, что дело было не только в занятости Ленина. Оказывается, он был категорически против этих чествований. Узнав, что собрание в клубе Кухмистерова все-таки идет, он несколько раз звонил из своего кремлевского кабинета организаторам этого торжества и спрашивал: «Ну скоро ли вы кончите это безобразие?!»

Впрочем, торжеством это собрание называть неверно. Обстановка в клубе была действительно приподнятая, праздничная, но и вместе с тем деловая. Выступали многие старые партийцы, хорошо знавшие Владимира Ильича, работавшие под его руководством. Они очень просто и тепло рассказывали о нашем вожде, о его жизни, борьбе, мыслях и планах, о работе Советского правительства, о положении в стране.

Для нас, а в зале было много молодежи, все услышанное здесь было очень важно. Мы как бы воочию видели единство и преемственность всех поколений революционеров, большевиков, еще больше убеждались в правоте ленинских идей, нашего дела.

На этом заседании каждый его участник получил бесценный подарок — альбом, выпущенный специально к пятидесятилетию со дня рождения В. И. Ленина. Это уникальное издание хранится у меня до сих пор. Незначительный, небольшой по формату — в лист писчей бумаги — и по объему — всего тридцать два листа, — этот альбом был для нас дороже любого самого роскошного изда-

ния. Теперь он дорог как память, а тогда он был еще и незаменимым подспорьем в нашей пропагандистской работе.

Как известно, единственная автобиография Владимира Ильича, написанная им в мае 1917 года, занимает всего полстранички — всего несколько протокольно коротких фраз. Обрывается она, можно сказать, на полуслове, потому в Полном собрании сочинений так и называется: «Незаконченная автобиография».

Но ведь тогда, в 1920 году, ни полного, ни какого-либо другого собрания сочинений В. И. Ленина еще не было, его работы выходили отдельными изданиями в виде брошюр и книг, статьи публиковались в газетах. Книг же о самом Ленине при его жизни не было вовсе. Только одна маленькая брошюрка Н. К. Крупской. Это была ее статья «Странички истории нашей партии», первоначально опубликованная в газете «Солдатская правда», еще в июне 1917 года. Достать эту брошюру было практически невозможно.

Вот почему альбом, полученный в клубе Кухмистерова, был для нас бесценным подарком. Никаких фотографий, биографических очерков или статей в альбоме нет. Каждый лист его разделен на шесть вертикальных колонок-граф. В них в хронологическом порядке, год за годом, параллельно даны важнейшие события в мире, в России, в мировом и российском революционном и рабочем движении, основные даты и события жизни и борьбы В. И. Ленина и в последней колонке — работы Владимира Ильича.

Я и сейчас, при всем многообразии нынешней Ленинианы, порой обращаюсь к своему альбому — настолько удобно в нем расположен справочный материал. А тогда, в двадцатые годы, он был, можно сказать, моей настольной книгой по истории революционного движения, нашей партии, книгой о Ленине.

Прав был Оскар, мы действительно получили прекрасный заряд перед новой ответственной работой. Да к тому же увозили с собой такие альбомы. Там, куда мы ехали, они были еще нужнее — в этом я не раз убеждался на собственном опыте.

...На поезд я не опоздал. И от Москвы до Вологды ехал как король. За все годы гражданской войны не приходилось мне ездить с таким комфортом — в спальном вагоне. Уж не знаю, каким образом и откуда попал этот вагон в собранный, что называется, с миру по нитке состав, но мне выдалось ехать именно в нем.

В Вологде мой шикарный вояж кончился — пересадка. Теперь я едва втиснулся в битком набитую теплушку товарно-пассажирского поезда. Копошу и Няндому преехали довольно быстро. А вот за Плеседейкой пошли частые остановки. За Озерской и вовсе поползли черепахой, что ни говори, а это — вчерашний фронт. Здесь гнали белогвардейцев генерала Миллера. Недавно освобожден Архангельск и интервенты сброшены в Белое море: и англичане, и французы, и америкапцы...

Вот наконец и сам Архангельск. Невидная станция, разрушенные пакгаузы, опустевшие склады... Отправляюсь искать, где же обосновалось оргбюро ЦК партии. Немало поплутал по застроенным деревянными домами улицам, прежде чем добрые люди не надоумили меня разузнать все в местном штабе Красной Армии. И правда, там сразу указали — оргбюро в центре города, на главной улице.

Оргбюро располагалось в невысоком каменном, видно купеческом, особняке. Все свои дела здесь я решил быстро. Мне выделили в помощники молодого коммуниста Михаила Шеклейн-Ланского и предоставили в наше распоряжение комнату в этом же доме. Это, собственно, и все, чем могло тогда помочь партийное руководство вновь создаваемому оргбюро ЦК РКСМ, помимо советов и обсуждения всяческой поддержки.

Положение в Архангельске и вообще на Севере было действительно очень трудное. Этот край был оккупирован интервентами и их белогвардейскими ставленниками, войсками «правительства Чайковского», еще летом 1918 года, когда Советская власть здесь еще только укрепилась и не успела пустить глубоких корней. Оккупанты стремились продвинуться как можно дальше на юг и юго-восток, чтобы соединиться в Предуралье с армией адмирала Колчака и тем завершить окружение Республики Советов, задуть ее в кольцо блокады.

Все эти годы борьба здесь практически не стихала. Части Красной Армии, моряки Северодвинской военной флотилии, созданной и вооруженной местными рабочими, вооруженные отряды этих же самых рабочих сумели остановить белогвардейцев и сорвать их замыслы. А затем, собрав силы и получив подкрепление, они перешли в решительное наступление.

В начале 1920 года освобождение Севера было завершено. Но край был разграблен. Хозяйство и транспорт пришли в упадок. Все нужно было начинать сначала. Прежде всего восстановить во всех городах и затерянных

по берегам рек селах Советскую власть, укрепить ее, воссоздать партийные организации и комсомольские.

Надо сказать, что комсомольские организации нам практически повсеместно приходилось организовывать запово: немногие местные комсомольцы в 1919 году боролись в подполье, в партизанских отрядах, а с приходом Красной Армии влились в ее части. Но мы не унывали, как и наказывали нам в Цекамоле, взялись за работу засучив рукава.

Миша Щеклейн познакомил меня с надежными ребятами, желавшими вступить в комсомол. Их было человек десять. Вот все мы вместе и составили оргбюро ЦК РКСМ.

Сначала мы вели агитацию и создавали комсомольские организации в самом Архангельске, а затем, когда на реках прошел лед, стали выезжать на «периферию» — в городки, села и деревни обширной губернии.

В этих поездках мне очень помогал опыт, полученный в прошлом, 1919 году, когда я, как и другие комсомольские работники Питера, во время «недели красной молодежи» занимался восстановлением комсомольских организаций в районах Петроградской губернии, освобожденных после разгрома Юденича.

Я вообще стремился научить своих товарищей по оргбюро всему тому, чему сам научился в родном Петрограде. Даже письма, которые присылали мне друзья из Питера, мы читали все вместе. В них было много поучительного. Одно из этих писем у меня сохранилось, и я хочу привести его здесь с небольшими сокращениями. Написано оно 15 мая 1920 года на бланке журнала «Юный пролетарий». Писал Вениамин Трейвас, мой преемник «на посту» организатора райкома РКСМ Второго городского района. Вот это письмо:

«Дорогие друзья Усановы!

Я теперь работаю в ПК как заведующий организационно-инструкторским отделом. Организатором 2 района Селезнёв. Работа в районе поднимается. Членов 2800 с чем-то. Организованы еще рабочие коллективы. Секретарь агитотдела Косырев помогает Рубиной обслуживать коллективы. Ведутся собеседования в некоторых, а также в клубе.

Теперь в питерском Союзе «энтузиастское» настроение ввиду наступления поляков и угрозы со стороны финнов. Ведется усиленное военное обучение и отправлены на польский фронт 80 добровольцев.

Клуб работает хорошо. Посещаемость увеличилась... Участие в кружках принимают 360 топ.

Экономическо-правовая работа расширена: организованы секции при отделе, которые работают как вспомогательные органы государственных учреждений (в комздрав выделен представитель в санаторный отдел). Школьный отдел реорганизован. Вся его организационная и агитационная работа передана в подлежащие отделы райкома. А школьный отдел работает в теснейшем контакте с отделом народного образования.

Проводится в нашем районе прикрепление представителей от трудового населения (взрослых коммунистов, как контролеров и членов педагогических советов, и руководителей в работе РКСМ).

Все внимание обращено на рабочие коллективы, благодаря чему и созданы новые рабочие коллективы...

По районам дела обстоят сравнительно хорошо. Центральная политшкола открывается через месяц.

Ваш друг *Трейвас*.

К письму Трейваса сделали приписки еще двое моих друзей. Приведу здесь лишь короткую выдержку из приписки Владимира Знаменского:

«Я теперь работаю в ПК, в райкоме редко бываю. Работы уйма. Питерская организация поднялась. Крепко стоим на твердых ногах. Работа обращена главным образом на хозяйственный фронт. Мобилизовали на Польский фронт 12 ответственных работников...»

Я специально процитировал эти строки, чтобы обратить внимание читателей на следующий факт: уже весной 1920 года, несмотря на продолжавшуюся гражданскую войну, работа Петроградской организации РКСМ была «обращена главным образом на хозяйственный фронт». Поэтому я не могу согласиться с утверждениями, встречающимися в литературе, будто бы речь В. И. Ленина на состоявшемся осенью того же года Третьем съезде комсомола по своей главной теме была совершенно неожиданной для делегатов. Пишут, будто делегаты ожидали, что Владимир Ильич станет говорить о войне, о военных задачах, а он посвятил свою речь задачам коммунистического воспитания молодежи, хозяйственного строительства.

Нет, это не было неожиданностью! Именно этого мы и ждали, к этому готовились, в этом направлении развивали работу. Возможно, Петроградская организация здесь опережала некоторые другие организации страны, мало-

численные, еще недостаточно окрепшие, по это не мешало главной тенденции, уже к лету 1920 года отчетливо проявившейся в работе РКСМ: не забывая о нуждах фронта, продолжая и даже усиливая военную работу, военное обучение молодежи, мы в то же время все больше и глубже стали заниматься вопросами хозяйственного строительства, восстановления и развития промышленности, транспорта, вопросам образования, коммунистического воспитания комсомольцев, в частности — воспитания в труде.

Конечно, в комсомоле того времени не было теперешней системы распространения передового опыта, обмена информацией. В этом плане наши возможности и возможности нынешних комсомольцев просто несравнимы. Ведь тогда у РКСМ даже не было центрального печатного органа — газеты («Комсомольская правда» стала выходить только в 1925 году). Но мы использовали все доступные нам пути и формы обмена опытом и информацией. Вот, к примеру, процитированное мной письмо из Петрограда, как я уже говорил, мы с женой читали и обсуждали в Архангельске всем составом оргбюро. А мое письмо в Питер с рассказом о наших делах было напечатано в журнале Петербургского комитета РКСМ «Юный пролетарий».

А дела наши к середине мая 1920 года уже значительно продвинулись вперед. Мы, члены оргбюро, как я упоминал, уже создали несколько комсомольских организаций в самом Архангельске и теперь стали выезжать с этой же целью в губернию.

Мне выпало побывать в ту пору в Холмогорах и Сие, в Емецке и Зачачье, в Борке и Сельце, в Верхней Тойме и Пермогорье, в Верхнем Уфтьюге и Красноборске...

Все эти поселения располагались по берегам Северной Двины и ее притоков. Путь к ним один — по воде. Но пассажирских пароходов не было. Они потоплены, взорваны, угнаны белогвардейцами и интервентами, стоят неисправные на приколе, как склады или казармы. Однако с началом навигации вверх по течению Северной Двины пошли за маленькими буксирами баржи. Они отправлялись теперь часто, вывозя из Архангельска оставшиеся здесь после интервентов военные грузы до Котласа — до станции железной дороги. Эти грузы были позарез нужны Советской стране, сражающейся Красной Армией.

Вот на такой барже, прямо на палубе, и отправился я в свое первое плавание с севера на юг.

Баржа еле ползла вдоль обрывистых берегов, похожих на слоеный пирог, приготовленный из камня, песчаника

и глины. Изредка начинкой в этом пироге встречались останки древних мамонтов, которых раньше я видел лишь на картинках в «Ниве». Тысячи лет прошли, а они не истлели. Бивни хоть сейчас пускай в дело. Сколько воды утекло, сколько людей превратилось в прах за это время...

Я внимательно разглядывал разполикую толпу, осевшую на палубе. Попадались тут такие, кого, будь моя воля, я отправил бы к мамонтам. По шипелям и фуражкам английского образца, по следам кокарды сразу распознал в них бывших солдат генерала Миллера. Им бы спасибо сказать Советской власти за то, что пощадила их, а они еще над ней же и глумятся. Кулачье проклятое!

— Приедем, а у нас Ванька-голодранец верховодит. Вот потеха будет! — хихикает круглолицый детина, уминающая соленую треску.

— Ничё, они еще вернутся, сбросят советчиков, — думая о чем-то своем, вздыхает пожилой бородатый кержак, поглаживая ладонью коробку с американскими сигаретами.

Тут я не выдержал:

— Неужто, батя, ты еще американцами да англичапами не наелся?

— Ими я наелся, но боюсь, что большевики пуще ихнего перекормят, — так же задумчиво ответил мне пожилой солдат и, словно прицениваясь, с пог до головы осмотрел меня, нахмурился. — А ты кто такой, что в разговор старших встреваешь?

«Началось», — подумал я, но спокойно ответил:

— Я большевик.

Слова мои подействовали на палубную публику как ушат воды, выплеснутый на раскаленные камни. Минута оцепенения, в которую смешнее всех выглядел круглолицый, слившийся проглотить неразжеванный кусок, а потом голоса, слившиеся в шипение:

— Нос вытри, большевик!

— Брось его в воду — так рыба передохнет...

— Да брешет он! У него еще молоко не обсохло...

Я на всякий случай прислонился к лееру и с напускной невозмутимостью стал рассматривать грапитные скалы. Река в этом месте сужалась, бурлила, натывалась на подводные камни. Баржа круто свернула к стремнину.

— Откуда ты такой взялся? — после короткого молчания услышал я за спиной. На этот вопрос надо было ответить обязательно.

— Я питерский. И с беляками, вот с такими же, как вы, приходилось воевать. А теперь решил в здешних местах обосноваться.

— Советскую власть устанавливать будешь?

— Буду.

— А что она даст нам?

— Об этом Ленин говорил.

— Ты не юли, а сам скажи. Ленина ни мы, ни ты не видел.

— Нет, я видел и слышал! — Я почувствовал, что начинаю злиться, и это заметили остальные.

— Чего ершишься, парень? Рассказывай, коли видел, что говорит-то Ленин про Советскую власть? — примирительно спросил один из солдат.

Я был ему благодарен. Именно этого вопроса, не раз спасавшего меня в трудных переплетах, я и ждал, к нему и подводил разговор.

Чего греха таить, когда 12 мая 1917 года я впервые слушал Ленина на митинге на Галерном острове, то многого не понял из его речи. Но с тех пор прошло три года. Три года революции и гражданской войны. Я перечитал все работы Ленина, какие только мог достать, еще не раз слушал Владимир Ильича и теперь уже хорошо понимал.

Тогда, в семнадцатом, осталось впечатление — яркое и незабываемое, а за три года борьбы и работы оно дополнилось знаниями, опытом, превратилось в непоколебимую убежденность: можно и нужно переделать не только свою жизнь, но и весь мир.

И вот сейчас на барже, начав говорить о Ленине, о Советской власти, я все больше и больше разгорался, чувствовал необыкновенный прилив сил...

Все на барже молча слушали меня, видно, о чем-то думали. И в их глазах я увидел смятение — смятение расшевеленной мысли, разбуженного разума.

— Что ты нам журавля в небе сулишь, нам воробья, да в руки! — еще пытался кричать бородач, но его уже не поддерживали.

Вопросам не было конца. Я отвечал на них до самого вечера, пока люди не стали расходиться. Одни усаживались на канатные бухты и развязывали узелки со снедью. Другие спускались в трюм и устраивались спать.

Я тоже очень устал, но лезть в душный трюм не хотелось. Прошел на корму, лег прямо на доски палубы, но, разгоряченный, заснуть не мог. Вдруг слышу — спрашивают:

— Не спишь, приятель?

Приподнялся, смотрю — стоят рядом три молодых солдата, улыбаются по-доброму.

— Зря ты тут разлегся. Не ровен час, проснешься в Двине, а она у нас студеная. Смотри поберегись. Всякие тут есть. Пойдем-ка лучше в трюм, там у нас кое-что из провианта осталось.

Я поднялся, а один из них говорит мне в самое ухо:

— А ты — голова! Пошли к нам в трюм. Куда все же поплывешь-то?

— Спасибо, — говорю, — за приглашение, но мне в трюм не с руки. Скоро, слышал, Борок, мне там выходить.

— Ну добро, — сказал другой солдат, — значит, питерский? А мы вот устюжские. Будешь в наших местах — заходи, потолкуем, мы живем-то все рядом.

Солдаты попрощались и спустились в трюм, а меня вскоре высадили в Борке. Закончилась моя поездка в Красноборске.

Только вернулся в Архангельск, объявили мобилизацию на Польский фронт, и нам с товарищами из оргбюро пришлось вплотную заняться этим делом. Притом мы не оставляли, конечно, главной своей работы — продолжали вести агитацию среди молодежи, создавали и укрепляли комсомольские организации. Стали мы уже думать и о созыве губернского съезда или конференции комсомола, о проведении выборов постоянного губкома РКСМ взамен нашего временного оргбюро ЦК РКСМ.

Однако здесь мы столкнулись с непредвиденной трудностью. Неожиданно в Архангельском губкоме партии нам сказали, что никакой конференции и выборов проводить не надо, что они распускают наше оргбюро и организуют у себя в партийном комитете отдел по работе среди молодежи. Мы пытались всячески возражать, но товарищи из губкома сослались на Устав Российской Коммунистической партии (большевиков), принятый на Восьмой конференции РКП(б) в декабре 1919 года. Там черным по белому было записано:

«...17. Для особых форм партийной работы выделяются специальные отделы (национальные, работы среди женщин, среди молодежи и т. д.). Отделы существуют при комитетах и непосредственно им подчинены...»

Раз такое противоречие возникло, мы обратились в Цекамол, к Рывкину. Вскоре получили от него ответ. Оскар писал, что такое положение сложилось не только у нас, но и в ряде других мест — на Украине, на Кавказе и в Сибири. Там тоже не знают, как согласовать Союз моло-

дежи с партийным отделом по работе среди молодежи. Оскар писал, что по этому вопросу он выступал на IX съезде партии, отстаивал организационную самостоятельность РКСМ как массового молодежного союза, работающего под руководством партии. Однако некоторые делегаты выступили против этого, полагая, что молодежные отделы партийных комитетов должны заменить комсомольские организации, притом, по их мнению, входить в такие отделы должны были только молодые члены партии. Куда же деваться беспартийной молодежи, состоявшей в комсомоле, было неясно.

Забегая вперед, скажу, что окончательно этот больной вопрос в масштабах всей страны решился только в июле 1920 года.

В циркулярном письме ЦК РКП(б) всем местным партийным организациям указывалось:

«1. Проект устава, говорящий об организации отделов при губкомах для работы среди молодежи, надо понимать в том смысле, что губком выделяет одного из своих членов или одного из ответственных партийных работников для представительства в губкоме РКСМ. Создание отделов, ведущих самостоятельную работу среди молодежи, параллельно работе местных организаций РКСМ, не следует допускать, а где они созданы, их немедленно распустить.

Руководство губкомами и уками РКСМ не должно принимать характера мелочной опеки, лишь раздражающей сознательную молодежь, и должно касаться основных линий работы, основного содержания агитации и пропаганды, устраняя основные недостатки, оставляя тем полный простор для самостоятельности подрастающего поколения».

Так, с ленинских позиций, был решен этот вопрос. Но в конце весны, когда определенного решения еще не было принято, Оскар Рывкин с сожалением распорядился, чтобы я сдал все дела оргбюро Архангельскому губкому партии, а сам выехал в город Великий Устюг — центр Северодвинской губернии.

«ГЕОГРАФИЯ» НАМ НЕ ПОМЕХА

Сейчас мало кто и помнит о том, что была когда-то в составе Российской Федерации такая губерния — Северодвинская.

Она была образована в 1918 году, после того как американские, английские и французские интервенты захва-

тили север России и города Мурманск и Архангельск. Тогда, 17 июля, собрался съезд Советов пяти северных уездов, на котором и была создана Северодвинская губерния. В нее вошли оставшаяся под властью Советов территория Архангельской губернии, огромнейшие Усть-Сысольский и Яренский уезды (теперешняя Коми АССР), часть Вологодской и Вятской губерний. Город Великий Устюг был объявлен центром новой губернии.

В таком составе Северодвинская губерния существовала до 1929 года, когда административное деление Российской Федерации на губернии было заменено системой округов и областей.

Огромный край — бассейн реки Северной Двины, с ее крупнейшими притоками Вычегдой и Сухой. На его территории разместились бы почти все государства Западной Европы. Именно через этот край интервенты и белогвардейцы стремились соединиться с белыми полчищами адмирала Колчака на Урале и в Сибири. Но, как мы уже говорили, их замыслы были сорваны, в чем немалая заслуга рабочих-водников Великого Устюга. Это они летом 1918 года в кратчайшие сроки переоборудовали и вооружили пушками пароходы «Могучий», «Смелый» и «Мурман», превратив мирные суда в боевые канонерки. Эти первые корабли составили ядро прославленной в боях Северодвинской военной флотилии, сыгравшей огромную роль сначала в обороне, а затем и в победах Красной Армии на севере России.

Осенью 1918 года и зимой 1919-го в Михайловском затоне в Великом Устюге продолжались еще в больших масштабах работы по ремонту, оснащению и вооружению кораблей. Рубки и паровые котлы обшивались броней, все надстройки и каюты переделывались применительно к боевому назначению судов. На наиболее крупных устраивались фундаменты под артиллерийские орудия, устанавливались пушки, мачты для радиотелеграфа и т. д. И теперь, в решающую боевую навигацию 1919 года, вступили уже не три, а пятьдесят восемь кораблей во главе с флагманским судном «Желябов».

То, что сделали в те тяжкие осенние и зимние месяцы рабочие Великого Устюга, без преувеличения можно назвать подвигом. Они проявили стойкость духа, волю и энергию под стать своим предкам, землякам-первопроходцам — таким, как Ерофей Павлович Хабаров.

У Великого Устюга древняя и богатая история. Этот город, его люди сыграли огромную роль в освоении севера России, Урала и Сибири. Но кончилась та героическая

пора, и в XIX веке Великий Устюг был низведен до положения мелкого уездного, заштатного городка.

После Октября город не изменился, но население его выросло чуть ли не вдвое. Это зимой и весной 1918 года вернулись на родину бывшие устюжане, жившие в Москве, Петрограде и других городах страны. Они спасались — кто от войны, кто от революции, от холода и голода...

...Приехав в Великий Устюг, я прямо с пристани пошел осматривать город. Большое впечатление на меня произвела набережная реки Сухоны, сплошь застроенная белокаменными старинными церквями и соборами. Думалось, вот какой большой и величественный город. Но когда я зашел за этот великолепный фасад, увидел множество небольших деревянных домов, огороженных заборами. На другом берегу Сухоны вольно раскинулась слобода Дымково, которую в 1918 году переименовали в Робеспьерову. Однако ко времени моего приезда не употреблялось ни старое, ни новое название. Слободу почему-то называли Растоперовой.

На центральной площади города мое внимание привлек деревянный дом с вывеской «Клуб коммунистов имени Карла Маркса». Двери были закрыты, но рядом красовалась большая «завлекательная» афиша. В ней сообщалось, что здесь идет драма в пяти частях «Амур и Психея». В кинотеатре «Паризиана» — кинодрама «Когда пробуждается зверь (третий пол)»; анонс обещает еще два подобных фильма: «Как хороши эти ножки» и «Королева русалок». В кинотеатре «Луч» идет «Порок», кинодрама по Ирвингу; анонс — «В трущобах Нью-Йорка», кинодрама в шести частях, и комедия «Где мои брюки?».

В афише объявлялось по два сеанса в день, а по четвергам и воскресеньям дополнительные бесплатные сеансы для детей и красноармейцев по той же программе (!), что вызвало мое несказанное удивление. Прочитав подпись под афишей: «Заведующий кинотеатрами П. Копейкин», я громко рассмеялся. Мне вспомнилась выходявшая в Петрограде в 1917 году дешевая газетенка «Копейка». Содержание афиши очень напоминало то, что печаталось в этом бульварном листке.

Рядом с афишей — отрывкой прошлого — на стене был приклеен номер газеты «Советская мысль». Вот тут уже были новые времена. В частности, в газете сообщалось, что в Великом Устюге образован и действует Северодвинский губернский пролеткульт.

Напротив этого дома, на обширной площади, кипел базар. От торговых рядов исходили мацящие запахи

съестного. А я со вчерашнего дня ничего не ел и потому решительно направился к палаткам. По тем временам, когда Питер голодал, да и в Архангельске с продовольствием было туго, здешнее изобилие удивляло. Я с жадностью набросился на замечательные ватрушки с творогом — торговка называла их «шаньги». На этих шаньгах я и проел все свои последние деньги, но получил огромное наслаждение.

Подкормившись, я направился в неблизкий путь — к губкому РКСМ, неся с собой весь свой немудрящий багаж. Губком находился на окраине Устюга, в самом верхнем его конце (по течению реки Сухоны), и размещался... в одной из церквей.

В бывшем алтаре теперь был кабинет секретаря губкома Лебедева, который принял меня без задержки. Передав ему мое направление от Центрального Комитета РКСМ за подписью Рывкина, я кратко рассказал о себе. Лебедев подтвердил, что Северодвинский губком комсомола действительно не один раз и очень настойчиво просил Цекамол прислать к ним в Устюг опытных комсомольских работников из Москвы или из Петрограда. И они рады, что я приехал. Конечно, и я был рад такому приему.

После беседы с Лебедевым я отправился через весь город в губком партии встать на партийный учет и представиться. Неожиданно там я встретил хорошего знакомого. Это был секретарь губкома партии Генрих Карлович Клаас. Еще в прошлом году он работал в Петрограде, во Дворце труда, был председателем профсоюза печатников.

Оказалось, что Клаас — латышский революционер-подпольщик, член большевистской партии с 1905 года, энергичный и волевой партийный работник — был в январе командирован сюда, в Северодвинскую губернию орграспредом Центрального Комитета РКП(б).

Теперь Генрих Карлович стал секретарем губкома партии, одновременно заведовал губернским агентством Центропечати РСФСР и был ответственным организатором Коммунистического батальона. «Не хватает опытных работников», — говорил он.

Клаас принял меня очень хорошо, расспрашивал о Петрограде, о знакомых партийных работниках, поставил на учет, погоревал о том, что временно придется мне жить на сеновале, но обещал помочь с квартирой — вернее всего в слободе Дымково. Из-за неожиданного увеличения численности населения Великого Устюга почти вдвое с жильем здесь было туго.

На другой день в бывшей церкви собрались все наличные члены губкома комсомола. Знакомились со мной. Решили пока назначить меня организатором-инструктором губкома. Просили быстрее развернуть работу и показать на деле петроградский опыт. Первый и главный вопрос — рост организации, привлечение в союз новых членов. Решили по опыту Петрограда в ближайшее время провести беспартийную конференцию молодежи города. Всю работу по ее подготовке и проведению поручили мне. Мне было дано задание также подготовить проведение второго губернского съезда РКСМ.

Первый организационный съезд Союза молодежи Северодвинской губернии состоялся в конце декабря 1919 года. На нем были представители от комсомольских организаций этой огромной губернии, в которых состояло тогда всего около тысячи членов РКСМ. Тогда же был избран губком РКСМ. Однако члены губкома вскоре разъехались кто куда, и фактически теперь работали только три человека.

Вот этими небольшими силами мы подготовили беспартийную молодежную конференцию. Были избраны на предприятиях, в школах и домах сто пятьдесят делегатов от семисот пятидесяти юношей и девушек.

Конференция состоялась 17 июня 1920 года. Проходила она в клубе коммунистов имени Карла Маркса. Началась конференция очень торжественно: играл оркестр, говорились приветственные речи, исполнялись революционные песни. Это подняло настроение делегатов, и в таком приподнятом духе прошла вся конференция.

С докладом по текущему моменту выступил товарищ Федулкин, заместитель председателя губисполкома. Секретарь губкома партии товарищ Глушков сделал доклад о «неделе крестьянина» и о предстоящей уборке урожая.

Горячо обсуждались доклады о единой трудовой школе, об экономическо-правовой работе среди рабочих-подростков, о политико-просветительной работе.

Во второй половине дня я выступил с докладом по основному вопросу конференции: «Что такое Российский Коммунистический Союз Молодежи, его организация, цели и задачи». После прений делегаты приняли такое решение:

«Мы, делегаты первой беспартийной конференции молодежи города Устюга, заслушав доклад тов. Усанова, единогласно постановляем, от лица молодежи, нас пославшей, принять самое деятельное участие в работе РКСМ, объединившись под его Красным знаменем».

Результаты не замедлили сказаться. Сразу после закрытия конференции в комсомол записались семьдесят шесть человек и в добровольческий отряд по уборке урожая и помощи семьям красноармейцев семьдесят делегатов. В ближайшие недели приток в комсомол нарастал и нарастал...

Отмечу деталь, характерную для того времени и места. Мы поставили себе цель: так же, как в Петрограде, где для делегатов беспартийной молодежной конференции пел Федор Иванович Шаляпин, завершить здешнюю конференцию художественной частью. Но все, что предлагали нам клубные труппы, не удовлетворяло. Это были уже упоминавшаяся «Амур и Психея» или «Старческая любовь» — пьеса в пяти действиях Барышева, которую играли в рабочем клубе судоходцев.

Теперь уже не помню, как нам удалось разыскать здесь, в Великом Устюге, переехавшую из Петрограда балерину Мариинского театра Марию Павловну Нижинскую. Но мы ее разыскали и сумели уговорить выступить перед делегатами нашей конференции. Балетный вечер состоялся здесь же, в клубе имени Карла Маркса, после закрытия конференции. М. П. Нижинская блестяще исполнила танцы из балетов «Коппелия», «Фея кукол», «Копек-Горбунок», «Эсмеральда», завершал программу «Умирающий лебедь». Этот балетный вечер произвел огромное впечатление на делегатов и вызвал настоящий фурор в городе. Впоследствии, с нашей легкой руки, Нижинская неоднократно повторяла такие концерты, и каждый раз они собирали полный зал.

Вслед за беспартийной конференцией мы подготовили и провели второй губернский съезд РКСМ. Он работал с 25 по 28 июня 1920 года. На этом съезде была представлена не одна тысяча комсомольцев, как на первом, а 5775 членов союза. На съезд были избраны 102 делегата от 218 организаций РКСМ. Среди делегатов были 30 членов РКП(б) и 2 кандидата.

Съезд продолжался четыре дня, из них два дня работали пять секций: организационная, политпросветработы, экономправработы, работы в деревне и школьная секция. Из Архангельска приехала делегация приветствовать наш съезд. Выступил Миша Щеклейн-Ланской, тот самый, который работал вместе со мной в оргбюро ЦК РКСМ. К сожалению, у себя в Архангельске они все еще не провели губернского организационного съезда РКСМ.

Второй съезд Северодвинской губернской комсомольской организации избрал новый состав губкома и шесть

делегатов на Третий Всероссийский съезд РКСМ. Меня выбрали секретарем губкома. В Москву должны были поехать Кубасов, Усанов, Назарьев, Еремиевский, Лебедев и Попов.

НА ТРЕТЬЕМ СЪЕЗДЕ КОМСОМОЛА

Из Великого Устюга мы вшестером отправились в путь солнечным осенним днем, за неделю до назначенного открытия съезда. Погрузили свои пожитки на подводу, которую выделил нам губтрамот — так назывался тогда отдел губернского исполкома по транспорту и материальному снабжению, а сами пошли пешком. Восемьдесят километров до ближайшей железнодорожной станции — для молодых дело нетрудное. Но мы жалели свою и без того сильно потрепанную обувь, а потому весь путь до Котласа шли босиком, чтобы в Москве быть обутыми «по форме».

В пути — две ночевки: нашему коню нужен отдых. Тем более что он был далеко не рысаком. Первую ночь провели в тесной и темной заезжей избе. А вот вторая ночевка прошла по-иному. В большом поселке Красавино, где была текстильная фабрика, в то время бездействовавшая, мы весь вечер беседовали с рабочей молодежью.

Здесь нам, делегатам, был дап наказ: поставить вопрос на съезде и поскорее добиться возобновления доставки сырья на фабрики, чтобы можно было на них работать. Безработица измотала людей, а молодежи, да еще и не имевшей квалификации и надежного дела в руках, приходилось хуже всех.

После долгих разговоров почти всю ночь у реки Сухоны звели песни, крутились танцы. Утром парни и девушки красавинской фабрики пришли проводить нас и снова напомнили про свой наказ.

Заключился наш пеший путь в Котласе. Поезда по линии Котлас — Вятка (теперь Киров) ходили через день. Наши мандаты, выданные губернским комитетом по всей форме, требовали оказывать нам, делегатам съезда, всяческое содействие в проезде по железной дороге в международных, спальных и штабных вагонах. Но форма формой, а жизнь жизнью. О подобных вагонах на этой линии и думать забыли. Наш поезд называли в народе «пятисот-веселый», он состоял из битком набитых товарных теплушек.

Продвигались медленно. Угля для паровоза не было

вовсе, а на одной воде он, как известно, не тянет. По пути мы вылезали из вагонов, заготавливали дрова — тем и двигались.

Однако в Вятке, пересев на московский поезд, мы все-таки попали в штабной вагон. В этом обычном классном вагоне ехали в Москву командиры Красной Армии, радостные, веселые. Они наперебой рассказывали о победах на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. С восторгом слушали мы их и сами рассказывали о делах на севере России.

Чувствовалось, что Советская власть уже близка к окончательной победе в гражданской войне, и мы теперь же строили далеко идущие планы.

Но не успели мы поговориться и порадоваться, как жизнь взяла наши мирные мечтания под уздцы. Рапо утром у самой станции Шарья наш поезд остановился, — путь впереди был взорван. Ночью банда бело-зеленых напала на Шарью, а утром скрылась в лесах, успев немало напаколотить.

Все военные и вооруженные товарищи из нашего вагона вместе с командой местного военкомата бросились в погоню по следам банды. Более суток прочесывали мы окрестные леса, но сумели найти и уничтожить лишь несколько мелких группок бело-зеленых. Ядро банды выскользнуло, ушло. Да, целsgко было вывести поддерживаемые кулаками банды в этом лесном краю.

Все остальные пассажиры нашего поезда тем временем помогали железнодорожникам в восстановлении пути, очищали и выравнивали полотно дороги, подтаскивали со станции рельсы и шпалы, пилили лес, пополняли запас дров на нашем паровозе.

На шестой день мы прибыли в Москву. И вот мы в Третьем доме Советов на Садовой-Каретной. Снова там, где в 1919 году размещались делегаты Второго Всероссийского съезда комсомола, вытеснив семипаристов Московской духовной семинарии, которая чуть ли не сто лет занимала это здание.

И сразу встречи, рукопожатия, разговоры с друзьями-питерцами. Тут были Ваня Канкин, Петя Смородин, Сева Сорокин, Николай Татаров, Жепа Рубина, Аркаша Селезнев, Митя Петропавловский, Семел Минаев, Митя Матвеев, Петр Ефимов, Миша Удалов, Саша Панов и другие ребята. Я не виделся с ними уже больше полугода, и теперь копейно же пошло-поехало: «А у вас... А у нас... А помнишь... А знаешь...» Тут еще и Оскар Рывкин пришел навестить земляков...

И познакомил своих товарищей-соверяп с питерскими делегатами, и с тех пор делегация Северодвинской губернии на съезде шла рука об руку с ними, отражая атаки противников ленинской линии в комсомоле: дунаевских, полифемов, махасевых и прочих.

Центральный Комитет Коммунистической партии заранее проинформировал нас и ввел в курс дела, а также сообщил свои решения об антипартийных взглядах и действиях этих раскольников в комсомоле. Все это было сделано до открытия съезда, на заседании коммунистической фракции, проходившем в зале гостиницы «Метрополь».

На заседании фракции Надежда Копстаптиновна Крупская сообщила нам и о том, что на другой день, при открытии съезда, в восемь часов вечера будет выступать Ленин.

Съезд открылся очень буднично, даже по меркам того времени. Дом № 6 по Малой Дмитровке, где помещался в это время Коммунистический университет имени Я. М. Свердлова, выглядел затрапезно. После революции это здание побывало во многих руках. В числе его временных хозяев были и московские анархисты во главе с Мамонтом Дальским. Анархистские разгул и бесчинства оставили свои следы в их бывшей штаб-квартире.

Холодный полутемный зал до предела заполнен делегатами. Кутаясь в пропахшие дымом всех фронтов длинные шинели, в короткие полушубки, подбитые ветром пальтишки и потертые кожанки, они заняли все места, проходы, подоконники, сидели прямо на сцене... Кроме делегатов и гостей, узнав о выступлении Ленина, пришло много московских комсомольцев.

Съезд только начал работу, и вдруг выступление делегата освобожденных районов Украины прерывается возникшими из сумеречной ниши сцены аплодисментами. Вглядываемся в полумрак и видим: в президиуме съезда — Ленин. Он появился откуда-то сбоку, снял пальто и кепку, сложил их на стул.

Вслед за президиумом поднялся и зааплодировал весь зал. Ленину дали слово, и в это время в зале и на сцене наконец-то зажегся свет.

Владимир Ильич оглядел сцену, плотно занятую делегатами. Тут и шагу некуда ступить, а Ильич очень редко говорил с трибуны, он все время двигался. Знающие люди подсказали это делегатам, и ребята стали отодвигаться в стороны, освобождая для Ленина авансцену.

Владимир Ильич вышел к краю помоста, поднял руку, приветствуя делегатов. Аплодисменты переросли в ова-

цию. Такое впечатление будто целый полк красноармейцев в погу марширует по залу. Ленин внимательно всматривался в пацаньи лица. Ждал тишины. Потом достал из жилетного кармана часы, поднял их и показал на циферблат. Овадии постепенно улеглись.

Ленин впервые на трибуне комсомольского съезда! Энергичный жест. Призывное: «Товарищи!» И вот — первые слова:

— ...Именно молодежи предстоит настоящая задача создания коммунистического общества.

В тяжелом военном двадцатом году Ленин говорил о коммунизме, учил, как строить его, как за него бороться. Ночь разрухи над Советской Республикой, а он говорил об электрификации и индустриализации, о подъеме деревни. Он — любимый вождь партии и народа — ставил задачу молодому поколению революционеров:

— Мы хотим Россию из страны нищей и убогой превратить в страну богатую. И нужно, чтобы Коммунистический союз молодежи свое образование, свое учение и свое воспитание соединил с трудом рабочих и крестьян.

...Только в труде вместе с рабочими и крестьянами можно стать настоящими коммунистами.

Слова Ильича зажигали наши жаждущие немедленной революционной деятельности сердца. И тут же охлаждали непомерно горячие головы:

— Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество.

Мы за годы войны привыкли к твердости штыка и сплывающей, поднимающей силе революционного лозунга. А Ленин говорил о нравственности:

— Нравственность служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплуатации труда.

...В основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма. Вот в чем состоит и основа коммунистического воспитания, образования и учения. Вот в чем состоит и ответ на вопрос, как надо учиться коммунизму.

Подумай, читатель, к кому обращался Ильич с этими словами?

Три четверти делегатов Третьего съезда РКСМ были моложе двадцати лет. Немногим исполнилось двадцать. Старше двадцати лет — единицы.

Юное племя! Но за плечами большинства из нас были революция и гражданская война. И почти каждый из нас

мог сказать о себе словами нашего сверстника Аркадия Гайдара: «Это не биография у меня необыкновенная, а время было необыкновенное. Это просто обыкновенная биография в необыкновенное время».

И комсомольцы революционного призыва оказались достойными своего времени. С оружием в руках отстаивали они Советскую Республику, и теперь Ленин, вождь революции, звал их на новую битву — на фронт труда. Он призывал их учиться коммунизму, строить коммунизм!

Третий съезд комсомола, как известно, продолжался девять дней. На нем обсуждались многие вопросы. Но пастрой всей работе съезда дало то незабываемое выступление Владимира Ильича.

ГЛАВНЫЙ ФРОНТ

Возвращаясь к себе в Великий Устюг, мы везли с собой тоненькие тетрадки, в которых ночью после выступления Владимира Ильича Ленина по памяти записали его речь. Конечно, мы не были уверены в точности такой своеобразной, коллективно составленной стенограммы, хотя обсуждали и между собой, и с питерскими друзьями, казалось, каждое ленинское слово.

Мы переписали по тетрадке для каждого своего делегата, чтобы все сразу по приезде на место могли выступить на собраниях комсомольских коллективов с рассказом о съезде и о задачах, которые поставил перед нами Ленин. Мы поступили так, хотя и надеялись получить со временем более достоверный текст ленинской речи.

Дело в том, что на самом комсомольском съезде стенографов не было, как не было там и фотографов. Все протоколы на слух вели ребята и девушки, избранные в секретариат. На сверку этих самостоятельных записей с текстом самого Ленина рассчитывать не приходилось. Мы, правда, видели, что, начав говорить, Ленин вынул из кармана небольшой листок и заглянул в него. Но потом, казалось, он даже мешал ему — Ильич постоянно, то отходя в глубь сцены, то приближаясь к краю помоста, оставлял свой листок на углу трибуны или на столе президиума.

Однако Надежда Константиновна Крупская успокоила нас и пообещала принять все меры к тому, чтобы мы имели напечатанный текст речи Владимира Ильича. Как всегда, Надежда Константиновна свое слово сдержала, и очень скоро. Она устроила так, что Ленин лично просмотрел, выправил и подписал текст своей речи, записанной секретариатом. Эта речь была опубликована в «Правде»,

в трех померах, начиная с 5 октября. А потом Крупская, как начальник Главполитпросвета, распорядилась отпечатать ее очень большим по тем временам тиражом — двести тысяч экземпляров.

И вот примерно через две-три недели после возвращения в Великий Устюг мы получили в дополнение к газетам и нашим тетрадочкам пачку тоненьких брошюр «Задачи союза молодежи (речь на III съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи)». Вышла брошюра под номером первым в серии Библиотеки Главполитпросвета.

И все-таки мы очень дорожили своими тетрадочками, так как в них были записаны не только речь Ленина, но и наши впечатления и наблюдения, памятные нам вопросы к Ильичу и его ответы. Ведь на съезде получилось так, что Ленин, пожалуй, дольше отвечал на вопросы делегатов, чем говорил свою речь. Когда Владимир Ильич закончил доклад, на столе президиума высилась уже целая груда записок. Да еще и Ленин вынул из карманов немало листков, которые он сам принимал от делегатов.

Ильич посмотрел на это обилие вопросов и, улыбаясь, развел руками. Пришлось объявить перерыв. Ленин взял лист бумаги, разложил записки на столе и, просматривая их, стал делать какие-то пометки себе для памяти.

После перерыва, во время которого многие делегаты не уходили из зала, а, потихоньку собравшись вокруг Ленина, смотрели, как работает вождь, Владимир Ильич стал отвечать на вопросы. Но прежде он сказал:

— Записок очень много. Но я постараюсь на большинство ответить. Во многих записках меня спрашивают о военном и хозяйственном положении Республики, я не могу делать вам второго доклада (такой доклад был назначен на следующий день. — П. У.), да еще хриплым голосом.

Мы тогда и не знали, что Ленин приехал к нам прямо со съезда работников кожевенной промышленности, где он тоже выступал. Наверняка он очень устал к концу тяжелого дня, но, несмотря на это, долго и подробно отвечал на наши записки.

Наконец он прочитал последний оставшийся у него в руках листок: «Скажите, скоро ли кончится война?»

Владимир Ильич засмеялся и сказал, что был бы рад нас утешить, но и сам этого не знает.

— Одно ясно, — подчеркнул он, — чем скорее мы разобьем Врангеля, тем скорее кончится эта война, тем ближе будет наша общая победа над капитализмом.

В ответ грянула овация. Но потом, разговаривая между собой, мы заметили, что про Польский фронт Ленин почему-то не упомянул. Подумали — просто упустил. Но через несколько дней мы поняли, что Ленин, видимо, не сказал о Польше умышленно.

Через несколько дней здесь же на съезде комсомола Анатолий Васильевич Луначарский сообщил нам о заключении мира с Польшей. У Республики Советов оставался последний противник в гражданской войне — царский барон Врангель. Но и ему недолго оставалось топтать нашу землю.

...Так вот, в Великом Устюге. И тетрадок наших, и брошюр, и газет оказалось мало на всю огромную Северодвинскую губернию. В деревнях активисты комсомольских коллективов при мигающем свете содержащихся на голодном керосиновом пайке ламп, а то и при лучине стали переписывать ленинские слова об электрификации и промышленном подъеме России. Когда это будет? Когда по всей стране начнется эта грандиозная работа?

Уже скоро страна получила ответы на эти мучившие ее вопросы.

...Поздней осенью проходил съезд Советов Северодвинской губернии. Решив свои дела, съезд приступил к выборам делегатов на Восьмой Всероссийский съезд Советов.

На заседании фракции большевиков и моя кандидатура была внесена в список делегатов. Но случился неприятнейший казус — делегатом меня не избрали.

Когда секретарь губкома партии стал разъяснять мне: мол, не учли, что по Конституции нельзя несовершеннолетних избирать на съезд, — я очень расстроился и обиженно выпалил:

— Воевать с беляками, командовать ротой, секретарствовать в губкоме я могу — тут никто не спрашивает, исполнилось мне восемнадцать лет или нет! А вот на съезд Советов нельзя! Не хватает-то всего полгода...

— Ну ладно, ладно, не кипятись, — успокоил меня улыбающийся Генрих Карлович Клаас, — учитывая твое пролетарское происхождение, решим так: ты поедешь на съезд как гость, раз нельзя иначе.

И вот мы вновь в Москве... В Москве радостной. Еще бы — победой Республики Советов заканчивалась гражданская война. Только в далеких восточных краях продолжались еще бои.

Утром 22 декабря идем в Большой театр. Народу полным-полно. Узнаю, что по гостевому билету можно зани-

мать места только на галерке либо в оркестровой яме. Я предпочел оркестр — ближе к сцене.

Съезд открыл Михаил Иванович Калинин. Он произнес короткую вступительную речь и предоставил слово для доклада о работе Совета Народных Комиссаров Владимиру Ильичу Ленину.

Переполненный зал Большого театра встретил Ильича громом аплодисментов и возгласами: «Да здравствует Ленин!», «Да здравствует Советская власть!». Но вот стихли овации...

— Завоевав победу, Республика Советов получила возможность запясться мирным трудом, — начал говорить Ленин. — Хозяйственный фронт выдвигается перед нами теперь как главный и как основной.

Значительную часть своего доклада Ленин посвятил вопросам электрификации. Именно тогда он и произнес слова, ставшие крылатыми: «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны».

В голове молнией пронеслась мысль: вот оно, именно об этом первом нам — делегатам комсомольского съезда — говорил Владимир Ильич Ленин. И сердце забилося радостно и гордо. Ленин доверял нам, он надеялся на нас, знал, что нам суждено осуществить эти планы.

А на съезде Советов Владимир Ильич, рассказывая о плане ГОЭЛРО, подчеркнул: «...на мой взгляд, это наша вторая программа партии».

И вот эту вторую программу партии нам предстоит выполнять.

На другой день мы затаив дыхание, как самую увлекательную сказку, слушали доклад Глеба Максимилиановича Кржижановского о плане ГОЭЛРО. На сцене поместили огромную карту России, и на ней электрическими огнями светились первые тридцать электростанций, которые будут построены в ближайшие десять — пятнадцать лет.

Нет, это была не сказка! За картой России сегодняшней без волшебного зеркала виделась Россия завтрашняя — электрическая, индустриальная, богатая и могучая, свободная социалистическая страна! Верилось, что это время не за горами.

...В перерыве после доклада Кржижановского в фойе Большого театра всем делегатам раздавали книгу о плане электрификации России, написанную специально к съезду Советов по поручению Ленина.

Протянул и я свой мандат.

— По гостевым не даем, — отрезал раздатчик.

Меня бросило в краску. Так было обидно! Но тут кто-то потянул меня за рукав.

— Возьми мою, сынок, — протянул мне заветную книгу заросший бородой до самых глаз старик-делегат. — Я вижу плохо, да, по чести сказать, и вовсе неграмотный. А тебе книжка нужна, возьми.

От сердца отлегла обида. Я поблагодарил старого крестьянина, но книжку взять наотрез отказался, — как же он без книжки-то придет в свою деревню? Она там во сто крат нужнее, чем мне.

А тут раздатчик, слышавший мои горячие объяснения, смилостивился и протянул мне книгу:

— На, бери!

...В ту ночь в общежитии делегатов съезда я не лег спать, пока запоем не прочитал книжку.

Захватывающий, невиданный, грандиозный плап! И вдруг в голове зашевелилась какая-то неясная, беспокойная мысль. Я полез в свой вещмешок и достал привезенную с собой тетрадку, ту самую — с комсомольского съезда. Стал перелистывать. Что же меня забеспокоило? Все так, все так... Да, вот оно: одна из последних тетрадных страничек. Записка к Ленину. Делегат из Чернигова спрашивает: «Владимир Ильич! Скажите, почему в деревне нет колесной мази?»

Помню, когда Ильич с особым выражением прочитал эту записку, в зале засмеялись. Многим, да и мне тоже, вопрос показался неуместным, мелким. Но Ленин сказал, что смеемся мы зря, что поставленный вопрос имеет непосредственное отношение к его докладу.

Владимир Ильич убеждал нас, что коммунист никогда не должен устраниваться от вопросов о колесной мази, о гвоздях и керосине. Коммунист должен уметь отвечать на такие вопросы, обязан знать, почему у нас нет колесной мази, обязан заботиться, чтобы колесная мазь у крестьян обязательно была. Интересы коммунистов не могут быть отделены от насущных нужд трудящихся — особо подчеркнул Ленин.

Вот так, вместе, все сразу — колесная мазь, гвозди, керосин и электрификация. Раздумывая об этом единстве, казалось бы, столь разнозначных задач, я перевернул последнюю страницу тетради.

Делегат из Северной Осетии писал Ленину: «У нас в Христиановском школа развалилась». Помню, Ленин громко прочитал записку, обвел зал долгим внимательным взглядом, чуть улыбнулся и ответил:

— Развалилась? Почините!

Вот так просто, без лишних слов и рассуждений, — беритесь за работу, почишите.

...После Восьмого съезда Советов я ехал в Петроград. Все молодые питерцы, восстанавливавшие комсомольские организации в освобожденных районах, возвращались в родной город. Дома предстояло много работы. Питер должен был стать арсеналом электрификации, кузницей будущей индустриальной мощи страны.

ПОЖЕЛАНИЯ ПРОЛЕТАРСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Окрыленные ленинским планом электрификации и промышленного подъема страны, счастливые, возвращались мы с Восьмого Всероссийского съезда Советов. В Петрограде нас ожидала масса дел, и прежде всего необходимо было умножить комсомольские ряды, сплотить молодежь, мобилизовать ее на решение задач мирного социалистического строительства, тех задач, которые поставил перед нами и съезд Советов, и недавний Третий съезд РКСМ.

Именно этим вопросам мы задумали посвятить новогодний номер «Юного пролетария». Помимо основных материалов мы решили напечатать в этом номере пожелания пролетарской молодежи на новый, 1921 год от ряда замечательных людей Петрограда. Наметили кандидатуры — к кому следует обратиться с этими просьбами, распределили между собой адреса. Мне выпало идти к Алексею Максимовичу Горькому на Кронверкский проспект.

С Горьким, как я уже говорил, мне доводилось встречаться не только на многочисленных митингах и собраниях той революционной поры, но и иметь с ним деловые связи как члену комиссии Петроградского Совета по переименованию улиц и площадей города (Алексей Максимович возглавлял эту комиссию). И в решении судьбы обнаруженных нами в тайниках Юсуповского дворца художественных сокровищ Горький принимал самое деятельное участие. Так что мы были знакомы, и, зная теплое отеческое отношение великого пролетарского писателя к рабочей молодежи, я никаких затруднений в выполнении данного мне поручения не предвидел. Однако, придя на Кронверкский, я столкнулся с неожиданным препятствием.

Женщина, открывшая мне двери, сообщила, что Алексей Максимович занят, и, видимо, надолго, — у него гости. Ну как тут, при незнакомых людях, при гостях, излагать свое дело?

Я сказал, что подожду, и уселся в передней. Ждать пришлось довольно долго. Наконец меня позвали.

Войдя в комнату, я увидел, что гостем Горького был Шаяпин. Алексей Максимович встретил меня как знакомого и сразу представил Шаяпину. Я осмелился сказать, что уже встречался с Федором Ивановичем.

— Где же это? — удивился Шаяпин.

— Да у вас, на квартире...

— Не припомню... Когда? — еще более удивленно пробасил он.

— В начале этого года. Я приходил вместе с вашим тезкой Федей Дребезговым, просили вас петь в «Юдифи»...

— А... — оживился Шаяпин, — вспоминаю... Это такой красивый парень, с изувеченной рукой...

— Он самый.

И Федор Иванович без тени неудовольствия принялся рассказывать Горькому о том, как мы его тогда атаковали, как он сменил гнев на милость и пел Олоферна для совсем юной рабочей молодежи. И о Феде Дребезгове...

— А чем занимается теперь мой тезка? — спросил Шаяпин, закончив свой рассказ.

— Он теперь не работает в комсомоле. Федя пошел в артисты.

— Да ну? Он что же, поет?

— Нет, в драматической студии Морозова. Они выступают на сцене Пролеткульта.

— Трудно будет ему. Да еще с такой рукой. Артист должен быть красивый и цельный. Ну да если есть призвание... Передайте ему от меня, старого знакомого, привет и добрые пожелания...

Слушая наш оживленный диалог, Алексей Максимович улыбался, разглаживая ладонью свои густые усы, и одобрительно кивал головой, как бы присоединяясь к словам Шаяпина. Горький спросил о цели моего посещения, внимательно выслушал мою просьбу, без всяких вопросов открыл лежавший на столе большой блокнот и задумался...

Молчали и мы с Шаяпиным.

Обдумав и быстро написав несколько строк, Горький вырвал из блокнота лист и протянул мне. А блокнот передвинул через стол к Шаяпину.

Федор Иванович с удивлением посмотрел на блокнот, потом на Горького и, как-то неодобрительно хмыкнув, откинулся в кресле. А Алексей Максимович стал мягко, но настойчиво убеждать Шаяпина последовать его примеру

и тоже написать свои пожелания рабочей молодежи на 1921 год.

— Я ведь не политик и не писатель, — возражал Шалапин, — да к тому же и Союз молодежи меня ни о чем не просит...

Я, наверное, здорово покраснел от того, что понял свою промашку. И сразу же сказал, что нам очень хотелось бы поместить в «Юном пролетарии» и его, Федора Ивановича, пожелания рабочей молодежи.

Шалапин сдался и склонился над блокнотом. А я тем временем читал написанное Алексеем Максимовичем. По плотному листу бежали размашистые строки:

«Пролетарской молодежи на 1921 год.

Будущее твое, юность, и от тебя зависит наполнить его тем или иным содержанием.

Если б тебе удалось сделать будущее менее грозным, кровавым и бесчеловечным, чем прошлое и настоящее!

М. Горький».

Протянул мне свой листок и Федор Иванович. Но его перехватил Алексей Максимович и глуховатым голосом прочел:

— «Знания, правда и красота — вот те друзья, с которыми жизненный путь — удовольствие.

Федор Шалапин».

Полностью удовлетворенный результатами своего визита к Горькому, я, кажется, слишком поспешно поблагодарил хозяина и его гостя за отзывчивость и, быстро распрощавшись, ушел. Я спешил на Красную улицу, в Петербургский комитет комсомола, где помещалась и редакция журнала «Юный пролетарий». Я спешил доставить по назначению врученные мне листки.

Оба эти пожелания — Алексея Максимовича и Федора Ивановича — в ряду других были напечатаны в новогоднем номере «Юного пролетария» (№ 1—2 за 1921 год).

С радостью вспоминаю, с каким интересом и признанием читала рабочая молодежь Питера пожелания великого пролетарского писателя и великого народного артиста. Печалюсь об одном: мы не сохранили их автографов. В грозные революционные годы мы слишком мало придавали этому значения. И напрасно...

В ТИСКАХ РАЗРУХИ И ГОЛОДА

Я уже писал, что из Москвы в Петроград мы возвращались счастливые, окрыленные грандиозным ленинским планом электрификации и промышленного преобразования страны. Не терпелось приступить к работе, к восстановлению разрушенного войной и интервенцией народного хозяйства. Но капиталистический мир не думал сдаваться. Буржуазия и ее прислужники готовили новую попытку свалить молодую Советскую Республику, взорвать ее изнутри.

«Быть Петрограду мертву! Быть Петрограду пусту!» — каркали они злое. —

Что и говорить, трудностей было немало. За годы гражданской войны население Петрограда сократилось более чем в три раза. Бежали из города царские офицеры и чиновники, буржуазия, духовенство и иже с ними. Начиная с 1918 года покинули Питер несколько сотен тысяч рабочих с семьями. Капиталисты сразу после победы Октября стали закрывать заводы и фабрики, пытались удушить трудящихся костлявой рукой голода.

В 1917 году в Петрограде было более четырехсот тысяч рабочих, а к 1921 году осталось около девяноста двух тысяч. Численность металлистов, этого ведущего отряда питерского пролетариата, уменьшилась почти в шесть раз. Прежде всего на рабочих обрушились невзгоды, связанные с безработицей. А тут пришла новая беда. Тридцать четыре губернии постиг неурожай. Страну, и без того измотанную, едва дышащую, придавил жесточайший голод. В феврале 1921 года промышленные рабочие получали в день фунт (примерно четыреста граммов) хлеба, выпеченного из суррогата. И никакого приварка, никаких других продуктов. Безработным — тем хоть помирай: четверть фунта хлеба в день.

Не хватало и топлива. По этой причине движение на многих железнодорожных линиях прекратилось. На магистрали Москва — Петроград в феврале 1921 года ходили всего только два поезда в сутки — почтовый и товарно-пассажирский.

Непрерывные мобилизации на различные фронты, на

работу в деревне, в продотряды и т. д. обескровили петроградские организации Коммунистической партии и комсомола. К началу 1921 года численность Петроградской партийной организации, несмотря на непрерывный рост ее рядов, была намного меньше, чем в 1917 году.

Возвратясь со съезда Советов, мы из сил выбивались, стараясь пустить в ход побольше предприятий, уменьшить хоть немного число безработных. Но вскоре пришлось приостанавливать работу даже на действовавших предприятиях. Петроградские газеты 8 февраля опубликовали сообщение о временном перерыве работы на фабриках и заводах. Президиум Петроградского совета профсоюзов обращался к рабочим, работницам и служащим города с воззванием, в котором сообщалось о необходимости сделать перерыв не меньше чем на три недели. В состоянии были продолжать работу только водопровод, мельницы, хлебопекарни, электростанция, а также предприятия, занятые ремонтом паровозов, цистерн и судов. В воззвании говорилось, что за время перерыва будет усилен подвоз дров, накоплено немного угля и нефти, создан запас материалов, без которого нельзя работать.

Формально заводы закрылись, но люди по-прежнему приходили на работу. Действовали многолетняя привычка и опасение, что не будут выдавать рабочий паек тем, кто останется дома. Администрация не решалась выгонять рабочих из бездействующих цехов. День за днем в промерзших молчаливых цехах падал дух рабочих, расшатывалась дисциплина. Никакие призывы и разъяснения не в состоянии были существенно поправить дело.

Вот как оценивал создавшееся положение Владимир Ильич Ленин: «Отрицать, что условия деклассирования пролетариата есть минус,— смешно, нелепо и абсурдно. К 1921 году мы видели, что после окончания борьбы с внешними врагами, самой главной опасностью, самым большим злом стало то, что мы непрерывную производственную работу в крупнейших предприятиях, которые остались у нас в небольшом числе, обеспечить не могли. Это основное. Без такой экономической базы прочной политической власти у рабочего класса быть не может».

Тяжелое положение, сложившееся в Питере, сразу использовали в своих целях наши политические противники — меньшевики и эсеры. Не брезгуя никакими средствами, распуская контрреволюционные слухи, натравливая рабочих на советскую администрацию, умышленно затуманивая их сознание, они, эти враги Советской власти, призывали рабочих бороться за «Советы, по без боль-

Шевиков», и плели сеть контрреволюционного заговора на заводах Петрограда. Некоторые наименее сознательные рабочие дрогнули под остервенелым натиском эсеров-меньшевистской демагогии.

СИТУАЦИЯ ОБОСТРЯЕТСЯ

В то время я работал организатором (первым секретарем) Василеостровского райкома РКСМ.

Положение в этом районе сложилось особенно тяжелое. Закрытие заводов, чувство неопределенности, голод, холод, агитация врагов Советской власти привели к тому, что многих рабочих, особенно семейных, охватили отчаяние и безверие.

В этих условиях некоторые руководители предприятий и партийных организаций района не стали ожидать окончания трехнедельного накопительного перерыва и объявляли рабочие дни, как только подходило хоть немного топлива и сырья.

Но тут люди, еще недавно с нетерпением ждавшие работы, стали отказываться начинать ее, хоть и являлись на завод вовремя. Поначалу таких рабочих было немного, но с каждым днем их становилось больше. Отказ от работы стал массовым явлением в середине февраля, когда было объявлено об уменьшении и без того голодного хлебного пайка до одной восьмой фунта (пятьдесят граммов) на человека в день.

До той поры таившиеся в тени меньшевики и эсеры стали теперь созывать в цехах заводов массовые собрания. Собрания эти проходили без ведома и участия заводских большевистских и профсоюзных организаций. Коммунистам, представителям советских организаций, желавшим выступить на таких собраниях, попросту не давали слова. Я сам видел, как во второй мастерской Трубочного завода стащили с трибуны товарища Анцеловича, старого большевика-подпольщика, председателя Петроградского совета профсоюзов.

Страсти накалялись. На Балтийском и Трубочном заводах началась «вольтерпа». Эти два крупных завода до революции принадлежали царской казне. Во время империалистической, а затем гражданской войны сюда устремилось много так называемых «учетников». Они шли в заводские цехи, чтобы избежать призыва в армию и отправки на фронт. Пролетариями эти люди были лишь по названию. В то же время лучшие рабочие этих заводов

добровольно ушли в Красную Армию, в продотряды, на партийную работу.

На Трубочном заводе весь партийный коллектив состоял тогда из семнадцати коммунистов. Неудивительно, что меньшевики и эсеры имели здесь большое влияние и что их антибольшевистские призывы находили быстрый отклик.

Товарищам Анцеловичу и Аменицкому (секретарю Василеостровского райкома партии) удалось выступить на Балтийском заводе. Анцелович сумел уговорить собрание, и оно приняло такую резолюцию: производственному коллективу работать еще две недели, но если за это время не будет коренным образом улучшен хлебный паек, весь завод бросает работу. В тех трудных условиях и это решение расценивалось как наша победа. После этого меня направили на Трубочный завод. Надо было сообщить собранию «волынщиков» о том, что балтийцы решили работать.

На Трубочном собрание гудело с восьми часов утра. Я пришел туда в час дня. На собрании присутствовали представители Петербургского комитета партии и Петрокоммуну. Засевшие в президиуме меньшевики и эсеры не дали слова ни тому, ни другому. Что было делать? Подойти и прямо сказать: «Я организатор райкома комсомола. Дайте мне слово»? Нет, это было бесполезно. Я нашел в толпе организатора заводского коллектива коммунистов Неклюдова, посоветовался с ним.

— Говори, что ты с Балтийского завода, — сказал Неклюдов. — Может, и проскочишь. Нам-то, видишь, никак. Загнали намертво. Ну а если что — защитим.

Пробился я к президиуму собрания.

— Пришел, — говорю, — с Балтийского завода. Прошу слова.

— А что там собрание решило? — спрашивают.

— Вот об этом я и хочу сказать.

— Скажи сначала нам.

Я загорячился:

— А вы что, цензуру тут открыли на выступления? Как при царе? Я вот спрошу об этом рабочих...

— Ну ладно, пускай говорит, прогнать успеем, — заключил председатель и дал мне слово.

Начал я спокойно. Рассказал, как прошло собрание на Балтийском заводе, кто на нем выступал, о чем говорили Анцелович и Аменицкий. Сначала меня внимательно слушали, потом зачастили нетерпеливые выкрики:

— Довольно накручивать!..

— Говори, что там решили!..

Когда я сообщил, что балтийцы постановили работать две недели, до улучшения дела с продовольствием, собрание на Трубочном как бы раскололось надвое. Многие участники его задумчиво молчали, а некоторые как с цепи сорвались — подняли неистовый шум, двинулись ко мне, заорали:

— Тащи его с трибуны!..

Я еще пытался что-то говорить, с кем-то вступать в полемику. Но меня уже не слушали.

Сообщение с Балтийского завода заставило многих рабочих задуматься, но не настолько, чтобы освободиться от влияния меньшевиков и эсеров. Обстановка накалилась до предела. Эсеры призывали рабочих выйти на улицу, демонстрировать «за Советы, но без большевиков».

НА ВОЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ

Около тысячи коммунистов насчитывалось тогда в Василеостровском районе. Это была немногочисленная, но крепкая партийная организация. Как только появились первые признаки «волынки», при райкоме партии была образована революционная тройка, к которой перешла вся власть в районе.

Сначала в ревтрояку вошли секретарь райкома Аменицкий, заведующий орготделом Сиротинский и рабочий Балтийского завода, депутат районного Совета Ингельман. Через несколько дней, когда «волынка» распространилась по всему острову, грозя выплеснуться в другие районы Петрограда, на замену Сиротинскому и Ингельману городской комитет партии прислал более волевых, опытных товарищей, в их числе и начальника Петроградской пехотной школы командного состава Казапского.

Комсомольская организация района тоже мобилизовалась на борьбу с классовым врагом. Революционная тройка была образована и в райкоме комсомола. Начинались круглосуточные дежурства. По всему району и у мостов через Неву мы расставили комсомольские патрули.

Комсомольцы внимательно следили за изменением обстановки, давали отпор бешеной агитации, которую развили меньшевики, эсеры и черносотенные элементы не только на предприятиях, но и на улицах. Когда поступило сообщение, что на Косой линии собрались тысячи людей, что там идет митинг и решается вопрос об эсеро-меньшевистской демонстрации, ревтрояка тотчас приняла

срочные меры. К месту митинга были направлены коммунисты и комсомольцы. Вскоре в Василеостровский район вошли воинские части.

Полурота курсантов выстроилась у пожарной части, чтобы не допустить выхода демонстрантов с Косой линии на Большой проспект и далее в город. Курсантам был дан строжайший приказ оружие в ход не пускать. Они пытались остановить натиск паэлектризованной толпы, но были в несколько минут сметены ею. Толпа двинулась по Большому проспекту. Попытки коммунистов и комсомольцев остановить ее тоже не увенчались успехом. Находясь среди одурмашенных эсеро-меньшевистскими лозунгами, враждебно настроенных людей, мы агитировали, уговаривали, призывали их, пытались на каждом углу задержать движенье. Только невдалеке от дома райкома партии, где помещалась ревтройка, удалось создать непроходимый заслон. Толпа долго топталась на одном месте, разбиваясь о нас, как о плотину. Людская масса бурлила. С той и другой стороны раздавались крики, выступали ораторы, но до вооруженного столкновения дело не дошло.

Часа через два-три отдельные группки «волеыщников» начали с двух сторон обходить наш заслон. Одни направились по Четырнадцатой линии и по Среднему проспекту к табачной фабрике «Лаферы» и далее к Трубочному заводу. Другие двинулись по набережной Невы к Николаевскому мосту.

Нужно было что-то предпринять, чтобы не допустить этот второй поток в центр города. Тотчас последовала команда развести Николаевский и другие мосты, соединявшие Васильевский остров с другими районами города. В те годы Николаевский мост разводился со стороны острова. Мостовые фермы не поднимались вверх, а отводились в сторону. Поэтому издадека нельзя было определять, разведен мост или нет. Только приблизясь к нему, «волеыщники» увидели, что тут им не пройти. Некоторые из них стали перебираться на другой берег по льду. Остальные (их было большинство) топтались на мосте.

Триста — четыреста наиболее активных «волеыщников», перейдя на противоположный берег, тотчас направились на предприятия. По набережной Адмиралтейского канала они прошли мимо бездействовавших Адмиралтейских верфей и бросились к кондитерской фабрике Жоржа Бормана (ныне фабрика имени Самойловой). Им удалось занять фабрику, снять жещин и девушек с работы.

Предупрежденные по телефону василеостровской рев-

тройкой, коммунисты и комсомольцы Второго городского района прибыли на фабрику и с большим трудом выбили из нее засевших там «волынщиков», которые, кстати, к тому времени успели уже основательно «подкормиться».

Небольшие группы «волынщиков» (человек по десять-двенадцать) добивались и до других предприятий, в том числе и до Путиловского завода, но успеха там не достигли.

Вторая толпа поддавшихся эсеро-меньшевистской агитации демонстрантов отправилась на остров Голодай, сняла с работы женщин фабрики «Лаферм», а к Трубочному выводу подошла поздно, когда митинговавшие с самого утра «волынщики» этого завода разошлись по домам. Но тут уже и от самой толпы демонстрантов мало что осталось. Большая часть ее была еще по пути рассеяна коммунистами и комсомольцами района и помогавшими им военными курсантами.

Между тем по Петрограду и дальше, за его пределы, ползли алопамерно распространяемые слухи о том, что рабочие якобы восстали против большевиков и что будто бы на Васильевском острове курсанты расстреляли демонстрацию, загнали восставших на лед Невы, причем многие утопили...

Обстановка сложилась серьезная. В районе было объявлено военное положение. Вторые сутки никто из нас не спал. Вот некоторые сводки, которые я от имени комсомольской ревтройки передал в Петербургский комитет РКСМ:

«По Балтийскому заводу. 26 февраля, 2 часа дня. Утром все пришли на завод и частью приступили к работе, но потом работу бросили и в настоящее время расходятся по домам...»

«По 4-му участку Васильевского острова. 26 февраля, 10 часов вечера. Замечается некоторое скопление народа у фабрики «Лаферм». Тема разговоров обычная (свободная торговля, проезд за картошкой и т. д.)...»

«Гвоздильный завод. 26 февраля, 7 часов вечера. К работе не приступали, целиком присоединились к Балтийскому заводу. Работать не будут до тех пор, пока Балтзавод не начнет работать. Настроение плохое...»

«Волянка» продолжалась. Трудно было собирать коммунистов и комсомольцев на борьбу с ней. Каждый из них был нужен на своем предприятии. Заваруха, которая началась в районе, некоторых из ребят отрезала от нас морально. Были случаи, когда наши товарищи не могли

пробиться в райком, потому что «волынщики» выставляли свои пикеты и посты. И все же значительная часть комсомольцев была брошена на заводы, наиболее охваченные «волынкой».

Комсомольцы того времени, конечно, не были так хорошо политически подкованы, как теперешние советские юноши и девушки. Это были надежные помощники партии, воспитанные революцией и гражданской войной. Но выступать на собраниях им было трудно. Тем более трудно было им спорить с эсерами и меньшевиками, изощренными в политических дискуссиях. Зато комсомольцы в дни «волынки» хорошо помогали райкому партии и районной ревтройке, ведя патрулирование, разведку, различного рода проверки, дежуря, поддерживая связь. Комсомольцы шли туда, где надо было узнать обстановку, куда коммунисты, почти все известные «волынщикам» в лицо, попасть не могли.

Вспоминается такой случай.

В глухом месте Васильевского острова, между Косой линией и Большим проспектом, на огромном пустыре стояло несколько домишек. В течение двух суток вели комсомольцы наблюдение за этим подозрительным местом. Им удалось выследить организацию меньшевиков и сочувствующих им, которые устроили свой явочный пункт и тайный центр в одном из домишек. При ликвидации этого центра были обнаружены пачки отпечатанных листовок и плакаты с контрреволюционными лозунгами, которые «волынщики» собирались нести во главе антисоветских демонстраций.

Комсомольцы помогли партийной организации раскрыть и некоторые другие враждебные центры. Задержав на улице врача больницы имени Веры Слуцкой, тащившего к себе домой спирт, ребята одной нашей разведывательной группы попали на след нелегальной анархистской организации на острове. Обнаружив свадебный пир в одном из домов (в такое-то время — и вдруг свадьба!), они помогли разгромить важный центр эсеров-заговорщиков, собравшихся на конспиративное совещание.

В этой разведывательной группе работало двадцать восемь комсомольцев. Среди них особенно активно и умело действовали Миша Назарьев и Саша Звопарев. Впоследствии к двадцати восьми мы присоединили направленных нам в помощь курсантов Центральной политшколы Петроградского горкома РКСМ, которые были подготовлены к дискуссионной борьбе гораздо лучше наших комсомольцев.

Трудно приходилось коммунистам и комсомольцам, разоблачавшим организаторов «волинки», развенчивавшим их агитаторов. Борьба эта шла не только на фабриках и заводах, но и на улицах и в жилых домах. Невиданное обострение нужды вызывало отчаяние и раскалывало цехи и бригады, семьи и квартиры, родителей и детей, братьев и сестер. А меньшевики, эсеры и их сторонники всячески раздували искры разлада и паники.

Лучше всего сказал об этом Владимир Ильич Ленин в своей речи при закрытии X съезда партии 16 марта 1921 года:

«Ведение гражданской войны, после стольких лет империалистической войны, настолько истерзало и запутало страну, что оживление ее, после окончания гражданской войны, приходится сейчас переживать в условиях необыкновенно трудных. Поэтому мы не можем удивляться тому, что элементы распада или разложения, мелкобуржуазная и анархическая стихия поднимают свою голову. Ведь одним из основных условий для этого является крайнее, невиданное и беспрецедентное обострение нужды и отчаяния, которое овладевает сейчас десятками и сотнями тысяч, а иногда, может быть, и большим числом людей, не видящих выхода из тяжелого положения».

В конце февраля к нам на остров неожиданно пожаловала делегация кронштадтцев в составе тринадцати человек. Задержанные у Николаевского моста комсомольским патрулем, матросы попросили отвести их к «главе сегодняшней власти» на Васильевском острове. Председателю ревкома (так теперь называлась партийная тройка), товарищу Казанскому они предъявили официальную бумагу (кем она была выдана, не помню). Кронштадтцы говорили, что хотели бы побывать на заводах, чтобы узнать, кто стрелял, в кого стреляли, какие жертвы. Они были посланы проверить зловещие слухи, которые дошли до Кронштадта и там усиленно распространялись.

Казанский объяснил матросам, что на Васильевском острове никто не стрелял, ни в кого не стреляли и что здесь не было никаких кровавых столкновений и жертв.

— В этом вы сможете убедиться сами, побывав на заводах и поговорив с рабочими, — подчеркнул Казанский. — Но одно условие: после обхода заводов, до отъезда в Кронштадт, обязательно вернуться в ревком и сообщить о своих впечатлениях.

Поздно вечером делегаты вернулись с заводов. Придя в ревком, они ни с Казанским, ни с другими нашими товарищами говорить не пожелали, а потребовали пропуска

в Кронштадт. Еще до их возвращения Казанский вел длительную беседу по телефону с Петербургским комитетом партии. Что делать? Пускать матросов обратно в Кронштадт или нет?

Было решение — во избежание осложнений пустить.

И вот через два дня поступило сообщение: вспыхнул кронштадтский контрреволюционный мятеж.

Что доложила «чертова дюжина» в Кронштадте, нам не было известно. Но, видимо, в ситуации, сложившейся на Васильевском острове, эти тринадцать делегатов не разобрались или не хотели разбраться. А это, в свою очередь, повлияло отчасти на события в Кронштадте.

ПРОТИВ МЯТЕЖНИКОВ

Получив сообщение о мятеже, партийная и комсомольская организации Васильевского острова перестроились и вошли на военный лад. В течение одних суток был создан Коммунистический батальон. Первая рота формировалась из членов партии, а вторая — из комсомольцев. И вот тут-то возникло неожиданное осложнение.

На медицинском осмотре врачи отобрали из числа наших ребят только тех, кто был повыше ростом, постарше и с виду покрепче, а остальным велели отправляться домой. Поднялся шум, началась форменная буза. Прибежали мы, члены ревтройки.

— Что такое? В чем дело?

Вслед за нами пришел председатель ревкома товарищ Казанский. Комсомольцы негодовали: ну как же, их отказывались зачислять в Красную Армию. Один из врачей объяснял Казанскому:

— Видите ли, граждане, мы этих детей не станем осматривать. Какие же это солдаты? Это дети. Поймите вы — дети!

Комсомольцы снова зашумели. Они решительно заявили, что и без медицинской комиссии пойдут в армию. Кто-то кричал, что это не доктора, а контрреволюционеры и что они, наверно, заодно с мятежниками.

Мне самому тогда было только восемнадцать лет, и я целиком был на стороне своих младших товарищей-комсомольцев, добивавшихся приема в Красную Армию. Как секретарь райкома и член революционной тройки, я доказывал Казанскому, что их всех необходимо принять в батальон, и ручался за боеспособность ребят и их преданность нашему делу. В конце концов Казанский поддался

нашему дружному нажиму и сказал врачам, чтобы они осмотрели всех комсомольцев. Те вынуждены были пойти на уступки, и почти все ребята были приняты в Коммунистический батальон.

— Ну, смотри, секретарь, — сказал мне Казанский. — Ты настаивал, тебе и разбираться. Выделим всю эту зеленую молодежь в отдельную роту, а тебя назначим командиром. Не подведи!

Через час был объявлен приказ ревкома Василеостровского района о сформировании роты РКСМ в составе Коммунистического батальона и о назначении меня на командный пост, только не командиром, а помощником командира роты. Командиром был назначен хорошо мне известный по взятию гостиницы «Астория», опытный солдат-фронтовик товарищ Кишенец. Он вел занятия по военно-допризывной подготовке комсомольцев Второго городского и Василеостровского районов и был нашим воепруком. Вновь я оказался под началом Кишенца. У меня сразу отлегло от сердца: с Кишенцом не пропадешь! Правда, была причина и для огорчения. При окончательном формировании батальона самые рослые и старшие по возрасту комсомольцы были взяты от нас и составили ядро третьей роты, которая затем пополнилась беспартийными рабочими и советскими служащими.

Все это было сделано в течение одного дня. К вечеру нашей второй роте командование отдало боевой сектор Василеостровского укрепленного района: Гребной порт, Галерная гавань и Чекуши, то есть все западное побережье. По дислокации, установленной ревкомом, мы выставили посты и караулы по всему западному побережью Васильевского острова, в том числе на Балтийском заводе, заводе «Севкабель», на фабрике имени Веры Слуцкой, на кожевенном и радиотелеграфном заводах.

В то же время были выдвинуты вставы и налажена с ними связь на тот случай, если бы отряды из мятежного Кронштадта попытались подойти к Ленинграду по льду залива. Васильевский остров становился форпостом Питера.

В тылу у нас все еще было беспокойно. «Волынки» на заводах и фабриках острова пока не прекращались. Зачисление наиболее боеспособных коммунистов и комсомольцев в Коммунистический батальон несколько ослабляло борьбу против эсеров-меньшевистских провокаторов.

Даже многие наши женщины, коммунистки и комсомолки, пришли в батальон. Они составили две санитарные дружины. Комсомольскую санитарную дружину воз-

главляла энергичная и боевая заведующая агитационным отделом райкома РКСМ Дуся Емельянова, та самая Дуся, которая начала свой путь в ССРМ еще на фабрике Маркушевича. С ней вместе вступили в дружину Надежда Оцуп, Анфиса Богданова, Савич, Каратаева, Зельдович и другие активные комсомолки.

Как и другим помощникам командиров рот Коммунистического батальона, мне через каждые двое суток на третьи приходилось быть ответственным дежурным по гарнизону Василеостровского района. В число обязанностей ответственного дежурного по гарнизону входила проверка караулов. Много раз убеждался я, как исключительно точно и аккуратно несли василеостровцы службу в караулах и на заставах.

Но был и такой случай. Накануне штурма Кронштадта отправились мы с Петром Ефимовым и Борисом Земским на проверку, и оказалось, что начальник караула на Балтийском заводе не знает расположения своих постов. А ему было подчинено около семидесяти человек.

Этот человек попросту плутал по заводу, не находя своих караулов. Ребята мои были вне себя, пробираясь за этим растяпой между цехами и складами. Такой мог прощляпнуть любую вылазку мятежников. Пришлось тут же заменить этого начальника караула товарищем, хорошо знающим завод.

«ВОЛЫНКА» ДАЕТ ТРЕЩИНУ

Зачисление в Коммунистический батальон не освобождало членов партии от всех их прежних обязанностей. Так было и с нами. Тем более что батальон наш дислоцировался на Васильевском острове. Многие коммунисты несли боевую службу и продолжали свою основную работу. Никто не освобождал меня от обязанностей секретаря райкома комсомола. Значит, надо было по-прежнему бороться с «волынкой». А комсомольцев на предприятиях стало меньше. И без того немногочисленные ячейки комсомола на заводах и фабриках еще более уменьшились после мобилизации наших ребят в батальон и направления их в помощь советским и партийным органам.

В довершение всего некоторые комсомольцы сами оказались под влиянием агитации меньшевиков и эсеров, затевали бузу и принимали участие в «волынке». Помню комсомольское собрание на Трубочном заводе в первые дни кронштадтского мятежа. Мы созвали это собрание, чтобы мобилизовать всех оставшихся на заводе комсо-

мольцев в помощь партийной организации для борьбы с продолжающейся «волынкой». Пока я делал доклад о создавшемся положении и задачах комсомольцев, пришедшего со мной члена райкома Петра Ефимова привязали к стулу. Из задних рядов в меня бросали гайки, и это уже не походило на невинное озорство. Особенно усердствовали во всяческих выходках братья Берендеевы. Они же выступали в роли вожakov отколовшейся от коллектива группы бывших комсомольцев.

Хотя в большинстве своем комсомольцы твердо следовали большевистской партийной линии, все же очень тяжело и больно было видеть, что в такой грудной момент в наших рядах появились отступники.

Впрочем, «волыпка» на острове уже начинала давать трещину. Сказались упорная разъяснительная работа, которую вели коммунисты и комсомольцы, а также меры, принятые парторганизациями и ревкомом. Преданные Советской власти беспартийные рабочие перестали слушать злобную вражескую агитацию и становились к станкам. Эсерам и меньшевикам не удалось использовать известия о начавшемся в Кронштадте мятеже для усиления «волынки». Им не удалось толкнуть рабочих на провокации, на вооруженное выступление против партии большевиков. А именно этого наши враги и добивались.

Скажу больше: известие о выступлении белогвардейцев в Кронштадте отрезвило многих рабочих, поддавшихся влиянию контрреволюционной пропаганды, заставило их глубоко задуматься о своей судьбе и судьбе всего рабочего класса.

Теперь я передавал в ПК РКСМ сообщения комсомольской ревтройки о положении в районе уже иного порядка:

«Трубочный завод. 4 марта, 7 часов вечера. Работают 950 человек. Настроение хорошее, есть перелом к лучшему. События в Кронштадте повлияли на некоторую часть рабочих, они рассказываются в происшедшем».

«По Балтийскому заводу. 5 марта, 11 часов утра. Всего работало около 1000 человек. Остальные разошлись домой. С понедельника все приступят к работе».

«Трубочный завод. 5 марта, 10 часов утра. Работают 915 человек. Чувствуется, что они пристыжены той ролью, которую играли во всей этой „волынке“».

«Сводка по Васильевскому острову. 8 марта. Балтийский завод работает. Слышится кронштадтская канонада, виден редкий и частый огонь. А так в районе все спокойно...»

ЗАГОВОРЩИКИ И ИХ ПОКРОВИТЕЛИ

Как я уже сказал, с первых же дней кронштадтского мятежа стала спадать волна «попышек» и забастовок в Петрограде.

Комсомольцы, как и коммунисты, вели повседневную агитрабoту, действовали на неустойчивых личным примером. Все чаще и чаще в сводках можно было прочесть такие слова: «Завод работает», «Молодежь работает вся», «Молодежь работает регулярно, каждый день. Никаких брожений и забастовок нет». Большинство коренных питерских пролетариев вовсе не поддавалось враждебной агитации и продолжало хранить верность Октябрю.

Но это не означало, что меньшевики и эсеры прекратили свою агитацию. Наоборот, они пытались ее усилить. И не все рабочие бесповоротно отошли от организаторов «волюнки». Кое-кто просто решил отложить выяснение своих разногласий с большевиками до лучших времен, до разгрома кронштадтских мятежников, явных белогвардейцев.

Все силы и помыслы нашей партии, комсомола и рабочего класса сводились к одной цели — быстрее разгромить белогвардейцев, надежно защитить завоевания Октября, ликвидировать кронштадтский мятеж.

А в победе мы не сомневались.

Нашему Коммунистическому батальону, в котором через несколько дней было уже около тысячи штыков, поручалась охрана и оборона все новых мест: островов Голодая, Вольного, Крестовского, Елагина, побережья Финского залива от Старой Деревни до Лахты. Далеко выдвинулись на запад наши заставы. Морские отряды при яхт-клубах также перешли в распоряжение Василеостровского ревкома. В их помещениях разместились боевые группы. На семиэтажных домах Галерной гавани были устроены сторожевые вышки, откуда мы вели круглосуточное наблюдение за Кронштадтом и ледяным покровом залива. Возродилась старинная Костыльская застава, охранявшая Сапкт-Петербург с запада в восемнадцатом и девятнадцатом столетиях.

Энергичный, волевой руководитель, Казанский вскоре был назначен командующим Северной группой войск, которым предстояло штурмовать мятежный Кронштадт. Наши комсомольцы тоже рвались на штурм Кронштадта, но получили решительный отказ.

Курсантские части ушли с Васильевского острова вместе с Казанским на северный участок. Других частей

Красной Армии на острове не оставалось. А флотские подразделения в Петрограде были ненадежны. Их старались хотя бы нейтрализовать, чтобы они не присоединились к кронштадтским мятежникам. Это были не те революционные матросы, которые штурмовали Зимний и охраняли Смольный. Те сразу же после Октября разскались по всей стране — устанавливать, укреплять и защищать Советскую власть. То были матросы-большевики. Многие из них в первые же месяцы гражданской войны ушли на фронты в составе экспедиционных отрядов.

Но военному флоту нужны были люди. На опустевшие корабли сначала шли добровольцы, а потом, в 1919—1920 годах, призывники. Так уж получилось, что основное пополнение для бездействовавшего флота давало в ту пору зажиточное крестьянство. Кулаки стремились пристроить своих сынков, не успевших уйти в банды, где потеплее и побезопаснее.

Анархистующие «клешники», «жоржики» и «иванморы» не желали защищать революцию и оборонять Родину, но всячески добивались для себя привилегированного положения. При этом они спекулировали на любви и уважении, которые испытывали трудящиеся к революционным матросам. «Клешники», «жоржики» и «иванморы» смешались с отсиживавшимися на фортах и кораблях «стариками». Это был тот самый человеческий материал, который использовали враги Советской власти для кронштадтского мятежа.

На кораблях Балтфлота и в береговых командах оставались буквально единицы большевиков. Они не в силах были справиться с развалом, анархией и разложением. Как печальный памятник тогдашнего флотского безначалия и беспорядка лежал на боку посреди Невы, напротив Морского училища, огромный белый корабль — госпитальное судно «Народоволец» (бывший «Трансбалт»). Корабль затонул за несколько месяцев до кронштадтского мятежа, затонул, как говорится, среди бела дня, у всех на глазах. Военно-морской суд определял причины катастрофы сразу: бесхозяйственность и халатность судовой команды и состава.

В обстановке разложения враждебная агитация в любой момент могла вызвать вспышку контрреволюционного восстания в самом Петрограде. И такие попытки были. Уже в первые дни кронштадтского мятежа на Васильевском острове и в других районах города появились вражеские лазутчики. Наши патрульные задержали десятки матросов с мятежного линейного корабля «Петропав-

ловск». Чекисты арестовали подозрительных лиц из флотского комсостава, а также генералов и офицеров, причастных к кронштадтским событиям.

Комитет обороны Петрограда объявил всех арестованных заложниками за наших товарищей, задержанных мятежниками в Кронштадте. Среди них были комиссар Балтфлота Н. Н. Кузьмин и председатель Кронштадтского Совета П. Д. Васильев. Заговорщики задержали было и председателя ВЦИКа Михаила Ивановича Калинина, приехавшего в ту пору в Кронштадт, но побоялись долго оставлять его у себя и вскорепустили. 4 марта Калинин уже выступал на заседании Петроградского Совета, обсуждавшем события в Кронштадте.

События развивались молниеносно. Вот что сообщалось о них 3 марта в газете «Известия ВЦИК»:

«Правительственное сообщение
о белогвардейском заговоре в Кронштадте
2 марта 1921 года

Уже 13 февраля 1921-го в парижской газете «Утро» появилась телеграмма из Гельсингфорса от 11 февраля о том, что будто бы в Кронштадте произошло восстание моряков против Советской власти. Французская контрразведка только несколько опередила события. Через несколько дней после указанного срока действительно начались события, ожидавшиеся и несомненно подготовлявшиеся французской контрразведкой. В Кронштадте и в Петрограде появились белогвардейские листовки. Во время арестов задержаны заведомые шпионы. В то же время правые эсеры начали усиленную агитацию среди рабочих, пользуясь трудным продовольственным и топливным положением. 28 февраля в Кронштадте начались волнения на корабле «Петропавловск». Была принята черпосотенно-эсеровская резолюция. 1 марта волнения на «Петропавловске» продолжались.

На общем собрании была вновь принята та же резолюция. 2 марта с утра уже открыто появилась на сцену группа бывшего генерала Козловского (начальника артиллерии); бывший генерал Козловский с 3 офицерами, фамилии коих еще не установлены, открыто выступили в роли мятежников. Под их руководством были арестованы комиссар Балтфлота т. Кузьмин, председатель Кронштадтского Совета т. Васильев и ряд других должностных лиц. Таким образом, смысл последних событий объяснился вполне. За спиной эсеров и на этот раз стоял царский генерал.

Ввиду всего этого Совет Труда и Оборона постановляет:

- 1) бывшего генерала Козловского и его сподвижников объявить вне закона,
- 2) город Петроград и Петроградскую губернию объявить на осадном положении,
- 3) всю полноту власти в Петроградском укрепленном районе передать Комитету обороны г. Петрограда.

Председатель Совета Труда и Оборона

В. Ульянов (Ленин)».

Что касается парижской газеты «Матэн» («Утро»), то она действительно попала впросак, напечатав 13 февраля телеграмму своего «гельсингфорского корреспондента» «о недавнем бунте матросов в Кронштадте». В то время появились лишь первые признаки «волыпки» в Петрограде, но никакого кронштадтского мятежа еще не было. Осведомленная, но болтливая «Матэн», в сущности, выставила уши заговора. Весь его звериный облик определился позже. И по облику этому легко было обнаружить истинных вдохновителей и организаторов кронштадтского «демократического» мятежа. Его инспирировали и раздули международные империалистические круги и их контрразведки, русские монархисты и эсеры-чрепосотенцы.

Как писали в те дни «Известия ВЦИК», «история о Колчаке, въезжающем к власти на спине эсеров, повторяется».

ШТУРМ

С наших наблюдательных пунктов, расположенных на высоких домах Гавани, на Дерибинских казармах, на зданиях радиозавода в Гребном порту, были хорошо видны снопы артиллерийской стрельбы. Шла огневая дуэль. Палили мятежники Кронштадта, наши батареи были по ним с южного берега Финского залива.

Особенно сильный обстрел позиций мятежников был предпринят ночью и утром 8 марта, во время общей атаки крепости и форта. Все крыши высоких домов в Гавани, на Чекушах и в других местах Васильевского острова в ту ночь заняли петроградцы, с тревогой наблюдавшие за ходом сражения.

Атака не принесла успеха.

После нее в городе ходили слухи о возможной ответной вылазке мятежников на лед. Ожидалось, что она будет предпринята в направлении западной окраины Петрограда. Было опасение, что мятеж перекинется в Петроград.

Напряжения возрастало.

Из тридцати семи делегатов Петроградской организации большевиков ни один не выехал в Москву для участия в работе X партийного съезда. Все они оставались в Питере и продолжали борьбу. В их числе был и руководитель нашей василеостровской тройки А. М. Аменицкий, а также часто приезжавший к нам Н. М. Анцелович.

Владимир Ильич Ленин, избранный на съезд питерскими коммунистами, представлял на нем Петроградскую партийную организацию.

К новому, окончательному штурму Кронштадта и его фортов готовились не только части Красной Армии. Им помогал весь большевистский, комсомольский, пролетарский Петроград. Рабочие Питера понимали, что мятежный Кронштадт может стать тем мостом, который необходим международному капитализму, чтобы вернуться в Россию.

Несмотря на отчаянную нужду, несмотря на голод, работницы Петрограда не отставали от мужчин, помогая близкому фронту. Например, портнихи Центральной и Второй государственной фабрик одежды в течение одних суток сшили пятнадцать тысяч белых маскировочных халатов для бойцов Красной Армии. Организаторы комсомольских коллективов этих фабрик Аня Вершинина и Маша Александрова были подлинными героями того дня.

Второе наступление на позиции мятежников, предпринятое 16—18 марта, проходило в иных, более благоприятных условиях. Прекращение «волыпки» в Питере, усиление войск артиллерией и авиацией, использование маскировки и других технических приемов способствовали победе. Большую роль в разгроме мятежа сыграли 279 делегатов X партийного съезда, влившиеся в ряды Красной Армии.

После первого штурма позиций кронштадтских мятежников мы хоронили погибших. Это были курсанты. Остались в памяти небольшой траурный митинг в помещении Военно-инженерной школы, скромная процессия, салют из винтовок. Победа еще не была достигнута. Город находился на осадном положении.

Многие погибшие во время второго штурма были похоронены в братской могиле на Якорной площади Кронштадта. Среди них покоится прах Герасима Фейгина.

22 марта было снято осадное положение. 25 марта состоялись торжественные похороны героев в Петрограде.

В Георгиевском зале Зимнего дворца (в то время он назывался Дворцом искусств) состоялась гражданская панихида. Затем рабочие и красноармейцы на руках вынесли гробы на Дворцовую площадь. Многие тысячи людей пришли сюда на траурный митинг. Когда он закончился, похоронная процессия двинулась к Александроневской лавре. Невский проспект (именовался он в ту пору проспектом 25-го Октября) от края до края заполнили рабочие, красноармейцы, матросы, служащие, учащиеся...

Эти похороны были, в сущности, первой, к тому же массовой и мощной демонстрацией единства и преданности трудящихся Петрограда делу революции за весь период «волынок» и контрреволюционного мятежа.

Расправились плечи коммунистов, заблестели глаза комсомольцев. Теснее, плечо к плечу, строились рабочие колонны. Снова повеяло пролетарским единством.

А в это время в госпиталях и больницах боролись со смертью наши товарищи, тяжело раненные при штурме Кронштадта. В Морском госпитале 5 апреля скончался большевик Павел Михайлович Войтик. 18 марта в рукопашных схватках на улицах Кронштадта он получил несколько ран, но продолжал сражаться, пока враг не был окончательно побежден.

Петерские комсомольцы хорошо знали товарища Павла. С его именем было связано возникновение одного из первых отрядов Социалистического союза рабочей молодежи Петрограда. С 1918 года Войтик сражался на фронтах гражданской войны. Будучи начальником политотдела Южного фронта, он приехал на X съезд партии и вместе с другими делегатами устремился на штурм мятежного Кронштадта, на защиту революции и родного красного Петрограда.

Мы каждый день приходили к Павлу Михайловичу в Морской госпиталь. Нас поражала его стойкость в борьбе со смертью. Мы просили, умоляли врачей спасти ему жизнь. Но, ослабленное тюрьмами, ссылками, тяжелыми испытаниями подполья, годами гражданской войны, не выдержало, остановилось сердце нашего дорогого товарища.

Гроб с телом Войтика пропесли мы на руках из Мор-

ского госпиталя через Калинин мост, мимо мрачного здания бывшего полицейского участка, где товарищ Павел создал первый легальный райком партии большевиков. Мы прошли с ним по Витебской улице, которая носит теперь имя П. М. Войтика, остановились у дома № 15, где он жил в 1915—1918 годах.

Похоронен Павел Михайлович на площади Коммунаров, в Никольском садике, рядом с героями революции матросами Астаховым, Мясниковым и другими.

Петроград провожал в последний путь многих своих защитников. А впереди его ждали новые испытания. Контрреволюция еще не была добита. Меньшевики и эсеры, потерпев поражение, не прекратили своей агитации. «Волюшка» кое-где давала о себе знать. Оставались непонятными некоторые причины недовольства рабочих. Предприятия Питера работали еще неустойчиво, с перерывами. По-прежнему не хватало топлива и сырья.

НАША СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ

Одной из мер, предпринятых для решения этих вопросов, для полной ликвидации «волюшки» и ее последствий, было созванное в Петрограде совещание делегатов от беспартийных рабочих. Совещанию предшествовала большая разъяснительная и организационная работа на всех фабриках и заводах. На каждом предприятии проводились собрания. Коммунисты и комсомольцы разъясняли рабочим политическую обстановку, задачи, стоявшие перед производственным коллективом.

1 апреля газеты опубликовали проект наказа делегатам. В течение десяти дней шли выборы делегатов на Общегородское совещание беспартийных рабочих и рабочих города Петрограда, созываемое Петроградским советом профессиональных союзов.

Всего было избрано более тысячи делегатов, в основном беспартийных. В числе избранных было немало замаскированных меньшевиков, эсеров, анархистов и других врагов Советской власти. Членов Коммунистической партии среди делегатов было очень немного.

Общегородское совещание шло в течение десяти дней (с 10 по 20 апреля 1921 года) в знаменитом Митинговом зале Дворца труда. С первых же минут на совещании развернулась ожесточенная борьба за влияние на рабочие массы, борьба против меньшевиков, эсеров, анархистов и их пособников, которые под флагом «беспартийности»

пытались всеми способами повернуть делегатов против Советской власти, а в случае неудачи — сорвать совещание.

В качестве представителей всех советских и общественных организаций в большой состав президиума совещания были введены только пять коммунистов. Среди них был и председатель совета профсоюзов Анцелович. Несмотря на столь немногочисленную группу коммунистов, на совещании неоднократно ставился вопрос о переизбрании президиума. С целью изгнания большевиков вносились предложения о лишении их мандатов. Меня, например, делегатом на совещание избрали рабочие шорпо-седельной фабрики (бывшая Саноп), но мандатная комиссия лишила меня права решающего голоса. Так было и с некоторыми другими коммунистами.

С самого начала заседаний совещание неоднократно выражало желание услышать Ленина. Люди хотели, чтобы Ленин помог им разобраться в сложности политической обстановки. Спекулируя на этом желании делегатов, вражеские прихвостни посылали в президиум записки уже иного тона: «Предложить Ленину приехать и отчитаться», «обязать его», «потребовать от него» и т. д.

Десять дней упорной борьбы не прошли даром. Большевики завоевали твердое большинство делегатов совещания. Все резолюции и решения, принятые совещанием при побольшом числе голосов против, были направлены на совместную работу коммунистов и беспартийных. Меньшевикам, эсерам и иже с ними не удалось расколоть рабочих Питера, противопоставить беспартийных коммунистам.

Большую роль в достижении этого результата сыграло письмо Владимира Ильича Ленина, оглашенное на совещании. Ленин писал: «Я очень жалею, что мне не удалось приехать в Петроград по вашему предложению. Приветствую от всей души беспартийное совещание... Желаю всякого успеха в работах и в особенности прошу обратить внимание на необходимость выделить сейчас и выдвигать постоянно побольше беспартийных рабочих и крестьян к делу хозяйственного строительства».

Советы В. И. Ленина помогли нам покончить с «волынкой» и последствиями кропштадтского мятежа.

ИСПЫТАННОЕ ОРУЖИЕ ПРОЛЕТАРИАТА

Часто на встречах с молодежью меня просят рассказать о нэпе. О пелегком для нашего государства времени, когда во имя выхода из железного кольца разрухи, во имя укрепления единства пролетариата и крестьянства мы сделали шаг назад. Отступили для того, чтобы собрать силы и уже решительно двинуть вперед дело социалистического переустройства страны.

Всего о нэпе в короткой главе не расскажешь, да собственно я и собираюсь рассказать лишь об одном эпизоде того времени. Но мне он кажется важным, и вот почему. Нередко у сегодняшней молодежи представление о нэпе складывается по кинофильмам. А на экран зачастую попадает лишь атрибутика нэпа, а не его существо. Мы видим рестораны, шампанское, осетрину, разряженных нэпманов и нэпмаш — купеческий разгул. Сквозь стекла в ресторан заглядывают рабочие парни, и не поймешь, что же выражают их глаза.

Может быть, я пристрастен, но не доводилось мне видеть ни одного фильма, где бы была показана организованная борьба рабочих против нэпманов. Вроде бы нэп исчез сам собой или лишь под напором государственных предприятий.

Нет. Наступление на нэпманов велось и с фронта, и с тыла.

Под фронтом я разумею молодую социалистическую промышленность, а под тылом — классовую борьбу рабочих частного сектора. Кстати, о них и подавно почти никогда не вспоминают. А если и покажут молодого парня, работающего на хозяина, то уж почти обязательно он «неустойчивый», «польстился», «продался» и т. д. Обязательно комсомольцы стыдят его, стараются вырвать его из «лап эксплуататора», то есть попросту заставить уйти от хозяина.

Авторы подобных произведений грешат против исторической правды, увлекаются заманчивой псевдореволюционностью.

Хочу возразить им.

Во-первых, нэп — это политика государственная. Нэп-

ман был нужен стране. А напман без рабочего — что поп без прихожап. Что с него толку? Что сам он сможет произвести и продать? Ничего. Яснее ясного — нап предполагал паличие рабочих частного сектора.

Во-вторых, насчет «неустойчивых». Уйти от хозяппа? А куда? На Бирже труда состояли на учете тысячи безработных. Их не могли принять не только государственная промышленность, но и частный сектор. Куда вытягивают «полюстившихся» комсомольцы?

Нет, борьба с напманами была совсем не так проста и примитивна. Много трудней и много сложнее. Вот об одном из моментов этой острой классовой борьбы я и хочу рассказать.

Нап открыл широкую дорогу частному предпринимательству, но большинство из появивленных хозяев из всех сфер избрало торговлю. Им казалось, что здесь они могут легче и быстрее набить карманы, а главное — безопаснее.

В короткое время на Невском проспекте и на Садовой, в Гостином дворе и в Апраксином рыпке, на всех людных улицах и площадях открылись тысячи частных магазинов. Государственная торговля поначалу не могла с ними тягаться на равных.

За семь лет непрерывной войпы народ изголодался и обносился. Росло новое поколение, и его тоже надо было одеть и обуть.

Миллионы трудящихся собирали свои рубли и копейки и несли их в магазины напманов.

Для того чтобы торговать, напманам нужны были товары: одежда, обувь, мебель, белье и многое другое. Откуда же все это бралось? Конечно, существовал частный сектор в промышленности, но не столь значительный, чтобы он мог удовлетворить потребности частной торговли. Большинство «хозяев», зарясь на легкую наживу, понимая непрочность своего положения при Советской власти, предпочитали не открывать фабрик, заводов и крупных мастерских, избегали вкладывать значительные средства в производство.

Действовали они испытанным методом: «покупали» у рабочих-надомников продукты их труда, изготовленные из материалов, «любезно продаваемых» рабочим опять же хозяевами магазинов, которые в свою очередь приобретали это сырье — кожу, овчину, полотно и т. д. — у крестьян по более низким ценам.

Десятки тысяч надомников работали тогда на частных хозяйчиков в одном только Петрограде.

Хитросплетенная фикция «купля-продажи» прикрыва-

ла беззащитную и, по существу, безнаказанную эксплуатацию. Позволяла хозяевам произвольно назначать цены на продаваемые материалы и покупаемые товары. Избавляла их от хлопот производства. Оберегала от ответственности за своих рабочих перед советскими органами, профсоюзами, инспекцией охраны труда... Потому что формально это были не их рабочие, а лишь кустари-поставщики, причем многие «нелегальные». Ну и конечно же этот ловкий ход страховал хозяев от «всяческих неприятностей» в отношениях со своими рабочими — неорганизованными, разобщенными, полностью зависимыми.

Короче говоря, нэпманы-торговцы не пахали и не сеяли, а урожай собирали, да еще какой! Особенно процветали такие порядки в начальный период нэпа.

Хозяева веселились. Работавшие на них кустари страдали, но и их терпению приходил конец. Они поднимались на борьбу, но поначалу нэпманам удавалось справиться с неорганизованными выступлениями.

В Ленинграде в конце марта 1924 года, перед самым сезоном особого спроса на обувь, неожиданно начались сокращения штатов и ликвидация обувных частных мастерских. Кампания эта шла под предлогом «убыточности дела» или «застоя в торговле».

Но чувствовалось, что это локаут, наступление хозяев на поднимающих голову рабочих-обувщиков. А было их немало.

В то время в Ленинграде под профсоюзным контролем работали только тридцать восемь частных обувных мастерских и двенадцать магазинов с официально прикрепленными к ним надомниками. Остальные две сотни частных магазинов пользовались трудом «нелегальных» надомников.

Еще за два года до этих событий меня, как представителя Петроградского комитета РКСМ в Губпрофсовете, рабоче-сапожники избрали членом правления союза кожевников, а затем и депутатом от них в Петроградский Совет рабочих депутатов. Помимо этого, я стал председателем впервые образованного Общегородского комитета рабочих частных предприятий.

В начале двадцатых годов комсомол во все профсоюзные органы направил своих делегатов. Чем только не приходилось нам заниматься: и бронированием рабочих мест для подростков на предприятиях, и устройством беспризорников, и созданием первых школ ФЗУ, и организацией мастерских для безработной молодежи...

С началом нэпа работы прибавилось. Теперь, как говорится, приходилось бороться не только с объективными экономическими трудностями, но и с субъективными — с хищническими устремлениями скоробогатеев.

Я уже не говорю о всех трудностях и шатапиях, которые переживал в это время комсомол и которые тоже очень непросто было преодолеть.

Ну а моя жизнь была теперь тесно связана с жизнью и работой разбросанных по всему городу обувщиков. Не раз выступал я на заседаниях Совета, добиваясь коренного изменения условий труда сапожников-надомников, обуздания нэпманов. Но это мало помогало.

При полном сочувствии к интересам надомников, у которых и выхода-то другого не было, как только идти в кабалу к хозяину, советские руководители лишь разводили руками:

— Официально ничем помочь не можем. Нет сейчас такого закона, чтобы заставить владельцев магазинов выполнить ваши требования. Вы же понимаете — нэп! Начинайте сами. А мы поддержим...

И вот теперь, кажется, час настал. Надомники-«нелегалы» сами стали поднимать голову, и можно было начать «вытаскивать» их, но не от хозяина, а к хозяину — в мастерскую.

Правда, сразу, как развернулся локаут нэпманов, мы посчитали их ссылки на убыточность, конкуренцию и т. д. убедительными. И даже (сегодня это покажется парадоксом) усиленно работали над устранением этих препятствий законным путем. Мы бросились спасать нэпманов? Не совсем так. Мы стремились не допустить закрытия частных магазинов и мастерских, которые государственная торговля и промышленность пока что заменить не могли при всем желании.

Все противоречия сплелись в один клубок. Владельцы мастерских заявляли, что им трудно выдержать конкуренцию с магазинами, торгующими обувью, пошитой надомниками. У тех затраты, мол, меньше. Так и было. И разумеется, мастерские лучше и для нас, и для рабочих. Они под контролем государственных органов и профсоюзов. А «нелегалы» в полной власти магазинов.

Мы пересмотрели нормы и разряды в отдельных мастерских. Составили докладную записку в Губисполком об увеличении на пятьдесят процентов налога с владельцев, торгующих обувью несобственного производства, с целью уменьшения конкуренции для мастерских. Провели полное обследование пятисот безработных сапожни-

ков, выявили нелегально работающих, составили акты на их хозяев, передали восемнадцать дел в Трудовую сессию пародного суда.

На этих нэпманов посыпались штрафы (в сто и тысячу рублей). Но владельцы магазинов не изменили своей линии, продолжая скрытую борьбу против мастерских. Особенно упорствовали Раков, Драгилев и фирма «Маркеряч».

Тогда и в Общегородском профсоюзном комитете, и среди самих рабочих стала крепнуть мысль о стачке.

Пришлось достать из арсенала пролетариата давнее и испытанное оружие классовой борьбы.

Но не успели мы еще подготовиться к стачке, а по городу уже поволокли слухи. Еще бы — забастовка. Сколько лет уже Ленинград не слышал этого слова. И вдруг — вот оно. При большевиках-то! При власти пролетариата!

Распространители слухов звали «из самых достоверных источников», что бастовать будут триста тысяч рабочих и что «остальные тоже беспокойны».

«Бывшие» радостно потирали руки: неужто предвестие конца большевистской власти?

ПОДГОТОВКА СТАЧКИ

Разумеется, чтобы окончательно решить вопрос об объявлении забастовки, нам необходимо было заручиться согласием и поддержкой как своего профсоюза рабочих-кожевников, так и профсоюза советских и торговых служащих, а также и Ленинградского губпрофсовета. Такое согласие было дано и поддержка обещана.

Особенно радовала нас поддержка профсоюза работников прилавка. Члены этого союза — служащие частных обувных магазинов — могли дать самые точные сведения об оборотах в магазинах, мощности каждого из нэпманов и, главное, о нелегальных рабочих, скрываемых частниками.

На общем собрании рабочих-сапожников частных мастерских и магазинов, созванном 2 апреля 1924 года во Дворце труда специально для обсуждения вопроса о стачке, было решено бастовать. Собрание одобрило подготовленные требования к нэпманам.

На собрание мы пригласили Сергея Васильевича Адашева, и он здорово нам помог. Адашев — член большевистской партии с 1905 года, сам рабочий-сапожник — подробно рассказывал, как в царское время они готовили и проводили стачки.

Конечно, у нас — в основном молодых профсоюзных руководителей — этого опыта не было. А после наставлений Сергея Васильевича и мы почувствовали себя уверенней, и у собравшихся сапожников заметно поднялся дух: Поверили: уж если при царе побеждали, то при Советской власти и тем более победим. Молодые ребята, так те просто радовались. Как же, предстоит неизведанная доселе борьба.

Для руководства общегородской забастовкой в стачечный комитет были избраны пятеро товарищей. Меня назначили председателем стачкома.

В тот же день я уже выступал на общем собрании продавцов частных обувных магазинов. Все им растолковал и призвал присоединиться к нашей забастовке.

После долгих споров и рассуждений продавцы все же решили и нас поддержать, и самим бастовать во всех частных обувных магазинах города. Выделили они и трех представителей в объединенный стачечный комитет.

Стачка объявлена!

Как только в городе узнали, что бастуют только сапожники и продавцы частных мастерских и магазинов, что забастовка организована профсоюзом кожевников и что уступок хозяйчикам не будет, весь «старый Петроград» и нэпманский «полусвет» встревожился и приуныл.

Пришлось им сменить пластинку. Слухи о забастовке рабочих против Советской власти теперь уже не проходили. Нэпманам впору было заботиться о своем будущем.

В самом деле, лиха беда — начало. Сегодня бастуют сапожники, а завтра — портные, а послезавтра — белешвейки в магазинах белья и готового платья, а там глядишь — вязальщицы, мебельщики, вышивальщицы, ювелиры, шапочники, и пойдет, и пойдет.

Эксплуатация рабочего-надомника — это для нэпмана самое милое дело. Частный хозяйчик только тем и дышит, что кого-нибудь душит. А тут не надо содержать мастерскую, не надо иметь дело с Инспекцией охраны труда и профсоюзом, не надо платить взносы в соцстрах, выдавать спецодежду, заботиться о нуждах и здоровье рабочих, оплачивать отпуска...

Во вторник, 1 апреля, были предъявлены наши требования к владельцам 199 известных нам частных магазинов обуви в Ленинграде. Срок для ответа был дан до пяти часов дня 2 апреля.

Требования были двойные.

Первые — к владельцам магазинов обуви, уже имевшим мастерские или законно прикрепленных рабочих-надомников:

а) дать обязательство не выдавать заказы на работу «на сторону» — нелегальным надомникам, кустарям и «патентщикам», изготавливающим обувь как из своего материала, так и из материала владельца магазина;

б) дать обязательство не производить никаких сокращений штатов или ликвидации мастерской в течение шести месяцев. В случае, если по каким-либо причинам, с разрешения РКК или профсоюзного комитета, будет произведено сокращение штатов или ликвидация мастерской, то предприниматель обязуется уплатить рабочим выходное пособие независимо от того, были ли предупреждены трудящиеся о предстоящем увольнении.

Другие требования были предъявлены владельцам магазинов обуви, не имевшим мастерских или законно прикрепленных надомников:

а) дать обязательство не выдавать работу «на сторону» — нелегальным надомникам, кустарям и «патентщикам», изготавливающим обувь как из своего материала, так и из товара владельца магазина;

б) прикрепить к своему магазину рабочих-надомников и открыть для них мастерскую. Количество рабочих устанавливается исходя из производственных возможностей предприятия, путем переговоров владельца магазина со стачечным комитетом.

Результат этих требований сказался сразу. До назначенного срока явились и подписали соглашения в стачечном комитете пятнадцать владельцев наиболее крупных мастерских. Трое других магазинеров закрепили за своими магазинами двадцать семь рабочих.

Эта первая, еще до начала стачки, победа прибавила нам уверенности в наших силах.

По отношению ко всем хозяевам, не подписавшим требования до срока, было решено применить энергичные меры: с девяти часов утра 3 апреля начать забастовку рабочих частных мастерских, ватем снять с работы служащих магазинов, вывесить там плакаты, выставить пикеты бастующих и объявить бойкот торговли.

Работа была точно распределена между членами стачкома. Трое товарищей назначены для переговоров с являющимися в стачком предпринимателями и для заключения с ними соглашений, другие трое — для руководства оперативной стачечной борьбой.

Ленинград был разбит на одиннадцать участков, и в

каждый назначен уполномоченный стачкома из активных забастовщиков.

О всех действиях стачкома ежедневно давались сводки в Губпрофсовет, союз кожевников, союз совторгслужащих и в райком партии.

Предвидя отпор нэпманов, мы подготовили еще и дополнительные требования к ним: в течение шести месяцев не увольнять никого из бастовавших. Кроме того, владельцы мастерских, уволившие своих рабочих во время скрытного локаута, должны были принять их обратно. Нэпманы обязывались нести все расходы по стачке и уплатить за эти дни всем бастовавшим рабочим и служащим.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ СТАЧКИ

3 апреля рабочие мастерских, хозяева которых не подписали соглашения, на работу не вышли, а собрались в стачкоме. Из них составили пикеты, снабдив плакатами, лозунгами, мандатами и т. д.

И вот, когда начинался самый разгар торговли, около часу дня, стачком сразу отправил всю смену пикетчиков. Через какой-нибудь час по всему городу в частных обувных магазинах, числом около двухсот (кроме подписавших уже требования забастовщиков), были сняты с работы служащие-продавцы, а за ними вышли вон и все покупатели.

На окна и витрины наклеивались плакаты, призывавшие не покупать обувь в этом магазине. У входов были поставлены пикеты. Пикетчики объясняли людям причины забастовки и требовали поддержать бойкот частных магазинов.

В эти первые часы забастовки мне довелось наблюдать такие сцены.

Вот у витрины одного из магазинов сапожник-пикетчик тычет пальцем в элегантный дамский ботинок за стеклом, на котором значится цена — сорок пять рублей, и разъяряет собравшихся:

— Наш брат за такую пару больше десятки не получает. А «он», не болевши, не хворавши, не меньше двадцати пяти себе в карман кладет.

«Он» тут же, смотрит на улицу через стеклянную дверь и презрительно улыбается. Толпа поднимает шум и свист. «Он» вынужден удалиться в глубь магазина.

Но не все так сразу удаляются. Большинство хозяев, их родственники и приспешники зазывают людей в мага-

вины, уговаривают не обращать внимания на «незаконные» действия бастующих, соблазняют покупателей «специально пониженными ценами» и скидкой за поддержку «коммерции», «ввиду распродажи» и т. д.

Цены в витринах на глазах у публики падают. На бутинках вместо ценника «40 рублей» появляется ценник «30 рублей». На туфельках вместо «20» появляется цена «12 рублей».

Соблазн велик, но вместо покупательского энтузиазма это «добровольное снижение цен» вызывает громкий смех и возгласы:

— По рублю штука! Валяй! Стачкому предложи. Может быть, купит.

То у одного, то у другого пикета собираются настоящие митинги. Но тут не только сочувствующие забастовщикам, а и пэпманская публика, стремящаяся сорвать плакаты, оттеснить пикетчиков от дверей магазинов, угрожающая им расправой «от собственных рук».

Но сторонников стачки, поддерживающих бойкот, становится все больше и больше. Этому росту солидарности с бастующими конечно же очень помогли газеты «Ленинградская правда», «Красная газета» и «Вечерняя Красная газета», которые уже в этот день поместили много материалов о стачке: и наши требования, и воззвание стачкома, и отчеты об общих собраниях бастующих, и статьи о причинах стачки, и даже сообщение о наших первых победах. Все время, пока продолжалась стачка, нас поддерживали не только ленинградские, но и московские газеты, и даже центральная «Правда».

К пикетчикам уже спешили добровольные помощники. Первыми пришли студенты Ленинградского Коммунистического университета. Ох и досталось же от этих «подкованных» ребят и девчат пэпманам и их «адвокатам».

Потом прибыла новая сила — рабфаковцы. Они разрушили все надежды хозяев на то, что пикетчикам и комвузовцам надоеет поддерживать бойкот, встать бесконечные споры, объяснять людям что к чему, и они уйдут от магазинов хотя бы вечером, дадут возможность торговать.

Нет, пикеты не снимались и вечерами.

Стачка сразу подействовала на хозяев, как обухом ударила по упрямым головам. Зашевелились... Побежали сначала к юристам за помощью. Потом с жалобами на бастующих в отдел торговли, в финансовые отделы, в милицию и т. д. Везде искали поддержки и защиты.

И только после этой безрезультатной беготни являлись уже к нам в стачком на Троицкую улицу (теперь —

Рубинштейна), в дом № 1. Здесь в комнатах, где проходил прием хозяев, стоял гвалт и лились крокодиловы слезы. А рядом, в других комнатах, собиралась очередная смена пикетов. Забастовщики сидели спокойно и обсуждали ход стачки, прислушиваясь к шуму и голосам хозяев, посмеивались...

Хозяев утихомирили. Выстроили в очередь... Посчитали — в первый день явились семьдесят человек.

— Ну, будет работа,— вздыхали мои товарищи стачкомовцы, назначенные для приема хозяев. А сами рады-радехоны. По одному впускали хозяев в комнату. Разговор короткий:

— Требования читали?

— Читал.

— Поняли?

— Д-да, в целом, так сказать.

— Согласны?

— Видите ли, не совсем... Мне надо выяснить... поговорить с компаньоном. И потом, сколько вы предложите мне взять рабочих?

Таких, которые пришли в первый день поторговаться, пощупать почву, было порядочно. С ними разговор дальше не вели.

— Вы свободны. Можете идти домой. Подумайте. Следующий!

Другие сразу, конкретно, деловито ставили вопрос:

— Сколько предлагаете рабочих?

— Пятнадцать человек.

— Не могу согласиться. Мой магазин может выдержать только десять.

Вот с этими начинали обсуждать детали и приходили к соглашению.

Владельцы магазинов, уже имевшие мастерские, в большинстве почти без пререканий подписывали все требования, упирались только на одном пункте: принимать обратно уволенных рабочих не хотели. Но стачком и здесь добивался своего.

Находились и ловкачи, которые, смиренно опустив головы, просили:

— Разрешите мне ликвидировать магазин?

— Это ваше дело. Мы не можем разрешать то, что не входит в наше ведение.

— И пикеты вы снимите?

— Нет.

— А как же я распродам остатки обуви при пикетах?

— Это опять уже ваше дело.

И, увидев, что стачечный комитет на кривой не объедешь, хозяйчики начинали торговаться о количестве закрепляемых за магазином рабочих.

В первые часы казалось, что забастовка победит в один день. Как уже говорилось, многие магазинеры сейчас же пошли в стачком «сдаваться», но другие вдруг стали проявлять неожиданное упорство. Это дошли до них слухи, что владельцы прочих магазинов и вообще хозяйчики различного рода частных предприятий решили поддержать своих бойкотируемых коллег. Они решили, что первый бой с рабочими надо выиграть любой ценой.

Но и стачком намеревался во что бы то ни стало выиграть первый бой с хозяйчиками.

Всего за первый день забастовки соглашения подписали двадцать четыре хозяина, в числе их владелец крупнейшей старинной фирмы «Генрих Вейс».

А вечером на заседании стачкома уполномоченные доложили о новых обнаруженных ими магазинах, до сих пор нам неизвестных. Их хозяевам также были предъявлены требования и дан срок до завтра...

ВТОРОЙ ДЕНЬ

Работа кипит... Все дальше забирает стачком: охватил и крепко зажал предпринимателей центра города, достал напмапов Выборгской и Петроградской стороны, Васильевского острова, Охты, Нарвской заставы и Лиговки. Забросил своих пикетчиков и в село Смоленское. Добрался до Вырицы, где под покровительством «святого» братца Иванушки Чурикова хозяйничал крупнейший владелец ленинградских обувных магазинов и местных мастерских Раков.

Даже неприступный до сих пор и для профсоюзов, и для милиции, и для Инспекции охраны труда Ново-Александровский рынок побежден, и его заправилы стоят в приемной стачкома, ожидая своей очереди. Андреевский, Мальцевский, Мариинский и другие рынки сдались раньше.

Мы в стачкоме чувствуем себя уверенно: за нами сила бастующих обувщиков, продавцов, за нами солидарность рабочего класса страпы. Из многих городов приходят в стачком телеграммы. Такие же рабочие сапожники, кожевники, башмачники, заготовщики — приветствуют, поддерживают, поздравляют, обещают помощь.

Центральные комитеты союза кожевников и союза советских торговых служащих, Ленинградский губпроф-

совет, местные профсоюзы и райкомы партии присылают письма и своих представителей: «Держитесь стойко. Поддержим».

Но хозяева еще пытаются повернуть судьбу к себе лицом. Пошли на взятки и подкупы, но ни подарки, ни подпошнения не помогли сломить рабочих. Правда, появились было изменники, штрейкбрехеры, хозяйские блюдолизы... В семье не без урода. Но их оказались единицы, да и те мгновенно исчезли под напором бастующих.

И растет у рабочих уверенность в победе. Падают духом хозяйчики. Нет им поддержки в Советской Республике... С поникшей головой один за одним идут они в стачком.

Однако педальповидные «обувные короли» — Раков, Леоптьев, Лин, Магалиф — сопротивляются до последней возможности.

ПОБЕДА РАБОЧИХ

Проходят третий, четвертый и пятый дни стачки... И вот все хозяева свалепы. Даже «короли» и те сдались. Осталась мелкая хозяйская сошка, перед которой дилемма: закрыть свои заведения или подписать соглашения... Накопец и они подписали.

Кончилась стачка. Мы подсчитали результаты. Теперь имеем дело со 137 предпринимателями, владельцами обувных мастерских и магазинов, где трудится не одна тысяча рабочих и продавцов.

Заклучены соглашения, подписаны условия. Нужно будет послать хозяевам 373 новых рабочих. Таким образом разгрузим Биржу труда от безработных сапожников, заготовщиков, башмачников... Их там давно зарегистрировано более пятисот человек. Ходят на отметку, ждут работы. Не стерпев нужды, некоторые идут в «нелегальную» кабалу к магазинерам... Но теперь этому положен конец.

...На работу мы посылали с разбором. Стачком стремился, чтобы в каждую мастерскую попал хотя бы один наш активист. Он бы мог организовать остальных рабочих, вести борьбу с хозяйскими махинациями. Конечно, напманы, узнавая в числе присланных новых рабочих недавних пикетчиков, пытались сразу же от них отделаться. Но тут стачком на попятную не шел, стоял на своем.

...14 апреля огромный Митинговый зал Дворца труда заполнили рабочие-обувщики и служащие частных магазинов. Пришли и многие наши добровольные помощники

агитаторы, студенты Комвуза и рабочих факультетов. Настроение радостное. Одержана полная победа в схватке с напманами.

Сегодня подводятся итоги стачки. Отчитывается стачком.

Каковы же главные из этих итогов?

Прежде всего, стачка подняла дух и классовое самосознание рабочих частнообувной промышленности — сапожников, пожалуй, самой отсталой и наиболее эксплуатируемой части питерского пролетариата. Теперь они почувствовали свою силу, убедились в поддержке профсоюза и Советской власти. Почувствовали силу рабочей солидарности, перед которой напманам не устоять.

Далее, частные предприниматели вынуждены были прекратить нещадную эксплуатацию бесправных надомников. Теперь напманы открывали мастерские, вкладывали деньги в производство, за своих рабочих несли ответственность по всей полноте советских законов.

Стачка освободила тесные жилища квартирников и их семей от производства и связанных с ним грязи, запахов и отходов. Именно благодаря победе стачки, благодаря переводу производства из жилья квартирника и его семьи в мастерские частных владельцев.

Стачка лишила частных возможности маневра, возможности организовать локауты под предлогом «объективных» трудностей коммерции. Раньше владельцы предприятий чуть что — ссылались на убыточность содержания мастерских при наличии магазинеров, «покупающих» обувь у надомников и оттого более конкурентоспособных. Теперь этот козырь бит — мастерские имеют все.

Наконец, почти четыреста безработных смогли покинуть Биржу труда, многие рабочие, ранее уволенные напманами, вернулись в мастерские. Сегодня, может быть, трудно оценить значение этого факта. Но тогда, в разгар напа, когда безработица все еще свирепствовала, когда драка шла буквально за каждое рабочее место, это была победа огромная.

Вот теперь впору вернуться к тому, о чем писал я в самом начале этой главы. Стачка решила много проблем. Но итоги ее, с точки зрения сегодняшней, могут показаться противоречивыми, — ведь, в конце концов, она не ослабила, а даже усилила частный сектор. Да, это так, но здесь не вся правда.

Попробуем разобраться. Для рабочих-обувщиков выгода ясна. Для всех питерцев — тоже: магазины не закрылись.

Напман остался, но теперь он был вынужден развивать и производство, вкладывать в него капитал. И вот здесь выигрыш получался двойной. Во-первых, нап не вечен, и на своем исходе он оставит теперь не пустое место, а производственную базу, которая перейдет государству. А во-вторых, напманы уже тогда, создавая мастерские, сами приближали свой исход потому, что от этого выигрывали государственные обувные фабрики, государственная торговля. Им теперь легче было конкурировать с напманами, также несущими расходы по производству.

Победа нашей общегородской стачки, которой радовались все ленинградцы, о которой писали многие газеты, вызвала целую волну забастовок рабочих частного сектора не только в нашем городе, но и в других местах страны.

Несколько лет вели рабочие классовую борьбу с остатками эксплуататоров. И эта борьба завершилась победой. Из напа поднималась новая индустриальная, социалистическая страна.

И на государственных предприятиях бывшие «надомники», забастовщики, пикетчики выполняли теперь планы новых пятилеток, строили социализм, закладывали фундамент коммунизма.

* * *

...Незабываемые двадцатые годы. Трудные и радостные!

Браги Советской власти еще не смирились со своим поражением, еще плели сети новых заговоров и мятежей. На границах Республики было неспокойно, в лесах еще гремели выстрелы бандитских обстрелов. Люди еще жили голодно. Растоптанные войной деревни бедствовали. Города душила безработица...

Но уже открыли двери фабзавучи и школы, тысячи культурмейцев, по ленинскому призыву сменив винтовку на карандаш и букварь, двинулись на неграмотность. Люди поднялись на субботники. Прослулся Петроградский порт, пришли в него корабли. Путиловский завод получил уголь и чугун, раскалились мартены. Запыхтели у вокзалов паровозы. Зашевелились крапы Адмиралтейской верфи. Загудели станки на Металлическом заводе. Дали первый ток первые советские турбины и генераторы. Загорелись первые лампочки ГОЭЛРО...

И осветили они возрождающуюся страну, сбрасывающую коросту разрухи, строящую новую, социалистическую жизнь.

Осуществлялась мечта, за которую рядом с коммунистами на всех бесчисленных фронтах революции сражались сотни тысяч юных бойцов-комсомольцев.

Перед страной стояли новые огромные задачи, и воспитанники партии, комсомольцы революционного призыва, по-прежнему были на переднем крае борьбы. По-разному сложились их судьбы; жизнь, работа разбросали первых питерских комсомольцев по всей нашей необъятной стране.

Не так уж часто в те далекие двадцатые годы доводилось мне видеться с иными друзьями моей юности. Но встречи бывали, и особенно памятна одна из них.

В мае 1928 года я как делегат от Краснознаменного Балтийского флота приехал в Москву на Восьмой съезд ВЛКСМ. Здесь и повстречал я многих своих давних товарищей. И радовались мы вдвойне. На том съезде за заслуги перед Родиной в годы гражданской войны комсомолу был вручен его первый орден — орден Красного Знамени.

Так высоко наш народ, наша партия оценили борьбу и работу комсомола — Ленинского Коммунистического Союза Молодежи, рожденного в огне революции, закаленного в горниле гражданской войны.

СОДЕРЖАНИЕ

О КНИГЕ И ОБ АВТОРЕ	3
ЮНОСТЬ В СТАРОЙ КОЛОМНЕ	5
ВСТАНЬ В СТРОЙ БОЙЦОВ	47
ПОД КРАСНЫЕ ЗНАМЕНА РЕВОЛЮЦИИ	59
НАКАНУНЕ	83
ПРИКАЗАНО ВЫСТУПАТЬ	102
ШИНЕЛИ ДЛЯ СОЛДАТ РЕВОЛЮЦИИ	120
РОССИЙСКИЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ	132
ДОСТОЯНИЕ НАРОДА	159
В ПЕТРОГРАД ПРИЕХАЛ ЛЕНИН	186
РАЙКОМ ВСЕГДА ОТКРЫТ	197
ВОИНСТВЕННАЯ ПЕСНЬ ОЛОФЕРНА	238
КОММУНИЗМ СОЗДАВАТЬ МОЛОДЫМ	248
ТРУДНЫЙ ПЕРЕВАЛ	276
СТАЧКА	297

**Павел Иванович
УСАНОВ**

**ЗДРАВСТВУЙ,
ТОВАРИЩ РАЙКОМ!**

**Литературная запись
В. Ф. ЛЕПЕТЮХИНА**

**Заведующий редакцией
Ю. А. ВАСИЛЬЕВ**

**Редактор
А. Н. АФАНАСЬЕВ**

**Младший редактор
М. В. ТОСКИНА**

**Кудожник
И. П. САМОЛИН**

**Кудожественный редактор
А. К. ТИМОШЕВСКИЙ**

**Технический редактор
Л. П. НИКИТИНА**

**Корректор
Л. М. ВАН-ЗААМ**

ИБ № 2715

Сдано в набор 20.04.84. Подписано к печати 27.08.84. М-13901.
Формат 84×108¹/₂. Бумага тип. № 3. Гарн. Обыкн. новая.
Печать высокая. Усл. печ. л. 16,38+вкл. Усл. кр. отт. 17,64.
Уч.-изд. л. 18,21+0,58=18,79. Тираж 60 000 экз. Заказ № 421.
Цена 95 коп. Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат.
191023, Ленинград, Фонтанка, 69. Ордена Трудового Красного
Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023,
Ленинград, Фонтанка, 57.

